

Кэрол Мэттьюс

• РОСМЭН •

Мегаполис

В радости
и в горе

ОНА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

От Джози уходит муж. И ей кажется, что ничего ужаснее быть не может. Но жизнь идет своим чередом, и ей предстоит отправиться за океан — в Америку, на свадьбу своей сестры. Впервые она уезжает из дома так далеко и одна. За это недолгое путешествие ей предстоит многое понять и переоценить, а еще — встретить новую любовь.

- [Кэрол Мэттьюс](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)

- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)

○

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Кэрол Мэттьюс

В радости и в горе

*Кевину — за то, что показал мне любовь, в которую я всегда
верила...*

Глава 1

— Я все еще думаю о тебе. — За этим наступила пауза, из которой можно было заключить, что здесь должна следовать реплика Джози. Поскольку таковой не последовало, Дэмиен добавил: — Много думаю.

Джози зажмурилась так, что красные круги пошли перед глазами, и вздохнула в телефонную трубку.

— Я тоже много думаю о тебе, Дэмиен. В основном мечтаю о том, как бы сделать тебе побольнее. — В последнее время это были мечты о том, чтобы тпнуть его топором по голове, выиграть в лотерею, или о том, чтобы в нее безнадежно влюбился Ивэн Макгрегор. — Как ни смешно, но именно так ты поступил со мной.

Она пропустила меж пальцев прядь своих волос тоскливого русого цвета и уже не в первый раз подумала, что надо бы их перекрасить в какой-нибудь из этих мерцающих модных оттенков, о которых постоянно твердят в телепрограммах о «преодолении» и «самоизменении». Пойдет ли ей огненно-каштановый? Возможно. Но для него, наверное, нужно что-то более радикальное, чем та аккуратная стрижка, которая делала ее консервативнее самого консервативного лидера — Уильяма Хейга. А как насчет стиля «роковой брюнетки»? Что, если перекраситься в медно-черный, изменит ли это ее жизнь? Вот и еще один пункт в и без того растущий список дел на сегодняшний вечер, в которые явно не вписывается пункт разговора с Дэмиеном. Она осторожно высвободила из-под кота пальцы ног, уже начавших было затекать, и освободилась от его тяжести. Кот-Ранее-Известный-Как-Принц одарил ее взглядом, способным парализовать десяток дроздов. И глядя, как он шествует в кухню, оскорбленно подергивая высокомерно задранном хвостом, Джози послала ему вслед воздушный поцелуй.

— У меня и в мыслях не было причинять тебе боль, — продолжал Дэмиен, в намерения которого, похоже, не входило отступить с завоеванных позиций.

— Знаешь, обычно бывает больно, когда тебе говорят: «Я люблю другую женщину, прощай».

— Нам надо было все как следует обговорить тогда.

— Конечно. Но почему-то я обо всем узнала только тогда, когда ты спустился вниз уже с упакованным чемоданом. Я еще подумала, что ты уезжаешь на конференцию по компьютерам в Маргейт или еще куда-то. И я никак не рассчитывала, что ты таким вот образом положишь конец нашему браку, в понедельник в девять часов утра. Тем более что еще накануне вечером мы занимались любовью и одновременно достигли оргазма, чего по воскресеньям обычно не бывало, ни того, ни другого. И тогда ты не думал обговаривать что бы то ни было. Даже то, у кого останется кот. Просто вышел, как будто за хлебом.

— Не знаю, почему я был тогда в таком состоянии, — сказал ей муж. — Я то радовался жизни, то впадал в отчаяние.

— Почему? — спросила Джози. — Да потому, что эта твоя штучка на тебя насадала. Потому что у нее лифчик с чашечками четвертого размера и потому что она сверкает ягодицами в своих открытых трусиках из пятнистой лайкры. Да, я ездила к ее дому и заглядывала через забор. Знаю, что он у нее проржавевший и покосившийся, с разнокалиберными опорами, что в нем не хватает двух секций и через него видна подсобка со стиральной машиной, такая неряшливая, что мне бы ты этого не простил!

— Дело не только в Мелани.

«Мелани». Джози скорчила гримасу — такую, что, окажись в телефонной трубке молоко, оно немедленно бы скисло.

— Хотя я и признаю, что она только все усугубила.

— Она? А ты что, пытался спасти семью?

— Я чувствую, что сделал ужасную ошибку, — сказал Дэмиен. — По-настоящему ужасную.

— А что, по-твоему, должна чувствовать я? Сейчас я пытаюсь как-то прийти в себя. Мне больше не нужно глотать тонну успокоительных, чтобы посмотреть очередную серию «Живущих на Ист-Энде». Я больше не чувствую упадка сил, у меня прошла угревая сыпь, и я уже не выгляжу как после смертельно тяжелой болезни. Незнакомые люди не шарахаются от меня на улице, а друзья перестали говорить, что мне надо сходить к врачу. Я счастлива.

— В самом деле?

— Да. Возможно, звучит вызывающе, но это правда.

— Не могу сказать того же о себе.

Опять неловкая пауза.

— А как Кот-Ранее-Известный-Как-Принц? — спросил он более оживленным тоном.

— У него бредовые идеи. Он пожирает свой «Кити-Кэт» так, как будто завтра конец света. И он неплохо справляется с ролью сироты при живом отце.

— Ну что же, хорошо. — Судя по голосу, Дэмиен вряд ли действительно так думал.

— А как тебе быть отчимом?

Дэмиен медленно выдохнул:

— Не так просто, как казалось раньше.

Джози удовлетворенно усмехнулась про себя.

— Дети разбрасывают «Лего» в самых неподходящих местах. Совсем недавно я потратил много денег и почти впустую, а все ради того, чтобы извлечь из ноутбука сухарики Фарли. Эти дети всюду оставляют крошки от тостов и прочую дрянь. Часто мне кажется, что я сплю в кошачьем лотке.

Голову даю на отсечение, это совсем не то, что нужно для необузданного секса, которого он так жаждал!

— А твоя штучка знает, что ты мне звонишь?

Она слышала, как Дэмиен кусает ногти. Он всегда так делал, когда намеревался солгать.

— Нет.

— А где она сейчас?

— В «Теско». Делает ночные покупки.

Вот те на! А я-то думала, это я скучно живу!

— Ты ей сказал, что на бумагах по разводу есть уже все подписи?

Опять он кусает ногти.

— Нет.

— Ты еще не отослал их обратно?

— Нет.

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц стал бесцеремонно выть у кухонной двери. Джози прикрыла рукой трубку телефона. «Я приду через минуту, — прошептала она. — Умереть от голода я тебе не дам».

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц бросил на нее красноречивый взгляд, мол: «если-бы».

я-мог-обращаться-с-консервным-ножом-меня-бы-здесь-не-было».

— Ты уверена, что мы и в самом деле этого хотим? — Дэмиен говорил самым вкрадчивым тоном, на который только был способен. Так он говорил по утрам в выходные, когда хотел, чтобы она встала и сделала ему сэндвичи с ветчиной. — В самом деле?

— Именно. И если без конца копать во всех этих психологических тонкостях — принципиальность, искупление, примирение с жизнью, — то адвокаты совсем обнищают. Подпиши бумаги, Дэмиен.

— Вряд ли нам стоит с этим торопиться.

— Ты уже поторопился.

— Джози, я этого не заслужил. Нельзя же просто спустить в унитаз пять лет брака!

Ты-то так и поступил. Значит, можно.

— Могу я сейчас зайти повидаться с тобой?

— Можешь. Но меня не будет дома.

— Ты куда-то уходишь?

— К тебе это отношения не имеет.

— Но я все еще твой муж.

— Это всего лишь небольшая юридическая формальность. — Джози выпрямилась и зашикала на кота, который завыл и напустил на пол лужу, так бешено тарашась на нее, что, казалось, у него вот-вот пойдет пена из пасти. — Слушай, не могу больше говорить.

— А что случилось?

— Знаешь, Дэмиен, у меня своя жизнь.

— У тебя кто-то есть?

Джози рассматривала ярко-красный лак на пальцах ног, бравируя сама перед собой и притворяясь, что все это ей совершенно безразлично. К завтрашнему дню надо переокрасить. Ярко-красный и сиреневый шелковистый, который, пожалуй, первым приходил на ум, были уже явно не актуальны с точки зрения сегодняшних тенденций в моде. Кот-Ранее-Известный-Как-Принц в отчаянии бросился на пол.

— Да.

— У вас это серьезно?

— Мы много времени проводим вместе.

— Вот как. А он красивый?

— Да.

— Вот как.

— Мне пора. Мы сегодня с ним обедаем.

— Вот как. — Последовало грустное молчание. — Ты его любишь?

— Мне не нравится этот разговор, Дэмиен. — Это должно было отяготить его сердце еще более тяжким бременем.

— Он богат?

— Дэмиен, думаю, лучше тебе больше мне не звонить.

— Я не хочу терять тебя.

Уголки ее рта опустились, и она чуть прикусила губу, подавляя чувства, которые все время норовили просочиться наружу, стоило ей только чуть ослабить свое внимание.

— Ты уже меня потерял.

Она положила трубку и прижала к груди подушку. Подушки были той роскошью, которую она позволила себе теперь, когда стала сама выбирать, что ей купить для украшения

дома. Дэмиен считал их совершенно недопустимыми, так же, как и плетеные настенные панно, корзины для белья из ивовых прутьев и жакеты без воротника и пуговиц. Он упорствовал, считая их безнадежно устаревшими, и больше всего боялся, что сам может произвести на кого-то такое же впечатление. Поэтому-то ей и приходилось так долго мириться с тем неудобным диваном, который теперь был отдан в безраздельное пользование уличным нищим.

Телефон зазвонил опять, резко и настойчиво. Кот-Ранее-Известный-Как-Принц выворачивался наизнанку, то вытягиваясь с безразличным видом, то катаясь по ковру гостиной, тонко намекая на крайнюю степень голодного истощения у животного, чьи стати достойны «Оскара», никак не меньше. Окажись здесь голливудский красавец Кеннет Брана, он наверняка испугался бы за свои гонорары. Телефон продолжал трезвонить, и Джози закусила конец подушки, нахмурившись от нерешительности. Дэмиена с нее было уже достаточно. Этот вампир, откусывая по маленьким кусочкам, и слона бы съел! Кот-Ранее-Известный-Как-Принц бросил на нее говорящий взгляд: «Всех-грехов-ради-возьми-же-ты-наконец-трубку!» И Джози схватила ее:

— Дэми...

— Почему ты так долго не берешь трубку?

Джози разжала пальцы, выпустила ни в чем не повинную подушку и откинулась на спинку дивана. Предстоял разговор, который лучше всего было вести в горизонтальном положении, а еще того лучше — с большим стаканом джина в руке.

— Здравствуй, мама.

— Ты что, опять говорила с этой мерзкой тварью?

— Со служащим банка?

— Да нет, с этим ничтожеством, твоим бывшим мужем.

— Мам...

— Вы же так долго были вместе!

— Мы были женаты пять лет.

— Ты понимаешь, о чем я, — ее мать презрительно фыркнула в телефонную трубку. — И я прекрасно знаю твой характер. Стоит ему сказать ласковое словечко, и ты, задравши юбку, понесешься к нему, сверкая трусами. Если, конечно, ты их носишь.

— Мам!

— Он никогда не был тебя достоин.

— Мам! Никто никогда не был меня достоин. Никто из моих друзей тебе никогда не нравился.

На другом конце провода обиженно замолчали.

— Мне нравился Клайв.

— Клайв?

— Клайв был довольно милым. В своем роде, конечно.

— У меня никогда не было друга по имени Клайв.

— Нет, был. — В голосе матери зазвучала досада. — И это был очень приятный молодой человек. Всегда носил шарф.

— Я никогда не встречалась ни с кем по имени Клайв.

— Он ездил на «Остине аллегро». На оранжевом. Машина принадлежала его отцу.

— Ты что-то путаешь.

— Тебе надо было выйти за Клайва. Он не из тех, кто бросает жену ради зада в

облегающих трусиках.

Никакого Клайва у нее никогда не было. И шарфа она не помнит. И «Остин аллегро» тоже.

— Знаешь, папаша твой был такой же. Всегда только секс, секс, секс. Утром, днем, вечером. Это единственное, о чем он мог думать.

В течение тридцати лет, что Джози знала отца, он никогда не отваживался ни на что большее, чем возню с цветочными горшками в сарае, и его, казалось, гораздо больше занимали пеларгонии, чем плотские удовольствия. Однако он мог как-то мягко урезонивать ее мать, когда она в чем-то переходила границу допустимого; после его смерти уже никто не был в состоянии обуздывать ее, когда ее слишком уж заносило.

— А все эти женщины, которые стали сжигать свои лифчики! После этого он уже никогда не был прежним.

Джози досчитала до четырех — до десяти она бы не выдержала.

— Мама, у меня еда в микроволновке.

— Что?

— Я готовила, когда ты позвонила. Микроволновка только что отключилась. Надо вынуть, а то все сгорит. То есть вытопится. Пропадет.

— Надеюсь, что это не жирная курица, как в прошлый раз?

— Нет, в этот раз я решила быть умницей и купила жаркое по-итальянски.

— Молодец, девочка. За тебя можно не беспокоиться.

— Знаю. — Беспокойся уж лучше о глобальных проблемах, обо всем Западном полушарии и о девяти десятых его населения.

— Ты уже собралась к завтрашней поездке?

Джози бросила нервный взгляд на упакованный чемодан в углу комнаты. Ее матери не обязательно было знать обо всех ее сомнениях по поводу этой поездки. В первый раз она поедет куда-то одна, в своем новом качестве уже почти разведенной женщины, и у нее сводило живот от смешанного чувства страха и волнения. Ей придется самой позаботиться о билетах, паспорте и деньгах на поездку. Раньше все это делал Дэмиен. Она переживала, сможет ли сама справиться с багажом, потом решила, что лучше положиться на автоматизированный транспортер в аэропорту, который уж наверняка лучше, чем какой-нибудь мужчина, знает, что с ним делать.

— Да.

— Ничего не забыла?

— Постаралась не забыть, по крайней мере.

— Зря ты иронизируешь. Вспомни, как я резинкой прикрепляла твои варежки к школьному пальто, потому что ты их всегда где-нибудь оставляла. Если бы я имела по фунту с каждой пары, которую ты теряла, то сейчас жила бы на той же улице, что и Барбра Стрейзанд.

— Ладно, мама.

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц, похоже, сожалел о том, что заставил ее ответить на этот телефонный звонок. Она послала ему ответный взгляд: «Я-тебя-предупреждала».

— Мне надо идти. Надо кормить кота.

— Ты избаловала это животное.

— У меня нет никого другого, кого я могла бы осчастливить своей любовью.

— А как же я?

— Ну, кроме тебя.

— Я очень надеюсь, что скоро ты кого-нибудь найдешь. Я была бы отличной бабушкой.

— Вот это меня совершенно не беспокоит. Сейчас я еще не готова к серьезным отношениям.

— Для начала можно было бы просто с кем-то переспать...

— Мам!

— Я теперь все знаю о презервативах. Миссис Керби в аптеке рассказала мне о них, когда я стояла и ждала, пока приготовят мое лекарство. Никогда не спи с мужчиной, который покупает презервативы маленького размера.

— Мне надо идти, а то обед скоро просто сгорит.

— Жаль, что я не могу поехать с тобой.

— Сейчас уже поздно что-то менять.

— Мне следовало бы быть там. Не понимаю, почему Марте понадобилось устраивать свадьбу в такой спешке.

— Ну, это ее дело. Может быть, она боится, что жених передумает, если она во весь опор не побежит к алтарю.

— Да, она долго лежала на полке в ожидании своего покупателя, — протянула мать.

— Она не особенно запылилась.

— Но раз уж она столько ждала, то, надо думать, с первого же раза нашла именно то, что надо.

Прямое попадание, мамочка.

— Я расскажу тебе обо всем, как только вернусь.

— Ничего ни у кого не бери, если попросят провезти что-то. Особенно если это будет похоже на тальк. Это может оказаться высококачественным героином, и закончится все тем, что ты будешь исполнять танец живота в каком-нибудь турецком борделе. Об этом все время пишут в «Женском царстве». Вы, молоденькие девушки, просто не понимаете, сколько опасностей вас подстерегает.

— Я уже не молоденькая девушка, мама. Мне тридцать два года. Я — серьезная женщина, уважаемый член общества и уже с двенадцати лет была уравновешенной и рассудительной. Помнишь, что они всегда писали мне в школьных характеристиках?

— Что ты уравновешенная и рассудительная девочка, — согласилась мать.

— С тех пор ничего не изменилось.

— И в самолете не разговаривай ни с кем из мужчин, в которых есть хоть что-то необычное. Если твое место будет рядом с кем-то подозрительным, попроси их пересадить тебя. Они обязаны это сделать. Это записано у них в правилах.

— Мне нужно идти. — Джози приступила к выполнению правил Последовательного Завершения Разговора. Надо начать отсчет. Пять. Джози наклонила голову с трубкой к аппарату.

— Передавай там всем привет от меня.

— Обязательно.

Четыре. Чуть ниже.

— Как только приедешь, позвони мне, а то я буду волноваться.

— Обязательно позвоню.

Три. Еще ниже. Все идет как надо.

— Обещай.

— Обещаю.

Два.

— Я люблю тебя, Джозефин Элен.

— Я тоже люблю тебя, мама.

Один. Пора. Кладу трубку на базу. Ну вот, стыковка прошла благополучно.

Покорно выслушав все дотошные наставления, Джози посмотрела на часы. Неплохо. Почти мировой рекорд. Поднявшись наконец с дивана, она вновь увидела кота. Обессиленное животное едва стояло, прислонившись к косяку кухонной двери. «Да, если вначале ты только притворялся умирающим от голода, то теперь твой живот уж точно решил, что тебе перерезали горло».

Жалобное мяуканье подтвердило ее догадку.

Телефон зазвонил вновь, и кот упал без чувств. «Да, рано радовалась». Опять звонок. «Может быть, это какая-нибудь соседка еще не поведала мне горестную правду о своем здоровье? Или мойщица окон не успела рассказать о последних событиях своей бурной половой жизни?» Телефон продолжал звонить, а кот продолжал посылать немые мольбы о помощи. «Нет, это она. Надо подойти. Она же знает, что я дома», — сказала ему Джози. А телефон все звонил и звонил. «Подожди одну минуту!»

Джози сняла трубку:

— Мама?

— А какая у него машина?

— Дэмиен!

— Деловая или спортивная?

— Дэмиен, оставь меня в покое!

— Ты столько сидела на телефоне! С ним говорила?

— С мамой. Хотя тебе я отчет давать не обязана.

— Он тебе дороже, чем я?

— Дэмиен, даже зубная нить и та дороже, чем ты.

— Ах вот как. — Она слышала, как ее бывший муж тяжело вздохнул. — Джози, я...

— Мне некогда, Дэмиен. Прощай.

— Джози...

Джози хлопнула трубку. Кот вздохнул с облегчением. «Теперь нас с тобой прикончат», — объявила она ему.

Джози зажгла свечи и поставила их на стол. Это были красные свечи, купленные ею на последний Валентинов день, но их так и не зажгли, потому что Дэмиен позвонил ей и сказал, что допоздна будет работать над одним очень важным проектом. Да, наверное, стягивать трусы с толстого зада этой шгучки было делом чрезвычайной важности. Домой он заявился только в два часа ночи, пьяный в стельку. И от него несло духами. На следующее утро, извиняясь за вчерашнее, он сказал, что для поддержания отношений с заказчиками им всем пришлось пойти в бар. А потому свой заботливо приготовленный обед ей пришлось съесть в гордом одиночестве.

Сегодня она накрыла стол на одного и принесла готовую лазанью со сниженным количеством жира (и сниженным качеством вкуса). Передержанная в микроволновке, лазанья приобрела по краям малоаппетитный черный цвет и стала не более съедобной, чем тротуарная плитка, при этом внутренность ее осталась первозданно белой, сырой и едва

теплой. Салат-лагук был вялым (прошло уже два дня, как истек срок годности, но перед отъездом она хотела освободить холодильник, а выбрасывать еду ей всегда было жалко).

— На вот тебе, наконец, попрошайка ты мой, — умиленно произнесла она, поставив на стол тарелку далтоновского фарфора с консервированной кошачьей едой. На тарелке были изображены жених с невестой в рамке из золотых сердечек и такого количества цветов, что трудно даже сосчитать.

— Вот мы сейчас покушаем...

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц благодарно потерся о ее ноги, оставляя свою шерсть на черных брюках.

— Корыстная ты душонка, — журила его Джози, ковыряя вилкой в лазанье с таким воодушевлением, на которое только способна женщина, вынужденная есть нечто, по вкусу больше всего напоминающее мокрые обои. То, что аппетит стал возвращаться к ней и что она, хоть и с трудом, но впихивает в себя это неудобоваримое снадобье, было хорошим признаком. Следующим ее шагом возвращения к жизни будет приготовление для себя настоящего, вкусного блюда. Может быть, даже ее увядшая грудь со временем опять расцветет.

Эти звонки Дэмиена стоили ей душевного равновесия. Они вносили разлад во все, что с таким трудом понемногу выправлялось; так налетевшее подводное течение поднимает со дна осадок, хотя поверхность воды и остается ровной и спокойной. Каждый раз она собирала все душевные силы в кулак, готовясь к защите. Хотя это он решил разорвать их брак, и его совершенно не касалось, встретила ли она кого-то другого или нет. Она могла бы переспать со всей футбольной командой Англии — и надо думать, получить при этом массу удовольствия, — но к Дэмиену Флинну это уже не могло иметь никакого отношения. Она сделала глоток сухого вина; оно показалось ей слишком кислым и горчило. Даже бокал вина в одиночестве выпить было трудно. Пить одной не очень весело.

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц вспрыгнул на стул и положил лапы на край стола. Джози тоскливо вздохнула. Этот, теперь единственный, мужчина в ее жизни благодарно муркнул — уж он-то знал, что такое жизнь (или «Кити-Кэт»). Зарывшись по самые уши в тарелку, он, как и всегда, ел, будто завтра уже не наступит.

Джози щелкнула кнопкой магнитофона. Зазвучал голос Джорджа Майкла; певец доверительно жаловался ей на несчастливую любовь. Теперь уже без слез могла она слушать слезливые излияния других, что, конечно, тоже было хорошим признаком. Это был «Небрежный шепот»: «Знает он, что виноват, шагает в танце невпопад...» Виноваты или нет, но они с Дэмиеном всегда хорошо танцевали.

Она чувствовала себя измотанной. И теперь уже бывший муж и мать высосали весь аварийный запас ее душевных сил. Ну что же, зато она сможет заснуть в самолете и не будет смотреть всякую устаревшую кинодрабень, которую смотреть можно только затем, чтобы как-то убить время. Она решительно встала, красиво — без особой необходимости — сложила салфетку и села опять. Не отрываясь от еды, кот бросил на нее взгляд.

— Вот так. Уж если кто мне дорог, так это ты. А я, кажется, солгала ему?

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц подтвердил своим видом справедливость ее подозрений.

— Вы сидите на моем месте. — Джози сверилась с номером в пропуске на борт, а затем вновь посмотрела на номер над креслом.

Человек, занявший ее кресло, слушал персональный мини-плеер, энергично кивая головой, видимо, в такт музыке. А может быть, у него приступ нервного тика? Так или иначе он напомнил ей плюшевого лабрадора, обычно стоявшего на заднем сиденье в отцовском «Форде». На каждом повороте и при резкой остановке тот начинал качать своей непонятно как прикрепленной к туловищу головой. На протяжении многих лет при взгляде на эту качающуюся игрушку у нее начинался приступ морской болезни. И вот она вновь увидела того плюшевого песика, вдруг чудесным образом вочеловечившегося в ее кресле. Волосы у него были светлые и спутанные. Ей подумалось, не такого ли человека имела в виду ее мать, когда говорила о «необычной» внешности.

— Будьте добры, мэ, сядьте! Самолет вот-вот взлетит, а вы стоите в проходе.

— Но...

Стюардесса неодобрительно хмыкнула и протиснулась дальше. Очень мило. Вот на это сил у нее уже нет. Звонок Дэмиена выбил ее из колеи, и она все еще никак не могла успокоиться. Накануне ее мучили кошмары — ей все снилось, что Дэмиен жестоко мучает ее. В последнем сне он прибил ее гвоздями к кровати и скреб острыми когтями по волосам. Проснувшись, она обнаружила, что лежит, уткнувшись лицом в подушку, а Кот-Ранее-Известный-Как-Принц сидит у нее на шее и, переминаясь с лапы на лапу, впивается когтями ей в затылок, намекая, что они уже на волосок от завтрака. Все мужики одинаковы, эгоисты до мозга костей.

Джози слегка постучала жестким ребром пропуска по голове человеку, что сидел в ее кресле. Он взглянул на нее.

— Место. Мое место, — сказала она, многозначительно указывая на кресло, мол, «пересядьте!»

Он вынул из одного уха наушник и, рассматривая, повертел его в руке.

— Если можно, я хотел бы остаться здесь. Я люблю смотреть, как самолет отрывается от земли.

— Но...

— Почему бы нам не поделить это место и не поменяться на полпути. — Его губы скривились в улыбке, как бы говорившей: «Поиграй со мной, кинь мне мячик, а я разрешу тебе пощекотать свой животик». Будь она выпускницей школы оболъщения Барбары Вудхаус, он бы с ней так не разговаривал.

— Но... — Джози колебалась. Ей хотелось сидеть у окна. Взлет и посадка были самыми опасными моментами полета, и всегда было спокойнее знать точно, долго ли придется падать, прежде чем разобьешься в случае «возникновения технических неполадок».

— Ладно, — сказала она, помедлив, чтобы показать ему, насколько ей не по душе его предложение.

— Спасибо. С вами можно дружить.

Вот уж никакого желания! Ее и так бесит, что приходится путешествовать с таким огромным багажом, который какой-нибудь чертовой голливудской кукле вроде Джоан Коллинз и не снился, — вся родня нагроулила ее подарками кухне Марте на ее предстоящее

бракосочетание в Нью-Йорке. А все оттого, что родственнички прижимисты и не хотят тратиться на билет, чтобы приехать на эту свадьбу самим. Они предпочли, чтобы все эти вазы для фруктов из резного стекла, полотенца с монограммами и другие самые разнообразные предметы свадебного снаряжения, которые потом ближайшие двадцать лет благополучно пролежат у Марты в самой глубине шкафов, она тащила туда на своем хребте. Ведь если и существует на Земле девушка, у которой есть абсолютно все для жизни, так это Марта.

Да, а ведь я так думаю только потому, что сама вот-вот разведусь и у меня все это уже позади.

Человек-В-Ее-Кресле засунул наушник миниплеера обратно в ухо и опять стал дергать головой. «Очарование II», сиквел. Она уже видела клип на эту песню в исполнении Мадонны, где та приходила в экстаз от своего совершенства. Еще минута, и он ударит по своей воображаемой гитаре, выбив из нее пару-другую умопомрачительных звуков. Да, если он и дальше будет дергаться, как кукла в Маппет-шоу, то полет станет для нее пыткой.

Джози обиженно пыхтела, взваливая на плечо свою багажную сумку. Джоан Коллинз, по крайней мере, подали бы руку — какой-нибудь миньон, прихлебатель, этакий вечный мальчик из свиты. А вот ей, Джози Флинн из округа Кэмден, тридцати двух лет от роду, в скором времени разведенной женщине, руки никто не подал. Никто. Драматизм ситуации дает ей право повторить это «никто». Вот теперь, когда она стала единицей статистики по разводам, ей приходится одной заботиться о том, чтобы все эти простыни и наволочки тетушки Конни прибыли к месту назначения целыми и невредимыми. Они куплены в «Британском магазине домашних принадлежностей», потому что, как заметила Констанс, американцам нравится все отмеченное клеймом «британское». Но Джози-то прекрасно знала, что солнечно-желтые нарциссы, склонившие свои головки над светло-вишневым полем, были совсем не во вкусе Марты. Ну совсем.

Но заметим, теперь ей не придется выдерживать споры с матерью. Джози с трудом запихнула свою сумку в верхний багажный отсек, надеясь, что не повредила при этом обильный накладной декор на фарфоровой посуде, и плюхнулась на свободное сиденье. Подумала, хорошо ли смыла кошачий корм с памятной свадебной тарелки — подарка тети Фриды.

Ее спутник, казалось, обратил слишком мало внимания на взлет, из-за которого было столько суеты, однако его глаза заметно оживились, когда Грампи, ответственная за полет, появилась в проходе, звеня тележкой с напитками.

— Двойное виски, — сказал он после того, как Джози вручили теплую пластиковую бутылку с «Родниковой водой естественного газирования из Долины ледников». Что значит «естественного газирования»? Эта вода производится явно не в Долине ледников. Может, кто-то выпустил в нее свои газы? И почему она тоже не взяла двойное виски? Потому, что она не хочет появиться в Нью-Йорке обезвоженной и с распухшими до гиппопотамьих размеров ногами, вот почему. Джози открыла бутылку и попробовала воду, сделав большой глоток. Тоже мне вода из ледникового ручья! Комариная моча, вот что это такое. Человек-В-Ее-Кресле отвлекся от своего диска и перелил виски, сделав один стакан из двух.

Джози скосила глаза в его сторону:

— Бойтесь летать?

— Ужасно. — Он лизнул край стакана. — Надеюсь, мне никогда не придется готовить программы о путешествиях. Хотя на самом деле, — он чокнулся с воображаемым

собеседником, — причина в том, что со мной развелась жена и мне плохо без нее. — Он грустно улыбнулся, и Джози заметила, что без проводов и наушников он был даже ничего себе. — Окончательное постановление суда вместе со счетом от адвоката пришло как раз когда я собирался ехать в аэропорт.

— Сочувствую вам.

— Я сам себе сочувствую, — сказал он. — Столько времени прошло, я думал, что мне будет все равно. Почему же мне все еще больно?

— Всегда больно, когда тебя бросают. И когда приходится отпускать близкого человека. — Джози неохотно сделала второй глоток. — Со временем будет легче.

— Похоже, у вас есть собственный опыт.

— Что есть, то есть. Из кожи вон лезла, чтобы ему угодить, покупала ему белье, была домохозяйкой в престижном доме с четырьмя спальнями — и все для того, чтобы оказаться в убогой квартирке на окраине Кэмдена.

Он нахмурился:

— Похоже, вас это все еще задевает.

— Уже нет, — ответила она, и до нее вдруг дошло, что это и в самом деле так. Ее разговор с Дэмиеном накануне — это ведь доказательство того, что она больше не щепочка, которую крутит и бросает в водовороте его эмоций. У нее у самой достаточно эмоций, чтобы крутиться, как уж на сковородке. Наверное, это хороший знак.

— Итак, мы друзья по несчастью. — Он поднял свой бокал, чтобы чокнуться с ней. — Меня зовут Мэт Джарвис. За нас, за разведенных!

— Джози Флинн, — коснулась она бутылкой его бокала.

— И что же такое может произойти в добрых старых американских штатах, Джози Флинн, ради чего стоит туда лететь?

— Свадьба Марты, — ответила она. — Это моя двоюродная сестра. Тридцати четырех лет, замуж выходит первый раз, по характеру закоренелая оптимистка.

— Наивная, должно быть, девица.

— Да нет. Просто она убеждена, что встретила Того Единственного.

— Редкое счастье.

Джози пожала плечами:

— Я буду подружкой невесты.

Мэт снисходительно ухмыльнулся.

— Не вижу ничего смешного. Хотя я уже и не думала, что кто-то позовет меня в подружки на свадьбу. Последний раз это случилось со мной в семь лет, и на мне было платье из желтого шифона. Меня тогда отшлепали, потому что, когда делали фотографии, я возилась в грязи на церковном дворе и на мои новые атласные туфельки налипли комья глины.

— А в этот раз что на вас будет?

Уголки рта Джози грустно опустились:

— Платье из сиреневого шифона.

Мэт закусил губу, чтобы не улыбнуться:

— Как же изменчива мода, во всяком случае, платья подружек невесты!

— Оно очень красивое, — протестующе заметила она. — Плохо, конечно, что сейчас февраль, ведь оно без рукавов. И без бретелек. И спина вся открыта.

— Да, очень красиво...

Джози бросила на него свирепый взгляд:

— А вам зачем в Америку?

— По работе. Я музыкальный обозреватель журнала «Sax'n'Drums and Rock'n'Roll».

Приближается двадцатая годовщина смерти Джона Леннона^[1], и мы готовим специальный выпуск. Меня откомандировали взять интервью у «новых битлов», которое пойдет на целый журнальный разворот. — Он презрительно-насмешливо поднял брови.

— Могу себе представить... — сказала Джози.

— Можете представить? Представить, что горстку неотесанных бесталанных юнцов в бейсболках, вытанцовывающих под свою музыку, можно поставить в один ряд с человеком, который в одиночку изменил лицо всей рок-н-рольной музыки?

— Разве Пол Маккартни ему не помогал?

Мэт нахмурился и уставился на нее с отвращением.

— Что, совсем? А Элвис Пресли? Разве он не внес свой вклад? По-моему, он в то время был очень популярен.

— Никто из них по гениальности не идет ни в какое сравнение с Джоном.

— Вот как. — В ней, казалось, вновь проснулся интерес к воде из Долины ледников. — Вы, похоже, его фанат.

Он кивнул и поискал глазами ответственную за полет.

— А вы, видно, нет.

— Мне больше нравились такие рок-певцы, у которых был элемент театральности, например Дэвид Эссекс, или близкие к фольклору, как Дэвид Кэссиди. Хотя больше всего по душе были поп-певцы, например Дэвид Соул.

— Дэвид Соул?

— Знаю, что, по-вашему, это примитивно, — лицо Джози скривилось в извиняющейся улыбке, — но я была подростком, и мои вкусы тогда еще не устоялись. Немного повзрослев, считая себя утонченным ценителем, я переключилась на Дэвида Боуи. Да и какое это имеет значение? Разве если бы я с самого начала любила Джона Леннона, Пола Маккартни, Джорджа Харрисона, Ринго Старра и Дэвида Боуи, то вся моя жизнь сложилась бы иначе?

Дэвид, Дэвид, Дэвид... Наверное, ей надо было выйти замуж за Дэвида, а не за Дэмиена, может быть, тогда ее жизнь и в самом деле сложилась бы иначе. Может быть, тогда она больше внимания уделяла бы серьезным фильмам, а не прыщавым юнцам, пристававшим к ней с поцелуями в последнем ряду кинотеатра. Она и имен-то их уже не помнила, все они растаяли в дымке прошлого; возможно, одного из них и звали Клайв и он носил шарф, ездил на «Аллегро» и на конкурсе женихов получил голос ее матери. Да, если бы при первой же встрече с Дэмиеном она убежала от него за километр, возможно, тогда она бы жила себе поживала с парочкой херувимчиков-детишек, а не была бы разведенной женой, и ей не приходилось бы зарабатывать себе на весьма скудное существование, обучая скучающих лоботрясов информационным технологиям и бизнесу в обветшавшем колледже Кэмдена. Возможно, и в самом деле с Дэвидом ее жизнь могла бы быть похожей на сказку. Но ее Прекрасного Царевича Дэмиена нашли целующимся с другой женщиной, в результате чего он в ослепительных всполохах света превратился обратно в мерзкую Лягушку.

— У вас он уже закончился?

— Что именно?

— Развод.

— Технически еще нет. Процесс развода все еще тянется. Я только что подписала и

отослала все бумаги. Хотя не понимаю, почему я должна платить юристам, если у меня не было никакого намерения менять свою упорядоченную жизнь на теперешнюю неопределенность.

— А моя жена на следующей неделе снова выходит замуж. Причем церемония состоится в той же самой церкви!

Лица обоих приобрели унылое выражение.

— Можно было бы и подольше поносить траур по нашему браку, — пробормотал он. — Но она не умеет ждать.

— Некоторым нравится постоянно повторять слова брачной клятвы, твердить «навсегда, навсегда».

— Тут причина более серьезная: она беременна.

Джози скривила лицо.

— Близнецами.

— Однако.

Оба выпили по глотку.

— Ну что ж, на ней хотя бы будет другое платье.

Оба неуверенно улыбнулись. Джози откинула голову на спинку кресла:

— Говорят, во второй раз любовь слаще.

— Вы в это верите?

— Надо, чтобы кто-то убедил меня в этом, — сказала она. — Может быть, имеется в виду, что человек учится на своих ошибках и во второй раз выбирает себе в спутники совсем другого или другую. В определенном смысле «другой» звучит лучше, чем «последний».

Мэт пожал плечами:

— Может быть, нам и повезет, и мы еще встретим именно того, кого нужно, ради кого можно рискнуть еще раз.

— Может быть.

Они посмотрели друг на друга с сомнением.

— Хотите еще выпить?

Мэт грустно кивнул.

— Я выпью с вами, — сказала Джози.

Когда Джози, еще совершенно трезвая, улетала из Лондона, моросил серый дождик. В Нью-Йорке же было тепло и солнечно, а она была в стельку пьяной. Надо же, февраль, а восемнадцать градусов тепла. Впереди лениво мигало табло с красными цифрами, показывающими температуру воздуха, и от этого мигания глазам хотелось закрыться. От яркого солнечного света ее затошнило, и она порадовалась, что не надела теплое зимнее пальто, которое было уже не новым и не годилось для торжественных случаев. И шарф с перчатками не захватила. Ей никогда не надо слушать мать, которая обрушивала на нее всевозможные домыслы об ожидаемых снежных бурях и жутких холодах, на прогноз которых она будто бы наткнулась, блуждая по Интернету в поисках новых образцов для вязания. Если погода подержится, то, пожалуй, она не особенно рискует получить переохлаждение в открытом платье подружки невесты. И уж будет совсем замечательно, если свадебный кортеж не промокнет под дождем.

Снаружи вдоль всего здания терминала аэропорта Кеннеди змеилась длиннющая очередь на такси. Невдалеке она увидела Мэта, который, лавируя в толпе, шел к ней.

— Может быть, возьмем такси на двоих? — предложил он, с трудом ворочая языком.

Джози кивнула головой, также отнюдь не уверенная в себе и с трудом пытаясь произнести слово «да».

— Что вы будете сегодня делать?

Джози хотела пожать плечами, но побоялась, что не сможет совладать со своим телом.

— Пройдусь по магазинам. Позвоню матери. Позвоню Марте. Дам знать им обеим, что прибыла сюда в целостности и сохранности. Но в основном это будет поход по магазинам.

— Мы могли бы сходить куда-нибудь вместе, — сказал Мэт, когда они после сотней другой возмущенных свистков распорядителя такси упали на сиденья обшарпанной, пропитанной запахом автодезодоранта желтой машины.

Водитель ввинтился в поток машин, не обращая никакого внимания на предупредительные вопли клаксонов.

— Куда, например?

— К статуе Свободы. Пока солнечно. От солнечного света у нее блестят глаза, и это ей очень идет, — пошутил Мэт, и его глаза тоже заблестели.

Джози, не вполне уверенно шевеля губами, улыбнулась в знак согласия:

— Почему бы и нет?

При повороте с хайвея Ван-Вик на Манхэттен машина подскочила на «лежачем полицейском», и их отбросило на спинки сидений, обтянутых меховыми чехлами. Утреннее солнце уже смягчило суровые силуэты зданий, устремленных вверх к небесам.

Она любила Нью-Йорк. Этот город весь как бы вибрировал от перенасыщенности энергией, казалось, его мостовые несли в себе электрический заряд и потрескивали от статического электричества. Самый энергетический город мира. Раньше она бывала здесь раз десять с Дэмиеном и с Мартой — вот вам наглядный пример преимуществ, которые дает трансатлантическая семья, — и этот город никогда ей не надоедал. Каждый раз в нем появлялось что-то новое, что-то волнующее и захватывающее; это был плавильный котел, где на поверхность всплывали все новые и новые люди и впечатления. Здесь все было больше, быстрее, громче, ярче, технологичнее, чем в любом другом уголке мира.

Голова Мэта сонно покачивалась при резких остановках, он не замечал головокружительного ритма жизни, бурлящей и играющей снаружи. Водитель их такси вилял из стороны в сторону на запруженных улицах, все глубже проникая в самое сердце города, где гораздо быстрее можно было добраться до цели на своих двоих, чем на автомобиле. И вот теперь она была в Манхэттене одна. Но она не чувствовала неуверенности или страха, которых ожидала. Может быть, благодаря тому, что с ней был Мэт. Не то чтобы он был ей таким уж помощником, просто приятно, что рядом есть кто-то.

Бросив косой взгляд на расслабленное тело дремлющего Мэта, она подумала, чем может быть вызвано такое его равнодушие к окружающему: тем, что он третий калач, много путешествовавший, или просто тем, что он напился. Несмотря на все, что он нарасказал ей о своей жене, непохоже было, что он может живо интересоваться чем-нибудь, кроме себя. Он показался ей очень несобранным, возможно, он из тех, кто доводит вас до отчаяния своей медлительностью, когда надо срочно куда-то ехать или когда надо было еще вчера повесить полку. Джози было с ним легко, она чувствовала в нем родственную натуру, и ей приходилось удерживать себя от размышлений на тему: а как он в отношении крепления полок к стенам. Она и представить себе не могла, как сложно будет вновь привыкать к статусу одинокой женщины, и думала, сколько же еще времени ей потребуется на то, чтобы почувствовать себя в этом положении вполне естественно.

Мэт стряхнул с себя дрему и еще ничего не видящими глазами посмотрел через окно машины на достопримечательности, ставшие таковыми благодаря многочисленным американским фильмам о полицейских.

— Моя гостиница должна быть где-то здесь, похоже, на следующем повороте, — сообщил он ей. — Наверное, вам лучше высадить меня сейчас, и мы встретимся в парке Бэттери. А оттуда до статуи доберемся паромом. — Он взглянул на часы. — Скажем, через полтора часа? Устроит?

Джози посмотрела на свои часы. Это ничего не дало — они все еще показывали время по ту сторону большой воды, именуемой Атлантическим океаном.

— Отлично.

Мэт наклонился к водителю.

— Я выйду здесь, приятель, — сказал он, и тот неохотно выбрался из потока машин, сделав рывок к тротуару.

— Я не прощаюсь, — сказал Мэт.

Он махнул рукой и, неуклюже спотыкаясь, вылез из такси, забыв заплатить и оставив ее, совершенно лишенную сил, сидеть на заднем сиденье одну.

Гостиница Джози была из числа неброских заведений, которые рассчитаны на таких же не афиширующих себя деловых людей, уверенно шагающих по коридорам в своих темно-синих костюмах на важные встречи. Все это напомнило ей о Дэмиене. Он был одним из этих дельцов в темно-синих костюмах, вылизанный и отутюженный, как будто сошел со страниц каталога мужской бизнес-моды, и ей всегда хотелось, чтобы он дал себе хоть чуть-чуть свободы, чтобы иногда был поэкстравагантнее, отрастил бы небольшую щетину или бородку-эспаньолку. Но Дэмиен никогда не был замечен ни в чем подобном — до тех пор, конечно, пока не ушел к этой штучке, к этой молодой телке, и тогда он вдруг решил, что одевается и ведет себя неправильно, и стал усиленно покупать вещи в более современном стиле. А до Джози наконец дошло, что все его важные встречи происходили не столько в холлах гостиниц, сколько в гостиничных номерах. Как ни странно, эти воспоминания не

вызвали у нее приступа гнева. Ну если и вызвали, то гнев все же не был так силен, как прежде.

По заведенному порядку она проследовала за коридорным в свой номер, оказавшийся большой квадратной комнатой с двумя двуспальными кроватями. Обычная комната в обычной гостинице функционального назначения с истертым под ногами полом. Она задумчиво подошла к окну, раздвинула полинялый тюль — и сразу увидела, что солнце на улице, хоть и за солнцезащитным оконным стеклом, светит очень ярко. И конечно же, вместо манхэттенского неба из ее окна было видно только множество кондиционеров на конторском здании напротив.

Джози задвинула тюль. Сквозь его дымку эти кондиционеры не так бросались в глаза. Вообще-то на Манхэттен стоит посмотреть, особенно если вы стоите на земле или, наоборот, находитесь на высоте. По достоинству оценить величественность этого центра мира можно только на расстоянии. А находясь где-то посередине, между стен и на неопределенной высоте, видишь только ряды угнетающе высоких, надвигающихся друг на друга домов.

Мелочи у Джози не было, пришлось дать коридорному непомерно большие чаевые. Как только он вышел, она с наслаждением упала на ближайшую постель. Сейчас она закроет глаза и без усилий ускользнет от этого мира в царство сна. И пусть внизу этот бурлящий энергией город трещит себе электрическими искрами в ожидании ее появления. Однако она обещала матери позвонить сразу же, как приедет. И зачем только она дала такое обещание! Наверное потому, что приятно знать, что есть кто-то, кто беспокоится о тебе, даже если это просто мама, а ведь именно это и придает жизни смысл. Кто вначале, мать или Марта? Боль или радость? Надо сначала избавиться от боли, а Марта подождет.

Даже в наше время высоких технологий дозвониться иногда бывает непросто. Джози представила, как мать, несмотря на то, что сейчас жила уже одна, суетливо сметает все крошки своего раннего ужина со стола в гостиную, где она всегда ела.

— Алло?

— Привет, мам. Звоню, чтобы сказать, что добралась нормально.

— Ах, это ты, дорогая? А я уже начала волноваться.

Джози снисходительно улыбнулась, прощая ей эту небольшую ложь.

— Не волнуйся. Все в порядке.

— Как там погода? Буран еще не начался?

— Здесь жарко и солнечно.

— В феврале-то? Быть того не может!

— И тем не менее.

— Никогда не выходи замуж за синоптика, дорогая моя. Нельзя верить ни одному слову этих людей. Как долетела? Не разговаривала ни с кем из этих странноватых людей?

— Как же, разговаривала. С одним убийцей, двумя психопатами и кое-кем, у кого, по его собственным словам, любимое развлечение — пожирание маленьких детей.

— Ну и шуточки у тебя, Джозефин Флинн. Ты на меня совсем не похожа.

— Я сидела рядом с очень приятным мужчиной.

— На самом деле приятным?

— Да. Нет, он не юрист, ты же их не выносишь.

— Сейчас, когда по каждому пустяку приходится консультироваться с адвокатом, может, и неплохо иметь юриста в семье.

— Приму к сведению.

— Сегодня утром, когда я ела свои обычные хлопья, я прочитала в «Дейли Мейл»...

Вот, подожди... — Джози услышала шуршание газеты. — Ты знаешь человека по имени Билл Гейтс?

— В общем, да...

— Почему бы тебе не позвонить ему, раз уж ты в Америке?

— Я не столько знаю его, сколько — о нем. Я не знакома с ним. Мы даже никогда не были с ним в одном помещении. Даже не были с ним одновременно в одной и той же стране, насколько я знаю. И уж точно мы никогда не ели чипсы из одного пакетика.

— Разве это так важно?

— В какой-то степени.

— Он не женат.

— Он женат.

— Но в «Мейл» об этом не написано.

— Мама, он возглавляет компанию «Майкрософт».

— Тогда он должен хорошо разбираться в компьютерах. Хорошо, когда муж понимает в них что-то. В моей персоналке, например, все еще сидит грипп.

— Не грипп, а вирус.

— А в качестве заставки — Памелла Андерсон с обнаженной грудью. Кстати, Кевин, молодой человек из соседней квартиры, всегда очень любезен и заглядывает ко мне, чтобы узнать, не нужна ли мне помощь.

— Забавно, что...

— Так ты ему позвонишь?

— Биллу Гейтсу? Весьма маловероятно. Да и потом, он, возможно, живет в каком-то другом городе, не в Нью-Йорке.

— Но там же есть телефонные справочники, так ведь? Можно посмотреть его номер.

— Мама, он самый богатый человек на планете.

— Ну и что из этого? Возможно, сейчас на твоём холодильнике и наклеен логотип «Гринписа», но ведь были же времена, когда и ты не была чужда роскоши.

— Ну, все это давно в прошлом, и теперь приходится по одежке протягивать ножки. Думаю, что Билл Гейтс — человек немного не моего круга.

— Не понимаю, почему ты такого низкого мнения о себе, Джози.

— Я и сама не понимаю. Возможно, потому, что муж, бросившись к другой женщине, прошелся по мне, как каток по асфальту.

— Ты всегда была лучшей в балетном классе.

— Я ушла из него, когда мне было пять лет.

— Возможно, тебе следовало остаться, — загадочно заметила мать.

— Ладно, мама, этот разговор с брачным агентством и психологической консультацией в одном твоём лице уже влетел мне в копейку. Буду заканчивать и пойду пройду по Манхэттену. — Вспомним о правилах Последовательного Завершения Разговора. Пять.

— Иди-иди, девочка моя, — проворковала мать. — Куда ты хочешь сходить?

— Посмотрю, что интересного, пройду по магазинам... Может быть, схожу на экскурсию. Но в основном по магазинам, конечно, в первую очередь по магазинам. Хотя... — Ей совсем не хотелось, чтобы мать знала о Мэте Джарвисе. Четыре.

— Так что же все-таки: экскурсия или магазины?

— И то и другое понемногу, — невинно ответила она. Три.

— Молодец. Жаль, что я не могу пройтись с тобой.

А мне совсем не жаль. Два.

— Передавай Марте мой самый теплый привет. И помни, что Билл Гейтс, возможно, обрадуется твоему звонку...

Один. Джози повесила трубку. Что же это такое? Неужели ее мать и в самом деле хочет свести ее с Биллом Гейтсом или у нее что-то с головой от перелета на другой конец света?

Джози запустила пальцы в волосы и закрыла глаза, подавляя зевок. Ей хотелось спать больше, чем когда бы то ни было, но она согласилась встретиться с Мэтом, а прошел уже почти час. И зачем только она согласилась изменить свои планы ради кого-то другого, с кем она всего-то выпила пару бокалов за компанию, хотя дала себе зарок не позволять больше никому из мужчин руководить собой, будь то Билл Гейтс, Билли Бантер, Билл Бейли, Неистовый Билл Хикок или любой другой чертов Бил. Да затем, что иначе бы она одна-одинешенька бродила по городу и думала о том, почему же все те, кто ей встречается, оказываются совсем не теми, кого она хотела бы встретить.

И если ходить по магазинам в гордом одиночестве, когда рядом нет никого, кто бы мог сказать тебе, что ты выглядишь так же потрясающе, как кинозвезда Гвиннет Пэлтроу, или так же шикарно, как владелица какого-нибудь поместья с собственным почтовым кодом, совсем не весело, то осматривать в одиночку достопримечательности — это уж просто невыносимо. Как можно в одиночестве ахать и охать, разглядывая великолепную архитектуру или захватывающий дух пейзаж? Если вы будете стоять посреди улицы и издавать эти ни к кому не обращенные вульгарные звуки, то скорее всего вас посадят под замок, несмотря на то, что комик Бенни Хилл сделал себе на этом карьеру. Какая радость путешествовать по миру, если рядом с вами нет того, кому было бы интересно послушать о ваших впечатлениях. Можно, конечно, все рассказать и сослуживцам, но если вы через каждое слово будете говорить «Манхэттен, Манхэттен», то это им очень скоро надоест.

Итак, статуя Свободы. Можно ли эту их встречу назвать свиданием, если встречаются они днем, а не вечером? Да нет, на свидание это не похоже. Последние полгода она была предоставлена сама себе, и после такого перерыва непросто опять привыкать ко всему, что так или иначе связано с ритуалом знакомства, тем более что и раньше она в эти игры не играла. С четырнадцати лет она без всякого перерыва гладко скользила от одной «дружбы» к другой. Отношения с одним мальчиком прерывались, но тут же появлялся другой. Происходило это даже с большей регулярностью, чем прикладывание к статуе Девы Марии. В этом не было ничего похожего на поиски нужной конфеты в коробке, когда роешься, перепробовав все одну за другой, прежде чем разочарованно выбросишь эту коробку в мусорное ведро жизни, если так и не нашла нужную, потому что твои надежды, рожденные картинкой на крышке, не оправдались. Она никогда не относилась к свиданиям как к коробке с шоколадными конфетами; она всегда любила шоколад сам по себе, и чем больше его было, тем лучше. Серийное единобрачие — вот термин, который, видно, был изобретен специально для нее.

Непросто изменить привычки всей жизни за одни сутки. По мере того как продвигалась ее работа над собой и росла вера в собственные силы, Джози стало казаться, что ее незащитность, неуверенность в себе — это результат чрезмерного количества всяких комплексов, накопленных ею за прошедшие годы. Как это произошло? Может быть, они возникли потому, что у Дэмиена, несмотря на его внешнюю привлекательность и приятные

манеры, в глубине души был полный разлад с самим собой, и именно поэтому он не упускал случая подорвать ее уверенность в себе, рассудительно объясняя ей, насколько она далека от совершенства? И все же она так привыкла полагаться на него, что вновь стать самостоятельной, независимой оказалось гораздо сложнее, чем она думала.

И она ведь вовсе не была некрасивой. Наоборот, чуть подкрасив губы, немного приподняв волосы сзади и сделав косой пробор спереди, она могла бы дать сто очков вперед любой телеведущей утреннего шоу. Доказательством послужили несколько поездок за город с коллегами, которые при большом желании можно было назвать даже свиданиями, а также встречи с несколькими «старыми друзьями», которые появились сразу же, как чертики из шкатулки, как только до их ушей донеслись радостные слухи о ее разводе. Однако ни те ни другие не добрались до тех сияющих высот, за которыми следует фраза «пока, кофе я попью у себя» или, не дай бог, той стадии, когда проведенная вместе ночь заканчивается непреднамеренной глупой ссорой и расставанием.

Она вновь была незамужней женщиной, а это пугало, но в то же время она стала чувствовать себя свободной, и это было непривычно. Однако вокруг не было вообще никого, кто хотя бы отдаленно мог претендовать на роль мужчины, о котором мечтаешь, — если вообще это слово применимо к женщине, перешагнувшей тридцатилетний рубеж. Поэтому ее сердце отнюдь не замирало в тоске по встрече с тем, кто мог бы влюбиться в нее и кого в ответ смогла бы полюбить она. Она не ждала, что мужчины вокруг окажутся романтическими героями с бантами на шее и кудрями до плеч. Достаточно было посмотреть на мужчин в учительской: у всех этих неженатых тюфяков были лысые макушки и разбухшие животы, которые, возможно, пошли бы свиньям вьетнамской породы, но уж никак не школьным учителям их возраста. Похоже, все прилично выглядящие мужчины просто вымерли. А ведь новое тысячелетие почти официально было объявлено эпохой красивых людей. Но все это не имело отношения к Дэмиену, слишком красивому и ухоженному — ради собственного блага, конечно, — который прекрасно знал о своих достоинствах. Да и к Мэту Джарвису, который хоть и был привлекательным мужчиной, пусть и несколько небрежно одетым, с растрепанными волосами, но о своей привлекательности совершенно не думал. Наверное, поэтому она и почувствовала к нему симпатию.

Джози прилагала все усилия, чтобы не дать закрыться глазам, которые чувствовали разницу во времени. Надо быстрее идти в душ, под холодную воду. На то, чтобы накраситься, уже нет времени, но Мэт сильно под парами и ничего не заметит. Ей вдруг в голову пришла привычно грустная мысль: а вдруг Мэт и не вспомнит о том, что пригласил ее куда-то.

На Дэмиена выпивка действовала плохо. Пьяный, он никогда не становился одним из этих счастливо напевающих людей, желающих дружить со всеми. Во хмелю Дэмиен был слезливо сентиментальным, и именно таким был он и сейчас, когда расставался с Элисон Уильмс.

Хорошенькая, хотя всегда не прочь выпить, Элисон вплоть до сегодняшнего дня работала в отделе кадров компании «Пауер Коннект», где Дэмиен был менеджером по маркетингу. С самого начала вечера она прилагала все усилия, чтобы у Дэмиена создалось впечатление, будто главной ее заботой в жизни являются именно кадры. Наряды Элисон с непомерно глубокими вырезами и раньше ясно говорили о том, что она вполне доступна и всегда готова исполнить любой его каприз; согласие на все было четко выгравировано у нее на лбу, прямо в самой его середине. Дэмиен дал понять, что заинтересовался. Ему было любопытно, к чему это может привести. А теперь он хотел дать ей понять, что совсем ею не интересуется и не хочет идти на контакт; ему уже ничего не хотелось, и это было плохим знаком.

Издавека Элисон отчаянно махала ему, держа в обеих руках по бутылке пива. Вдруг Дэмиену пришло в голову, что впервые в жизни девятнадцатилетняя девушка кидается ему на шею. При этом у него нет ни малейшего желания кидаться ей навстречу. И эта мысль вселяла в него растущую тревогу.

Так с ним бывало и в детстве. У всех мальчиков уже давно были грузовички «Тонка», а он все с вожделением мечтал о его черных блестящих номерах, и это рабское желание обладать им заставляло его каждый день по пути из школы домой сворачивать к игрушечному магазину Фримли и жадно пожирать глазами заветную машину, пока, наконец, и ему не купили такую же на день рождения. Две недели он самозабвенно наслаждался грузовичком, а потом вид его сверкающих, тонко проработанных деталей приелся и начал надоедать. Но какие бы усилия ни прилагал он, чтобы избавиться от игрушки, это ему не удавалось. Сломать грузовичок не было никакой возможности — именно это в рекламных роликах и ставила себе в заслугу фирма «Тонка». В рекламе показывали, как за пару секунд этот выставленный в самом лучшем свете драндулет сметал с лица Земли человека, который пытался разрушить его, а само это жизнестойкое чудовище возвращалось на исходные позиции, видимо в ожидании следующей жертвы. Дэмиен знал, что ему никогда не подарят другую игрушку, больше и интереснее, чем та, что у него есть, пока она еще в целости и сохранности. А какой смысл было иметь игрушку, которую ни за что не сломаешь?

Во взрослой жизни ничего особенно не изменилось. На соседском газоне трава всегда была зеленее, а своя трава прорастала сорняками — они появлялись один за другим, — а затем все вдруг засыхало прямо на глазах, потому что вы уделяли ей мало внимания и заботы.

— Не вешай нос, старина, — шлепнул его по спине Майк. — Ничего же не случилось.

Дэмиен приложил к губам горлышко бутылки с пивом:

— Именно это мне и не нравится.

Майк был менеджером по организации работ. Сослуживец Дэмиена, его партнер по американскому теннису, он обеспечивал Дэмиену алиби при его свиданиях с женщинами — в обмен на ответную услугу со стороны Дэмиена — и самым близким его другом (настолько

близким, насколько Дэмиен мог допустить).

Майк одним прыжком уселся на табурет у стойки бара рядом с Дэмиеном.

— А где же наша капризная красавица Мелани?

— Она отправилась домой. Мы не смогли найти подходящую няню на сегодня.

— Как же несправедлива бывает судьба, — выразил свое сочувствие Майк. — Ведь это означает, что на пенную вечеринку к Элисон тебе придется идти одному.

— На пенную вечеринку? — Дэмиен презрительно скривил губу. — Какого черта я должен идти на какую-то пенную вечеринку?

— А ты бывал на таких вечеринках раньше?

— Нет.

— Тогда тебе обязательно нужно туда пойти. Хватит грустить в одиночестве. Все когда-то надо попробовать.

— Я никогда не нырял в море со скалы, но я не собираюсь этого делать только потому, что «все надо когда-то попробовать».

— Ну, на пенной вечеринке ты не рискуешь сломать себе шею.

— Рискую, если Мелани узнает о том, что я ходил туда без нее.

Майк покачал головой:

— Эта дамочка держит тебя на коротком поводке. Как бы, интересно, ты сошелся с ней, если бы твоя жена так же следила за каждым твоим шагом?

— Не знаю, приятель, но иногда мне хочется, чтобы в свое время она именно так и поступала. — А теперь он вынужден проводить вечера в этом баре, пыльном и душном, прищипленный к табурету у стойки, вместо того чтобы спокойно лежать на диване рядом с Джози. И почему только так происходит? Когда он мог позволить себе нежиться с ней каждую ночь, ему была противна сама мысль о вынужденной близости и он тратил уйму времени и сил на то, чтобы избежать этого. О человек, Упрямство тебе имя!

— Дэмиен, старина, слышал я, что в наше время трубку и прилагаемые к ней домашние тапочки купить несложно. Тебе следует подумать о такой покупке в самом ближайшем будущем. И к ним еще и плед.

Дэмиен фыркнул:

— Надеюсь, что все это понадобится мне еще не скоро.

— У времени есть коварное свойство подкрадываться к нам тихо и незаметно. Всего несколько лет назад у меня были деньги на любую блажь, а теперь приходится тратить их на школьную форму, спортивную форму, на игровые станции и на горные велосипеды с активной подвеской. Как бы мне хотелось сходить в воскресенье в паб и выпить кружку пива! А вместо этого я подстригаю машину и мою газон, а единственное вознаграждение по выходным — это постельный изыск, навевающий воспоминания о жареной туше на вертеле. — Майк перевернул свою пустую бутылку из-под пива, поставив ее на горлышко, и несколько последних капель вылились на салфетку. — Давай сходим на пенную вечеринку, хотя бы ради моего психического здоровья. Мне необходимо узнать, каково там, ведь я уже большой мальчик.

— Ну хорошо, — помедлив, ответил с неохотой Дэмиен и подумал, ходит ли на пенные вечеринки этот пентюх, с которым сейчас встречается Джози. — Но сейчас мне нужно позвонить, я пойду. Вообще-то мне тут неожиданно сказали, что завтра будет срочная презентация и мне надо подготовиться, а то и с работы можно полететь.

Майк ободряюще подмигнул:

— Прояви силу духа!

— И не подмигивай мне, — простонал Дэмиен. — Мне совсем не хочется, чтобы милашка Элисон пустила слушок, что я голубой — только потому, что не горю желанием прыгнуть к ней в постель.

Музыка была такой громкой, что могли лопнуть барабанные перепонки. Все происходило в каком-то жутком помещении — то ли в гараже, то ли в подсобке какого-то жилого здания с таким низким потолком, что можно было задеть головой, а от грохота череп, казалось, выворачивался наизнанку. Тут были какие-то полуобнаженные девицы, извивавшиеся на подиумах, укрепленных выше уровня танцплощадки, что, видимо, по замыслу оформителя, должно было придать этой низкопробной дыре шикарный вид. Ну что ж, он, по крайней мере, несколько отвлекся от своих мыслей, глядя снизу вверх им под юбочки. Хотя незачем так стараться, в наше время все женщины холодные, так ведь? Дэмиен пожалел, что не захватил затычки в уши — у него скопился миллион этих жестких желтеньких штучек, которые бесплатно выдают в самолетах и которыми он никогда не пользовался. Он взглянул на часы — платиновый «Ролекс», приобретенный на одной из рекламных распродаж всяческих мелочей, которые оставляют человека без гроша за душой. Именно тогда, год назад, после отгремевшего представления фирмы, Дэмиен впервые поймал долгий взгляд, а затем и язык Мелани, о которой до того дня мог лишь мечтать. Когда шампанское уже было выпито, а приглашенные музыканты отбарабанили все свои песенки, это последнее, казалось, было неизбежным. Дэмиену очень нравилось смотреть на свои часы: они напоминали ему, что он — молодой энергичный сотрудник руководящего звена, но сейчас они шли слишком медленно. Майк, наверное, уже успевший отрастить бороду с тех пор, как отошел к стойке бара, появился наконец и вручил ему две бутылки пива.

— Чтобы опять не стоять в очереди, — пояснил он.

Дэмиен кивнул и поднес ко рту первую бутылку. Пиво было теплым и безвкусным, а на горлышке чувствовался привкус пыли. Его платиновый «Ролекс» показывал 11.30 вечера. Он уже слишком стар, чтобы делать такие вылазки в такое время; по-хорошему ему сейчас надо, было бы подниматься по лестнице в спальню в предвкушении плотских радостей, которые подарит ему теплое и мягкое женское тело. Но он почему-то сторонился этого теплого мягкого тела, ожидавшего его появления, и надеялся, что, когда он наконец доберется до дома, оно будет пребывать в глубоком сне.

Где сейчас Джози? Он надеялся, что она не обедает с этим Таинственным Незнакомцем в каком-нибудь роскошном ресторане и не готовится отойти ко сну, забравшись вместе с ним под прохладные хрустящие простыни. Дэмиен уставился на пиво: ну и вкус у этого дерьма! И как ему только в голову могло прийти, что без нее ему будет лучше? Наверное, будет слишком уж мелодраматично, если он сейчас пойдет и посидит у ее дома, чтобы просто быть к ней поближе, а может, и увидит тени двух людей, спящих по спальне. Да, решил Дэмиен, это уж слишком.

— Иди потанцуй, — проорал Майк, — Элисон ждет тебя!

Элисон и в самом деле ждала его. Она виляла в танце своим маленьким девчоночьим задком, стараясь быть как можно соблазнительнее. На Дэмиена это подействовало угнетающе. Музыка забухала еще громче, от чего у него даже вены занули, и из невидимых отверстий, нагнетаемая насосами, стала выходить легкая белая пузырьчатая пена, покрывая

пол танцзала и обволакивая ноги тех, кто по беззаботности своей остался стоять. Вспыхивающие огни меняли цвет пены, и она становилась то розовой, то зеленой, то желтой, напоминая какую-то техногенную рвоту.

Питер из отдела продаж смачно намазывал эту пену на торчащие груди Элисон, а она все еще с надеждой смотрела прямо на Дэмиена. Его ноги были налиты свинцом, и казалось, ничто не сможет заставить их двигаться. Даже перспектива получить ни к чему не обязывающую порцию ласк. Майк нырнул в пену, размахивая поднятыми над головой бутылками, весело прыгая и совершенно не замечая, что он здесь единственный человек, танцующий как добрый Клифф Ричард.

А вокруг были почти раздетые девчонки, море выпивки и расхристанные мужики, потягивающие косячки. Дэмиен опустил глаза на свои туфли, изготовленные по авторской модели, на такие же носки, он посмотрел на свой сшитый по авторской модели костюм и свои часы, оформленные также по авторской модели. Время перевалило за полночь. Оползнем на него накатила жалость к самому себе и погребла его под своей массой. Он уже больше не знал, где ему хочется находиться, но в чем он был совершенно уверен, так это в том, что ему совершенно не хочется стоять по колена в пене.

Поездка в нью-йоркской подземке всегда сопряжена с ожиданием опасности. Похоже, подземка — родной дом для чокнутых всех мастей, и о таком их количестве на единицу площади любое мало-мальски уважающее себя заведение призрачного умалишенных может только мечтать. Просто какой-то городской центр помощи пострадавшим в сугубо американском стиле. Джози нервно теребила карточку метро, засунутую глубоко в карман, и старалась сообразить, как ей поступить. Ее гостиница находилась на углу Пятьдесят первой и Лексингтонской улицы, а брать такси в час пик, когда улицы забиты машинами, было уж точно безумием. Итак, у нее не было выбора, если она хотела встретиться с Мэтом в назначенный час. А это вдруг стало казаться очень важным.

Хуже всего в метро — это даже не обилие психов, а то, что никогда не знаешь, едешь ли ты в центр или от него, и рискуешь выйти не на той остановке, а там может быть небезопасно. Возможно, окажешься в одном из тех мест, куда даже закаленным туристам совать нос не рекомендуется. А вертеть в таком месте свою карту метро, стараясь понять, куда же двигаться, это все равно что кричать: «Ограбь меня!» Когда раньше она ездила в нью-йоркском метро, рядом всегда были Дэмиен или Марта, которые в любой момент протянули бы ей руку помощи. Сейчас она в первый раз ехала в подземке одна, и ей казалось, что по сравнению с этим беспорядочным грохотом, скрежетом и дребезжанием металла лондонское метро — просто игрушечная железная дорога.

Она испытала облегчение, когда наконец приехала на станцию «Боулинг Грин», с головной болью, крепко прижимая к себе сумочку, но благополучно избежав всех опасностей. И еще не пройдя через турникет выхода, откуда потянуло свежим прохладным воздухом, она уже забеспокоилась о другом: а что, если Мэт не выполнил свою часть договора и валяется сейчас на кровати гостиничного номера в пьяном ступоре? Ну ничего, она и одна посмотрит на статую Свободы.

Моросил дождик, покрывая водяной пылью продавцов футболок, не улетевших на зиму в теплые края Флориды; их ряды под скелетами деревьев тянулись вдоль дорожек в парк Бэттери. Неунывающий оркестрик наигрывал «Встретимся в Сент-Луисе, Луис», но слишком быстрый темп выдавал в них любителей.

Мэт, как и обещал, ждал ее перед входом рядом с кассой, время от времени нервно постукивая ногой в такт музыке. Тут только Джози поняла, каким облегчением было для нее увидеть Мэта, все же приехавшего, несмотря ни на что. Надежность — у мужчин это такая же редкая черта, как и у посудомоечных машин. На нем было длинное армейского покроя пальто, совершенно не сочетавшееся с его работой — рок-журналистикой; вокруг шеи был небрежно намотан шарф, один его конец свободно болтался, руки глубоко в карманах. Было видно, что ему очень хочется к чему-нибудь прислониться. Она заметила также, что при виде ее лицо у него просветлело.

— Вы пришли, — сказал он с неопределенной улыбкой.

— И вы тоже.

— Я думал, вы передумаете.

— Именно так я и поступила. Раз четыреста.

Он рассмеялся.

— А я боялась, что вы заснете.

— Боже, неужели я показался вам таким пьяным? — испуганно съежился Мэт. — Вообще-то я не пьяница.

— Значит, вы очень успешно притворялись. Я-то боялась, что вы заснете или все забудете.

— Я никогда ни о чем не забываю. Даже под воздействием невероятного количества алкоголя. Объем памяти у меня, как у... с... с...

— Как у слона?

— Вот именно.

— Спорю, у вас болит голова.

— Просто раскалывается, — подтвердил Мэт. Последние опоздавшие поднимались на борт парходика, доставлявшего туристов к статуе Свободы. — Паром вот-вот отойдет. Я не рискнул купить билеты, потому что не был уверен, что вы придете. Уговор в силе?

— Да, — кивнула Джози.

Он схватил ее руку и крепко стиснул.

— Побежали. Надо спешить.

У кассы Мэт лихорадочно схватил билеты на паром — как раз вовремя, чтобы успеть на отходящий рейс, и они, задыхаясь, но не разжимая рук, побежали к пароходу через весь причал, а капитан уже отдал приказ поднять сходни. Но он подождал их и понимающе улыбнулся.

— Давайте-ка сюда, голубочки, — поторопил он их. — Время и прилив никого не ждут, даже таких молодых и красивых, как вы.

Мэт провел Джози на корму, придерживая за талию, пока парходик неуклюже отрывался от причала и разворачивался носом к серым, покрытым рябью водам залива. Шум проносающегося ветра не давал им возможности говорить — можно было только кричать, поэтому они молча стояли на пустынной палубе, глядя на покачивающийся и удаляющийся в ритме качки парк Бэттери, на крыши зданий Манхэттена, становящиеся все ниже и ниже, так что уже не надо было высоко задирать голову, чтобы увидеть небо.

Видно было, что Мэта начинает мучить похмелье. Холодный ветер, завывавший вокруг, стегал немилосердно, рвал его взлохмаченные волосы, которые надо было уже не причесывать, а распутывать, щеки стало пощипывать, и они порозовели. Его голубые глаза заблестели и приобрели тот оттенок, которым отливало небо над ними. Однако они были несколько помутневшими и покраснели вокруг — результат длительного перелета и более чем достаточного количества неразбавленного виски. Он был высок, строен — слишком строен, чтобы можно было назвать его атлетически сложенным, однако и тощим он не был, но немного сутулился. Возможно, в школьные годы он был выше своих одноклассников и стеснялся этого.

Джози подумала, как же она-то выглядит, и поежилась при этой мысли. Обычно ее кожа была бледной, но и одного взгляда в гостиничное зеркало было достаточно, чтобы понять: ее бледность стала неестественной, такой, как у покойницы Мортисси Адамс из «Семейки Адамсов» — неестественной, даже со скидкой на неестественно ранний час ее отлета из Англии. Несмотря на впопыхах нанесенный увлажняющий крем, она чувствовала, что кожу на лице стянуло, а лодыжки — как и следовало ожидать — распухли до гиппопотамьих размеров. Растрепанные неистовым ветром ее коротко стриженные волосы хлестали по глазам. Но это и к лучшему: по крайней мере, не видно, что они жиденько висят, как вялый латук, купленный неделю назад. Наверное, еще и нос покраснел. Хороша, нечего

сказать.

Однако, казалось, это не имело ни малейшего значения. Оба они выглядели ничуть не симпатичнее, чем эта неряха Бьорк^[2] в свои далеко не лучшие времена. Джози посмотрела на Мэта и улыбнулась. Стоя на корме парома, они составляли маленькое уютное целое, радужный мыльный пузырек, в котором они укрылись от реального мира. Они не прижимались друг к другу, но что-то их соединяло, может быть, искра статического электричества, что-то вроде ощущения, возникающего, когда потрешь воздушный шарик рукавом шерстяного джемпера и возникает притяжение. И даже когда оторвешь шарик, он все же тянется к тебе, и ворсинки на одежде от этого наэлектризованы. Все ее существо тянулось к Мэту помимо ее воли, и у нее не было сомнений, что и Мэта также неудержимо тянуло к ней. Все было нереально и волнующе, и она не помнила, чтобы такое было у нее с кем-то еще.

Уже в миллионный раз она машинально откинула волосы с лица и окинула взглядом полупустой паром. Основным преимуществом Нью-Йорка в это время года было почти полное отсутствие туристов, если не считать японцев, радостно щелкающих затворами фотоаппаратов. А что это за столица, если в ней нет японских туристов, все равно — летом или зимой? Неуправляемая лавина школьников из Бронкса, счастливо избежавших послеобеденных занятий, изводили своим непослушанием обессиленную учительницу. Джози очень хорошо знала, что та чувствовала в этот момент. А больше никого.

Прикрыв рукой глаза от низко висящего зимнего солнца, Джози посмотрела на другую сторону залива. Несмотря на отсутствие толпы поклонников, восхищенных ее красотой, статуя Свободы выглядела ничуть не менее величественной, чем обычно. На фоне невероятно голубого неба ее бронзовое одеяние, местами подернутое зеленью, ярко горело и переливалось в солнечных лучах, а виднеющаяся из-под подола нога, прокладывающая путь к благородной, хотя пока еще далекой, цели освобождения народа, вызывала благоговение. Как-то в разгаре лета Джози уже пыталась осмотреть эту статую великой воительницы, но в очереди на паром пришлось бы простоять часа два, а затем, прежде чем попадешь внутрь статуи, еще часа три жариться на солнцепеке в ожидании своей очереди. Тогда из-за невыносимых сетований Дэмиена она решила, что овчинка выделки не стоит. Сегодня, слава богу, это уже не сопряжено с такими неприятностями.

Как только пароход причалил к пристани, Мэт потянул ее за руку.

— Давайте обгоним их, поднимемся наверх раньше всех! — предложил он, уже с трудом переводя дыхание из-за сильных порывов ветра, и они побежали, обгоняя японцев, которые испортили всю игру, направившись не к статуе, а напрямиком в сувенирный магазин. Разгоряченные и веселые, они прибежали к памятнику в полном одиночестве. В одиночестве, но вдвоем. Джози взглянула на Мэта. Его расстегнутое пальто парусом раздувалось и билось на ветру, его лицо, когда он пропускал ее внутрь, было озарено широкой улыбкой игрушечного лабрадора. Одиночество вдвоем было приятным.

Лифты на первый уровень конечно же не работали. Внизу, в самом начале лестницы, было объявление с типично американской предупредительностью, предупреждающее о том, что «НЕ СЛЕДУЕТ ПОДНИМАТЬСЯ НАВЕРХ ТЕМ, КТО СТРАДАЕТ ГОЛОВОКРУЖЕНИЕМ, КЛАУСТРОФОБИЕЙ ИЛИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ». Очень вдохновляет.

— Вы уверены, что хотите подняться? — спросил ее Мэт.

— Я не страдаю психическими расстройствами, если вы это имеете в виду. — Вообще-

то, рассуждая о ее браке с Дэмиеном, мать часто высказывала сомнения относительно ее психического здоровья, тем более что любому нормальному человеку и так было совершенно ясно, что Дэмиен ей абсолютно не подходил.

— Рад это слышать.

Они оба посмотрели вверх на ступени, которые, казалось, уходили в бесконечность и даже еще выше.

— Неплохо бы уже начать подъем.

Они опять посмотрели вверх.

— Я готов, а вы?

Джози кивнула.

— Тогда пошли.

Несмотря на сильное сомнение в успехе предприятия, они начали равномерно продвигаться вверх. Джози была уже совершенно измотана еще до того, как они дошли до гигантских пальцев ноги статуи.

— Все эти жуткие занятия аэробикой не принесли мне никакой пользы, — выдохнула она.

Немного успокаивало то, что Мэту, казалось, было ничуть не легче; еще несколько пролетов, и дыхание сзади стало еще тяжелее, чем когда они были на ступеньке номер 0898.

Когда они миновали подол статуи, что вызвало некоторое ощущение игривости, лестница кончилась, и они оказались в помещении маяка. Здесь обычная лестница переходила в винтовую с треугольными ступенями, каждая из которых казалась опаснее предыдущей. Сердце в груди Джози бухало мощными низкочастотными ударами, как барабаны тяжелого металлического рока.

— С вами все в порядке? — спросил задыхающийся Мэт, поднятые брови которого выдавали беспокойство.

Джози хмуро кивнула:

— Отсутствие навыков нам, девочкам-скаутам, надо изживать тяжелыми тренировками. И делать это необходимо именно сейчас.

В свое время ей пришлось пролить море крови, пота и слез и сделать с десятков попыток испечь торт из концентрата «Мистер Перфект Бейк», чтобы, наконец, получить значок «Хорошая хозяйка». Неужели теперь она даст слабину и откажется от своего намерения только из-за встретившихся трудностей и нескольких ненадежных ступенек, ввинчивающихся в небо и дальше в небытие? Нет. Особенно если на нее смотрит Мэт Джарвис. Дух первооткрывателя, сила женщины и все такое. Джози посмотрела вверх. С секунду помедлила — ее сердце сильно билось в груди.

— О господи!

И вверх, и вниз расстояние было одинаковым. Если уж идти, то вперед, вверх.

После расставания с Дэмиеном в ней, похоже, развилось беспечно-наплевательское отношение ко всему. Наверное, в тот самый момент, когда на ее ковер в прихожей упал официального вида конверт, адресованный «миссис Дж. Флинн», ей и захотелось показать себе самой, какая она отважная и бесстрашная. «Новая жизнь», в которую она вступила, подразумевала подводное плавание с аквалангом-скубой в местном бассейне (где, покачиваясь на «волнах», заканчивали свое брэнное существование использованные презервативы), посещение клубов, куда она с трудом могла заставить себя зайти хотя бы раз. Таким был клуб «ОКО» — Оздоровительный клуб для одиноких. При первом же взгляде на

посетительниц этого богоугодного заведения можно было безошибочно сказать, почему каждая из них находится в разводе. Или, например, претендующие на элитность бары, куда полагалось приходить одной и под пристальными мужскими взглядами, сохраняя решительный и независимый вид, собрав всю свою волю в кулак, выпить хотя бы одну рюмку. Она дошла даже до того, что по «Желтым страницам» выискивала телефоны тех, кто дает уроки езды на мопедах. А сейчас вот она поднимается на эту бесконечно высокую статую, и если бы об этом узнали ее знакомые, то, вероятно, не поверили бы: все прекрасно знали, как она боится высоты. Вот что действительно хорошо, когда ты замужем, так это то, что вину за все свои идиотские поступки можно свалить на мужа. Теперь такой возможности у нее не было.

Складки одеяния статуи становились все мельче, напоминая мозговые извилины. Заклепки и стяжки арматуры, соединявшие всю эту громадную конструкцию, на вид были довольно хлипкими. Не было и перил, было ограждение, едва доходившее ей до колен. И, казалось, не за что будет схватиться, если вдруг...

Роста в ней, если встать на цыпочки, 160 сантиметров, и может быть, после двух батончиков «Марса», съеденных на бегу, в ней было уже полных 44 килограмма, но блузка восьмого размера была ей все же великовата (все из-за этой депрессии и вынужденной диеты «а-ля Дэмиен Флинн»). И все же это восхождение, которое надо было одолеть до конца, было для нее, мягко говоря, делом нелегким. И как только с этим справляются отяжелевшие от гамбургеров американцы? Ладони у нее сильно вспотели, и хотя, взбираясь наверх, она не меняла темпа движений, колени у нее все же стали ощутимо подрагивать.

Мэт следовал сзади на ступеньку ниже, и она чувствовала, как он все время следит, чтобы она не оступилась. Он уже не спешил, еле переставляя ослабевшие ноги и бормоча ободряющие слова в перерывах между тяжелыми прерывистыми вдохами.

— Еще немного, — тяжелое сопение. — Крутовато здесь, конечно, — недовольное сопение.

Вот ведь, как же он об этом узнал?

— Ну ничего, как-нибудь доберемся, — пыхтение у нее за спиной.

А что еще им остается делать?

Никогда в жизни она еще так не боялась. Во рту пересохло, зато ладони стали влажными, а в груди все горело огнем. Дыхание уже не было чем-то естественным, о нем надо было все время думать, а говорить она и вовсе уже не могла. Но и в этом оцепенелом состоянии сознания ей все же медленно заползло в голову, что, будь здесь Дэмиен, он наверняка скакал бы конем по ступеням все выше и выше, показывая всем и каждому, как должен действовать настоящий мужчина и обрушивая на ее голову град упреков за недостаток стойкости и уж точно нисколько не пытаясь успокоить и подбодрить ее, как это делал сейчас Мэт. Конечно, это ничего не значило, но все же такая мысль у нее возникла.

Складки медного одеяния стали качаться у нее перед глазами; в них не было ни одной жесткой формы, на которой можно было бы сфокусировать взгляд, и по спине у нее прополз червячок холодного пота. Пищевод превратился в туго скрученный канат, который болтался у нее в животе, погруженный в дрожащую массу ее нутра. Малоприятное ощущение. Все это она уже пережила однажды — когда Дэмиен объявил ей, что уходит.

— Хотите передохнуть? — спросил Мэт, когда они добрались до крохотной площадки в бесконечно извивающейся цепи ступеней.

— Нет, — с трудом выдавила из себя Джози.

— Вы уверены?

— Абсолютно. — Если она остановится, то уже не сможет сдвинуться с места. Вот в этом-то она была абсолютно уверена. Был только один путь — вверх, или только один путь — вниз. У американцев всегда так. В теории выглядит прекрасно, но по сути означает, что повернуться и пойти обратно вниз нельзя ни в коем случае. Выбрав путь, надо идти по нему до конца.

Японские туристы, совершенно не зная, устали от лихорадочных покупок в сувенирном магазине, уже наступали им на пятки. Джози совсем не улыбалось закончить свои дни, будучи зажатой между ними и школьниками наверху. И без того мысль о дальнейшем восхождении вызывала у нее спазмы в животе, а тут еще такая перспектива — эта шумная стая маленьких человечков будет дышать тебе в затылок. И Джози поднажала.

Она испытала огромное облегчение, когда туристы высыпали на смотровую площадку, хотя длилось это недолго. Окна, казавшиеся такими огромными снизу, с земли, на самом деле были не больше лобового стекла автомобиля, к тому же их покрывал толстый слой грязи. Ни одно моющее средство уже давно не нарушало их покой. Одно из них было приоткрыто на ширину стрелы, и в удушливую жару в набитое людьми помещение проникала тонкая струйка соблазнительно прохладного шелестящего сквозняка. Стоять здесь в летнюю жару, наверное, так же приятно, как в разогретой духовке в теплом пальто.

— Просто замечательно! — воскликнул Мэт, пытаясь восстановить дыхание.

И в самом деле замечательно. После долгой борьбы она все же взяла эту высоту. И обошлась без Дэмиена. Свобода — великая вещь!

Мэт стоял сзади, положив руки ей на плечи. От них веяло теплом и покоем. И силой. Он поцеловал ее в макушку.

— Ты просто великолепна. Без тебя я никогда бы не дошел до вершины.

Не ему бы говорить, не ей — слышать!

Вид на Манхэттен отсюда действительно впечатлял. Леголэнд в натуральную величину. Жаль только, что оценить все величие момента ей мешали дрожащие колени. Джози провела языком по губам. Впереди еще был спуск!

Мэт заботливо поставил перед ней пластиковый поднос с двумя бумажными стаканчиками с чаем и обязательными хот-догами, такими же пластиковыми на вкус. К чему такая предупредительность, она же не инвалид. Кафе тоже было все из пластика навязчиво-пастельных оттенков, чуть потертого, как в дешевой клинике. Здесь они были единственными посетителями. Ветер за окном гонял по террасе, то подхватывая, то разбрасывая охапки выброшенных оберток от гамбургеров и прочий такой же мусор. Несколько неряшливого вида чайки, кажется, совсем обессиленные в борьбе с тяготами жизни, бродили по кафе, временами склевывая что-то.

— Ну как, получше немного? — спросил он.

— Да, спасибо. — Ее улыбка была такой же жидковатой, как чай. Ничего в этом нет хорошего. Ну совсем ничего.

Это Мэт предложил съесть по хот-догу. Ему пришло в голову, что еда поможет ей справиться со спазмами в животе. При этом он не объяснил, почему вообще считает хот-доги едой, а эти — в особенности. Он пододвинул к ней стаканчик с чаем.

— В любом случае здесь есть вода, — заметил он, критически рассматривая его содержимое.

Джози била дрожь и внутри, и снаружи. Протянувшаяся к чаю рука так сильно задрожала, что ей пришлось засунуть ее глубоко в карман и дать ей покой еще на несколько мгновений.

— На таких восхождениях проверяется характер, — заметил Мэт.

— Если ты хочешь сказать, что у меня достаточно сильный характер, чтобы, даже дожив до ста десяти лет, не поддаться соблазну взобраться на эту статую снова, тогда я с тобой согласна. — Джози содрогнулась от такой перспективы. — По-моему, наличие психического заболевания должно быть обязательным требованием ко всем, кто собирается совершить восхождение к Свободе.

Мэт рассмеялся.

— В ноябре я была в Уэльсе, в самой глухомани, на выездной практике личного совершенствования, организованной в тот раз для учителей, поэтому сейчас я знаю обо всем, что имеет хоть какое-то отношение к экстремальным условиям, — заверила его Джози. — Вместе с лучшими из участников я спускалась с горы на тросе, плавала на байдарке и лазала по канатной сетке. Несколько раз я переходила Юстонское шоссе в самый час пик в местах, где нет светофора. А один раз — только один раз — я даже рискнула пойти на свидание с одним из этих убогих по газетному объявлению. Но ни одну из этих авантур и сравнивать нельзя с тем ужасом, что я пережила сегодня, — призналась она. Джози оценивающе посмотрела на хот-дог и поняла, что ни она, ни ее желудок были уже не в состоянии преодолеть еще одно испытание.

— Разве ты не рада, что мы все же сделали это! Разве у тебя нет ощущения победы?

— Если ты хочешь сказать, что я должна радоваться тому, что все позади, то да, — улыбнулась Джози. Все же теперь, когда она постепенно пришла в себя после пережитого страха, ее посетило волнующее чувство свершения. Ладно, по крайней мере, им не пришлось стоять в очереди.

— Это как роды, — убеждал он ее. — Когда вернешься домой и начнешь рассказывать

об этом всем своим друзьям и знакомым, то скоро забудешь о крови и боли.

Как и о боли расставания, которая также смягчается со временем.

— А ты, кажется, неплохо разбираешься в родах?

— Совершенно не разбираюсь, — усмехнулся Мэт. — Однако я знаю все, что необходимо знать о том, как надо преодолевать себя. И мне кажется, что если мы благополучно доберемся до конца нашего чаепития, то это уже будет неплохо.

— Преодолевать себя? — задумчиво повторила за ним Джози. Она тоже кое-что об этом знала. Когда-то она думала, что не сможет жить одна, а сейчас не понимала, как могла жить с Дэмиеном.

Наконец дрожь в руках поутихла, величина их колебаний по шкале Рихтера была незначительной; словом, уже не та неистовая трясучка, что была вначале. Хотелось бы надеяться, что и колени скоро успокоятся. Мало-помалу она приходила в норму.

В задумчивости она уставилась в бледно-бежевую жидкость в стакане.

— Может быть, ты и прав, — сказала она.

Затем, держась за руки, они бродили вокруг музея статуи Свободы, поражаясь способности американцев придавать большое значение даже самым банальным мелочам, делать из мухи слона, создавать бесчисленные копии, наводняющие собой бесконечные полки сувенирных магазинов и домов по всему миру; при этом всякая десятицентровая дребедень оценивалась, как правило, не меньше чем в двадцать долларов.

— Позволь купить тебе эту Свободу как напоминание о твоих достижениях, память о которых, правда, и без того будет жить в веках, — произнес Мэт, выбрав удивительно липкую статуэтку из зеленого пластика, голову которой венчала золоченая корона.

— Благодарю. — Статуэтка была невероятно безвкусной, но Джози уже знала, что будет дорожить ею больше всего на свете.

— А что, если еще и это в довершение картины? — Он водрузил на ее голову большую корону, как у Свободы, из зеленого пенополиуретана.

Джози снисходительно приняла соответствующую позу.

— Выглядишь потрясающе, — сказал он.

— Ну и лжец же ты, — ответила она. Он рассмеялся, но корону все же купил.

На обратном пути к пристани Мэт держал ее за руку, по-дружески, без всякого намека на интимность, но это тем не менее волновало ее, и она чувствовала, как под короной на голове пробегают горячие токи.

Они едва успевали на последний паром, и в сумерках силуэты небоскребов становились нечеткими. Они стояли у поручней и смотрели на Манхэттен, который надвигался на них по мере того, как они, успокоенные, толчками приближались к нему через Верхний залив Нью-Йорка. Солнце уже село, и теперь ощутимо похолодало. Пробирало до костей. Мэт притянул ее к себе, обвив руками, чтобы хоть как-то уберечь от порывистого ветра. Она бы предпочла укрыться внутри парходика и посидеть с ним так вот, обнявшись, в тепле буфета, но не двигалась, боясь прервать объятие Мэта, который, может быть, уже не решится вновь прижать ее к себе.

— Спасибо за отличный день, — прошептал Мэт, почти касаясь губами ее шеи. — Мне давно не было так хорошо.

Вот он наступил, этот неприятный момент, который она просто ненавидела. Момент, когда люди неловко перекидываются пустыми фразами, не решаясь сказать: «Прощай»,

«Пока», «До свидания», «Auf wiedersehen»^[3], «Adieu»^[4]. «Все было просто великолепно, но мне надо идти. Позвони. Нет, я лучше сам позвоню. Когда-нибудь. Скоро. Правда позвоню». А потом — еще и неловкость от того, что надо решить: целоваться или не целоваться? Целоваться, но не особенно пылко? Целоваться, но без привкуса отчаяния?

Каждый раз в подобных ситуациях она все равно делала что-то не так — именно это всегда и было последним, что она от них слышала. И почему только мужчины не могут быть честными и просто сказать: «Знаешь, все было отлично, но ты — женщина не в моем вкусе. Мне нравятся более высокие». (Варианты: более низкие, более полные, более худые, более светловолосые, больше похожие на мою мать, ну, в общем, другие.) Почему взрослые люди считают необходимым играть в эти детские игры?

— Джози... — вздохнул Мэт.

Нет, только не это, он не должен говорить, что она не из тех женщин, которые ему нравятся! Пусть он даст ей номер своего мобильного телефона и пусть одна цифра в нем будет намеренно не той; тогда всю вину можно будет свалить на неустойчивую связь и на ее невезучесть, а не на всю неадекватность ее поведения с мужчинами. И поскольку спать все равно жестко, то уж лучше постелить помягче.

— Мне очень... — Мэт опять вздохнул, — спокойно и уютно с тобой.

— Уютно? — нахмурилась Джози. — Как в старых шлепанцах?

— Нет, — Мэт всматривался в даль. — Нет, как в дорогих кожаных перчатках.

— А это что, хорошо?

— Да, — он развернул ее к себе, — очень хорошо.

— Разве?

— Все же лучше, чем в шлепанцах.

Джози фыркнула.

— Мне бы хотелось увидаться сегодня вечером, — тихо сказал он ей на ухо. — У тебя есть какие-нибудь планы?

О, пока я в Нью-Йорке, мне надо пообедать с таким множеством знаменитостей: с Дональдом Трампом, с Вуди Алленом, со Славом Сталлоне, может быть, даже с Биллом Гейтсом!

— Да, в общем, ничего такого, чего нельзя было бы отменить, — ответила она.

Мэт взглянул на часы.

— А мне надо не упустить тут одну рок-группу перегруженных гормонами парнишек.

— Известных под именем...

— «Крутоголовые».

— Крутоголовые?

На его лице отразилось отчаяние.

— Знаю, — вздохнул он, — я для такого староват. Я еще помню Нила Седаку. Более того, мне нравился Нил Седака! Меня самого кидает в дрожь от этого откровения, — он покачал головой и опять вздохнул. — Их студия находится в нижней части Ист-Сайда. Мне надо пройти еще и через это испытание.

Джози рассмеялась.

— Может быть, встретимся где-нибудь попозднее? Что ты об этом думаешь?

Она обрадовалась, что мысль о месте встречи ей в голову пришла тут же.

— Как ты относишься к мексиканской кухне? — спросила она. — Я знаю неплохое место, «Аламо», на Сорок восьмой улице в Ист-Сайде.

— Я обожаю все мексиканское. Восемь часов, пойдет? — Мэт шарил в карманах. — Пожалуй, мне лучше записать. Память у меня уже не та, что...

— У слона?

— ...что раньше. — Он вытащил ручку и помятый листок бумаги и что-то на нем нацарапал. Запихнул этот листок поглубже в один из карманов своего пальто и притянул ее к себе.

Губы у Джози пересохли. Свидание. Настоящее вечернее свидание, обед вдвоем. С тем, кого не знала раньше. Так вот, Джози Флинн, разведенка ты этакая, провинциалка из Богом забытого Кэمدена, все, оказывается, не так уж и сложно. Так ведь?

Мэт улыбнулся ей и опять крепко прижал к себе. Легкое нервное подергивание пробежало у Джози по животу: на сей раз она уже точно знала, что эта дрожь не связана с восхождением на статую Свободы.

Это были четыре юнца с еще свежими лицами. На них не было и следов подростковых прыщиков. Страшно несправедливо, ведь у него самого в пятнадцать лет лицо было, как пузыристая корочка пиццы. Мэт уселся в кресло как можно глубже. Похмелье все сильнее овладевало им, раскачивая из стороны в сторону в ритме бита. В затемненном подвале многоквартирного дома, недавно прошедшего реконструкцию, «Крутоголовые» нестройно брэнчали свою по-юношески похотливую дребедень со вкрадчивыми стишками о потерянной любви и с такой же слащавой музыкальной частью. И это новые битлы? Вот уж не сказал бы. Далековато им до трагического лиризма песен «Элинон Ригби» и «Она покидает дом».

«У-у-у-у, у-у-у-у, бэби, хочу, чтобы ты вернулась, о-о-о-о, а-а-а-а» и т. д., и т. п. Та-та-та-та, та-та-та-та, — отстукивала драм-машина. — Мое сердце вот-вот разорвется, о-о-о, о-о-о».

Все, как и следовало ожидать. Интересно, что они вообще знают о трагедии любви, в их-то возрасте? Господи, да они едва перешагнули через младенческое «агу-агу». Хотя, конечно, если ты идол девочек-подростков, то тебе гораздо легче приобрести опыт любовного общения, чем обычному тинейджеру. В его годы такой опыт приобретался на велосипедных стоянках и под крышами автобусных остановок. Однажды он почти уже расстался с невинностью в наполненной паром маленькой ночной прачечной, но вдруг появился сторож и выбросил их на улицу. Надо подождать, пока этим мальчикам не исполнится по тридцатнику, тогда жизнь уже пару-тройку раз пропустит их через свои жернова и они по-настоящему поймут, что это такое — потерять любовь. Крутоголовые, надо же. Хотя в их возрасте все мы считали себя именно такими.

Мэт закрыл глаза, и назойливая картинка — четверка волосатых парней, поп-идолов, молодыми жеребчиками скакавших по залу, — исчезла. Уж что-что, но только это не прорыв в новое музыкальное измерение. Не помнил он, чтобы битлам требовалось еще и танцевать под музыку; в добрые старые времена их поклонники и без того штурмом брали магазины грампластинок. Как бы то ни было, статья о них поможет заполнить четыре страницы безнадежно скучного журнала, номер которого уже давно было пора сдавать.

Он подумал, что там, на катере, головная боль у него сразу же прошла благодаря свежему воздуху, но в этой звукозаписывающей студии из-за духоты и мерзкого запаха голова стала раскалываться с еще большей силой. А может быть, тогда он просто стал временно нечувствителен к боли благодаря присутствию Джози. Физическое и эмоциональное ведь взаимосвязаны. А головную боль можно снять парой таблеток нурофена, для этого и предназначенных, или чашкой крепкого кофе. Правда, с сердечной болью сладить потруднее.

Почему же ему было так больно, когда он получил бумаги по разводу? Может быть, потому, что они воскресили в нем воспоминание о том, как он застал Николет, барахтающуюся в их супружеской постели с каким-то толстым лысым коротышкой, который ему и в подметки не годился? Или все из-за того, что, при всех ее недостатках, она-то быстро нашла ему замену и с резвостью щенка уже во второй раз пробежалась под свадебный марш к столу регистрации, а ему еще предстояло найти женщину, при виде которой брови его восхищенно поползут вверх, не говоря уже об учащенном сердцебиении.

А ведь Джози Флинн действительно взволновала его. Не она ли та женщина, с которой

можно снова съесть свадебный торт? Об этом стоит подумать.

«О-о-о, о-о-о, беби, что же такое ты делаешь со мной, о-о-о, о-о-о...»

Мэт приоткрыл один глаз и принялся цинично рассматривать этих мальчишек. Джози сексуальна и женственна, этакая женственная недотрога — «не прикасайся ко мне, а то испачкаешь» — есть в ней что-то такое, что не определишь словами. Было понятно, что такая никогда не станет заниматься сексом на первом же свидании, а это уже немаловажно: ему до смерти надоело выкладываться во всех этих безликих спальнях, чтобы казаться секс-героем в глазах женщин, которых он фактически не знал, да и знать не хотел. А Джози, по крайней мере, могла связно выразить свои мысли — талант, редко встречающийся у современных женщин, во всяком случае у тех, с кем он имел дело. И ноги у нее в порядке, хорошие ноги, эти ноги прошли весь путь до вершины без единой остановки. И попка маленькая и аккуратная; когда Джози ступала на очередную ступеньку, она немного качалась, дразня его своей бойкостью. Если учесть, что ей пришлось наступать на один миллион четырнадцать ступенек, то неудивительно, что в банке данных его памяти это движение отпечаталось так, что уже не стереть, и его можно считать специалистом по походке Джози. Да, впечатляющая получается характеристика.

А к тому же у него с ней сегодня свидание, и место записано на листочке, ожидающемся своего часа в глубине кармана его пальто. А как же его «обет безбрачия»? Это безбрачие было вызвано отнюдь не соображениями морали, а просто тем, что уже несколько месяцев он не вдыхал аромата женского тела. Но ради Джози Флинн он, пожалуй, нарушит свой обет. Мэт смиренно сложил руки на груди и позволил себе ухмылку. В общем и целом день удался, несмотря даже на оскорбление действием со стороны этой, с позволения сказать, музыки.

— Марта? Это Джози. Я приехала. «Сокол приземлился». — Джози, смотрясь в гостиничное зеркало, заляпанное пальцами предыдущих постояльцев, прикладывала к себе цветастую блузку. Слишком вызывающе для первого свидания.

— Джо-Джо, — оглушающе завопила ей в ухо Марта. — Хорошо долетела?

— Замечательно. Напилась с соседом по салону. А потом мы взбирались на статую Свободы. И он пригласил меня сегодня на обед.

— Ты пойдешь?

Джози нежно прикоснулась пальцами к зеленой короне, которая все еще красовалась у нее на голове.

— Вопрос из серии «Папа римский пьет церковный ликер»? Конечно, пойду.

— Он милый?

— Не то слово! — Она глупо улыбалась сама себе в зеркале.

— Я хочу все о нем узнать! Когда ты ко мне приедешь?

Джози приложила к себе черный свитер. Слишком уныло, особенно если учесть ее теперешнюю мертвенную бледность.

— А когда мне надо быть?

— Мы назначили встречу с косметологами и маникюршами в салоне красоты на десять тридцать, затем в двенадцать будет завтрак для подружек невесты в ресторане у Гинелли, в шесть — репетиция свадьбы, потом едем домой и в семь тридцать репетируем свадебный обед, и наконец ровно в десять ложимся спать, чтобы наутро быть свеженькими и красивенькими.

— Ты читала по бумажке?

— Свадебная церемония разрабатывалась с такой военной точностью, какая и Пентагону не снилась. Я все наизусть помню. На всякий случай.

— Ты приготовила мои туфли?

— Конечно. А ты не забыла привезти платье?

— Не забыла. — Пятнадцать с половиной метров невесомого сиреневого шифона, компактно смятого, лежали в ее чемодане.

— Ты уже повесила его на плечики?

— Уже повесила. — Джози бросила виноватый взгляд на скомканную ткань. Повешу сразу же, как повешу трубку. — Как там у тебя дела?

— Просто кошмар.

— А как отец со всем этим справляется?

— Плохо.

— А ты сама?

— Приезжай поскорее, я очень хочу тебя видеть. — Голос Марты звучал как-то необычно, чуть надтреснуто, что ли.

— Ну-ну, — мягко произнесла Джози. — Не успеешь моргнуть, а я уже там.

В трубке послышался смешок Марты.

— Ну вот и хорошо. Увидимся завтра утром. Ясным ранним утром.

— Помни, Джозефин Флинн, ты обещала мне приехать рано утром. Не хотелось бы, чтобы, проведя всю сегодняшнюю ночь в гостиничном номере в компании какого-то насильника, ты наутро приехала ко мне невыспавшаяся, вся в синяках, со следами зубов и со всклокоченными волосами. Наш салон красоты принесет тебе гораздо больше пользы.

— Обещаю, — Джози приложила к себе розовый кашемировый свитер, — что насилуют меня будут только полночи. — То, что нужно. Для молоденькой девушки просто верх роскоши. Дорого, но купить можно. Нежно и в то же время изощренно. А если еще положить побольше тон-пудры, то вообще можно за человека сойти.

— Не опаздывай.

— Не опоздаю.

— Приятно провести вечер.

— Спасибо, постараюсь.

— А потом все мне расскажешь.

Джози опять ухмыльнулась своему отражению в зеркале и подумала, не побрить ли ей еще раз ноги, все еще нывшие после прогулки.

Администратором «Крутоголовых» была костлявая девица с грудью, как у Кайли Миноуг, одетая в брюки и коротенькую кофточку. Она усердно демонстрировала ему свой плоский живот, стараясь, чтобы он выглядел округлым.

— Привет, — сказала она, стараясь перекрыть шум, пардон, музыку. — Я Холли Бринкмен.

— Мэт Джарвис. — Он встал и пожал ей руку, что показалось ей забавным.

— Стильные ребята, правда?

— Э-э... да. Стильные. — Он собрал в кулак всю свою волю, чтобы произнести эти слова с воодушевлением, хотя эта чертова четверка совсем его не воодушевляла. Наверное, ему надо сменить работу.

— Я принесла вам пресс-релиз и их компакт-диски.

— Отлично. — Эти диски пополнят его коллекцию рекламных компактв, наряду с четырьмя сотнями других таких же, которые он так ни разу и не прослушал. Возможно, он как-нибудь продаст их все разом и отправится на эти деньги в кругосветное путешествие на катамаране. Хотя, честно говоря, эти триста девяносто девять дисков молодежных команд вряд ли вообще кто-то слушал, разве что записные неудачники, которым, кажется, ничего другого и не остается. Но помечтать-то можно.

— А когда материал будет опубликован?

— Очень скоро. В каждом номере мы даем ретроспективные материалы, посвященные «Битлз», ведь скоро юбилей Джона Леннона... — Девушка делала отчаянные попытки проявить заинтересованность, но в ее глазах ясно читалось: а кто такой Джон Леннон? — Мы сравниваем их с новой волной сегодняшних музыкантов, имеющих влияние в музыкальном мире. — Он взглянул на «Кругоголовых». Как можно сравнивать их с «Битлз»?!

— Потрясающе. — Она удовлетворенно обхватила себя руками: ее администраторская обязанность благополучно выполнена. — А Пол Маккартни сейчас уже... как же вы это называете?... вышел на пенсию по старости? Да?

— Почти что, — неохотно согласился Мэт. Такое напоминание о неумолимости времени было горьким: трудно было представить себе этих легендарных музыкантов получающими бесплатные проездные на автобус и уступающими дорогу такой вот разношерстной компании.

— Хорошо бы дожить до пенсии, — хохотнула Холли.

— Хорошо бы создавать такие песни, как у «Битлз», — поставил ее на место Мэт.

— Для этого надо иметь талант.

Что верно, то верно. И ему подумалось: а в чем же его собственный талант?

К счастью, Холли прервала ход его мыслей еще до того, как они приняли совсем уж мрачное направление.

— Вы раньше бывали в Нью-Йорке? — спросила она.

— Много раз.

— И вам не требуется дружеская помощь?

— Да нет, спасибо.

— Я сейчас отвезу парней поесть, а потом в клуб. Хотите с нами?

Если я чего-то и хочу, то совсем не этого.

— У меня планы на сегодняшний вечер. — У меня сегодня свидание, горячее страстное свидание!

— О! — Она выглядела разочарованной.

Он мягко ей улыбнулся. Она мила и молода, она просто старается как можно лучше выполнять свою работу, а он ведет себя почти грубо.

— Спасибо за приглашение, — сказал Мэт, — может быть, как-нибудь в другой раз.

— Хотите выпить? — Холли помахала бутылкой у него перед носом. — Это виски. «Джек Дэниэлс».

— Нет, благодарю.

— Пропустим по маленькой?

— Нет, в самом деле.

— А ребята сейчас пройдутся по своему новому синглу. Оставайтесь послушать.

— Мне уже скоро уходить.

— Одну на дорожку? — Холли смотрела на него умоляюще.

— Ну, если только совсем чуть-чуть.

Она плеснула виски в высокий бокал и протянула ему. При одном виде виски у Мэта вновь стала раскалываться голова, однако вкус ему понравился. Все как надо — привкус собачьей шерсти и все такое.

Спустя два часа еще два полных бокала «Джека Дэниэлса» и двадцать два прогона песни «Ты мне нужна, детка, мне нужна любовница» Мэт уже здорово набрался и понимал это, как понимал и то, что ему уже давно пора быть совсем в другом месте.

— Я должен ехать, — невнятно пробормотал он.

— Вот номер моего телефона, — глядя ему прямо в глаза и стараясь при этом не выглядеть назойливо, протянула свою визитную карточку Холли. — Звоните мне. В любое время.

— Да у меня уже есть все, что нужно, — сказал он, похлопывая по пачке брошюр и, несмотря на свое крайнее опьянение, притворяясь, что не понял ее намека. — Завтра приеду взять интервью у ребят.

— Постараюсь быть здесь.

— И я тоже, — сказал он и, едва держась на ногах, направился к выходу.

Ресторан «Аламо» был полон молодых преуспевающих ньюйоркцев, одетых дорого и ультрамодно. Мужчины в полосатых рубашках и в брюках с подтяжками, женщины в коротких юбках, хриплыми голосами кричавшие что-то друг другу через столики и визгливо хохотавшие. Через проход от нее полным ходом шло празднование чего-то, и одна разбитная особа с командирскими замашками, дама-командирша, окруженная молчаливыми гостями, приступила к основной части церемонии. Джози сразу же возненавидела ее. Дальше, через несколько столиков, сидела, вперившись друг в друга взглядом, раскаленная от страсти парочка. И им было наплевать на толчею вокруг, на официанта, который у их столика исполнял настоящий цирковой номер, обливая их десерт струей какого-то алкогольного напитка, полыхавшего настоящим пламенем, прямо из бутылки. Впечатляюще, ничего не скажешь. А они ничего не замечали вокруг. Все попытки бедного официанта вызвать их интерес к тому, что он делал, были напрасны. Когда он закончил, Джози еле слышно поаплодировала ему, и он молча поблагодарил ее, подняв бровь.

Джози сидела прямо в центре зала, выставленная на всеобщее обозрение, все еще совершенно одна. Мэт опаздывал уже на час. Она знала, что на час, потому что смотрела на часы каждую минуту и, значит, посмотрела на них уже шестьдесят раз. Подходил к концу уже третий стакан клубничного коктейля «Маргарита», и его вкус, вначале совершенно божественный, казался ей уже отвратительным, и она пила его с тем же удовольствием, с каким пила бы, наверное, соляную кислоту из батарейки. Она уже поиграла с беспечным видом соломинкой, и часами, и сережками, и своими волосами, но беспечность можно изображать от силы минут десять, а потом делать это становится уже неудобно. И где его черти носят? А она-то была просто уверена, что он придет. Ведь они так чудесно провели сегодня время вместе. Все эти ступеньки, хот-доги с пластмассовым вкусом и безвкусный чай, эта зеленая корона. Разве это не было прелюдией к настоящему свиданию? Да, он сравнил ее со шлепанцами и с перчатками. Ну и что из этого, и то и другое по-своему вещи необходимые. Он сказал, что ему было легко и уютно с ней. Очень легко.

Настолько легко, что он заставил ее сидеть здесь в одиночестве. Такой одинокой

петунией на луковой грядке.

Официант пронес мимо нее поднос с каким-то необыкновенно пахнущим пряным блюдом. Посмотрел на нее с жалостью. Джози набрала в рот минеральной воды — надо дать передышку трио «Маргарита». Вода была безвкусной, теплой и без единого хилого пузырька, способного хоть немного оживить угрюмую поверхность. Господи, как же она ненавидит мужчин. Всех. Когда вернется домой, то станет лесбиянкой. Ее подруга Катарина была замужем четыре раза, а теперь стала лесбиянкой, так что, наверное, в этом все же что-то есть. Если Катарина по три раза за ночь может делать это и как женщина, и как мужчина, то и любая другая сможет. Зато какие преимущества: кто-то станет гладить твои блузки, стирать брюки и помнить о том, что надо вовремя заплатить по счету из магазина «Барклай», а ты будешь развлекаться на стороне и заниматься спортом. Чем больше она размышляла на эту тему, тем привлекательнее казалась ей такая жизнь.

Может быть, ей позвонить Мэту, проверить, в гостинице ли он еще. Но сможет ли она вспомнить название гостиницы? Может быть, он вернулся после прослушивания той группы, впал в кому, вызванную совместным действием алкоголя и сменой часового пояса, стал совершенно невосприимчив к ходу времени и к тому факту, что его ждет некто, кто мог бы представлять для него больший интерес, чем даже какая-нибудь признанная красавица. А может быть, на него напали и он лежит, истекая кровью, на какой-нибудь улице, обсаженной деревьями, за которыми его никто не замечает; здесь такое постоянно случается — она уже смотрела первый канал нью-йоркского телевидения. Джози проглотила свою лишнюю вкуса воду. Скорее всего, он просто негодяй.

Она даст ему еще пятнадцать минут, а потом уйдет.

Спустя полчаса мимо опять прошел тот официант.

— Вы думаете, ваш друг еще придет, мэм?

— Нет, не думаю. — Наверное, столик нужен для какой-нибудь счастливой парочки влюбленных голубков, а здесь сидит мрачная брошенная, разведенная женщина.

— Желаете что-то заказать?

Да ей кусок в горло не полезет. Желудок у нее свело спазмом, и если она попытается просунуть сквозь свои сжатые губы мясной блинчик энчиладу, то он, скорее всего, попадет не в то горло и она задохнется.

— Нет, спасибо.

— Еще один коктейль?

Она не вынесет еще одного коктейля, к тому же завтра утром ей надо прийти на свадебные приготовления Марты свежей и улыбающейся.

— Нет, я, пожалуй, пойду. Он позвонит мне в гостиницу.

На лице официанта отразилось сомнение. Она его разделяла.

Когда Мэт вышел из дверей звукозаписывающей студии, вдоль по Кэнел-стрит гулял завывающий ветер. Была ясная звездная ночь, морозный воздух был пронзительно-колким и жгучим, и это немного пробудило его от пьяной отрешенности. Ведь сейчас он должен обедать с Джози! И угораздило же его остаться и так набраться! Ему придется долго выкручиваться, объясняя причину всего этого. В чем бы ни состоял его талант, отношения к женщинам это уж точно не имело. В этом, как ни печально, он полный идиот. В кои веки ему встретилась молодая женщина, к которой он чувствует то, что не чувствовал к другим, — и нате вам, он умудряется все так усложнить.

Такси, такси, такси, ему нужно поймать такси. Но разве можно поймать такси, когда оно так необходимо? Конечно же, дорогой читатель, рядом не было ни одного такси. Такси, как полицейские: они исчезают из поля зрения именно тогда, когда они больше всего нужны.

Мэт пошарил в кармане, ища бумажку с названием ресторана и его адресом. Пока он шарил, бумажка скаталась в шарик. А когда он стал разворачивать его, злобный ветер, выбрав подходящий момент, вырвал шарик из неуверенно двигающихся пальцев и понес, посвистывая себе, через дорогу.

— Только не это! — закричал Мэт, пока бумажка весело резвилась среди бегущих колес. Он соскочил с тротуара на дорогу, готовый немедленно пуститься в погоню за беглянкой, но она скрылась в автомобильном чаду и пару от машин, две или три из которых к тому же отвратительно надрывно ему сигналили. «Вернись», — закричал он. Но бумажка совершенно не желала, чтобы ее поймали. Он почти слышал, как она кричала ему: «Я свободна, свободна!»

Мэт схватился за голову, запустив пальцы в волосы. Ему захотелось то ли заплакать, то ли сильно ударить что-то неживое. И тут перед ним остановилось такси. Пораженный, но полный благодарного благоговения, Мэт сел в него.

— Мне надо в... в... — Куда же ему ехать? — В... в мексиканский ресторан.

— Ме-ки-кан-ски? — переспросил водитель.

— Вы мексиканец?

— Ке?

— Мекикано?

— Си.

— Мне нужно в мексиканский ресторан.

— Ке?

— Си, си.

— Ке?

— Куда вы ездите обедать?

— Обедать? Бит Мак?

— Да нет же, — завопил он. Медленнее: — Куда — вы — ездите — обедать — по-мексикански?

— Ме-ки-кан-ски?

Думай, Мэт. Думай. Под дурманящими волнами «Джека Дэниэлса», на самом дне, лежит твой мозг.

— Название как-то связано с кровопролитием. Что-то наподобие битвы у Малого Большого Рога, последнего поста Кастера, техасской резни цепной пилой...

— Кьен?

— Нет, Кастер. — Мэт в отчаянии откинулся на спинку сиденья. — Господи ты боже мой! Ты же чертов мексиканец и должен знать, где находится приличный мексиканский ресторан!

— Биг Мак?

Мэт обхватил голову руками и крепко сжал. Думай. Думай. Думай. Но озарение так и не наступало.

Водитель выжидающе смотрел на него.

— Кьен?

Плечи у Мэта печально сникли.

— Ладно, просто отвези меня в гостиницу.

— Ке?

— Только не начинай с начала! — И Мэт дал мексиканцу адрес своей гостиницы.

Успокоившись, водитель встроился в движение, и Мэт откинул голову на спинку сиденья. Дурак. Вот дурак-то. Где-то в этом безликом городе сидит красивая женщина и терпеливо ждет его (правда, может быть, уже нетерпеливо), а он такой идиот, что сумел забыть, где именно. Нельзя даже сказать, что память у него, как дырявое решето — это было бы незаслуженным оскорблением для всего семейства решет, да и сит в придачу. Он не знал номера ее телефона, не знал названия гостиницы, в которой она остановилась, найти ее — как иголку в стоге сена. Он оказался в городе, который никогда не спит ^[5], а ему ничего не остается, как идти спать. Одному. А завтра к вечеру он разделается с «Крутоголовыми» и с этим городом и — перелетная птица — полетит в родные края. А свою птицу счастья он упустил прямо из рук. Хороший мальчик, Мэтью.

Такси медленно подползло к очередному светофору, и Мэт закрыл глаза, отгородившись от мигания неоновых рекламных экранов, особенно резких на фоне уличной темноты; городской шум просачивался в машину, а завывание вездесущих полицейских сирен теребило его мозг. Внезапно глаза его открылись, и он резко выпрямился на сиденье.

— Это «Аламо»! — завопил он. — Черт возьми, это «Аламо»!

— А, си сеньор, «Аламо»!

— Я вспомнил! Я вспомнил! — Он даже почувствовал слабость от облегчения после такого напряжения.

— «Аламо».

Мэт стиснул кулаки: дай Бог, чтобы пронесло, не сорвалось опять.

— Есть Бог на свете!

— Си.

— Быстрее, быстрее! Поворот. Я выйду здесь. Пронто, пронто ^[6]. Арриба ^[7]!

Розовый кашемировый свитер был ее ошибкой. Большой ошибкой. Под мышками было влажно, и все тело чесалось. Как она могла так ошибиться в Мэте? Она ни на минуту не усомнилась в его честности — на его лице порядочность была начертана крупными буквами. Но ее знание людей оказалось настолько же глубоким и серьезным, как и «хлопомер» Хьюго Грина в последнем выпуске «Ударов удачи». Ее и на пять минут нельзя оставить одну, она сразу же влюбляется — и, конечно же, в того, кто ей совершенно не подходит. И все та же история. Интересно, как она сможет найти подходящего человека, когда все проводки в ее голове перепутались так, что она уже не способна отличить порядочного человека от подлого? Ей ведь даже в голову не пришло, что Мэт может не появиться в ресторане, и сейчас она не знала, сердиться ей или подумать о своем психическом здоровье.

Лучше сердиться, так легче успокоиться.

Непонятно, почему она должна была отменять свои планы, чтобы пообедать с Мэтом Джарвисом? Она могла обедать с кем-то другим, например с Дональдом Трампом. Ей надо было воспользоваться советом матери и позвонить Биллу Гейтсу. Может быть, он грустит сейчас где-то за углом в таком же гостиничном номере, как у нее, один перед телевизором в компании пиццы и банки пива и ждет не дождется, чтобы хоть кто-нибудь ему позвонил. Вопреки расхожему представлению, наличие миллионов не дает человеку счастья. Она

оставила на столике чаевые для официанта и стала пробираться к выходу через радостную, оживленную толпу. Наконец она оказалась на тротуаре одна.

Воздух на улице был холодным, на самом деле очень холодным, это был совсем не тот искусственный холодок, который, несмотря на зимнее время, нагнетали в ресторанный зал мощные кондиционеры. Стоит ли стоять и ловить такси или лучше пройти пешком пару кварталов до гостиницы, рискуя подвергнуться нападению и ограблению или быть застреленной? Она предпочла быть ограбленной и застреленной. Несмотря на все разговоры о преступлениях на улицах Нью-Йорка, в наши дни на них не так опасно, как на улицах Лондона. И с этой, немного подбодрившей ее мыслью она зашагала, понося Мэта Джарвиса на чем свет стоит, причем самым главным обвинением было то, что он законченный негодяй и подлец.

Взвизгнули тормоза — ко входу в ресторан подкатило желтое такси, остановившись в паре метров позади нее, и Джози обернулась, чтобы посмотреть, кто приехал. Поддалась искушению.

Мэт вглядывался в здание сквозь запотевшее стекло. Нет, он не ошибся. Фасад в мексиканском стиле на ничем не примечательной улице не оставлял сомнений.

— Да-да-да, — проскандировал Мэт.

Джози заколебалась. Может быть, стоит подождать и взять такси после этого пассажира? Нерешительность — вот ее главный порок. Нет, она приняла решение, и она пойдет пешком. Ей только на пользу, если она сожжет калории после обеда, который не ела. Она повернулась и быстро зашагала по направлению к центру.

Мэт выпрыгнул из такси, расплатился с шофером, а затем, в приливе вселенской любви, поцеловал его прямо в губы. «Я люблю тебя», — выкрикнул он в лицо ошеломленному таксисту и сломя голову ринулся в ресторан.

— Лавиния? Как вы поживаете?

— Прекрасно. Кто это?

Дэмиен сложил лист бумаги пополам.

— Это Дэмиен.

— Я настаиваю на том, чтобы вы назвали свое полное имя. Дэмиен...?

Дэмиен откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол. Он не выносил мать Джози. Но ведь первой возненавидела его она. С того самого мгновения, когда она впервые взглянула на него, она решила, что он ей не нравится. А потому, пока они с Джози встречались, им обоим приходилось очень нелегко, а сама свадьба была весьма далека от того радостного праздника, которым полагается быть свадьбе. С самого первого дня Лавиния дала ему понять, что не считает его достаточно хорошим женихом для своей драгоценной доченьки, хотя, похоже, это происходило со всеми претендентами на руку Джози. Соберись в их доме самые знаменитые холостяки мира, они все равно не смогли бы соответствовать всем ее требованиям. Даже увидев сказочного принца, она посетовала бы на недостаточную его сказочность.

Дэмиен всегда нравился людям — и в школе, и в университете, и на работе, и он никак не мог привыкнуть к тому, что кто-то испытывает к нему отвращение. Но, как и всякое новое ощущение, это тоже вскоре притупилось, и они с Лавинией старательно избегали друг друга, встречаясь только на семейных торжествах или когда на этом настаивала Джози. На свадьбах, на похоронах, на крестинах. На Рождество, на День матери. Хотя единственный праздник, который, по его мнению, подходил Лавинии, был Хэллоуин с его чертовщиной и театральными ужасами. Но даже в день, когда долг загибал свой отвратительный мизинец, начиная отсчет того, что ему необходимо сделать на праздники, он, как правило, устраивал все так, чтобы, по той или иной причине, допоздна задержаться на работе. Но в Рождество им все же приходилось встречаться, и он был вынужден наслаждаться индейкой «по-лавиниевски». Ему приходилось надевать «шапку зятя»; это было таким же непременным атрибутом Рождества, как и безвкусные обертки, в которые заворачивалось равно безвкусное печенье, также в обязательном порядке выпекавшееся тещей. Ему всегда хотелось провести Рождество на Мальдивах, но Джози даже слышать об этом не желала. Для Джози не было Рождества без всей этой мишуры, без индейки, без колбасок, завернутых в ветчину, — и без страданий.

Однако последнее Рождество было еще хуже, если такое вообще возможно. С Мелани ко всему прочему добавлялись дети, просыпающиеся с первыми лучами солнца, притворяющиеся, что верят в Санта-Клауса, но, по сути, лишенные любви и заботы даже в большей степени, чем он сам, когда был в их возрасте. В черную дыру под названием «Рождество» в этом году ухнули огромные суммы наличности, на которые покупались самые последние, совершенно ненужные пластиковые новинки. Его мечта о Мальдивах быстро улетучилась.

— Вы разговариваете как один из этих лощеных агентов по продаже, — изрекла Лавиния.

— Лавиния, я хочу найти Джози.

— Думаю, что она не хочет, чтобы вы ее нашли.

Дэмиен надел на шею монстрику, украшавшему его стол, резинку. Подарок от детей Мелани, который они сделали ему незадолго до того, как тоже решили, что ненавидят его.

— Лавиния, — он постарался скрыть нотки раздражения, — мы подумываем о том, чтобы опять быть вместе.

— Только через мой труп!

А это уже провокация!

— Она на днях подписала бумаги по разводу, — напомнила ему теща.

У Дэмиена мурашки пробежали по телу. Вот что было хуже всего в их браке: Джози все всегда рассказывала матери. Не преувеличивала обиды и прочее, а просто обсуждала с ней абсолютно все. Даже самые интимные мелочи. Когда из-за перегрузки на работе у него стали случаться преждевременные семяизвержения, она первым делом побежала звонить матери. И Лавиния копалась во всем этом; не только потому, что терпеть его не могла и радовалась тому, что он бежит впереди паровоза, но и потому еще, что мнила себя опытным и всезнающим консультантом по семейным проблемам, не хуже самой Клэр Рейнер.

— Думаю, что сейчас она об этом жалеет, — холодно отпарировал Дэмиен.

— Она пожалеет, если попадется мне под руку!

— Я весь день пытаюсь до нее дозвониться, но ее нет дома. В школе сказали, что первое полугодие закончилось, и сейчас все разъехались на каникулы.

— Им ли не знать.

— Конечно. Так где же она?

— Мне кажется, к вам это отношения не имеет.

— Она уехала?

Последовало ледяное молчание. Да, тещ есть за что ненавидеть. Дэмиен спустил ноги со стола и наклонился вперед: надо было, чтобы его слова прозвучали убедительно.

— Лавиния, мне надо с ней срочно поговорить. Вы можете понять, что от этого зависит счастье вашей дочери?

— Моя дочь будет счастлива, если останется там, где она сейчас. Очень, очень далеко от вас.

— Итак, она уехала на каникулы, — Дэмиен усмехнулся своей ловкости и изобретательности. Но затем ему пришла в голову ужаснувшая его мысль. — А с кем она поехала?

Мысленно он уже видел, как Лавиния поджала губы. Она, безусловно, жалела о своем промахе. Тыча ножом для бумаг в полузадушенного монстрика, он спросил:

— Она уехала с этим новым мужчиной?

— С каким новым мужчиной? — В голосе тещи явно звучала озабоченность.

Дэмиен удовлетворенно улыбнулся и сбросил монстрика на пол: вот тебе, Лавиния!

— Я найду ее, Лавиния, и вернусь с ней! И к ней!

Он повесил трубку прежде, чем теща смогла сказать свое последнее слово, что она делала всегда. Она, должно быть, задохнулась от ярости. Он улыбнулся удовлетворенной улыбкой предельно довольного собой человека.

Дэмиен закусил нож для бумаг, и кончик ножа застрял у него меж зубов. Итак, Джози уехала на каникулы с каким-то новым мужчиной. А ее мать представления не имеет, кто это. Удовлетворенная улыбка улетучилась, и он застучал кончиками пальцев по столу. Это плохо, вот это и в самом деле плохо. Раз Джози скрыла от матери его существование, значит, это и в самом деле серьезная связь. Очень серьезная. Слишком серьезная. Из чего следует, что эту

связь следует прервать. Немедленно.

Джози во взятом напрокат в фирме «Герц» автомобиле и в солнечных очках осторожно ехала в сторону аллеи Генри Гудзона, оставив позади Манхэттен и Мэта. Она плохо спала этой ночью. Мешали шум за стеной, жесткая постель и измотанные нервы. Заснуть она смогла только тогда, когда надо было уже вставать. И пока неистово терла зубы щеткой с «Сенсодином», сама себя вконец запутала, размышляя о подлом предательстве Мэта.

Сейчас, благодаря чашке крепкого черного кофе и горячей булочке с черникой, которыми она позавтракала в грязноватой столовой за углом, и веселой песенке «Джэммин 101», лившейся из радио, она чувствовала себя значительно лучше. Небо было безоблачным и чистым, а солнце все еще было не по сезону жарким. Она вдруг подумала об облаке сиреневого шифона, который понравится Марте. У нее-то сейчас все в порядке.

Ей очень хотелось вновь увидеть двоюродную сестру. Обычно они встречались не реже раза в год, по очереди давая друг другу приют, каждая в своих владениях, и обе регулярно получали астрономические счета за трансатлантические телефонные переговоры, удивительным образом совпадавшие по времени с кризисными ситуациями в их жизни. А в последние годы такое случалось не раз.

Надрывное стремление Марты обрести «настоящую любовь» никогда не приводило ее на гладко вымощенную дорогу, и Джози привыкла к очень ранним или очень поздним звонкам двоюродной сестры, которая в своих горьких страданиях забывала о пятичасовой разнице во времени. Сумбурное же расставание Джози с Дэмиеном принесло значительные прибыли телефонной компании «Бритиш Телеком», а потом, прошлым летом, совершенно неожиданно последовал звонок с сообщением о смерти матери Марты, после которого их общение на некоторое время прервалось.

Матери Джози и Марты, Лавиния и Джинни, были близнецами, похожими друг на друга как две капли воды. Джинни помахала на прощание ручкой их родному городку Ливер Бердз в начале шестидесятых, когда все остальные паковали чемоданы, чтобы вернуться в Индию в радостном возбуждении и надеждах, которым не суждено было оправдаться. А она устроилась няней в богатую семью ньюйоркцев. По шестнадцать часов в день она работала, приглядывая за целым выводком неуправляемых потомков благородного семейства, и возвращаться домой даже не думала. Потом она вышла замуж за богатого сицилийца в третьем поколении и произвела на свет единственную наследницу мафиозного богатства — Марту. Марту Россани. А Лавиния не уезжала дальше своих родных мест, в ее замужестве не было ничего выдающегося, и на свет появилась Джози. И несмотря на то, что физически их разделяло более трех с половиной тысяч километров, никогда не было сестер, привязанных друг к другу более сильно, чем они.

Обе они были веселые, бодрые, красивые, а теперь Джинни не стало. Она умерла от сердечного приступа, делая ответный удар по теннисному мячу в парных соревнованиях в их клубе. В тот раз они выигрывали. Конечно, вся семья была в отчаянии, но Лавиния страдала намного сильнее других — Джози знала: в тот день на теннисном корте умерла часть ее матери. Она не была на похоронах, и у нее не было моральных сил присутствовать на свадьбе Марты, зная, что ее второй половины там не будет. Таким образом, Джози оказалась единственным представителем британской части их семейства. Поэтому-то в ее дорожной сумке бренчала и позвякивала примерно половина товаров торговых сетей «Британский

Дом», «Маркс и Спенсер» и «Дэбенхэм».

Джози, притопывая в такт музыке, проехала по аллее Сомил Ривер Парквей мимо дорожных указателей с уже знакомыми, но такими непривычными названиями — Тэрритаун, Плензентвиль, Чаппаква и Маунт Киско — и в конце, свернув с основной дороги, спустилась вниз и въехала в Катону.

Катона находилась в районе Пейтон Плейс. Настоящие декорации какого-нибудь фильма — все прибрано и вылизано. Для доставки обитателей района на Большой центральный вокзал — в самую сердцевину Большого Яблока, как шутливо называют Нью-Йорк — вела железная дорога со кокетливо старомодной станцией. По обеим сторонам главной улицы с ее антикварными лавками, магазинами мягкой мебели и гастрономами, набитыми всякими вкусностями, роились кучки домиков с дощатой обшивкой. Чистенькими и симпатичными были даже скамеечки, выкрашенные в белый цвет.

Марта жила на самом краю этого пригорода в розовом доме, как будто сделанном из засахаренного миндаля (производившем, однако, внушительное впечатление своими размерами), окруженном огромной территорией, плавно сливавшейся с близлежащими лесами. Казалось, он весь состоял из ставен и деревянных полов и насквозь пропитался запахом кленового сиропа. Джози любила его и часто жалела, что он так далеко от нее. В детстве он был для нее вторым домом, и они с матерью часто проводили здесь все ее летние каникулы.

Она увидела сестру сразу же, как только повернула за угол на широкий прямой подъезд. Марта сидела на передней террасе, поджав ноги, глубоко погруженная в свои мысли. Она казалась маленькой и растерянной, но, увидев машину Джози, вся превратилась в вихрь, который всеми руками и ногами понесся навстречу Джози по широкому подъездному пути. Вихрь этот сопровождался радостными визгами и воплями, которыми выражают свой восторг старшеклассницы в американских фильмах для подростков. Марта распахнула дверцу машины, не дав ей даже толком остановиться.

Джози вышла, и они бросились друг другу в объятия.

— Ты привезла платье? — Под глазами Марты были темные круги.

— Привезла. — Джози оторвалась от сестры и посмотрела ей в глаза. — Господи, до чего ты себя довела: кожа да кости.

— Пользуюсь положением невесты — ничего не ем, сижу на одной наркоте.

Очень на то похоже. И в лучшие времена рацион Марты был, мягко говоря, эклектичен. На завтрак у нее обычно была жидкая болотная грязь, называвшаяся зеленой водорослью алги и бывшая по эту сторону океана последним писком пищевой моды (которая, вероятно, доберется до ее Кэмдена только следующей весной). В этой водоросли тонны витаминов и всякой другой полезной всячины, которой и названия-то еще не подобрали. За водорослью следовала двойная порция оладий с шоколадной стружкой или круглые еврейские хлебцы бейгели со сливочным сыром и корицей, а бывало, и то и другое. По правилам Марта должна была бы ожиреть и вся покрыться прыщами, но таковы уж причуды матери-природы: ничего подобного с Мартой не происходило. Она великолепно смотрелась на пляжах — высокое упругое тело, невероятно тонкое, с чрезвычайно крепкой грудью и ногами, как у скаковой лошади. Марта была натуральной блондинкой, и к тому же цвет ее длинных волос был доведен до совершенства ухищрениями современного парикмахерского искусства; глаза были цвета молодой весенней листвы, а не сходящая с лица улыбка демонстрировала прекрасные зубы. Дэмиен всегда говорил, что у Марты самый соблазнительный рот, который

он когда-либо видел, и что он даже не подозревал, что такое вообще существует на свете. Именно это и было в Марте самым ужасным — она была слишком красивая и милая. Не будь она ее сестрой, Джози, наверное, возненавидела бы ее.

— Я так рада, что ты смогла приехать, Джо-Джо. Ты не представляешь, что значит для меня твой приезд.

— Ну не надо, Марта, а то у нас обеих тушь потечет.

— Ну на тебе-то ни капли туши, — сделала ей замечание Марта. В глазах Марты одним из самых ужасающих преступлений было появление на людях без косметики. — И выглядишь ты неважно.

— Я совсем не спала.

— Джози, ты обещала все рассказать!

— К люстре меня никто не подвешивал. — К сожалению. — Причина самая обыденная.

— Твой горячий любовник оказался холодным как лед?

Джози с трудом выгружала из машины привезенные тюки.

— Мой горячий любовник оказался фикцией.

— Тебя водили за нос?

— Да-а...

— Со мной такого никогда не случалось. Даже в школьные годы.

— Слабое утешение.

— Подлец!

— Еще какой!

— Давай внесем это в дом, и ты все мне расскажешь. — Марта набросила на плечо огромную дорожную сумку, заставив свадебные подарки тревожно звякнуть. Распахнув дверь, она стремительно прошла через крытый переход на кухню и задвинула сумку под стол; при этом вновь послышалось жалобное брнчание Королевского далтоновского сервиза.

Марта осмотрела огромный холодильник в тщетной надежде найти там что-нибудь вкусное.

— Съешь зеленой алги? У нее высокая энергетическая ценность.

— Съем, если поклянешься, что это и в самом деле так.

— Но тебе же надо подкрепиться. На моей свадьбе тебе придется выложиться на все сто, дорогая моя, так что пар из ушей повалит.

— Достаточно будет чашки чая.

Марта подлетела к чайнику:

— Какой тебе? «Пи-джи», высший сорт? На Рождество Лавиния пополнила наши чайные запасы.

— Узнаю свою маму!

— Как она?

Джози плюхнулась на стул у кухонного стола.

— Как обычно.

— Жаль, что она не смогла приехать.

— Конечно, жаль.

Марта налила себе свою питательную грязь и, зажмурившись, проглотила. Перед тем как заварить чай, она, как учили ее Джинни и Лавиния, нагрела заварной чайник.

— Она все еще тоскует по маме?

— Страшно тоскует. Ей, кажется, стало даже хуже.

Марта села и пододвинула Джози чашку чая. Наверное, у американцев врожденное неумение заваривать чай, даже тогда, когда под рукой есть все необходимое, в том числе и ценные указания. Чай «Пи-джи» был таким же безвкусным, как и тот, что Джози пила с Мэтом в столовой у статуи Свободы. Но-но, Джози, не думать об этом! Опасно для жизни. Себе Марта налила чашку густого черного кофе из кофейника, стоявшего на горячей плите.

— Мне надо набрать хороший запас кофеина, — сказала она, усаживаясь напротив Джози.

— А кофеин не сведет на нет всю пользу от этой твоей водоросли?

— Да бог с ними, пусть воюют в моих кишках сколько влезет.

Джози отхлебнула чай, оказавшийся не таким уж плохим, хотя, конечно же, ему было далеко до настоящей английской темно-каштановой заварки.

— Как тебе живется без Джинни?

— Вот видишь, готовлюсь к свадьбе сама, мне никто не помогает. — Вдруг лицо Марты вытянулось. — Иногда такая тоска накатывает!

— Знаешь, подготовка к свадьбе с матерью — это тоже далеко не сахар. Мы с мамой отчаянно спорили по каждому пустяку: из-за платья, из-за фаты, из-за торта, цветов, церкви, из-за того, как рассадить гостей, кого выбрать в подружки невесты, и даже из-за того, кого выбрать в женихи, причем надо признать, что права оказалась она. Тогда вся свадьба чуть было не расстроилась, потому что Дэмиен захотел надеть жилет, не подходивший к утреннему костюму.

Марта грустно улыбнулась:

— Я была бы только рада, если бы могла сейчас отчаянно спорить с Джинни.

— Знаю. — Джози сжала ее руку. — Все будет хорошо, вот увидишь.

— Еще бы. Повеселимся на славу, — заверила ее Марта. — НА СЛАВУ! Ладно, лучше расскажи мне об этом ханже и лицемере, из-за которого ты так с лица спала!

— Никак не могу понять: ну почему я всегда выбираю не того мужчину? Из-за него я, как последняя идиотка, просидела в ресторане полтора часа одна. Он казался таким тактичным, тонко чувствующим. Как он мог так поступить?

— В Нью-Йорке у всех тактичных и тонко чувствующих мужчин имеются любовники.

— Он англичанин. Я познакомилась с ним в самолете.

— Тогда непонятно, англичане же джентльмены.

Джози вздохнула:

— Они были джентльменами во времена Бернарда Шоу и профессора Хиггинса, когда его играл Рекс Харрисон, но не сейчас. Они все храпят, у них ужасные трусы и вонючие носки.

— Хватит издеваться!

Но Джози не могла так просто оставить болезную тему:

— Но это и в самом деле так. А что касается эмоций, то на эволюционной шкале они стоят не выше амебы.

— Ну тогда и не жалей о нем.

Но Джози не могла остановиться:

— Я думала, что этот немного другой. Даже совсем другой.

— Да брось, все они одинаковы.

— Он казался приятным, забавным, добродушным, чудаковатым. В общем, как ты

догадываешься, полной противоположностью Дэмиену.

— И таким приятным и добродушным, что провел тебя, дурочку, — фыркнула Марта.

— Знаешь, Марта, мне он и в самом деле понравился. А мне уже давно никто по-настоящему не нравился.

— То, что понравился, это хорошо. Продолжай в том же духе. Если бы ты сказала, что давно никого не любила, вот тогда бы я стала беспокоиться.

Джози почувствовала, что краснеет.

— «Любить» — это слишком сильное слово.

— Ерунда, шесть букв, и ничего больше...

— Ну да, так же, как в «трахе», «шлюхе» и «педике».

— В них меньше букв.

— А в слове «надежность» больше.

— Да знаю я.

Джози вздохнула:

— Это я к тому, джентльмены ли английские мужчины. Надеюсь, ты-то выбрала себе настоящего американского парня?

Марта проглотила свой кофе.

— Нам пора идти. — Она помахала перед носом Джози листком бумаги. — Вот План Подготовки к Свадьбе. Попробуй только уклониться от его выполнения. А часы в салоне красоты «Беатрис» тикают и тикают. Там нас ждут другие девушки. Вслушайся, как звучит: уход за лицом по-парижски, маникюр по-французски! А на медовый месяц я сделаю себе депиляцию на лобке в форме сердца.

Вот еще одна деталь, которую следует знать о Марте: гремучая смесь английской и сицилийской крови сделала ее чувство юмора весьма своеобразным.

«Крутоголовые» молотили гитарами по усилителям, и было видно, что они получали от этого огромное удовольствие. Служащие звукозаписывающей компании стояли поодаль и снисходительно улыбались. Хорошо бы хоть кто-нибудь сказал этим мальчишкам, что все это уже проделывали «The Who», и к тому же гораздо энергичнее. К вечеру после такого угара у рок-звезд только и оставалось сил, что позировать фотографам со своими гитарами, а о том, чтобы вытянуть из инструментов хотя бы ноту, они уже и мечтать не могли. Через весь зал к ногам Мэта катился малый барабан с ударной установки. Господи, до чего же все это надоело. Сейчас ему хотелось только одного: взять у них поскорее интервью и свалить домой.

У него под боком вдруг оказалась Холли Бринкмен:

— Привет!

Она-то не в пример ему приветлива.

Если бы он только мог сказать, что провел всю ночь не смыкая глаз, метался по постели и ворочался с боку на бок в тоске по Джози, кляня себя за то, что все испортил, за их несостоявшееся свидание! Но сказать такое он не мог. Потому что на самом деле он едва дотащился до гостиницы, совершенно подавленный тем обстоятельством, что Джози не соизволила подождать его каких-то полтора часа, и, как только его голова коснулась подушки, он провалился в тупое забытие.

Разбудила его только горничная, в полдень ввалившаяся в его номер с пылесосом, гудящим на полную мощь. И только когда он осторожно соскребал щетину со своего распухшего лица, вяло взиравшего на него из зеркала, только тогда он наконец всерьез пожалел о совершенной ошибке.

Его всегда считали очень ответственным человеком. И именно это — помимо многого другого — ставила ему в вину бывшая жена. То, что он обычно поступал именно так, как обещал, в ее глазах было недостатком, который она заклеимила как «отсутствие спонтанности». Он ведь всегда звонил, если обещал, приходил домой именно тогда, когда обещал, посылал открытки во всех тех случаях, когда требовалось проявить сочувствие или внимание. «Старина Мэт! — говорили друзья, сердечно похлопывая его по спине. — Он-то уж никогда не подведет!» И вот он подвел единственного человека, который — впервые за много месяцев — стал что-то значить для него. И вот он, подпав под чужое влияние, проявил ничем не сдерживаемую спонтанность. И что же? Цена этого оказалась слишком велика. А сейчас Джози, наверное, подает на него жалобу в Бюро по Борьбе с Ублюдками. Ну что же, имеет полное право.

Мэт вернулся к действительности, обратив, наконец, свое внимание на «Крутоголовых» и тот нарочито буйный хаос, в гуще которого он оказался. На губах Холли застыла отсутствующая улыбка.

Надо отсюда выбираться.

— Похоже, сегодня им не до интервью. — Это прозвучало скорее как отказ, чем как вопрос.

— Видимо. Хотите, перенесем на завтра?

В общем, нет.

— Было бы неплохо.

— Затянуться хотите? — Она протянула ему сигарету с марихуаной.

— Я не курю.

— Может, выпьем пива?

— У меня дела. — Мэт был совершенно уверен, что сегодня ему ничего не хочется ни из выпивки, ни из наркотиков, ни из музыки. Он хотел поскорее добраться до гостиницы, еще раз постараться привести себя в порядок и сделать что-нибудь, что позволило бы вернуть в его жизнь Джози. — Увидимся завтра, — сказал он и вышел на залитую солнцем нью-йоркскую улицу.

Решив дойти до гостиницы пешком, Мэт сделал крюк по Бродвею и бесцельно прошелся мимо магазинов электротоваров, торговавших со скидкой, и гастрономов. Такие прогулки ради прогулки хороши только в компании с кем-то. С Джози. У закусочной «Биджи» со стульями из хромированного железа и искусственной кожи, из-под которой местами торчала набивка, он остановился, чтобы подзаправиться. В «Биджи» готовили чрезвычайно длинные итальянские сэндвичи. И исходя из убеждения, что лишние калории могут нейтрализовать последствия излишеств предшествующего вечера, он постарался впихнуть их в себя побольше. За копченой говядиной пастроми и маринованным укропом с рожью последовали подогретый ореховый пирог, мороженое и кружка взбитого горячего шоколада. Боже милосердный, вот, оказывается, что нужно, чтобы прийти в чувство!

Интересно, что сейчас делает Джози, подумал он. Она сказала, что приехала сюда на свадьбу двоюродной сестры. Как же зовут ее сестру? Мария? Морин? Мэриэн? Моди? Марта! Именно! Она приехала на свадьбу Марты. Мэт радостно улыбнулся самому себе. На радостях он расцеловал бы «итальянскую маму», обслуживавшую посетителей, не будь она такой толстой и беззубой, да к тому же усатой, как Дэс Лайнем. Совершенно очевидно, что горячий шоколад оказал мобилизующее действие на клетки его головного мозга, поскольку в его голове созрел хитрый план. Ему просто надо найти в Нью-Йорке место, где состоится свадьба некой Марты. Сколько, интересно, на это уйдет времени?

Всего подружек невесты было четыре. Фелисия, Бетти-Джо, Кэтлин и Джози. Прямо как в «Телепузиках», подумала Джози. Подобраны они были, казалось, для того, чтобы придать свадьбе всю возможную гамму красок. Фелисия была чернокожей, родители Бетти-Джо были итальянцами, Кэтлин была китайкой, а Джози, естественно, прелестной розой из садов доброй старой Англии.

Фелисия была лучшей школьной подругой Марты и сейчас работала продюсером на радио где-то на Среднем Западе. Она никак не могла понять, лесбиянка ли она или просто крайняя феминистка, которая не в состоянии примириться со множеством недостатков, обнаружившихся у мужчин, что встречались ей на жизненном пути. Она попробовала себя в обоих качествах, нашла, что недостатки есть у обоих полов, и в конце концов завела себе собаку, что наконец-то сделало ее счастливой.

Бетти-Джо работала агентом по продаже недвижимости в Аризоне и сделала себе состояние, продавая дома выходящим на пенсию заезженным и вымотавшимся ньюйоркцам да остальным, кто желал провести остаток дней в широтах, никогда не знавших снега, тем, кто жаждал посещать тяжкие занятия на курсах по обучению игре в гольф и потягивать мятный джулеп на коньяке на свежем воздухе, живя в педантично ухоженных кондоминиумах, куда совершенно оправданно запрещалось пускать детей моложе шестнадцати лет. Чтобы хоть как-то уравновесить этот возрастной контингент, она заводила

себе молоденьких смазливых мальчиков, которых, по ее собственным словам, меняла не реже, чем колготки.

Кэтлин была просто великолепно и удачлива в браке. В мужьях у нее был жокейского вида специалист по компьютерам. Она сама работала финансовым консультантом в Бостоне. Они проводили уикенды в загородном доме Марты, ожидая, пока их союз не дорастет до уровня образцово-показательной, добропорядочной семьи, что, без сомнения, со временем и произойдет.

Джози попыталась — надо признать, безуспешно — придать налет романтизма своей работе учительницы в Кэмдене. Все были снисходительны к тому, что из нее ничего особенного не получилось. Но ведь могло бы получиться, если-бы-у-нее-было-больше-времени-средств-уверенности-в-себе и прочее. Можно сказать, что ее жизнь произвела на них вполне «изгладимое» впечатление, хотя они и делали вид, что им интересно. Но они, однако, вполне искренне были очарованы ее английскими произношением и даже попросили ее несколько раз произнести слово «действительно».

В салоне красоты «Беатрис», в комнате, розовой, как попка младенца, лежали стройным рядом девушки на кушетках, завернутые в полотенца, с лицами, покрытыми какой-то необычно пахнущей массой для отшелушивания старых омертвевших клеток кожи и для регенерации верхних слоев эпидермиса. Что-то в этом роде. Джози не терпелось все это испытать на себе. Раз уж она будет выглядеть на десять лет моложе и станет такой же неотразимой, как Шэрон Стоун, то она готова вынести эту пытку (хотя можно было ожидать и чего-то более изощренного). Ладно, Марте же это не повредило.

— Теперь расскажи мне о своем женихе. Он-то ведь именно тот, кто тебе нужен?

— Джек?

— А что, у тебя есть и другие? Ты о нем почти не говорила, а на тебя это совсем не похоже.

— Джек... — Нос Марты издал неопределенный, раздраженно-нетерпеливый звук. — Он... э... он хороший человек.

Джози сдернула ватно-шерстяной тампон с одного глаза и приподнялась, чтобы увидеть выражение лица Марты.

— «Хороший человек», — передразнила она сестру, скопировав ее бесцветно-вялый тон.

Однако тампоны на глазах Марты остались на своих местах:

— У-гу.

Джози понизила голос:

— А теперь давайте-ка скажем это еще раз, и с выражением!

Но из музыкального центра продолжал литься голос Тэмми Уайнет, певшей о том, что с мужчиной необходимо быть начеку, а Марта хранила молчание, что было ей абсолютно несвойственно. Джози сняла тампон и с другого глаза и выгнулась, чтобы посмотреть Марте в лицо. Даже под слоем быстро твердеющей косметической маски было видно, как недовольно подергивается верхняя губа.

— Что-то не похоже, что у тебя огромное желание поскорее предстать перед алтарем и связать себя клятвой любви и верности с этим «хорошим человеком» на всю оставшуюся жизнь.

— Давай не будем об этом, Джози.

— Что-то здесь не так, Марта.

— Все в полном порядке. Джек приятный, добрый, заботливый...

— Он хороший человек?

— Да.

— Тогда почему ты говоришь о Нем так, как будто это крем от стоматита, который тебе недавно прописали.

Наконец и Марта сняла свои тампоны и выпрямилась на кушетке:

— Потому что я нервничаю, Джози. Завтра мне предстоит сделать то, чего я никогда в жизни не делала. Я волнуюсь, что вдруг мое платье будет плохо смотреться. Или что я что-то напутая, произнося супружескую клятву. Переживаю, что, не дай бог, кровати на свадебном обеде окажутся несвежими и у всех гостей будет пищевое отравление...

— А причина твоих переживаний случайно не в том, что вся эта свадьба — совсем не то, что тебе нужно?

Открылась дверь, и появились четыре совершенно одинаковые косметички, вооруженные тазиками с водой и каким-то косметологическим инвентарем, глядя на который начинало казаться, что всем этим дамы собираются нанести серьезные увечья каждому, кто выкажет пренебрежение к процедуре превращения обычной женщины в королеву.

— Марта...

— Помолчи, Джози, сейчас тебя отшелушат на славу.

Кожа на лице после того, как эта сучка-косметичка долго скребла ее жесткими губками, стала неприятно-чувствительной. Щеки были розовыми и блестящими, но, вероятно, по мнению Марты, именно так и должны выглядеть подружки невесты. Все четыре сидели в ряд, и им подпиливали, полировали и лакировали ногти, придавая различные пастельные оттенки, которые выбирал меткий глаз Беатрис; она-то — по всему видно — уже получила свою порцию всех процедур по уходу за ногтями. Джози ее собственные ногти по цвету напомнили ногти тех, у кого на большом пальце ноги висит бирка с номером, но она, конечно же, плохо разбиралась в лаках для ногтей. Она только порадовалась, что вовремя уничтожила все следы кричаще-красного лака, который она так старательно наносила, свыкаясь с ролью свободной женщины.

Наступил черед сушки, и они с Мартой на пару сидели под каким-то косметологическим новшеством, излучавшим ультрафиолетовые лучи, что должно было ускорить процесс, хотя Джози этого не замечала, но воркование вращающегося мотора, без сомнения, действовало умиротворяюще. Вся остальная цветовая гамма подружек листала журналы, похихатывая над статьями на разные темы, и впервые за долгое время Джози вдруг почувствовала себя легко и свободно.

Марта выглядела задумчиво-печальной. Наконец она оторвалась от изучения своего великолепного халата из ткани с перламутровым отливом и подняла на Джози глаза.

— А ты нервничала перед свадьбой с Дэмиеном?

— Не так, как следовало бы. Но тогда внутреннее прозрение еще не было мне даровано.

— Ты знаешь, о чем я.

Джози вздохнула:

— Ты ведь не так уж давно знакома с Джеком?

— По-твоему, это имеет какое-то значение?

— Честно говоря, не знаю. Мне казалось, что уж я-то изучила Дэмиена и вдоль, и

поперек, но выяснилось, что это совсем не так. Я просто подумала, что тебе не по себе из-за того, что ты в нем не уверена.

— С чего ты решила, что мне не по себе?

— Марта Россани, ты всегда говорила, что я — твоя любимая сестра, так что не лги мне. У нас нет секретов друг от друга. Помнишь? Я была первой, кто узнал о том, что ты потеряла девственность, конечно, помимо тебя самой и того джентльмена, который был причастен к этому событию.

— Кертис Нейл не был джентльменом.

— А я великолепно помню, что и ты вела себя совсем не как леди!

Обе подули на свои свежевыкрашенные ногти.

— Ну и что с того, что ты все это помнишь, Джо-Джо? Все это было миллион лет назад.

— Ты говоришь совсем не так, как невеста, которой завтра идти под венец.

— Может быть, у меня просто тяжелый приступ свадебной лихорадки или все дело в том, что я так тоскую по Джинни. Она бы уж нашла, что мне сказать. Она бы уж точно знала, тот ли Джек человек, который мне нужен, или нет.

— Вряд ли она бы знала это лучше, чем ты, Марта.

— Мне так не хватает ее одобрения.

— А что об этом думает твой отец?

— Он считает, что мне пора замуж. Да я и сама так думаю. Но ему так горько после смерти Джинни. Похоже, он считает, что вообще никто не заслуживает счастья потому, что он сам в отчаянии и не видит выхода из него. Они ведь так счастливо жили. Больше тридцати пяти лет.

— У тебя был хороший пример перед глазами.

Беатрис двигалась вдоль ряда девушек, переходя от одной к другой, проверяя качество сушки и определяя, останутся ли они живыми и невредимыми, если выпустить их в таком виде в большой жестокий мир. Ах, если бы только лишние полчаса под сушилкой могли создать надежную защитную оболочку для хрупкого человеческого существа!

— Ты любишь Джека?

— Разве это единственное, что имеет значение?

— Какое-то значение, во всяком случае, имеет.

— Он добрый. Внимательный. Умеет готовить отличный соус к макаронам.

— Последнее, без сомнения, — это самая надежная основа супружеского счастья.

— Без сомнения, если учесть мое сицилийское происхождение, — вздохнула Марта. — Я хочу, чтобы за моим кухонным столом собиралась большая семья. Довольно с меня обедов с подсчетом калорий.

— Знаешь, Марта, бывают вещи похуже замороженной лазаньи. — Джози помолчала. — Хотя нет, неправда.

Марта рассмеялась.

— Смейся сколько хочешь, — сказала Джози, — но ты так и не ответила на мой вопрос.

К ним подошла Беатрис и выключила сушилку.

— Дорогуши, вы обе в нужной кондиции. — Она с восхищением взглянула на Марту: — А от твоей красоты все в обморок попадают. Жаль, что надо ждать до завтра.

Джози понимала, что ослепительная улыбка Марты была деланной, и не отнимала своей руки с ее руки, как если бы собиралась оплатить счет Марты или сделать за нее что-то важное, выполнить один из пунктов по-военному четкого Плана Подготовки к Свадьбе.

— Как-то я прочитала, кажется, в журнале «Мари Клэр», что если ты нервничаешь, не зная, выходить замуж или нет, и если это из-за того, что ты не уверена в себе, в том, что будешь хорошей женой, то все это вполне естественно, не надо этого бояться и отменять свадьбу. Там же было написано, что если ты не уверена в своем женихе, то тогда выходить за него не следует. — Сейчас она смотрела сестре прямо в глаза и говорила медленно, как обычно говоришь с французом или с бельгийцем или просто с тем, кто, по-твоему, не может разобраться в самом себе. — Но, знаешь, в каком бы из этих положений ты ни была, свадьбу следует отложить.

Марта встала. Челюсти плотно сжаты, зеленые глаза холодны, как летняя трава после грозы. Своими ногами скаковой лошади она с решительным видом подошла к письменному столу в другом конце салона. Улыбаясь всем своим свежеобработанным лицом, она заплатила Беатрис, оставив щедрые чаевые. Подружки невесты собирали свои вещи, чтобы уходить, — все эти иллюстрированные журналы, сумочки, солнечные очки.

— Увидимся завтра утром, чтобы быть свеженькими и красивенькими.

— В шесть утра?

— Да уж, не позднее.

Как же называют подружек невесты, всех взятых вместе? Невестиным розарием? Радугой, фонтаном? Букетом? Букет подружек невесты. Джози не могла вспомнить. В это время к ним подбежали три другие начищенные и покрашенные подружки, болтающие без умолку, как девчонки, толкая и пихая друг друга, поправляя друг другу прическу и одежду, а песок в часах утекал слишком быстро, чтобы Джози могла сообразить, что же именно требуется от нее.

— Марта, пожалуйста...

— Джози, я уже ничего не смогу остановить. — Глаза Марты встретились с глазами сестры, но что в них было, никто не смог бы сказать. — Даже если бы и захотела. Счет уже оплачен.

В Нью-Йорке было не меньше четырех миллионов гостиниц, по крайней мере, так показалось Мэту. Он лежал на кровати, распластавшись на животе, с раскрытым нью-йоркским выпуском справочника «Желтые страницы». До него вдруг дошло, что шансы на успех его хитроумного плана сводятся к одному на миллион. Где-то он слышал, что у тридцатипятилетнего мужчины больше шансов умереть от разрыва сердца сразу же после приобретения билета Национальной лотереи, чем выиграть ее главный приз. Его шансы найти Джози в этом кишачем гостиницами городе примерно такие же. Он просмотрел раздел «А» — бесчисленное множество страниц, это так же бесперспективно, как пожизненное тюремное заключение. Он перевернулся на спину и потер глаза. Хитроумный план номер два!

Сделав из пальцев пирамиду над висками, как делал Ивен Макгрегор во второй серии «Звездных войн» — в «Фантомной угрозе», — он попытался передать Джози свое мысленное послание: «Позвони мне! Позвони мне! Позвони мне!» Затем, вперив взор в телефон, повторил: «Позвони мне! Позвони мне! Позвони мне!» Никакого результата.

Да, до рыцарей Джедай из «Звездных войн» ему далековато. И старина Бен Оби-Ван Кеноби может спать спокойно и не бояться, что Мэт Джарвис отобьет у него хлеб. В полном бессилии Мэт заскрежетал зубами.

Ладно, план не сработал.

Вернемся к плану «А». В конце концов, он же журналист. Разве это слово не предполагает изобретательности и навыков исследователя? И разве имеет значение то, что ему никогда не приходилось проводить исследования более серьезные, чем созерцание собственного пупа? Где-то в самой глубине его существа должно быть что-то такое врожденное. Разве малодушие приводило когда-нибудь к успеху, особенно у женщин? Нет, конечно. Мэт опять взялся за «Желтые страницы». Первой на «А» стояла гостиница «Аардварк». Господи ты боже мой! Понятно, что бывают люди, способные поехать куда угодно по совету рекламы, но американцев в этом отношении превзойти невозможно.

Мэт пробежался пальцем по кнопкам, набирая номер. За время, прошедшее до того, как ему ответили, он смог бы усыновить нескольких детей.

— Гостиница «Аардварк».

— Здравствуйте. Завтра у вас будут какие-нибудь свадебные мероприятия?

— Свадебные мероприятия?

— Знаете, это когда приезжают невеста, жених, гости.

— Да, сэр, будут.

— А у вас будет свадьба какой-нибудь Марты?

— Как ее фамилия?

— Да просто Марта.

Он явно слышал, как женщина-регистратор подавила вздох. Вот от кого исходила сейчас фантомная угроза. К тому моменту, когда регистраторша снова возникла на проводе, дети уже выросли и собирались уехать из дома, чтобы учиться в университете.

— Нет, сэр. Свадьба Марты будет не у нас.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Извините за беспокойство.

— Ничего. До свидания.

Она не сказала «Пока, неудачник», но он почувствовал, что именно это она подумала.

Разве он может позволить себе расстроиться из-за такой мелочи? Ну, если только чуть-чуть. Мэт прошелся пальцем по обрезу справочника — пять сантиметров гостиниц. Не меньше. Господи, да он помрет, пока доберется хотя бы до «П»! А если свадьба Марты состоится в каком-нибудь «Японском уголке»? Ведь когда он, наконец, доберется до них, Марта уже будет справлять свой медовый месяц где-то далеко, а самолет Джози будет приземляться в лондонском аэропорту Хитроу. Кошмар какой-то. Бросить бы все к черту! Ну, было очередное маленькое приключение. Он ведь в Нью-Йорке. Ну, был у него свободный денек. В феврале мостовая плавилась от солнца. Вокруг полно мест, куда можно пойти, есть, что посмотреть, куча магазинов, где можно облегчить свою пластиковую карту. А он сидит здесь, в этом номере, и думает, в какую еще гостиницу позвонить. Посмотри на вещи реально, Мэт.

Мэт раздраженно взирал на справочник. Следующей на «А» шла гостиница «Абби».

Двумя часами позже, когда он дошел до ручки, только что позвонив в гостиницу Американских менонитов и собираясь набрать номер всеамериканского мотеля «Алисия», зазвонил телефон. Боясь поверить, он уставился на аппарат. Неужели он и в самом деле дальний родственник ясновидящей Дорис Стоукс и его послание достигло Джози, пройдя по таинственным каналам связи всемогущих астральных сил? Надеясь на чудо, он вцепился в телефонную трубку.

— Да?

— Мэт? Привет, это Холли.

Холли? Какая Холли?

— Холли Бринкмен, — заполнила она неловкую паузу, — ответственная за рекламу «Крутоголовых».

— Ах, Холли, добрый день, — сказал Мэт, когда в его мозгу монетка наконец провалилась и одно соединилось с другим. Он надеялся, что в его голосе не было того разочарования, которое он почувствовал на самом деле.

— Я звоню, чтобы подтвердить, что завтра утром ребята будут свободны для серьезного интервью.

Разве слово «серьезное» может относиться к этой четверке подростков, умственные способности которых весьма сомнительны? На какие серьезные темы можно с ними говорить? О квантовой физике, что ли, о теории относительности или о теории большого взрыва? Или они хотят порассуждать о том, что в Англии больше не умеют играть в теннис, футбол или крикет, хотя эти игры — английское изобретение? Что ж, он брал интервью уже у стольких мальчишек, что прекрасно знает, как они могут корчить из себя специалистов абсолютно по всем вопросам, которые вы ненароком затронете. Наверное, именно из-за этой самоуверенности их и обожают все четырнадцатилетние девчонки. Старееет он, что ли, откуда такая желчность? Но даже когда ему самому было четырнадцать, четырнадцатилетние девочки им совершенно не интересовались.

— Да-да, я помню.

— Вы сможете прийти в студию около одиннадцати?

— Да, прекрасно, в одиннадцать. — Скорее бы все кончилось!

Наступила еще одна пауза, и они оба упустили шанс закончить разговор.

— Я вот подумала, не составите ли мне компанию сегодня за ужином?

— Вместе с группой? — Не надо так, Мэт, слишком жестко.

— Нет, — в телефонной трубке раздался легкий вздох Холли Бринкмен, — только со мной. Я знаю неплохое место в Гринвич Виллидж.

— Вот как... — Мэт покусывал ноготь и старался определить для себя, почему этого делать не стоит. Она, конечно, навязчивая. Но при ее работе именно такой и надо быть. И к тому же она довольно симпатичная, правда, несколько недокормленная. Да и что еще ему остается делать? Если, конечно, не считать проработки телефонного справочника. — Можно, я перезвоню вам, Холли? Дело в том, что сейчас у меня как раз одно дело. — Так журналисты называют охоту на журавля в небе.

— У вас есть номер моего мобильного телефона?

— По-моему, есть.

Она еще раз дала ему этот номер, чтобы у него уже не было никаких оправданий. Пристыженный Мэт послушно нацарапал его на уголке верхнего листка гостиничной книжки для записей. Она ведь не знала, насколько ненадежным он может быть в том, что касается листочков бумаги с записями, независимо от их важности.

— Надеюсь, что вы позвоните мне, Мэт.

Он надеялся, что она не слишком надеется на это.

— Позвоню, если смогу. — Это ведь ни к чему не обязывает. Как же легко в наши дни обмануть другого! — Еще повидаемся.

Господи, «повидаемся»! Провинциал Мэт. Он повесил трубку. Взгляд Мэта, уставившегося в стену, застыл на дырках от шурупов, темневших на том месте, где должна была висеть картина. Почему он не мог просто сказать «да»? Да вот почему — перед ним все еще лежали «Желтые страницы», и в некоторой досаде на самого себя он опять с головой погрузился в них.

К вечеру он дошел до домашнего приюта «Айлин» и до понимания, что он вконец спятил.

Дело усугублялось еще и тем, что все гостиничные регистраторши, с которыми ему приходилось говорить, приходили к аналогичному заключению. Ну и что, живя в Нью-Йорке, они уже давно должны были к такому привыкнуть.

— Ты просто идиот, Мэтью Джеймс Джарвис, — бросил он в ватную пустоту своего убогого номера.

Наконец на «А» он дошел до последнего телефона. Замечательно, всего лишь полдня, и у него осталось только двадцать пять букв. «Знаю, — ответил он сам себе, перекрывая жужжание кондиционера. Но наверное на X или на Y названий будет поменьше». Он пролистал книгу до этого места, и сердце у него ёкнуло (можно даже сказать, разбилось) — названий было столько, что его палец, набиравший номера, вряд ли бы выдержал такое.

Манхэттенский мотель Азекаля. Судя по названию, это было не совсем то место, где обычно проводятся брачные церемонии. Мэт все же, уговорив себя набрать его номер, стал педантично бить пальцем по кнопкам. Когда ему ответила какая-то бойкая девица, Мэт уже не так уверенно проигрывал свой затверженный сценарий:

— Здравствуйте. Завтра у вас состоятся какие-нибудь свадебные торжества?

— Конечно, сэр. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Есть ли среди невест девушка по имени Марта?

— Разрешите, я посмотрю в журнале регистрации.

Он терпеливо ждал, водя пальцем по простежке одеяла и слушая, как пальцы девушки стучат по клавиатуре компьютера.

— Вы знаете ее фамилию, сэр?

— Нет.

— Вы знаете время, в которое состоится свадьба?

— Нет.

Опять стук по клавишам. Мэт лег на спину. Боже, чем же он занимается! В океане плавают много других рыбешек, Мэт Джарвис. Так-то оно так, но ты почему-то решил, что большинство из них — это просто блесна для приманки.

— Прием начнется в двенадцать дня, сэр.

Мэт сел, резко выпрямившись.

— Что?

Невероятно. Что там такое говорил по этому поводу Хамфри Богарт^[8]? «Во всех гостиницах мира...»

— Прием начинается в полдень.

— Вы уверены?

— У нас празднует свою свадьбу только одна Марта, сэр.

— В полдень...

Не может того быть. Просто не может.

Ему захотелось немедленно броситься в манхэттенский мотель Азекаля и расцеловать эту замечательную девушку на другом конце провода за тот прилив невероятной радости, которую она ему подарила, сообщив это известие. Уже во второй раз за эти два дня он чувствовал, что полон любви к незнакомой женщине. А если считать Джози, то в третий.

— Когда начнут съезжаться гости?

— Только завтра, сэр.

— У вас есть контактный телефон Марты?

— Боюсь, что я не вправе разглашать эту информацию. Но я могу оставить ей записку с сообщением о вашем звонке.

Мэт оставил номер своего гостиничного телефона и сказал название гостиницы.

— Вы включены в список гостей, сэр?

— Нет еще, — сказал Мэт с улыбкой, — еще нет.

Мэт положил телефон на базу. Он нашел ее. Господи, ведь он ее нашел. Всего каких-то пять часов непрерывных телефонных переговоров, и он отыскал ее. Как же он это отметит? Мэт приготовился станцевать сальсу, хотя бы на том небольшом пространстве, которое имелось в его гостиничном номере. Ему хотелось танцевать, петь, выкрикивать имя Джози с крыши небоскреба Эмпайр Стейтс Билдинг. Он был на ты со всем миром и полон божественного чувства единения со всеми представителями рода человеческого.

Вопреки устоявшемуся мнению, что нельзя два раза произвести первое впечатление, у него появилась вторая такая возможность, и все благодаря манхэттенскому мотелю Азекаля и чудесам современной связи.

Мэт танцевал латиноамериканский танец, раскачиваясь и напевая мелодию, акцентируя удары барабана конги. Внезапно он остановился. Говорил ли он Джози, что любит ее? Похоже, что да. Тогда все гораздо серьезнее, чем ему представлялось до этого. Любовь с первого взгляда? Такое случается только в слезливых песенках, а не в реальной жизни. И уж

конечно не с тридцатидвухлетним журналистом, пишущим о рок-музыке, который, несмотря на временную эмоциональную перегрузку, все же является достаточно здравомыслящим и надежным человеком. «О-о, беби, беби, тебе и взгляда было не надо, чтобы читать мое сердце, как книгу. О-о, о-о...»

Боже, боже, как бы повели себя на его месте «Крутоголовые»?

Церковь была чудовищем в готическом стиле, и там было безумно холодно. Холоднее, чем в аду, если бы в аду вдруг похолодало. Все бы ничего, если бы можно было надеть ботинки-луноходы и теплое белье, но Джози предстояло вынести этот холод в платье из сиреневого шифона. Она сидела, свернувшись в комочек, на задней скамье, прислушиваясь к своим ощущениям, вызванным у нее мрачным безмолвием этого здания, запахом ладана и сырости. Ничего удивительного, что священники живут в безбрачии. Марта же порхала тут и там, кокетничала с клиром и вообще в ожидании предстоящего торжества выглядела чуть более живой и радостной, чем несколько часов назад, и Джози испытала некоторое облегчение.

Возможно, в сомнениях по поводу нерушимости клятвы верности, которая будто бы дается на всю жизнь, виновата современная статистика, которая на основе анализа разводов делает пророчества об обреченности браков. «Навсегда» — это, по мнению многих, слишком уж большой срок. Интересно, сколько же людей из тех, кто произносит слова «пока смерть не разлучит нас», понимают, что говорят? Может быть, лучше было бы не замалчивать известные вещи, а ввести новую редакцию этой клятвы, сделав брак предметом контракта, возобновляемого каждые десять лет по взаимному согласию обеих сторон? По крайней мере, люди бы более реально смотрели на вещи. Могут ли еще пары, представ перед алтарем Господа и обещая всю оставшуюся жизнь жертвовать всем ради друг друга, искренне в это верить? Для нее и Дэмиена «навсегда» свелось к пяти годам. Довольно короткое «навсегда», приняв во внимание все обстоятельства.

К ней, энергично и широко шагая, приближалась Марта.

— Джози, не прячься там на задней скамье, иди познакомься со всеми.

Она потянула Джози в проход.

— Это Пегги. Две ее дочери будут нести букеты.

— Привет.

— Здравствуйте, рада с вами познакомиться, — Джози пожала женщине руку.

— А вы, должно быть, подружка невесты из Англии?

— Да.

— Какое замечательное произношение!

— Спасибо.

— Марта так ждала вашего приезда.

— И я тоже ждала.

Марта внезапно исчезла и появилась вновь, таща за собой какого-то мужчину.

— Ты помнишь Глена, Джози?

— Глена? — Глаза Джози широко раскрылись. — Глена?

Глен, о котором шла речь, был высоким блондином, сложением напоминавшим кирпичный дом. На нем была какая-то спортивная рубашка и джинсы, но, по правде говоря, футбольный мяч под мышкой подошел бы ему больше, чем букет цветов, уже изрядно измятый.

— Привет, Джози. Мы так давно не виделись.

— Да. — Достаточно ли громко произнесла она это слово?

— Глен будет шафером Джека, — сообщила ей сестра.

В свое время Глен играл весьма существенную роль в жизни Марты. Предмет сердечных волнений в старших классах, фанат фитнеса, в свое время фотомоделль, а теперь успешный менеджер по продажам в международной спортивной компании. К тому же, если Джози не ошибалась, он был другом Марты на протяжении трех лет. А Джози не ошибалась. И опять же, если она не ошибалась, он был первой любовью ее сестры. А вот теперь, нате вам, он, оказывается, будет шафером ее жениха. Все любопытнее и любопытнее. Может быть, она просто попала в очередную серию «Соседей»?

— Глен — один из учеников Джека в Академии боевых искусств, которая принадлежит ему. — Прежде чем исчезнуть вновь, Марта быстро покрутила головой, глядя то на Джози, то на Глена. — Я вас оставляю, а вы сможете возобновить знакомство.

Академия боевых искусств?

Глен вдруг вспомнил про цветы и, выдернув их из-под мышки, преподнес Джози.

— Обязательный букет шафера подружке невесты, — сказал он. — Марта хочет, чтобы все было по правилам.

— Ничего не упускает из виду, — пробормотала Джози, принимая букет.

— Ну и как вам супружеская жизнь? — спросил Глен.

— Никак. Я разошлась с мужем. — Она попыталась выдавить смешок, но все равно прозвучало это довольно жалобно.

— О, простите пожалуйста.

— Да ничего, в жизни всякое случается. — Джози усмехнулась: хорошая тема для разговора в церкви накануне бракосочетания. — Жизнь свободной женщины меня вполне устраивает. — А также и то, что нос у меня не из дерева, а то от такой лжи он вырос бы сантиметров на пятнадцать.

— А меня устраивает жизнь свободного мужчины.

— Вы так и не решились на брак?

— Нет, — Глен неловко усмехнулся. — Меня с души воротит, когда слышу: церковь, алтарь, свадебный марш и все такое. — Он бросил взгляд вслед Марте, флиртовавшей с кем-то, громко о чем-то болтая и мотая своей светловолосой гривой, как шkodливый жеребенок. — Может быть, мне стоило сделать предложение Марте.

— Знаете, что говорят о том, кто уклоняется...

— Что-то насчет того, что Бог подает тому, кто поздно встает?

— Почти.

— Вы остановились у Марты?

— Только на сегодняшний вечер. Вообще-то я остановилась в гостинице на Манхэттене.

— Мне следовало узнать у Марты. Вчера вечером я как раз был в городе. Мы могли бы пообедать вместе и осмотреть достопримечательности.

— Это было бы замечательно.

— У вас были какие-то другие планы?

— Нет. — Мэт Джарвис? Кто это такой? — Я провела вечер тихо, просидев в номере.

— Это в Нью-Йорке-то?

— Так потребовала Марта. Она сказала: никаких наркотиков, никаких пьянок.

— Да что вы... — неуверенно протянул Глен.

— Я пошутила, — сказала она, вспомнив, что ирония — это сугубо английская черта.

— Вы уже познакомились с Джеком? — Глен явно хотел сменить тему.

— Нет, — призналась Джози. — Но очень хочу это сделать. Как вы с ним

познакомились?

— Он мой преподаватель джиу-джицу. Я занимаюсь с ним по выходным, когда приезжаю домой.

Вот откуда эти выпирающие бицепсы.

— И давно вы его знаете?

— Пять лет. Но только недавно я узнал, что он и Марта были... — Глен прочистил горло. — Спорю, Марта все время говорит о нем.

— Э... да. — Не говорить же, что они вспоминали о Джоне Ноуксе, но совершенно не говорили о будущем муже. — Постоянно.

— Как вы думаете, они в самом деле любят друг друга? — Глен с тоской взглянул на Марту.

— Надеюсь, что да.

— А вот и Джек, легок на помине, — сказал Глен, и его лицо внезапно осветила улыбка.

Джози повернула голову и увидела, как в церковные двери входит мужчина. На лице у нее застыло выражение ужаса.

Марта бросилась к нему:

— Ты опоздал.

Он обнял ее, не проявив никаких чувств.

— Важные дела.

— Ладно. Теперь, когда ты пришел, мы можем начать. Поцелуй меня и познакомься с моей двоюродной сестрой, прилетевшей сюда аж из Англии.

Джек сложил губы гузкой и чмокнул Марту, издав звук, какой издают лошади, жующие яблоко.

— Джози, это Джек, — Марта вся сияла от гордости.

— Значит, это вы английская кузина, — Джек пожал ей руку, конечно же, как и предполагала Джози, его рука оказалась липкой и холодной.

— Да, — ответила она машинально.

Время вдруг остановилось, и этот нескончаемый момент безмерно усилил ее неловкость. Глен весь лучился дружелюбием, Марта так и светилась от счастья, а Джек сжимал ее пальцы со всем обаянием дохлой рыбы. Это был один из тех моментов, когда невозможно вспомнить, что происходило вокруг. Крыша могла вдруг обвалиться и рухнуть, органист за кафедрой мог убить мальчика из церковного хора, холодный ветер мог превратить тело в ледяную глыбу — вы все равно ничего не заметили бы.

Она посмотрела на них, на свою красавицу-сестру и на ее суженого, и, проглотив комок, стоявший в горле, подумала, что Марта совсем сошла с ума.

Дэмиен сидел в гостиной миссис Бентем и потягивал чай из хрупкой чашечки костяного фарфора. Ручка чашечки была слишком уж мала для его пальцев, и он держал ее очень осторожно, понимая, какому риску подвергает ее. Чай был марки «Дарджилинг», теплый, с молоком. Он чувствовал себя так, как будто вернулся в прошлое: гостиная была полна всяких милых мелочей с цветочным орнаментом, чайных принадлежностей, названия которых он уже успел забыть, подушечек и салфеточек с оборками и рюшами. Она представляла собой разительный контраст с пустыми комнатами Джози на втором этаже, обставленными в минималистском стиле «Икеи». Там ему удалось побывать только раз. В комнате для приема гостей. Больше она его никуда не пригласила. Комната была стильно-голой, и в ней не было ничего, ни единой мелочи, что напоминало бы ей об их совместной жизни. Хотя бы свадебную фотографию оставила, хотя бы одну, хотя бы в память о прошлом. Наверное, эти фотографии с его изображением лежат и выцветают где-нибудь на самом дне старого чемодана на чердаке. Он так и не увидел спальни своей когда-то любимой женщины, и ему хотелось знать, видел ли ее теперешний Таинственный Незнакомец. А ему всегда так нравился запах их спальни. Аромат Джози, сладковатый, густой, насыщенный, в котором смешивались цветочная хрупкость запаха стеганого одеяла и мускусный запах спящего тела, как если бы можно было смешать грушевые леденцы и дорогие духи «Брю 33». А в спальне Мелани пахло, как после бурной ночи в борделе, едкий дух примитивного секса — уж в этом-то не было никаких сомнений. Не то чтобы было так уж важно, чья спальня чем пахнет. Тем более Дэмиену со всей определенностью было сказано, чтобы даже тени его не было у двери Джози. А когда Джози хотела, она могла быть очень упрямой.

В комнате на подлокотниках кресел миссис Бентем были вязанные крючком чехлы и шкаф-горка орехового дерева, полный стаканов и заварных чайничков с причудливым орнаментом и витых букетиков из разноцветного стекла. Искусственный камин с газовым пламенем выжигал сырьевые запасы Северного моря, и Дэмиен, привыкший к помещениям и автомобилям с кондиционерами, обливался потом. А вот Кота-Ранее-Известного-Как-Принц жара совсем не беспокоила. Он развалился на коричневом длинноворсном ковре с выражением экстатического транса на морде, повернувшись животом к огню.

Ручки миссис Бентем порхали, как птички, поправляя волосы.

— Она уехала вчера, — сообщила ему соседка Джози, прихлебывая чай, — а я приглядываю за этим пупсиком до понедельника.

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц открыл один глаз и посмотрел на Дэмиена так, как будто хотел сказать, что уж он-то знает, как наилучшим образом устроиться в жизни. Если бы только Бог наградил Дэмиена такой же интуицией, как у этого животного, тогда он не сбежал бы к милашке Мелани. Когда секс потерял прежнее обаяние и превратился в повседневную обыденность, оказалось, что их особенно ничто и не связывает. У Мелани не было ума Джози, ее порядочности, ее кулинарных способностей и умения зарабатывать деньги. Хотя большим плюсом Мелани была потрясающая коллекция всякого белья из искусственного шелка.

— Она же сказала мне, что уедет на каникулы, — хлопнул себя по лбу Дэмиен, изображая досаду на собственную рассеянность. — Это совершенно вылетело у меня из головы. — Он покачал головой, и миссис Бентем согласно хихикнула. Он даже закатил

глаза, чтобы показать, какой же он на самом деле рассеянный чудаков. Сочувствие миссис Бентем трогало сердце. Достаточно было только взглянуть на нее, чтобы понять: она уже в том возрасте, когда ей нужно писать себе записочки, чтобы не забыть позавтракать. — Она мне сказала, куда поедет, но, надо же, я и это забыл.

— Глупенький мальчик, — пожурела его миссис Бентем, — она же поехала на свадьбу Марты.

Как же все просто! Он всегда знал, что вечерний просмотр сериала «Джонатан Крик» все же не совсем пустая трата времени. Все, что нужно, — это на полную мощь включить свое обаяние, задать несколько наводящих вопросов выжившей из ума соседке, которая в невинной наивности своей выдаст все секреты, и Роджер окажется твоим дядей, а Фрэнсис — тетей, и все такое. Дэмиен откинулся на диване в стиле «мокет» и позволил себе глупую улыбку.

— На свадьбу Марты!

Кот-Ранее-Известный-Как-Принц бросил на миссис Бентем взгляд, будто говоривший: «Предательница!» — а во взгляде, брошенном на Дэмиена, ясно читалось: «Везучий, подлец!» Дэмиен угрожающе взглянул на кота. Ты еще пожалеешь, приятель, дай мне только осуществить, что я задумал, и ты снова перейдешь на дешевый кошачий корм «Теско» и на вонючую рыбу! И если попытаешься залезть на кровать, то свечкой полетишь на другой конец комнаты. Довольно с меня царапин на мошонке! Очень скоро я опять займу первое место в жизни и в душе Джозефин Флинн, а вы с Таинственным Незнакомцем покатитесь ко всем чертям! Так что поосторожнее.

Но по Коту-Ранее-Известному-Как-Принцу было незаметно, чтобы его это очень беспокоило; он опять погрузился в гипнотический транс, и на его морде блуждало самодовольное выражение.

Дэмиен проглотил оставшийся в чашке чай, едва удержавшись, чтобы не содрогнуться.

— Ну что же, я вас покидаю, всего хорошего, — сказал он.

— Если хотите, можете оставить Джози записку.

— Не стоит, я скоро ее увижу.

— Оставайтесь и попробуйте рулет с орехами. Я сама его испекла! — воскликнула миссис Бентем. — Нет никакой необходимости так спешить.

— Мне нужно идти. — Дэмиен встал и, бросив многозначительно-угрожающий взгляд в сторону кота, смахнул со своих темно-синих брюк несколько шерстинок. Он поцеловал миссис Бентем руку, и она по-девичьи хихикнула.

— Так приятно было вас увидеть. И так полезно!

— Оставайтесь еще ненадолго.

— Остался бы с огромным удовольствием, — заверил ее Дэмиен, — но дела, дела.

Одним из этих дел было успеть на самолет в Нью-Йорк.

Миссис Бентем поднялась, расправив юбку, и проводила его до двери.

— Джози говорила мне, что собирается разводиться, — сказала она, — но вы совсем не такой, каким я представляла себе ее мужа. — Она посмотрела на него поверх пенсне. — Вы очень приятный мужчина.

Дэмиен поправил галстук и победно улыбнулся этим словам.

— Очень странно, — улыбнулась ему в ответ миссис Бентем, — ведь Джози говорила, что была замужем за отпетым негодяем.

Мэт пришел к заключению, что, возлюбив все человечество и включив в число людей, к которым теперь чувствовал такое божественное благорасположение, Холли Бринкмен, он совершил ошибку. И вот теперь он стоял в сомнительного вида ночном клубе, где в нос ударял пот тысячи разгоряченных человеческих тел, и сжимал стакан с какой-то ярко окрашенной жидкостью подозрительного состава, слушая музыку, лиричность которой можно было сравнить с лиричностью двадцати синхронно работающих отбойных молотков.

Стены и даже потолок были размазаны психоделической мазней, и Мэту было так же тошно (и в прямом смысле слова тоже), как было только раз в девятилетнем возрасте, когда они с одноклассниками пошли в «Павильон развлечений» в Блэкпуле. Холли, надрывая голосовые связки, кричала ему что-то бог знает о чем, орошая внутреннюю поверхность его уха пеной от бутылочного пива, продававшегося здесь по умопомрачительной цене. Интересно, не найдется ли для него работенки на Втором радиоканале. Может быть, его смогут засунуть куда-то между передачами высоколобого Эда Стюарта и простака Терри Вогана? Крутят ли они там сегодня записи «Битлз»? Хоть какие-нибудь?

Если бы он потерял бумажку с мобильным телефоном Холли, а не тот клочок, который был единственным, что могло соединить его с Джози Флинн! Тогда бы его здесь не было. Нет, он несправедлив к Холли. Она молода и старается быть крутой, чтобы заинтересовать его, и она просто хочет повеселиться от души.

— Потанцуем?

— Что?

Она прижала губы к его уху:

— Потанцуем?

— Что?

— Потанцуем? — Холли покрутила перед ним бедрами.

Как? У него всего две ноги, и обе левые, к тому же ему довелось лишь слегка соприкоснуться с панк-роком, застав его уже в предсмертных судорогах. Да ладно, любой дурак может подпрыгивать на одном месте, все это и яйца выеденного не стоит. Нужно только стараться не приземлиться на своего соседа, у которого, без сомнения, окажется прическа «могикан» и будет болтаться кольцо в носу и который наверняка лягнет тебя так, что мало не покажется, пусть даже колени у него будут связаны вместе садомазохистскими брюками «бандаж». Танцы... Мэт терпеть не мог этот предлог. Можно недели положить на то, чтобы произвести впечатление высокомерно-сдержанного, стильного мужчины. Можно угощать девушку вином, приглашать в ресторан, стараться быть как можно приятнее, но в один совсем не прекрасный момент все полетит к черту, потому что она обнаружит, что твоя манера двигаться напоминает походку Скотта Трейси (пилотный выпуск «Громобоя-1»). А что, если Холли вдруг поймет, насколько он ее старше, когда он заскользит по танцзалу со всей грацией сорвавшейся с крючка марионетки?

— Ладно, — сказал Мэт с некоторой неохотой, которая, как он надеялся, даст ей понять, что танцы не его стихия. Не то чтобы он намеревался поразить ее такими танцевальными выкрутасами, которым позавидовал бы сам Траволта, но и выглядеть здорово набравшимся увальнем ему тоже не хотелось. Танец даст ему возможность избавиться, по крайней мере, от этого радужно-яркого коктейля.

Рука Холли скользнула в его руку, и она повела его на площадку, настолько забитую телами, что — к его безмерному облегчению — двигаться там было невозможно. Музыка сбавила темп и даже приобрела нечто, отдаленно напоминающее ритм. Мэт стоял и чуть раскачивался из стороны в сторону, а Холли подняла руки над головой и стала как бы тереться об него всем телом. И нельзя сказать, чтобы Мэту это было неприятно.

— Вы здорово танцуете, — прокричала она, перекрывая шум.

— Спасибо. — Скотту Трейси этого точно не говорили! — Я также не могу сказать, что вы танцуете плохо. — Слишком Заумно, Мэт! Наверное, прочитал в книге «Как вести себя мужчине» или позаимствовал в каком-нибудь чате?

Прошло уже столько времени с тех пор, как в последний раз женщина касалась телом его тела — на танцах или в любом другом месте. Он покупал упаковку презервативов, а потом, спустя несколько месяцев, выкидывал их, потому что они могли прорваться, резина могла дать усадку или еще что-нибудь в этом роде. Он ведь не хотел получать удовольствие от секса, чтобы потом получить проблемы из-за одной крохотной дырочки. Может быть, из-за слюнявых лирических песенок, а может быть, из-за того, что после встречи с Джози он был перегружен гормонами, но оказалось, что такое вот трение может привести к давно забытому результату. В свою очередь и Мэт решил немного проявить инициативу. Что в этом плохого, в конце концов?

Завтра он как можно быстрее возьмет интервью у «Крутоголовых» — быстрее взмаха волшебной палочки — и улетит в Манхэттен в мотель Азекаля, где и явится незванным гостем на свадьбу Марты и где помирится с подружкой невесты в самом красивом платье на всем Западе. Или Востоке.

Музыка стала играть еще медленнее, и в песнях стала угадываться даже некоторая мелодия. Господи помилуй, еще несколько минут, и они станут проигрывать репертуар «Крутоголовых»! На площадку прилила новая волна танцующих и прижала его к Холли. Но она даже не попыталась отстраниться, напротив, обвила его руками вокруг талии. Ну что ему делать? Он был притиснут к ней, отодвинуться было невозможно. И он, скользя вниз руками, провел по ее спине, которую замысловатый покрой блузки-топика оставил совершенно голой. Кожа у нее была теплой и влажной, и на его верхней губе вдруг также проступила влага. Холли прижалась к нему и положила голову ему на плечо. Он с трудом проглотил комок в горле. Ну, что теперь, Мэт?

Представьте себе, если сможете, одного из тех псов, у которых шкура собралась в тысячи морщин и по размеру в десять раз больше самой собаки. Вы знаете, о ком я. О шарпеях. Они, конечно, по-своему милы, но уроды уродами. А теперь представьте на этом шарпее какой-нибудь этнический свитер ядовитого цвета ручной вязки, спускающийся до самых его мосластых колен, и длинную китайскую косичку, болтающуюся за спиной. Ах да, еще у него на голове сияет и блестит лысина.

Именно так выглядел будущий муж Марты, и Джози с большим трудом закрыла раскрытый от изумления рот. Стройная, длинноногая красавица Марта выходила замуж за человека, в сравнении с которым Денни де Вито был просто мистер Вселенная. И то обстоятельство, что он был почти ровесник отца Марты, только усугубляло крайнее изумление, в котором пребывала Джози.

Они вернулись в дом Марты, уже полный официантов, старых чудаков и сицилийских кузенов, также приехавших специально на свадьбу. Репетиции проходили строго в соответствии с Планом подготовки, и сейчас в полном разгаре была репетиция обеда — возможность не знакомым ранее членам каждой из семей определить вес в обществе и статус друг друга.

Три брата спорили о том, такая ли лазанья, какой она должна быть, или нет; тоненькая девушка с бледным лицом красила ногти, положив руку рядом с макаронным салатом; а два подростка из Палермо с лоснящимися затылками учили расхожим английским фразам из разговорника своего престарелого дядюшку, никогда ранее не отваживавшегося покинуть родной город. У них под ногами катались по полу две девочки, которые на свадебной церемонии будут нести букеты, они тянули друг друга за волосы и старались вырвать ноги и руки у куклы Барби. Джози решила, что это не так уж плохо. Если они выплеснут всю энергию сейчас, то есть еще довольно реальный шанс, что завтра они будут вести себя как следует.

Дом был украшен цветами, по которым сразу можно было понять, что в нем состоится свадьба. Все более или менее пригодные поверхности были уставлены множеством непечатых подарков — это здесь еще нет постельного белья из магазина «Британский Дом». Люди бродили из комнаты в комнату, на тарелках высились груды маленьких бутербродов канапе, трубочек канелони из теста с мясной и сырной начинкой и куски свежей мускусной дыни канталопе.

Марта и Джек были в противоположных концах комнаты. Рука сестры обвивала локоть будущей свекрови, они говорили с отцом невесты, было заметно, что они несколько напряжены. На репетиции Джо, отцу Марты, ничто не нравилось — ни священники, ни музыка, ни особенно те деньги, которые ушли на все это. Казалось, он хочет все начать сначала, чтобы сделать все по-своему.

К Джози незаметно, бочком приблизился престарелый сицилийский дядюшка. Его лицо, как будто из оберточной бумаги, лучилось улыбкой, в которую были сложены его тонкие бесцветные губы:

— Привет. Кто ты сегодня?

— Я Джози, — ответила она, — двоюродная сестра Марты из Англии. Подружка невесты.

Приложив руку к груди, он слегка поклонился ей:

— Я дядя Нунцио.

— Рада с вами познакомиться.

Он сложил губы гузкой и послал ей воздушный поцелуй:

— Белла. Белла. Трахайся от души на этом празднике, тебе это на пользу пойдет.

— Спасибо, — ответила ему Джози, — непременно.

Гладковолосые подростки захихикали в углу комнаты, пряча разговорники за спинами.

Очень смешно. Джози посмотрела на них самым строгим взглядом, который только был в ее учительском арсенале. Хотя, следует признать, дядя Нунцио, в общем-то, прав.

К ней шел Глен, неся бутылку вина.

— Вы выглядите так, будто вам надо принять немного горячительного.

— Мне надо принять горячую ванну, вот что мне надо. — Джози протянула свой бокал. — Спасибо.

— По-моему, репетиция прошла хорошо.

— М-м-м... Да, вероятно.

— Замечательно, что мы оказались партнерами, — Глен сделал маленький глоток. — И это означает, что на протяжении дня мне надо ухаживать за вами.

Если мужчина, говоря такое, опускает глаза, то ты ему и в самом деле нравишься. Ничего лучшего и придумать нельзя. Отличное средство от недомогания, название которому Мэт Джарвис.

— Джози, скажите, сейчас в вашей жизни есть мужчина?

— Нет, — вздохнула Джози. — Как нет жизни в тех мужчинах, которых я знаю.

Глен ответил ей всеамериканской ухмылкой, говорившей: «Я-то отличный парень».

— Возможно, скоро что-то изменится. Возможно, вы живете не на той стороне океана.

Уголкем глаза она могла видеть Джека, старавшегося оторваться от сицилийской родни и подойти к ней. Его китайская косичка задралась к плечу.

— Возможно.

— Привет, — Джек снова пожал ей руку. — У нас пока не было случая поговорить. А Марта мне много рассказывала о вас.

— В самом деле? — Кажется, голос ее звучал как у Мэри Поппинс. — Мне радоваться этому или огорчаться?

— Вы дружите с ней много лет?

— Наши матери — сестры-близнецы.

— Потрясающе.

Неужели лицензия на это слово есть у всех мужчин под шестьдесят? Никто в Кэмдене старше шестнадцати не отважился бы произнести его из-за риска стать изгоем на улице.

— Простите, — Глен посмотрел на нее многозначительным взглядом, который бы ей лучше было не понимать, и растворился в толпе жующих лазанью гостей, не дав ей возможности выразить свое несогласие. Она в ужасе смотрела на Джека. Его лицо было бледно-одутловатым, брови были такими же густыми, как у одного из братьев-комиков Маркс, того, что звался Ворчуном, а в уголках рта под усами пряталось нечто неопределенное, скрываемое ото всех.

— Вы, наверное, рады, что Марта наконец обретет твердую мужскую руку.

Джози почувствовала, как на затылке у нее встали волоски дыбом, совсем как у Кота Известного Как Принц при встрече с ротвейлером Джеральдом из соседней квартиры.

— Я совершенно не уверена, что Марте нужна твердая рука.

Джек понимающе кивнул:

— Видимо, поэтому Вселенная нас и свела вместе.

— О, конечно. — Джози отхлебнула из бокала. — И в каком же месте она вас свела?

— В магазине «Уол-Март».

— Однако Вселенной не чужд юмор.

— Простите?

— Это был, наверное, единственный раз, когда Марта делала покупки в «Уол-Марте», так что, вероятно, это и в самом деле было капризом Провидения.

— Я считаю, что я появился в жизни Марты, чтобы научить ее жить, как надо.

— В самом деле? — Где же Глен с этой чертовой бутылкой? — По-моему, Марта и до вас жила неплохо. Мне остается только надеяться, что на вашем банковском счете достаточно денег, чтобы совершить революцию в какой-нибудь крошечной латиноамериканской стране, и тогда вы сможете сделать Марту счастливой, дав ей единственное, чего у нее не было.

— Надеюсь, что после нашей свадьбы Марта и в самом деле избавится от своей материальной зависимости.

— Надеюсь, что вы правы, — Джози постаралась не рассмеяться, потому что, говоря это, Джек был совершенно серьезен. — Я чувствую, сейчас не время для сказочки об упорном короле Кануте и о поглотивших его волнах?

— Вы можете иронизировать, Джози, но я просто уверен, что в глубине души Марта — очень духовный человек и ей надо только раскрыться.

А я в глубине души — прирожденный убийца и могу раскрыться прямо сейчас, и все благодаря тебе!

— Я хочу, чтобы после нашей свадьбы Марта стала строгой вегетарианкой, тогда она очистит свое тело и подготовит себя к рождению моего ребенка.

— Как романтично, — произнесла Джози, наблюдая, как Марта выбирает еще одно жареное ребрышко из высившейся на подносе груды.

— Это для ее же пользы.

Понимает ли он, что эта девушка была возвращена на готовой пище сетей ресторанов «Макдоналдс», «Кентаки Фрайд Чикен» и «Данкин Донатс»?

— Желаю удачи.

— Надеюсь, что с вашей стороны это не только слова, Джози. Я буду заботиться о ней.

— Надеюсь, что и с вашей стороны это не только слова.

Им обоим уже приходилось сталкиваться с тем, что благие пожелания, как правило, не реализуются. К несчастью для Джози, вокруг не было никого, к кому можно было бы немедленно броситься на помощь или кто смог бы прийти на помощь ей.

— Хотите выпить?

Он высокомерно улыбнулся:

— Я не отравляю свой организм алкоголем.

Как жаль, что ты не отравляешь свой организм стрихнином!

— Марта, возможно, говорила вам, что я достиг глубин в изучении мистического искусства Востока.

Марта вообще о тебе не говорила, и теперь я понимаю почему!

— Ну что ж, Джек, в таком случае я достигну глубин в мистическом искусстве

алкогольного отравления.

На лице его отразилось резкое неодобрение.

— Вам это неприятно?

— Да делайте что хотите, это ваша жизнь.

Что Джози перевела, как «да пусть у тебя печень отвалится, когда начнутся поздравительные тосты».

— И на том спасибо.

— Джози, я понимаю вашу озабоченность, особенно принимая во внимание вашу собственную неудачу в браке, но, пожалуйста, о Марте не беспокойтесь. Я люблю ее.

Ее сестра в другом конце зала оглядывалась, ища кого-то, и ее ослепительная улыбка, сверкающая великолепными зубами, кажется, говорила: «На помощь!» Показалось это Джози или нет, но она решила принять это за призыв, обращенный к ней. Надо уходить, иначе она засунет в этот высокомерно задранный нос чесночную хлебную палочку.

— Я постараюсь помочь ей достичь просветления.

Она допила остатки вина из своего бокала и посмотрела прямо в глаза человеку, стоявшему рядом с ней:

— И я тоже, Джек, и я тоже.

Джози прокладывала себе путь сквозь толпу, на ходу подцепив еще один бокал. И о чем только Марта думает? Верно, конечно, что красота — это только внешняя оболочка, но он-то считает, что под его оболочкой, довольно изношенной и уродливой, скрывается сама святость, и Терезе до нее далеко. Марта ведь встречалась с мужчинами, рядом с которыми и голливудский сердцеед Бред Питт показался бы бледной немочью. С Гленом, например. Уж что-что, а с внешностью у него все в порядке. Обаятельный, преуспевающий, очевидно, что не педик. Почему же у них ничего не получилось? Марта рвала со столькими мужчинами, что она уже не помнила, почему ей не подошел Глен. И кто из них кого бросил.

Джози приятно было вспомнить, что завтра Глен будет уделять ей особое внимание. Она усмехнулась про себя. Куй железо, пока горячо. Букет для подружки невесты из-под его подмышки был еще тепленьким. Она избавит Марту от давления отца и от этого покушающегося на нее уroda, а затем найдет Глена и глубоко вонзит в него свои когти, не дожидаясь, пока это сделает кто-то еще. Она покажет Фелисии, что все-таки мужчинам можно дать еще одну попытку. Да, довольно с нее чистоты и невинности; надев свое сногшибательное платье из сиреневого шифона, она будет вести себя, как взрослая тетка, и заграбастает этого парня. Посмотрим, что скажет на это Мэт Джарвис!

Холли Бринкмен не было удержу. Она выглядела так, будто вместе с наркотиками принимала еще и кучу витаминов. Надо бы забрать их у нее и, может быть, вместе с витаминами. Было уже поздно, очень поздно, а она все никак не могла остановиться и продолжала танцевать. Помада у нее размазалась, а из поплывшей туши образовались круги под глазами не хуже, чем у Элиса Купера со всей его вампирообразной чертовщиной.

Атмосфера в клубе становилась все более накаленной, люди более раскованными. В свете стробических ламп вились густые клубы сигаретного дыма, стоял наркотический угар. И музыка, и поведение посетителей были все более и более разухабистыми. Мэт всегда чувствовал себя в таких местах не в своей тарелке; кроме того, здесь становилось небезопасно. Наверное, его бывшая жена была права: в глубине души он так и остался неисправимо правильным.

Холли нацелила на него губы и устремила к нему, чтобы поцеловать, но промахнулась.

— Не довольно ли вам, неумные ножки, — сказал Мэт, — не пора ли нам баиньки?

Холли раскачивалась перед ним из стороны в сторону:

— Вы, англичане, все такие прямолинейные?

— Это была фигура речи, которую мы, англичане, называем «государево «мы»». Имелось в виду, что тебе пора идти спать. Одной.

Холли покачалась еще немного.

— Вы, англичане, всегда так вот портите другим настроение?

— Тебе нужно выпить кофе. И побольше. Крепкого, черного.

— Я не переношу кофеин.

И кофеин тебя, наверное, тоже, подумал Мэт.

— Поехали ко мне.

— Не думаю, чтобы это была хорошая мысль.

— А я думаю.

— Полагаю, нам следует оставить наше знакомство в рамках делового общения.

— Мы, может быть, никогда не встретимся больше. Разве нельзя немного позабавиться, пока ты здесь?

— Я часто сталкивался с тем, что маленькие забавы ведут к большим неприятностям.

Сказал бы он ей это, если бы не встретил Джози? И почему он чувствует необходимость хранить верность той, кого подвел с первым и, возможно, с последним свиданием? Наверное, потому, что стрела Купидона, бьющая без промаха, попала ему не только в сердце, но и в одно из яичек?

Мэт взглянул на часы.

— Давай позавтракаем вместе. Возьмем тосты с корицей. Знаешь, это может доставить больше удовольствия, чем постельные утехи с человеком, которого совсем не знаешь.

Холли, казалось, засомневалась.

— Поверь мне, это так.

— Ну что ж, — сказала она, — я и в самом деле проголодалась.

Вообще-то казалось, что ее сейчас стошнит. Господи, пронеси, ведь в таких случаях у него самого возникал ответный позыв.

— Ты что-то неважно выглядишь.

— Это потому, что ты говоришь о еде, а я не ела весь день.

Замечательно!

Мэт взял ее лицо в ладони:

— Если я отведу тебя куда-нибудь поесть, ты обещаешь хранить все съеденное в желудке, а не изрыгать на мои брюки — они ведь не полотно этого авангардиста Джексона Поллока?

Холли хихикнула, и он расценил это как согласие.

— Ну тогда пошли.

— Я знаю отличное место.

Мэт протащил ее сквозь толпу, уже зная, что когда-нибудь он еще пожалеет об этом.

«Город, который никогда не спит» показался ему довольно сонным. Несколько людей подпирали стены по углам столовой рядом с Таймс-сквер, куда привела его Холли, но больше там никого не было. А жаль, потому что блинчики с кленовым сиропом, которые он сейчас ел, были просто пищей богов, хотя, возможно, удовольствие он получал не столько от них, сколько от того, что в столовой тихо звучали кавер-версии песен «Битлз»: «Все, что тебе нужно, это любовь», «Ты потеряешь эту девушку» и «Я видел, как она стояла здесь», что, конечно, добавляло всей этой сцене ностальгического очарования, а также изрядную долю иронии.

За окном наступал рассвет, серый, зимний. Небо было ясным, и морозный воздух пощипывал лица бродяг, безрадостно снующих по улице туда-сюда. Изношенные тела этих людей, оказавшихся на улице, были закутаны во все тряпье, которое только имелось в их гардеробе, а потому они как две капли воды походили на пугало из фильма «Волшебник из страны Оз»^[9]. Эти бедолаги и были практически единственными признаками жизни на улице. Случайное такси проковыляло по ухабам, уборщики мусора готовились приступить к своим обязанностям, вот и все.

Холли сгребла с тарелки яичницу с беконом, так хорошо прожаренную, что ее можно было сломать пополам, что она и сделала, с аппетитом засунув себе в розовый ротик. Для девушки, которую, кажется, может сдуть с ног порыв ветра, аппетит у Холли был отменный. Непослушные пряди светлых кудрей, закрученных, как штопор, обрамляли ее остренькое личико, и Мэт подумал, а не является ли неспособность Холли совладать со своими волосами знаком того, что и со своей вредной привычкой она также справиться не в состоянии. Он посмотрел на нее поверх блинов. Она постепенно трезвела, скуластое лицо приобрело живой оттенок, и она уже не выглядела, как кандидат в морг, что уже было большим облегчением.

Мэт постарался угадать, сколько же ей лет. Двадцать три? Может быть, чуть больше. Сейчас трудно бывает определить. У него самого есть тринадцатилетняя племянница, которой иногда можно дать и двадцать восемь. Может быть, именно поэтому ему хотелось скорее защитить Холли, чем попользоваться ею. Может быть, и так. Он надеялся, что причина все-таки не в СДФ — Синдроме Джози Флинн. Хочется надеяться, что весь остаток дней своих он не будет сравнивать любую встретившуюся ему женщину с Джози. Как же ему отделаться от загнанной в глубину подсознания мысли, которую он не разрешал себе выпускать на сознательный уровень, мысли о том, что он наконец встретил женщину по сердцу, но из-за собственной небрежности сразу же потерял ее?

— За такое и пенни не жалко, — сказала Холли, хрустя беконом.

У нее на подбородке был томатный соус, и это было очень трогательно. Мэт взял салфетку и вытер ей подбородок.

— Неразумная трата денег, — ответил он, — слишком уж дорого.

— У тебя такая глубокая морщина на лбу.

— Я просто много размышляю о жизни.

— Вот это да, — усмехнулась Холли, — а я-то думала, что наркотики — это только моя слабость.

— Слишком большое количество кленового сиропа всегда оказывает на меня такое воздействие, — произнес Мэт.

— Похоже, что музыка и ночные клубы — это не твоя стихия.

— Наверное, хотя когда-то было по-другому.

— Я всегда думала, что Лондон — это как раз то место, где можно оторваться по полной программе.

— Так оно и есть. Но, возможно, в прошлом я отрывался таким образом слишком часто.

— И давно ты пишешь о музыке?

— Уже несколько жизней. — Мэт хлебнул теплого сладкого чая. — По крайней мере, иногда мне так кажется.

— Можно спросить тебя кое о чем?

Мэт кивнул.

— Что ты на самом деле думаешь о «Крутоголовых»?

— На самом деле? — Мэт нанизал на вилку несколько последних кусочков блина.

— Мне хочется знать. Правда.

Он положил нож и вилку на тарелку и откинулся на стуле, прислушиваясь к голосу Джона Леннона, который тихо лился из динамика над головой. «Я мог бы что-то сказать, но ты будешь страдать...»

Мэт сложил перед собой руки.

— Я думаю, что на самом деле они просто ужасны.

— Насколько ужасны?

— До самой крайней степени.

— Ужаснее, чем...

Мэт разделался с остатками блина и покрутил пустой вилкой. Он вырос на «Бей Сити Роллерз», «Уомблз», на сестрах Нолен и на тирольских песенках пухленьких девочек, которые даже на фоне «Крутоголовых» были просто ужасны, по-своему, конечно.

— Ужаснее, чем... Мэри Осмонд, когда она поет «Бумажные розочки».

— Такие ужасные?

— Боюсь, что такие.

— О!

Холли подцепила пальцами другой кусок бекона и захрустела им.

— А знаешь...

Мэт подождал.

— Я ведь тоже так считаю. — Рот ее растянулся в улыбке, лицо просияло. Она опустила глаза и хихикнула.

Мэт тоже рассмеялся, искренне, от души, заглушив Леннона и заставив других посетителей этой малонаселенной столовой отвлечься от своих тарелок.

— И тем не менее ты напишешь о них хорошую статью.

— Меня можно попытаться убедить это сделать.

— Они неплохие ребята, — сказала она. — Они не стараются управлять всем миром. Но

их музыка воняет.

— Как же ты можешь работать с ними?

— А я умею хорошо притворяться.

— Да, ты и меня обдурила.

Ее лицо вдруг стало серьезным.

— Я совсем не собираюсь обманывать тебя, Мэт.

— Со мной лучше в такие игры не играть, Холли.

— Уже поздно, — мягко сказала она, — или рано?

Мэт встал, чтобы взять счет.

— Я угощаю. — Холли вытянула счет прямо у него из-под пальцев. —

Производственные расходы.

— Ну что же, спасибо.

— Ты был прав, завтрак и правда может доставить большое удовольствие. Хотя, возможно, секс без дальнейших обязательств был бы приятнее.

— Об этом и речи быть не может.

Холли надела куртку.

— Я живу здесь недалеко.

— Я поймаю тебе такси.

— Мы можем немного прогуляться. Нам надо подышать воздухом. Можешь обнять меня. Может быть, тебе понравится, ты же еще не пробовал.

— Ты когда-нибудь успокоишься, Холли Бринкмен?

Она остановилась и взяла его за руку:

— Только тогда, когда получу, что хочу.

Мероприятия по Плану Подготовки к Свадьбе были приостановлены. На ночь. Время отхода к долгому десятичасовому сну, который должен был сделать их свежими и красивыми, уже давно прошло. Гости уехали, и даже другие подружки невесты после наступления полуночи растворились в воздухе, однако Марта не проявляла никакого желания идти спать.

Марта и Джози сидели на подоконнике в комнате Марты, свесив ноги на покатуую черепичную крышу, уходящую вниз. Скот карниза сливался с чернильной чернотой ясного неба, а яркие дырочки звезд были, казалось, проделаны той же острой булавкой, которой холодный воздух покалывал кожу. Еще немного, и рассвет разрушит это очарование.

Марта нашла им обеим пижамы с начесом и пуховые носки, а от холода их защищали одеяла, в которые они завернулись. Двоюродная сестра Джози затянулась сигаретой с марихуаной, которую они курили пополам.

— Последний раз я курила это в семнадцать лет, — сказала она.

Джози взяла сигарету, пока Марта выдувала из носа непрерывную, меланхоличную струю.

— Я тоже.

— Сейчас наркотики уже не модны, — сказала Марта. — Как и алкоголь или случайный секс. Все маленькие радости жизни постепенно теряют остроту. Ты согласна?

— Скоро выяснится, что телевизор приводит к раку глаз, и что нам тогда останется?

Они обе фыркнули.

— Я так рада, что ты здесь, Джо-Джо. — Марта протянула руку и сжала руку сестры.

— И я тоже рада.

— Мне так плохо без Джинни. — Глаза Марты заблестели в лунном свете. — Она была отличной матерью.

— Вы всегда жили как кошка с собакой.

— Странно, но все это не имеет значения, когда становится слишком поздно, чтобы что-то исправить.

— Завтра тебе будет очень ее не хватать.

Марта кивнула.

— Когда церемония в церкви закончится, мы с Джеком подойдем и постоим у ее могилы. Всего несколько минут. Я положу на нее свой свадебный букет.

— Это будет очень трогательно.

— Любопытно, как все складывается в жизни. — Марта задумчиво смотрела в небо. — Вот Орион, — она указала сигаретой на одно из созвездий, — красавец охотник. Когда я смотрела на него, я представляла, что где-то есть мой герой, и он тоже смотрит на него, а однажды он появится в моей жизни, и мы оба будем знать, что нас связало что-то, что выше нас, и что мы предназначены друг другу и будем вместе до самой смерти. — Марта хмыкнула; так хмыкнул бы каменный памятник. — Романтично?

— И ты нашла своего героя?

— Я когда-то так думала. Думала, что этот человек очень близок к тому образу, который я себе представляла. Может быть, он появился не в то время.

— Вокруг не так уж много таких мужчин. Надо было за него держаться.

— Ты стараешься обратить в свою веру уже обращенного. Я ведь думала, что мир полон замечательных мужчин. И что все, что нужно сделать, это сесть и выбрать из шеренги. Чем старше я становлюсь, тем все больше осознаю, что всех замечательных мужчин уже разобрали, а мне приходится выбирать из неликвидных остатков.

— Что у вас было с Гленом?

Марта посмотрела в сторону и шмыгнула носом.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто любопытно.

Марта подняла бровь.

— Ладно, проныра. Я была немного удивлена, увидев его здесь.

— Только удивлена?

— Возможно.

— Он очень красивый.

— Я заметила.

— Он тоже считает тебя красивой.

— Просто замечательно.

Марта откинула голову, прижавшись к оконной раме.

— Я думала, что он мой герой. В старших классах мы всегда были вместе. В нем было все, чего я ждала от мужчины. И я обожала его. И думала, что он обожает меня. — Она проследила взглядом за струйкой дыма, завитки которого исчезали в черноте неба.

— Ну и?

— Ну и. Когда мы окончили школу и перед нами была вся жизнь, я почувствовала, что беременна. — Она сжала губы и посмотрела на Джози.

— Черт.

— Я не сказала никому, — продолжила она, обняв прижатые к груди колени, — даже тебе. Даже Джинни. Никому. Я не сказала никому, кроме Глена. А для него имели значение только его собственные дела. Он сказал, что не сможет взять на себя ответственность за ребенка. Он сказал, что это разрушит нашу жизнь, и его, и мою. Ему тогда только что предложили перспективную работу в Европе, и он не хотел ее упускать. Короче, ему не нужен был этот ребенок, и я была не нужна.

Джози глубоко вздохнула:

— Черт.

— Я сделала аборт. За который заплатил Глен, благородно, ничего не скажешь. Он получил эту работу в Европе, и в последний раз я видела его перед отъездом.

— Подлец.

— Он писал мне каждый год, перестал только два года назад. В каждом письме говорилось, что он жалеет о том, что произошло, что все еще любит меня и что сделает все возможное, чтобы все исправить.

Марта сделала последнюю затяжку почти догоревшей сигаретой и потушила ее о подоконник. Она подняла лицо к небу и тяжело выдохнула дым.

— Я рвала все его письма.

— Черт. — Джози тоже вздохнула. Обе они в молчании смотрели на Орион. — Ты жалеешь об этом?

— Об аборте или о разрыве с Гленом?

Джози пожала плечами.

— И то, и другое трудно было пережить. Но в то время казалось, что именно так и надо делать. Все равно уже ничего не изменить. Но сейчас бы я поступила по-другому.

— А, старая песня. Если бы повернуть время вспять...

— Все мы страдаем от невозможности это сделать, Джози.

— Можно подумать, я не знаю. — В какой бы момент времени она сама хотела бы вернуться? В додэмиенову эпоху? И уж, конечно, в доэтого время несостоявшегося обеда. Она бы поговорила с ним по-другому. «Ты бы хотела пообедать со мной сегодня, Джози?» — «Нет, убирайся к черту». И она выходит из комнаты с высоко поднятой головой.

Марта улыбнулась своим мыслям.

— Вот видишь, Джози Флинн, оказывается, ты знаешь обо мне не все.

— Похоже, что так. — Да, просто счастье, что она не вывалилась из окна от такой новости. — И вот теперь он шафер жениха.

Сестра рассмеялась:

— Странно, правда?

— Н-да, — протянула Джози, — немного странно.

— Джек и я, мы обручились через месяц после того, как познакомились.

— В магазине «Уол-Март»...

— Ты уже знаешь? — Марта потерла лицо. — Это длинная история. Ты просто не поверишь!

— Думаю, что сейчас я поверю всему.

— В общем, Джек сказал мне, что знает одного человека. Джек что-то вроде его учителя-гуру в Академии боевых искусств. У этого человека были проблемы личного характера, и Джек помог ему. Потом уже выяснилось, что это Глен.

— А Джек знает о том, что у вас было?

— Он знает, что у нас была связь. Но об аборте не знает.

— Как они оба к этому относятся?

— К тому, как я могу поддавать в постели? — Марта громко рассмеялась.

— Марта Россани, вы вульгарны! Нет, серьезно?

— Сдержанно. — Уголки губ у нее опустились. — Хотя с Гленом я толком не говорила. По-моему есть вещи, о которых лучше не говорить. — Марта поерзала на подоконнике, плотнее закутавшись в одеяло. — У него свои недостатки. Но у кого их нет? Уже нельзя вернуть то время, когда мне было так хорошо.

— Может быть, тебе удастся все повторить с твоим будущим мужем?

— Последние десять лет я искала того, кто был бы не хуже Глена.

— А Джек не хуже?

— Джек другой.

— Мне только не рассказывай!

— Ты что, — сестра повернулась к ней и озорно поиграла бровями, — запала на Глена?

— После того, что услышала, уже нет.

— А он очень сексуальный, — сказала Марта, — и зад у него хоть куда.

— У Дэмиена зад был не хуже. Все дело в том, что этим задом любовалась не только я.

— Ты все еще о нем думаешь?

Джози разглядывала свои ногти.

— Все меньше и меньше.

— Лучшее лекарство от любви — другая любовь. Что, политнекорректно?

— Да нет, все верно.

— Мне нравится, что у меня кто-то есть. Я не чувствую себя полноценной без мужчины.

Звучит довольно жалко?

— Да уж.

— А по-моему, беспокоиться надо скорее о таких, как Фелисия. Она-то слишком самодостаточна. Ей нравится быть одной. А мне нет. Мне нужно быть нужной кому-то. Теперь, когда Джинни не стало, у меня такое чувство, что я плыву по течению. Я потеряла свой якорь, Джози. — Марта с трудом произнесла последнее предложение и обхватила себя руками, немного помолчала, а потом скосила глаза к переносице и сказала: — Да ну их.

Джози рассмеялась.

— А что, взять хотя бы этого парня, с которым ты познакомилась в Нью-Йорке. Он-то отделался от тебя сразу же после первой встречи, а у тебя самооценка упала до нуля. И он как ни в чем не бывало отправился на дальнейшую охоту, оставив тебя размышлять, что же ты сделала неправильно. Почему мы разрешаем так с собой поступать?

— Это все гормоны, — сказала Джози, — все из-за них.

— Да, Глен тебе подойдет.

— Мне так не хочется опять влюбиться не в того человека.

— Ты ведь все время думаешь о том парне, так ведь?

Джози кивнула:

— Я думаю о нем больше, чем мне бы хотелось.

— Тогда вполне возможно, что ты опять влюбилась не в того.

— Я не смогу пройти через это во второй раз, Марта. Я себя уважать перестану.

— Тогда подумай, не стоит ли отвлечься от всего с Гленом. Он ведь изменился, Джози.

Джек говорит, что он стал гораздо более целостным. Прошло столько времени, люди ведь меняются, и ситуация другая.

— А ты веришь всему, что говорит Джек?

— Я уважаю его мнение.

— Мнение у него есть по любому вопросу.

— Я не собираюсь выяснять, что ты думаешь о Джеке.

— А я не собираюсь ничего тебе говорить.

— Тебе и не нужно. У тебя и так на лице все написано. — Марта натянула одеяло поплотнее.

— Марта, — терпеливо сказала Джози, — ты самая прекрасная женщина на свете. Эта Кэтрин Зета-Джонс или Дуглас — как ее там теперь — может отдыхать. А он... он, наверное, пришел с другой планеты.

— Внешность — это еще не все. Ты сама только что это сказала.

— Но внешность имеет значение, если она как у Квазимодо после нескольких ночей беспробудного пьянства.

— Ты несправедлива к нему.

— У него внешность шарпея.

— Я люблю собак.

— Но замуж за пса ты бы не пошла.

— Джози, — вздохнула Марта, — я перепробовала все варианты. У меня были приличные мужчины. У меня были панки. У меня были интеллектуалы. Только что разбогатевшие мужчины. И наследственные богачи. И бедняки тоже.

— А теперь у тебя лысый, отвратительный урод.

— Никто из тех, кто был до него, не дал мне счастья.

— А Джек дал?

— Я познакомилась с ним через несколько дней после смерти Джинни. Он вел себя безупречно. Он поддерживал меня, давал мне советы, подбадривал, раскрывал мое внутреннее «я».

— А когда твое внутреннее «я» закрылось?

— После знакомства с Джеком я гораздо лучше стала понимать себя, свои чувства.

— И это достаточная причина, для того чтобы выходить за него замуж?

— Мне нужен ребенок, Джози. У меня в душе огромная пустота в том месте, где должен быть ребенок. Я хочу гулять с колясочкой. Я хочу все узнать об одноразовых пеленках. Я хочу быть мамочкой.

— А не потому ли ты с Джеком, что хочешь исправить прошлое?

— Знаешь, после того как Джинни умерла, я кое-что поняла. Я осознала, что по сравнению со смертью все теряет значение. Ни деньги, ни внешность, ни возможность обедать в дорогих ресторанах или купить сумочку последнего фасона не играют никакой роли. Мне нужен ребенок, пока не стало поздно и Джек готов нести за него ответственность.

— Он готов? Наконец-то. Ему же скоро шестьдесят!

— Ему сорок восемь. Просто он не пользуется увлажняющими кремами.

— Если боевые искусства позволяют экономить кремы, тогда как-нибудь отдай мне лишние.

— Джози, я не молодею с годами. А что, если из-за большого количества выпитой кока-колы или еще чего-нибудь мои яйцеклетки мутировали?

— Тебе тридцать четыре года. Впереди еще уйма времени.

— Вот этого никто не знает.

— А что, если бы ты узнала, что его сперматозоиды уже лишены подвижности? Что они только и могут, что лениво шевелить хвостиками на мелководье? Ты и тогда вышла бы за него?

Марта подавленно вытянула губы.

— Ты же можешь родить и не выходя замуж. Ребенка можно зачать в пробирке. В консервной банке, в упаковке от индюшки, в чем угодно. У вас же была индюшка на День благодарения, поищи, может, упаковка сохранилась.

— Что за чушь ты несешь. Я хочу зачать ребенка в любви.

— Любовь! Вот оно, ключевое слово.

— Он меня любит. Он меня просто обожает. Он заботится обо мне. И он единственный, кто сделал мне предложение. Все остальные хотели что-то получить от меня.

— Но ты, Марта, ты любишь его?

— Сейчас уже поздно задавать этот вопрос, Джо-Джо.

— Нет, Марта. Если у тебя есть хоть малейшее сомнение, то именно сейчас время задать такой вопрос.

— Ты когда-нибудь шла по пути, с которого нельзя свернуть? У тебя никогда не было ощущения, что судьба сама толкает тебя вперед, несмотря на все твои сомнения и опасения?

— Ты это о судьбе или о свадьбе?

— Мне придется дать отставку жениху.

— Марта, ты его любишь?

Марта долго, неотрывно смотрела на Орион.

— Я люблю его, — сказала она. — А теперь пошли спать.

— Вот так!

Дэмиен положил трубку и резко махнул кулаком в воздухе. Потом довольно потер руки и в завершение хлопнул в ладоши: дело сделано! Билет бизнес-класса в Нью-Йорк на рейс авиакомпании «Вирджин Атлантик Эйрлайнз» изрядно облегчил его кредитную карту, но оно того стоило. Завтра ровно в семь утра рейсом VA 100 со всем возможным комфортом он полетит на самолете к цели назначения — аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди, а затем отправится далее, в объятия Джозефин Флинн. Дэмиен был настроен очень решительно.

— Что ты делаешь?

Дэмиен резко обернулся.

Опершись о дверной косяк его кабинета, стояла Мелани. Волосы у нее были в беспорядке после беспокойного сна и безобразно торчали в разные стороны. На ней была коротенькая ночная рубашка, а на лице — выражение угрюмого недоверия.

Дэмиен вздохнул.

— Сейчас три часа ночи, — заметила она. — Ты собираешься ложиться спать?

Рубашка сползла с ее плеча, приоткрыв мощные округлости ее груди, вздымавшихся от негодования. Груды были твердыми, но нежными, и это была одна из тех причин, по которой он влюбился в нее.

Дэмиен вздохнул громче. Как все это надоело. Но он должен проявить твердость.

— Нет, — сказал он, — сегодня я спать не лягу.

Мелани взглянула на дорожную сумку, которую он упаковал, пока она смотрела сериал «Коронейшн Стрит». У Натали, хозяйки квартиры, где жил Роджер, опять была связь с мужчиной моложе ее, и внимание всей нации, включая и Мелани, было приковано к этим событиям.

— Что все это значит?

— Я больше так не могу, — сказал Дэмиен.

— Как «так»?

— Вот так, — Дэмиен развел руки, показав на весь дом.

Обычно цвета загара, кожа Мелани вдруг стала белой.

— Почему?

— Я не могу больше это выносить. — Он закрыл голову руками. — Я все еще люблю Джози.

— Сволочь! — Мелани повернулась на каблуках и убежала на кухню. Он вздрогнул, услышав, как распахнутая ею дверца буфета ударилась о стену, как чайник стукнулся о кран, как зазвенели две фарфоровые кружки, ударившись друг о друга.

Он испустил самый глубокий вздох в мире.

— Черт возьми, — устало пробормотал он, заставил себя выйти из-за своего дешевого временного письменного стола, оклеенного меламиновой пленкой, и пошел навстречу звукам сокрушаемых предметов домашнего обихода.

Мелани сидела за откидным разделочным столом, подперев голову руками, и плакала. Ее лицо, искаженное то ли злобой, то ли болью (а может быть, и тем и другим), было все в красных пятнах.

— Мелани...

— А она тебя любит?

Э... вопрос на засыпку.

— Да.

— Ты продолжал с ней встречаться?

— Нет.

— Врешь!

— Я стараюсь быть честным с тобой, — сказал Дэмиен и подошел к ней, чтобы обнять ее.

— Дэмиен, ты не поймешь, что это за зверь, честность, даже если она укусит тебя за задницу!

— Я не принимаю этого замечания.

— А я не принимаю такого объяснения! Ты вошел в мою жизнь, сломал ее, сломал жизнь моих детей, а теперь говоришь, что любишь свою бывшую жену!

— Она пока еще не бывшая.

— Дэмиен, ты живешь здесь полгода. А до этого полгода упражнялся со мной на своем письменном столе в офисе. Уж кого-кого, но тебя назвать верным мужем язык не поворачивается.

— Я знал, что ты плохо к этому отнесешься.

— Плохо отнесусь?! — Лицо Мелани приобрело угрожающе-мрачный оттенок. — Да я пока и не начинала к этому никак относиться!

— Я хочу, чтобы ты знала, что мне так же больно, как и тебе.

— Нет, Дэмиен. Тебе-то никогда больно не бывает. Это ты всем причиняешь боль. Но вот это, может быть, покажет тебе, насколько плохо я к этому отношусь!

Мелани схватила сахарницу и запустила в него. Сахарница пролетела через всю кухню и разбилась как раз над головой Дэмиена, разлетевшись на множество осколков и осыпав его белым сахарным песком «Тейт энд Лайл».

— Мелани! — Дэмиен попытался закрыться руками.

Она взяла две фарфоровые кружки и отправила их вслед за сахарницей. Одна из них, прежде чем разбиться, ударившись о косяк, все же задела голову Дэмиена.

— Ты еще пожалеешь о том, что вела себя таким образом, — предупредил ее Дэмиен.

— Нет, жалеть будешь ты. — Мелани открыла буфет. На ее лице появилось решительное выражение; она протянула руку к стопке тарелок и взялась за верхнюю. — Уж я постараюсь, чтобы ты пожалел об этом, Дэмиен. — Она прицелилась и бросила тарелку ему в голову, как будто это была не опасно тяжелая кухонная тарелка, а игрушечная тарелочка для метания. Тарелка просвистела в воздухе и зазвенела, разбившись о холодильник. — Ты у меня всю оставшуюся жизнь будешь жалеть об этом.

— Я хочу выглядеть круто, — сказала Джози.

— Естественный стиль ей больше подойдет, — распорядилась Марта, неспешно втирая в свои тонкие пальцы крем для рук с ароматом ванили.

— Хорошо, пусть я буду выглядеть естественно, но сногшибательно, потрясающе, смело, раскрепощенно.

— Но вы же не хотите выглядеть красивее самой невесты, не так ли? — Кисточка Беатрис мягко била ее по щекам, нанося румяна.

— Нет, хочу, — заупрямилась Джози, — но понимаю, что для этого потребуется серьезная косметическая операция и гормоны роста. Ладно, Беатрис, просто нанесите мне тени на веки и сделайте, что сможете.

Было шесть часов утра, еще темно, сильный мороз припудрил деревья за окнами, и они стояли как в сказке. Если бы не пятиградусный мороз и снегопад, то выбрать лучшего дня для свадьбы было бы нельзя. Главные участники собрались на кухне у Марты и пили кофе, а Беатрис и ее миленькая помощница, Кристина, навели красоту на их лица. Сноровке, с которой сновали их кисточки с косметическими средствами, позавидовал бы и художник Рольф Харрис. Все это пришлось очень кстати, потому что глаза у Джози были такими красными и опухшими, как будто она раз сто проплакала над мелодрамой «Мосты графства Мэдисон».

Незадолго до того, как под утро они с Мартой наконец отправились спать, выяснилось, что Джози придется вести по ковровой дорожке всю свадебную процессию к алтарю; она пойдет первой, а за ней последует Марта и вся ее далеко не маленькая свита. Ей еще предстояло узнать, как это надо делать, а также и то, как начинать танец, как, стоя, вести свадебный завтрак и развлекать гостей. Ничего похожего на роль подружки невесты в Англии, где можно схорониться где-нибудь в тени и хорошенько напиться.

Джози разглядывала ряд сиреневых платьев, расправленных и отутюженных, терпеливо дожидавшихся на плечиках своей очереди.

— Марта, разве нельзя было сшить платья с рукавами?

— Хватит ныть, ты выглядишь просто великолепно, а моя свадьба будет ЖАРКОЙ! Подожди до вечера, от тебя просто пар будет валить.

Фотограф и его хорошенький ассистент также сновали вокруг них, как пчелки; не меньшее усердие проявляли и человек с видеокамерой, и его определенно менее привлекательный помощник. Джози совсем не была уверена, что хочет, чтобы ее и Марту увековечили для будущих поколений в запасных пижамах, только с одним накрашенным глазом и с бигуди в волосах, но остановить этот процесс было невозможно.

— Мне нравится фотограф, — прошептала она Марте через разделявшие их подлокотники кресел.

— Он голубой, — сказала Марта, заглывая свою бурду из водоросли, чтобы, несмотря на ранний час, Беатрис смогла нанести ей на губы помаду. — А мальчик с экспонометром его любовник. — Марта нагнулась, чтобы увидеть Джози из-за стоявшей между ними Беатрис, и пристально посмотрела на нее. — Что с тобой, девочка моя?

— Наверное, из-за столь недолгого общения с тем праведным подлецом Мэтом Джарвисом гормоны у меня передрались или еще что-то в этом роде. Дядя Нунцию

посоветовал мне потрахаться от души.

— Дядя Нунцио так сказал?

— Ну, другими словами.

— Ты должна делать так, как сказал дядя Нунцио. Его нельзя не слушаться.

— В самом деле? Ведь он выглядит как человек, у которого следующая сигарета может оказаться последней в жизни.

— Внешность бывает обманчивой, Джозефин. И тебе это должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было. — Марта смотрела на сестру, одновременно демонстрируя ей свой восхитительный, еще свеженький маникюр. — Дядя Нунцио — это орешек еще тот. Он титулованный глава нашей семьи и очень влиятельный человек в родном городе. С Нунцио Россани предпочитают не связываться.

— Тогда кто же я такая, что он дает мне советы?

Они обе рассмеялись.

— Фелисия, — крикнула Марта, обращаясь к довольно бесформенной фигуре в пижаме, — не могла бы ты позвонить цветочнику и убедиться, что у меня будет не только букет невесты, но и букет для того, чтобы кинуть подружкам?

— Марта, сейчас половина седьмого утра, — ответила Фелисия, продолжая поедать бейгели со сметаной так, как будто вся ее жизнь зависела только от них.

— Там есть автоответчик. А то я могу забыть. Это в твоих же интересах, между прочим.

Фелисия зашаркала к телефону.

— Если мое будущее счастье зависит от того, поймаю я этот чертов букет или нет, то я предпочла бы вскрыть себе вены.

А тем временем снимались бигуди, распускались локоны, волосы зачесывались назад, имитируя небрежный беспорядок от налетевшего ветерка, напылялся лак в количестве, достаточном, чтобы озоновый слой планеты содрогнулся от боли.

Фелисия положила трубку.

— Ну вот, теперь ты гарантированная обладательница букета для подружек. — И она вновь принялась за свой завтрак.

Зазвонил телефон. Фелисия перегнулась обратно через обеденный стол, чтобы взять трубку. Отодвинув трубку ото рта, она закричала:

— Это тетя Лавиния. Кто примет на себя первый удар?

Марта помахала рукой, чтобы облачко лака у нее перед лицом рассеялось, и взяла трубку.

— Привет, Лавиния. Да, мы как раз собираемся. Да, Джози ведет себя примерно.

Джози в раздражении нахмурилась, и Марта не решилась фыркнуть.

— Да, на мне все только самое-самое. Да, жаль, что тебя нет здесь. Да, и папа в порядке. И я скучаю по маме. — Марта закусила губу. — Конечно, я знаю, что ты думаешь обо мне. Лавиния, мне уже надо идти, спасибо, что позвонила. Я очень скоро позвоню тебе, и мы поговорим обо всем. Даю тебе Джо.

Джози взяла трубку.

— Да, добралась хорошо. И хорошо себя веду. И буду вести себя хорошо. Да, она прекрасно выглядит. Да, всем передам привет. Конечно, жалко, что тебя здесь нет. Что?

Последовала пауза.

— Нет, я не собираюсь опять сходить с Дэмиеном. Что это тебе в голову пришло? Да, просто уверена, что все пройдет замечательно. Мама, а почему ты спросила про Дэмиена?

М-м-м... М-м-м...

Джози, нахмурившись, опустила трубку.

— Она первой положила трубку. Даже Последовательность Завершения Разговора не понадобилась. Такое с ней впервые.

Она шлепнулась на стул рядом с Мартой.

— Мама только что спросила меня, не собираюсь ли я сойтись с Дэмиеном.

— Я поняла.

— Мы же как раз сейчас в особой дружбе с мистером Разводом. Что это ей в голову взбрело?

— У твоей мамы иногда бывают странности.

— Это ты мне говоришь!

К ним забрел Джо, отец Марты. На нем была домашняя куртка, а ширинка брюк расстегнута, рубашка хлопала вокруг тела, как парус.

— Никак не могу справиться с этим идиотским пингвиньим костюмом!

Ему на помощь пришла Фелисия.

— Вот, мистер Россани, съешьте бейгель, а я заправлю вам рубашку.

— Господи, — простонал он, — хорошо, что у меня только одна дочь. На те деньги, которые мне стоит это свадебное шоу, можно было бы купить несколько квартир в кондоминиуме.

— Хватит жаловаться, папочка. Маме бы это не понравилось.

— Твоя мама наслаждалась бы каждой минутой. — Он дернул себя за галстук-бабочку. — Что до меня, то я уже сейчас жду не дождусь, когда смогу снять эту чертову штуковину. Зачем мне нужно одевать все это так рано? Еще ночь кромешная.

— Мы не хотим опоздать в церковь.

— Да до нашего времени еще ждать и ждать.

— Нам еще многое надо сделать.

— Да, вам, девочки, тяжеленько приходится, красоту-то еще наводить и наводить.

— Папочка!

Он поднял руку.

— Пойду. Буду в своей берлоге, посмотрю игровое шоу «Выигрывайте деньги Бена Штейна». Свистните, когда вся компания поедет.

Марта посмотрела ему вслед, пожевав губу.

— На самом деле ему все это нравится, — неуверенно сказала она.

— Конечно, ему нравится, — подбодрила ее Джози. — Твой отец, как моя мать, они оба любят пожаловаться. Для него это будет великий день, и он потом будет годами говорить о нем.

Марта и Джози поднялись со своих нагретых мест, уступая их Фелисии и Бетти-Джо, ожидавшим своей доли косметических процедур.

— Хочешь позавтракать, Марта?

— Я размажу помаду.

— Да ты и так уже слизала половину. Беатрис попозже может опять нанести ее. Тебе надо поесть.

— Мой желудок не примет ничего.

— Поешь, — Джози пододвинула ей бейгель, и обе они нерешительно стали отщипывать от него кусочки.

— Ты подумала о том, что я говорила ночью?

— Я всю ночь проворочалась без сна от волнения.

— И?

— Я все делаю правильно.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Совершенно уверена?

— Сколько раз нужно тебе повторять?

— Один, но с радостью.

— Я радовалась бы гораздо больше, если бы не волновалась так сильно.

— Расслабься и получай удовольствие. Этот день пролетит так быстро, что ты и не заметишь.

Руки у Марты дрожали.

— Я хочу, чтобы это был совершенно замечательный день, Джо. Я хочу, чтобы все запомнили его на всю оставшуюся жизнь и говорили: эй, ведь свадьба Марты — это было что-то.

— Не волнуйся, — Джози взяла обе руки сестры и сжала их вместе. — Все так и будет. Я просто уверена в этом.

Снаружи послышался хруст гальки, и на окна упала тень.

— Приехали машины, — сказала Марта.

Три самых больших, самых белых лимузина, которые когда-либо были выпущены, подъезжали к дому Марты, подталкивая своими крышами поднимающееся над горизонтом солнце.

— Нам пора одеваться, дорогая сестренка, — произнесла Марта.

— Боже мой! — сказала Джози и села на кровать Марты. Она закусил губу, разрушив таким образом остатки трудов Беатрис.

— Не плачь, не плачь, не плачь, а то от косметики ничего не останется.

— Я не плачу. Я просто немного распустила сопли.

Марта покрутилась перед ней.

— Нравится?

— Ты самая красивая невеста из всех, которые когда-нибудь были.

— Значит, нравится? — Марта любовалась на себя в зеркале.

Платье было из атласа «принцесса», плотно облегающее, с лифом, шитым жемчугом, и (что отметила про себя Джози с легким уколом зависти) с длинными рукавами.

— Помнишь, когда мы были детьми, мы часто играли в принцесс, надевая ночные рубашки наших мам? Вот сейчас ты настоящая принцесса.

— Так должна чувствовать себя каждая женщина в день своей свадьбы. — Марта опять покрутилась, и тончайшая ткань ее шлейфа взлетела над полом и стала виться волнами в воздухе, подхватившем и закружившем ее.

— Джинни бы это понравилось.

— Понравилось бы, правда? — Глаза Марты наполнились слезами. — Больше ничего не говори, а то я расплачусь.

— Она бы так гордилась тобой.

— Джек хотел, чтобы мы поженились на Фиджи, чтобы там были только мы двое. Я

рада, что настояла на полной церемонии.

— Надеюсь, что он стоит всего этого.

— Думаю, что принцесса будет жить долго и счастливо. — Марта рассматривала себя в зеркале со всех сторон. — Так ведь всегда и бывает?

— Нет, — ответила Джози, — не всегда.

— Извини, пожалуйста, — сказала Марта, и ее руки опустились. — Ты подумала о Дэмиене?

Джози кивнула.

— Я тогда была уверена, что все именно так, как ты сказала. Я была просто великолепна. Мы оба были великолепны. Почему же все так закончилось? — Она не помнила даже, когда это все началось. После их первой ссоры? Ни он, ни она не умели просить прощения. Или все было после того, как они не смогли договориться о том, какие им нужны обои? Или все потому, что Дэмиену нравились «Бон Джови», а она считала, что нет и быть не может никого лучше блюзового франта Уилла Смита? Они спорили даже о том, как назвать кота. Джози думала, что Принц будет шутливой данью идолу поп-культуры и заложит модель поведения смышленного и нагловатого-бодрого котенка. А Дэмиен считал котенка высокомерным и самодовольным недомерком. И пижоном. И не хотел, чтобы его кота называли в честь этого чернозадого алкоголика. Дэмиен, с его отсутствием воображения, что проявлялось во всем, предпочитал традиционные имена: Франтик, Пушок или Пусик. Они бросили монетку, и победил Принц.

— Всего пять лет назад я стояла перед зеркалом, Марта, в точности как ты сейчас. Я была одета как принцесса и надеялась на счастье, которое будет длиться вечно. Что произошло между тем моментом и этим?

— Дэмиен подцепил другую.

— Спасибо за точное определение случившегося, — надулась Джози. — Но что заставило его поступить так? Я? Что-то, что я ему сказала? Что-то, что я сделала? Или не сделала? Он мне так и не сказал, Марта. Он так и не сказал мне, что же я сделала неправильно.

— Не зацикливайся на нем и не ругай себя, твой муж — тварь, вот и все.

— Это потому, Марта, что я беспокоюсь о тебе. Я не хочу, чтобы ты делала те же ошибки, что и я. И даже не знала бы, в чем они заключаются.

— Со мной все будет в порядке.

— Я когда-то прочитала, что не стоит выходить замуж за человека, если думаешь только, что сможешь с ним жить, что выходить надо за того, без которого жить не сможешь.

— Джози, ты читаешь столько всякого дерьма, — рассмеялась ее двоюродная сестра.

— Это из-за того, что я развелась и столько ночей сплю одна.

— Что касается одиноких ночей, то их и у меня было немало, — сказала Марта. — А сейчас я хочу выяснить, что же все-таки это такое, супружеская жизнь.

— Надеюсь, с этим у тебя будет лучше, чем у меня.

— Я тоже надеюсь.

Обе они рассмеялись.

— Иди ко мне, — сказала Марта, и они бросились друг другу в объятия.

— Слушайся своего сердца, Марта, что бы оно тебе ни говорило. — Джози немного отодвинулась и посмотрела на сестру. — Будь счастлива, обещай мне, что будешь.

— Обещаю.

— Марта, — слышался голос Фелисии с нижнего этажа, — фотограф ждет. Ты готова?

— Иду!

— Джози, тебе тоже надо надеть платье!

О, радость! Вот он, момент, которого она так ждала. Сиреневый шифон! Иду...

Аэропорт Хитроу в предрассветный час казался местом, где никогда ничего не происходит. Несколько вооруженных полицейских на дежурстве неторопливо прогуливались по залу и явно скучали. Они вовсе не казались теми, кто четко знает, что делать, если возникнет ситуация, когда надо будет застрелить кого-то или завалить наземь террориста и надеть на него наручники. Уборщики полировали полы до больничного блеска, а продавцы с отвращением думали о том, что сейчас им придется нарушить свой душевный покой и, открыв магазины для рутинной дневной работы, в силу жестокой житейской несправедливости начать общение с этой немой, ничтожной публикой.

Учитывая то, что Дэмиен практически не отстал от намеченного графика, он, разумеется, порадовался, что все рейсы отправлялись вовремя. Он взвалил дорожную сумку на плечо и с трудом пошел через зал. Он был, в общем, доволен собой и тем, во что вылилась его миссия Возврата Джози. Разве сможет женщина, столкнувшись с таким недвусмысленным проявлением действия мужских гормонов, устоять и не упасть в его объятия? Не так уж много мужчин, которые в мгновение ока пересекли бы океан только ради того, чтобы доказать, насколько женщина важна для них. Пусть тот Таинственный Незнакомец сделает что-нибудь подобное!

Что бы то ни было, он наконец вытащил счастливый билет. Проходя мимо стенда с галстуками, он посмотрел на себя в зеркало. Да, на лицо его стоило посмотреть: на нем после битвы с Полоумной Мелани остались шрамы от тарелок и прочих видов холодного домашнего оружия. С другой стороны, если Джози не будет расположена к общению с ним (а в последнее время склонности к этому она не проявляла), то лицо, иссеченное шрамами, возможно, заставит смягчиться ее женское сердце. Он пострадал от пращей и стрел неприятеля в попытке вновь обрести ее и надеялся, что она непременно оценит это. Дэмиен погладил кожу кончиками пальцев. Больно. Мелани могла убить его. Слава богу, что она не дошла до ящика с ножами, а то сейчас он говорил бы гораздо более высоким голосом.

Он не мог понять, что он нашел тогда в этой Мелани, ну, конечно, помимо тех достоинств, которые сами бросались в глаза, — большого бюста, здорового зада и малого количества мозгов. Но, возможно, причину искать и не нужно. С мужчинами такое случается. В их конторе, по крайней мере, через это прошли почти все. Удивительно, что и работа еще как-то двигалась. Взять хотя бы Интернет: он весь напичкан объявлениями постельного характера. В отделе по управлению человеческими ресурсами использование помещений компании для проведения интимных встреч с сотрудницами расценивали как дисциплинарное нарушение. Но если бы все такие случаи выплыли на свет божий, то пришлось бы уволить половину персонала! Включая директора-распорядителя и его секретаршу.

Дэмиен сверился с часами. Ему предстояло убить еще час. Он прошелся по ряду, где были магазины, от нечего делать разглядывая на витринах чемоданы из поблекшей кожи, видимо, провалявшиеся на магазинных полках довольно долго, шелковые рубашки ручного изготовления и различные панамы. Все это ему понадобится, когда он состарится и станет слащавоучливым. Давайте начистоту: если вы и в пятьдесят лет захотите остаться участником забега на приз «Крутая Куколка», то одежду вам придется покупать никак не в дешевых магазинах сети «Некст».

Вот когда он увидел Его. И уже не смог отвести от Него глаз. Оно сверкало, лежа на грубой ткани в световом круге, разбрасывая вокруг всполохи голубых, розовых и зеленых лучей. Оно должно принадлежать ему. В этом кольце был самый большой, самый игристый бриллиант, который ему когда-либо приходилось видеть. Даже если все остальное не сработает, то вот этот стержень уж точно вернет ему сердце так отдалившейся от него любимой. В таких ситуациях бриллиант вообще лучший друг мужчины. Этот же был чистейшей воды, прозрачный, ограненный в форме слезы (как кстати!). Дэмиен был очарован романтичностью своего замысла. Кольцо для повторной помолвки. Он падет на колени и будет молить Джози вернуться к нему. Это будет его коронный номер!

Ювелир, наверное, решил, что вновь пришло Рождество, угрюмо подумал Дэмиен. Когда он смотрел, как Дэмиен заталкивает бархатную коробочку поглубже в верхний карман, похлопывая по нему, чтобы убедиться, что она там будет в целостности и сохранности, в его блестящих глазах сквозила неловкость. Даже кредитная карта Дэмиена, привычная к разным экстравагантным приобретениям хозяина, взвизгнула от боли, проходя через кассовый аппарат. Бриллиант-то, конечно, потрясающий, но и цена потрясает не меньше. В том числе и кошелек. Однако он был уверен, что его затраты окупятся сторицей. То, что он сейчас заплатил за эту блестящую побрякушку, позволит ему купить очень большой кусок пирога смирения и примирения.

Как бы то ни было, Джози этого стоит. Такая женщина, как Джози, одна на миллион, а таким, как все эти Мелани, красная цена грош за десяток (почему он не понял это раньше, это бы уберегло его от многих неприятностей и от трат на адвоката?). Никто не сможет дать ему того, что может дать Джози. А что он приобрел от своей связи с Мелани? Сомнительную честь быть экспертом мирового уровня по части извлечения из видеопроектора жевательной резинки? Да, это был хороший урок. И дорогостоящий. Дэмиен опять любовно похлопал себя по карману. Но сейчас он другой человек. Какая разница, сколько раз он был неверен ей в прошлом, теперь-то он уже никогда больше не клюнет на сомнительные соблазны и не оставит Джози.

Единственное, что ему осталось сделать, это узнать, где состоится это великое торжество. Он набрал номер Марты по своему мобильному телефону и, в нетерпении ожидая, когда его звонок пройдет по эфиру, постукивал носком ботинка.

— Привет, — сказал далекий женский голос.

Дэмиен закрыл пальцем второе ухо.

— Марта?

— Нет, это Фелисия. Марта немного занята. Она готовится поехать в церковь.

— Я приглашен на свадьбу, но приглашение затерялось. Вы не напомните мне, где будет прием?

— Конечно. — И Фелисия продиктовала ему полное название гостиницы, а он записал его на каком-то конверте, который выудил из кармана пальто.

— Спасибо. Отлично. Джози там?

— Да, но и она подойти не сможет. У вас что-то важное?

— Нет. — Разве только то, что все их совместное будущее зависело от этого звонка.

— Мне передать ей, кто звонил?

— Нет. Не стоит ее беспокоить. — Он хотел сделать ей сюрприз из сюрпризов, сюрприз на всю жизнь.

— Мы, наверное, увидим вас позднее? — сказала Фелисия, прежде чем повесить трубку.
Без всякого сомнения, подумал Дэмиен с улыбкой.

Холли выглядела совершенно ужасно и чувствовала себя не лучше. Она глубоко затянулась сигаретой и, несмотря на всю свою неприязнь к кофеину, отхлебнула нечто, вполне напоминавшее кофе с полноценной дозой кофеина.

Мэт же чувствовал себя как кот, который, заглянув внутрь, понимает, что от этого места лучше держаться подальше, и не решается войти. Как ни удивительно, но «Кругоголовые» появились в студии; не в условленное время, конечно же, но появились, что в мире мальчиговых групп было своего рода чудом. В ожидании того, что отдаленно будет напоминать интервью для журнала, они развлекались компьютерными играми. В микшерной за стеклом беззвучно трудились звукорежиссеры, приводя в божеский вид записанное накануне. «О-о-о, о-о-о, прости, почему я не знал, как много ты значишь, когда дал я тебе уйти, о-о-о, о-о-о...»

Мэту подумалось: а где сейчас может быть Джози? Она, наверное, облачается в свое сиреневое платье и выполняет обязанности подружки невесты, но не пройдет и нескольких часов, как он ворвется в зал, где будет происходить свадебное торжество, и сделает ей сюрприз или вызовет шок, самый сильный за всю ее жизнь.

Мэт сел рядом с Холли, с трудом выдавившей улыбку.

— Хорошо спала?

Холли прижала руки к чашке и осторожно поднесла ее ко рту.

— Если бы ты остался, как тебя просили, то спрашивать бы не пришлось.

— Ты же знаешь, что я не считал это предложение подходящим для себя.

— А я считала.

Вчера Мэт расстался с Холли у двери ее многоквартирного дома. На прощание они поцеловались. Не страстно, но касание языком, покусывание и сосание имели место быть. Надо признаться, это было довольно приятно. И Холли определенно была рассержена, когда он дал ей ясно понять, что не хочет заходить слишком далеко. Она похныкала, потом стала упрашивать его, но недолго, и была, надо отметить, так убедительна — еще мгновение, и она достигла бы цели. Не в том дело, что он слишком уж серьезно относился к принятому им на себя обету целомудрия — на самом деле воля у него была не сильнее, чем у любого другого, — но в наши дни важно, чтобы человек, с которым хочется заняться сексом, любовью, постельными играми — называйте, как хотите, — был бы интересен в целом, чтобы вам хотелось проводить с ним время, а не спешить по утрам убежать, пока еще не пожарена утренняя яичница с ветчиной. Гораздо лучше, если вы этого человека хорошо знаете. Он попытался объяснить это Холли перед тем, как уйти и, поймав такси, вернуться в гостиницу. Но Холли, по-видимому, не разделяла его точку зрения.

— Может быть, как-нибудь в другой раз, — сказал Мэт, надеясь, что это не прозвучало так, как будто он дает ей полную отставку.

— Ты упустил свой шанс, англичанин. — Ее голос звучал холодно, и он испугался, не обидел ли ее. — Хочешь познакомиться с ребятами? Узнать, что они думают о проблемах мирового значения?

— Я не знаю, что я сейчас хочу.

Их глаза встретились, и Холли подмигнула ему:

— А я знаю.

Оказалось, что «Крутоголовые» не всегда были ньюйоркцами, как ранее полагал Мэт. Джастин, претендующий на оригинальность и остроумие, был из Бэзилдона; Тайрон вырос в Барнсли, и он, наверное, настрадался в школе с таким именем, подразумевающим неуклюжего новичка; Бобби приехал из Экрингтона, а Стиг провел свои первые сознательные годы в Мейдстоуне — без сомнения, по-своему милом уголке сельскохозяйственной Англии, но далеко не самом веселом месте на планете. Но что такое был Ливерпуль в добитловую эпоху?

И зачем он проехал весь этот путь, чтобы взять у них интервью здесь, вместо того чтобы сделать это в Льюишеме или Кэмдене? Они прилетели сюда, отдавая дань традиции, сказала Холли в своем вступительном слове менеджера по рекламе, они хотели вначале покорить Америку. Затем, естественно, последует весь остальной мир. При этом на ум немедленно приходили слова «молодцы» и «желаю успеха». Это последнее им не помешает.

Мэт чувствовал себя, как школьный учитель, пытающийся справиться с классом из отпетых сорванцов. «Крутоголовые» сидели перед ним и резвились, раздавая друг другу подзатыльники и стараясь ударить ногами по лодыжкам. У них было три электрогитары «GCSE», и до тех пор, пока их не вытасила из безывестности компания «Билайн Менеджмент», ни один из них не ездил дальше острова Ибиза в Испании. Расписание гастролей и концертов у них, очевидно, было таким же, как и они сами. Их лица покрывал густой слой то ли темно-оранжевого тон-крема, то ли искусственного загара, скрывая, насколько возможно, наливающуюся соком угревую сыпь и сыпь от небрежного бритья, а также остатки пушка на щеках; эта небрежность свидетельствовала о том, что они были слитком заняты приятным времяпрепровождением, чтобы умываться. Однако их зубы сверкали такой неестественной белизной, которая достигается только неумеренным употреблением пасты «Колгейт». Кажется, их превосходные улыбки были наиболее важным достоинством, которое использовалось в рекламной кампании. На всех были надеты такие объемные штаны, что в них можно было бы спрятать небольшой отряд девочек-скаутов. Ничего удивительного, что подростки женского пола их обожают, в то время как мальчики той же возрастной категории их не переносят. Что там сказал Мэту его редактор? Если вам надоест интервьюировать мальчишек, это будет означать, что вы устали от жизни. А мальчишки такого сорта определенно вытравляли из него волю к жизни.

подавив вздох утомленной души, Мэт вновь щелкнул выключателем диктофона, и интервью началось.

Мэт: Кто, по вашему мнению, оказал наибольшее влияние на вашу музыку?

Джастин: Что?

Мэт: Какие группы вам больше всего нравятся?

Бобби: Это смотря какие.

Мэт: Я говорю вообще обо всех группах по всему миру.

Стиг: А «Фэтбой Слим» считается группой?

Мэт: А если взять что-то более известное, например «Битлз»?

Бобби: Моя бабушка их любит. И та тетка из телека, Джейн Мак-Дональд.

Стиг: Это они играли «Мое поколение»?

Тайрон: Да нет, это Джим Дэвидсон.

Мэт: Джим Дэвидсон — это «Игры поколений» по телеку. А «Мое поколение» — это

песня.

Тайрон: Надо же!

Мэт: И пели ее «The Who».

Бобби: Кто?

Мэт: Вот именно.

Тайрон: А я слышал что-то, что пели те, из группы «Фрэнки едет в Голливуд». Они тогда через край хватили.

Мэт: Все члены этой группы геи.

Стиг (обиженно): Ну и что в этом такого?

Джастин: А это у битлов был тот лох в очках?

Мэт: Джон Леннон.

Джастин: Вот выпивала!

Бобби: А моей бабушке они нравятся.

Мэт: И многим другим тоже. «Битлз» добились наибольшего успеха среди всех групп двадцатого века. Есть данные, что во всем мире было продано сто шесть миллионов их альбомов. Чуть больше, чем у «Крутоголовых», я полагаю.

Джастин: И один из этих альбомов он отдал какой-то жирной китайке?

Мэт: Он был женат на Йоко Оно.

Джастин: Спорим, что мы взлетим выше, чем они!

Мэт: Их песня в списках наиболее продающихся альбомов держалась на первом месте в течение ста сорока восьми недель. С их участием вышло пять невероятно популярных художественных фильмов, что в их время было совершенно феноменально.

Джастин: «Спайс Гёрлз» тоже снимаются в кино.

Тайрон: Они ведь уже отстали от жизни, правда?

Джастин: Четырехглазый овощ! Хотел мира во всем мире!

Мэт: А чем вы хотите запомниться людям? Рекламой геля для волос?

Джастин: Да что это за название такое, «Битлз» — «жучки»?

Мэт: А что это за название «Крутоголовые»? Вам следует подумать, не изменить ли его на «Слабоголовые»!

Джастин: Послушай, приятель, у тебя проблема?

Мэт: Да. И эта проблема — ты. А в чем твоя проблема, ты знаешь?

Не успел Мэт выключить магнитофон, как Джастин полез в драку. Мэт толкнул Джастина в грудь, а тот толкнул его, проявив силу, довольно неожиданную в человеке, в движениях больше похожем на педика, чем на мужчину. В приступе слепой ярости Мэт нагнулся, чтобы схватить Джастина за горло.

В жизни человека бывают поворотные моменты. Первый — это когда вы вдруг понимаете, что все полицейские моложе вас, и это, думал Мэт, он пережил, потому что имел от рождения стоический характер. Второй — когда однажды утром вы просыпаетесь, и оказывается, что все ваши приятели уже женаты, а вы — нет. Тогда в отчаянии вы стараетесь найти какие-то глубоко привлекательные для вас черты в женщине, с которой встречаетесь, чтобы получить для себя моральное оправдание, которое позволило бы вам до конца текущего года надеть на нее фату. В большой степени этим можно объяснить сделанное им предложение Эйлин Фишер, широко известной как «подружка рыбака» (намек на сноровку в исполнении орального секса), лишь полтора месяца спустя после их первого случайного свидания. К счастью, она отвергла это предложение. К несчастью, через полгода его жена

поступила иначе. Третий поворотный момент, это когда прыщавые мальчишки говорят вам, что ваш кумир поп-музыки нравится их бабушкам, когда они сравнивают его с певцами из кабаре, выступающими в мюзикле «Крузиз», и совершенно не желают выказывать уважение к наиболее выдающимся музыкантам нашего времени. Понимают ли они, что у человека может быть нечто святое для него? Знают ли, что значат такие имена, как Джеймс Дин, Дженис Джоплин, Джон Леннон? Может быть, они думают, что Мэрилин Монро — это та женщина, что стоит за прилавком в видеосалоне их родного городка? Нельзя требовать, чтобы все это мог вынести обычный человек, особенно если он разведен, у него тяжело на душе и он журналист, пишущий о современной рок-музыке, которой он сыт по горло.

Джози сидела в церкви на задней скамье, сжимая в посиневших руках букет белых роз, а ветер, усилившийся до штормового, свистел, обдувая ее колени, начинавшие уже стучать друг о друга. Не жарко, прямо скажем. Марта выдала им кружевные митенки, такие же, как у нее самой, чтобы, по ее словам, руки у них не мерзли. Да, Марта — неисправимая оптимистка.

Прибыла машина невесты, и через мгновение Джо и Марта вошли в двойную дверь церкви. Верхняя губа Джо дрожала, и Джози не сомневалась, что это не из-за того, что Бен Стейн опять задержал ему выплату денег.

Глен и Джек уже были в церкви. Джек бесстрастно смотрел прямо перед собой, а Глен нервно оглядывался по сторонам и каждые десять секунд поправлял розу у себя в петлице. На обоих были черные смокинги, и Джози вынуждена была признать, что Джек был чисто вымыт и выбрит. А Глен выглядел просто сногшибательно: широкие плечи, тонкая талия, ослепительная улыбка, однако при взгляде на него возникала мысль о завсегдатаях ночных клубов. Было еще три шафера, которым полагалось сопровождать подружек невесты, но Джози знала только одного из них, двоюродного брата Марты Альберта. Двое других были братьями Джека, производившими впечатление абсолютно правильных людей. Да, мозги у Джека все-таки есть.

Внезапно грянула музыка — знакомые звуки свадебного марша «Вот идет невеста» раскатистым эхом дробились о стены просторного помещения церкви. Джози заняла свое место во главе свадебной процессии и изо всех сил постаралась набрать в легкие как можно больше воздуха. Все головы повернулись к ней. Путь до алтаря показался ей бесконечным. И почему ей нельзя угрюмо топать в самом конце? Пупырышки гусиной кожи на ее руках и груди выставлены на всеобщее обозрение. Ну, может быть, хоть Глен подумает, что это из-за восторга от лицемерия его персоны.

— Привет, Джози, — громко зашептала Фелисия, — перед тем, как мы поехали сюда, тебе позвонил какой-то мужчина, но тебя снимал фотограф.

— Кто это был?

— Он не сказал. Сказал только, что попозже сам найдет тебя. Говорил с британским акцентом.

Кто знает, что она на свадьбе Марты? Сердце у Джози екнуло. На ум приходит только один мужчина — Мэт Джарвис! Она почувствовала, как ладони в митенках стали влажными.

Боже мой, как же ему удалось выследить ее?

— Ты что-то бледная, — сказала Марта. — С тобой все в порядке?

— Да, бледной полагается быть тебе, — улыбнулась Джози Марте. Та же вся светилась от радости. — Ну что, готова?

Ее сестра взмахнула шлейфом и выпрямилась, чтобы идти.

— Сейчас мы им всем задницы надраим, — изрекла невеста.

Когда Марта вошла в церковь, там уже не было ни одной сухой пары глаз, включая и глаза Джози. «Тихо!» — сказал священник, и над всеми собравшимися повисла тишина, нарушаемая только сопением простуженного носа кого-то из гостей. Ее сестра скользила по проходу, царственная, сияющая, влюбленная. Отец Марты не скрывал своих слез на всем

пути к тому месту у алтаря, где их ждал Джек, прижимавший к себе его дочь, как бы предупреждая всех и каждого, что никогда никому ее не отдаст. Никто не говорил об этом вслух, но все думали, что Джинни все это бы очень понравилось.

Джек и Марта двинулись к алтарю. Он нежно держал Марту за руку, и в его глазах было откровенное обожание. Наверное, Джози в нем ошиблась. Она всегда судит о людях с максималистских позиций, только черное или белое, без полутонов; это ее большой недостаток. С ней всегда так, и потом приходится прилагать немыслимые усилия, чтобы переубедить себя, доказать себе, что не все так уж плохо. Но случаются и ужасные разочарования. Мэт Джарвис, например.

Марта передала Джози свой букет.

Священник приступил к чину бракосочетания:

— Мы собрались сегодня, чтобы соединить жизни двоих людей, Марты и Джека...

Он бесконечно долго и монотонно произносил затверженное, и взгляд Джози принялся бродить по стенам и потолку церкви. Почему люди все еще отдают дань таким устаревшим институтам, как церковь? Сколько из собравшихся здесь людей счастливы в браке? А сколько считают, что выбрали не ту или не того? Сколько развлекаются с чужими женами? Сколько выдумывают всяческие предлоги и оправдания, чтобы только не дать вновь затянуть эту удавку у себя на шее? Есть ли здесь те, кто обнаружил, что по второму заходу любовь слаще или, как и в первый раз, у них уже стала появляться горечь во рту? И где здесь те смельчаки, что решились на второй и третий брак? Те, кто всеми силами пытались найти общий язык с приемными детьми и с бывшими мужьями и женами, старались, чтобы все были счастливы, и в конце концов терпели неудачу. В каждую новую связь человек вступает с оптимизмом, только вот в конце ее от этого оптимизма не остается и следа. Но ведь надо же учиться на своих ошибках, в конце-то концов!

А после развода ей пришлось столкнуться еще кое с чем. Почти все, кто попадался ей на жизненном пути, уже имели опыт, накопленный за прожитые годы, и вынуждены были платить за его хранение. Вот и Дэмиен никогда не хотел иметь детей и тем не менее ушел к той, у которой их было двое. Ладно, сам виноват. Ей казалось, что устроиться в жизни даже с собственным ребенком непросто, что же говорить о жизни с чужими детьми?

Холод проник уже в ее кости, ноги заоченели, а зубы вот-вот застучат. Сколько же времени проходит с того момента, когда ты чувствуешь, что пальцы на ногах покалывает от мороза, до того, когда тебе их ампутуют? Марта и Джек двигались, как во сне, и смотрели друг на друга блестящими, увлажнившимися глазами. Кругом уже выжимали носовые платки. Глен был торжественно-мрачным и стоял, как каменная статуя, выполняя обязанности главного шафера на отлично.

Священник говорил, обращаясь к Марте:

— ...Обещаешь ли ты любить, почитать и повиноваться...

Что за несусветная чушь, подумала Джози. Как же она могла стоять вот так же и думать, что сможет выполнить эти дурацкие обещания? Правда, первым нарушил клятву Дэмиен, и положение пострадавшей давало ей право чувствовать свое моральное превосходство. Однако сколько же должно пройти времени, чтобы она смогла переключиться на кого-то другого? Хотя, если честно, в их учительской среде — без сомнения, дивно-волшебной и кружащей голову, как шампанское, — не так уж много тех, кто смог бы переключить на себя внимание женщины. Может быть, она просто устала любить, почитать Дэмиена и повиноваться ему? Но теперь, оглядываясь назад, ясно, что почитать его было не за что.

— ...И в радости, и в горе, и в богатстве, и в бедности, и в болезни, и в здравии...

У большинства мужчин весь энтузиазм пропадает, если им предлагают воспользоваться резинкой. И сколько из них будет носиться по лестнице вверх и вниз со сваренными вкрутую яйцами или с тарелкой подогретого домашнего супчика, чтобы только больная жена поела? Да при первом упоминании о том, что пришли месячные и болит живот, они бегут напрямиком в паб. Как может женщина всерьез верить тому, что они будут выполнять эти обещания? И что день за днем заставляет миллионы людей по всему миру давать эти опрометчивые клятвы? Мать-природа и туристические буклеты — вот кто в ответе за все это.

— ...И, отрекаясь от всего остального, быть только с ним до тех пор, пока смерть не разлучит вас?

Все в церкви замерли. И голос Марты зазвенел, ясный и сильный.

— Обещаю. — Она повернулась к Джеку. — Даю в этом торжественную клятву.

Одно утешает, подумала Джози, несмотря на длинный ночной разговор и нервную реакцию Марты в последний момент, из-за чего Джози и не спала всю ночь, полная беспокойства за нее, голос Марты звучал уверенно и решительно.

Когда они вышли из церкви, шел снег. Его хлопья ложились на сиреневый шифон, оставляя мокрые пятна. Даже мурашки Джози покрылись мурашками, а сосками можно было выколоть кому-нибудь глаза. Глен пропустил свою руку сквозь ее сомкнутые на груди руки.

— Вы просто великолепны, Джози, — искренне сказал он.

— Вам определенно нравятся голубые тона.

— Что, простите?

— Спасибо, Глен. Вы тоже великолепно выглядите.

Он, слегка придерживая, вел ее вниз по лестнице.

— Снег в день свадьбы плохой знак, — пожаловалась Марта. — И почему я не заказала хорошую погоду?

Джози била сильная дрожь.

— Вам холодно, — заметил Глен.

— Очень, — подтвердила Джози.

— Только несколько снимков, — закричал фотограф.

— И никто не смеет выглядеть замерзшим! — сказала Марта. — Мне на свадебных фотографиях лиловые губы не нужны.

— Лиловое идет к сиреневому, — пробормотала Джози.

Фотограф разместил их на ступенях лестницы и защелкал аппаратом.

— Ну вот, — отряхнул Глен свой смокинг, — накиньте это, может быть, не подхватите воспаление легких.

К церкви подтянулись лимузины. Вокруг Марты взвилось облако влажного конфетти, которое, упав к ногам, налипло на туфли, и без дальнейших проволочек все они поспешили вниз по лестнице. Марта и Джек сели в первый автомобиль. Подружки невесты и шафера последовали за ними, сев во второй.

Джози упала на кожаное сиденье и немного подвинулась, освобождая место для других. За ней сел Глен. Из динамиков лилась мягкая американская музыка диско, и мириады мелких огоньков пульсировали в ее ритме на потолке лимузина. Глен вытащил бутылку шампанского, открыл ее, не пролив ни капли — что было само по себе чудом, поскольку

автомобиль уже тронулся с места и нагонял первый — и налил им всем по бокалу.

Он приблизил свой бокал к ее бокалу.

— Гост за самую красивую подружку невесты, — произнес он.

Джози чокнулась с ним:

— И за самого красивого шафера.

Глаза Глена мерцали в огнях светомузыки. Джози спустила его пиджак с плеч, и вместе с ним спустилась и бретелька платья. Внезапно, несмотря на снег, который ветер швырял на стекла машины, в ней стало очень тепло. Сейчас Джози была рада, что ее двоюродная сестра не согласилась на свадьбу в спокойной тишине Фиджи. Теперь ей очень нравилась свадьба Марты. Она позволила себе слегка улыбнуться самодовольной улыбкой, а бретельке — соскользнуть еще ниже. Возможно, Мэт Джарвис еще позвонит, чтобы извиниться, но будет уже слишком поздно.

— Нанести удары сразу четверым, с этим не справился бы и чемпион мира по боксу, — сказала Холли, с готовностью промакивая царапины Мэта кусочком ткани, пропитанной в виски «Джек Дэниелс». Ее лицо было белым и озабоченным, а пальцы поправляли ему волосы.

Мэт лежал в звукозаписывающей студии на трех составленных стульях, а Холли прижимала к ссадине на его щеке полиэтиленовый пакет со льдом.

— Это только повреждение мягких тканей, — пробормотал он сквозь сжатые зубы, — больше всего пострадала моя гордость.

Она была права, поступать так было просто глупо. Что это он так рассвирепел из-за пары идиотских замечаний с потугами на остроумие, высказанных какими-то прыщавыми подростками, о которых через несколько недель никто и не вспомнит? По возрасту они почти дети. Хотя и упрямые. Пожалуй, слово «крутоголовые» было все-таки выбрано правильно. Мэт славился своей терпимостью к самым разнообразным отклонениям. Когда он застал на месте преступления свою жену с парнем, похожим на этого урода Бернарда Мэннигна, сотрясавших своими телами их супружескую постель, — разве тогда он послушался первого импульса и загнал ему зубы в глотку? Нет, он этого не сделал. Он не устроил им даже сцены. Он просто тихо ушел в паб «Петух и Бык», выпил одиннадцать пинт чего-то алкогольного и незаметно просидел в углу, пока кто-то не вывел его, потому что пришло время закрывать пивную. Так что же такого произошло, что предохранитель не сработал и бомба взорвалась? Наверное, мистер Рассудительный и Надежный решил взять короткий отпуск и его замещал мистер Абсолютно Невменяемый с нездоровой склонностью делать из мухи слона. Была ли его неудовлетворенность собой виновата в том, что в последнее время он, как оказалось, все делает не так, как нужно? Старина Мэт Джарвис, ты стал вариацией на тему мистера Бина, но в рок-журналистском исполнении.

Холли дала ему две таблетки тайленола и стакан виски. Он с гримасой проглотил таблетки.

— Сколько времени? — Он чувствовал привкус крови во рту.

— Здорово они тебя отделали. Ты был в отключке больше часа. Я даже боялась, что ты умер. Думала уж звонить «911».

— Еще одна группа из мальчишек?

— У нее то же название, что и у нашей службы спасения.

— О! — По крайней мере, рядом был кто-то, кто позаботился о нем. — Спасибо тебе. — Он с трудом сел повыше и посмотрел на часы. Они были раздавлены.

— Сейчас половина третьего, — сообщила Холли. — Ребята уже ушли. Им очень жаль, что все так случилось. И надеются, что случившееся не повлияет на то, что ты напишешь о них.

— Конечно, нет, — хмуро ответил Мэт, порадовавшись, что перо оказалось сильнее хука справа.

— Я сказала, что Джон Леннон — твой сводный брат и поэтому ты так взвился, когда они стали умничать на его счет.

— И они тебе поверили?

— Эй, Мэт, они ведь не специалисты, изучающие рок-музыку. Они просто певцы, да и

это под сомнением.

Мэт рассмеялся, хотя губы у него распухли, как сосиски:

— Ты всегда знаешь, что сказать.

— В общем, да, — согласилась Холли. — У тебя теперь есть все необходимое для статьи?

— Достаточно, во всяком случае.

— Время дела прошло, настал час потехи. Хочешь есть?

— Нет, спасибо. — Мэт осторожно потрогал свои губы. — Не думаю, что смог бы, даже если бы и хотел. Кроме того, — сказал он, — мне еще надо кое с кем встретиться, пока я в Нью-Йорке.

— У тебя всегда находятся другие дела, Мэт Джарвис.

— У меня всегда много дел, — сказал он извиняющимся тоном.

— Может быть, встретишься с этим человеком позднее? У меня приглашение на свадьбу. Будет что-то потрясное. Я так устроила, что ребята там споют несколько песен. Может, поедешь со мной?

— Скорее всего, нет. — Не мог же он сказать ей, что надеется провести ночь, убежав со свадьбы Марты с весьма недурной подружкой невесты.

— Что, еще один ночной клуб?

Мэт усмехнулся:

— Не думаю, что мой организм справится со вторым таким испытанием.

— Знаешь, если бы настоящему мужику типа Берта Рейнольдса надо было попасть сегодня куда-то, он бы не стал так суетиться и наводить тень на плетень, а просто встал бы и поехал.

— Я и не думаю суетиться. Я был рад провести с тобой вчерашний вечер. Но сегодня у меня дела, а завтра после обеда я улетаю.

— Может быть, навестишь меня, когда приедешь сюда в следующий раз?

— Конечно. Обязательно.

— Врешь.

— Нет, правда.

— Может быть, мы встретимся, когда «Крутоголовые» поедут в турне завоевывать мир?

Мэт улыбнулся:

— Может быть. — Он попробовал приподняться на своей кушетке из стульев. Кажется, ничего не сломано, но все тело ныло, будут синяки. — Мне надо идти.

— Пока, Мэт, — ответила Холли. — А мы могли бы неплохо провести время на этой свадьбе.

Когда из темных глубин студии он вышел на улицу, шел снег, и, чтобы добраться до мотеля Азекаля, Мэт взял такси. Мотель находился в принаряженном здании темного кирпича в районе Флэт Айрон и выглядел как раз тем местом, где и должны праздноваться свадьбы, даже если название у него и не совсем подходит для этого.

Он заплатил таксисту и вбежал в вестибюль гостиницы, стряхивая снег со своих волос прямо на шикарный красный ковер. Фойе было полно гирлянд и прочих украшений из цветов, какими и должны быть украшены стены на свадьбе. Цветы кремовых оттенков переполняли греческие вазы (а может быть, вазоны, или как их еще там называют — искусство цветочного дизайна никогда не было его сильной стороной), рядами свешивались

со стропил, а женщина-портье и вовсе утопала в цветочном буйстве.

Мэт робко приблизился к ее столу; его приглаженные рукой мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Я приехал на свадьбу Марты, — произнес он, надеясь, что его голос звучит достаточно твердо и не выдает в нем незваного гостя.

— На свадьбу Марты?

— Надеюсь, я правильно приехал?

Женщина застучала клавишами компьютера. Потом улыбнулась Мэту, немного нервно:

— Извините, я только что приняла дежурство. Свадьба проходит в Большом зале. — Она перегнулась через цветочный барьер и показала рукой: — Идите наверх и поверните налево. Зал будет прямо перед вами, сэр.

— Спасибо.

— А мужской туалет налево от вас. — И она посмотрела на него, как бы говоря: «Зайди туда!»

Мэт слегка потрогал пальцем щеку. Она, наверное, кровоточит.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности.

Мэт помчался вверх по ступеням в мужской туалет. Он тоже был весь украшен кремовыми цветами, довольно необычно для мужской уборной, даже в день свадьбы. У этой Марты на цветы была, наверно, выделена большая куча денег.

То, что он увидел в зеркале, ему не особенно понравилось. По лицу струилась кровь. Не сильно, но достаточно, чтобы придать ему вид вооруженного грабителя. Он сдернул пальто и повесил на вешалку. А галстук, можно ли в нем появиться на свадьбе? В Англии все покупали такие галстуки с экзотическим рисунком, во всяком случае тогда, когда он его купил, но что могут подумать люди здесь? Ладно, по крайней мере, это хоть какой-то галстук. Он надеялся, что галстук компенсирует отсутствие пиджака. Одеваясь, он собирался брать интервью у этих мальчишек, а не ехать на свадьбу.

Будем надеяться, что Джози будет приятно поражена его изобретательностью, которую пришлось проявить, чтобы найти ее, и простит некоторые недостатки в его костюме. Мэт прижал к порезанной щеке тампон с лосьоном. «Крутоголовые», конечно, просто плохие мальчишки и ничего более, но у одного из них удар неплохой.

Мэт расправил плечи, выдохнул воздух и повернулся к зеркалу. Потом спина его опять согнулась. Нет, неубедительно. Хорошо бы в зале свет был не очень ярким. «Плохо, — сказал он и принялся вышагивать перед зеркалом. — Я появляюсь нежданно-негаданно, выгляжу как залежалое дерьмо, одет как полный раздолбай. Вряд ли я смогу очаровать прекрасную Джозефин».

«Сделай глубокий вдох, Мэтью. Ты уже зашел слишком далеко, чтобы теперь колебаться! С другой стороны, я нашел ее, чтобы принести извинения за совершенное мной гнусное преступление в виде опоздания на свидание. Я буду посылать ей вибрации обожания и восхищения, и она вдруг поймет, какой я в действительности классный мужик».

Слишком уж все просто. Нет, она устроит сцену, меня выбросят на улицу, ткнув носом в свадебный торт. Каждый из них ткнет меня носом в торт! «Соберись, Мэт, — ворчливо убеждал он свое отражение. — Ты мужчина или мокрая мышь? Ну что такого она может сделать? В худшем случае скажет, чтобы ты убирался. Ну и что, не будешь себя ругать, что так и не отважился сделать попытку помириться с ней».

Мэт попрыгал, как это делают боксеры на разминке. Для разрядки он даже сделал несколько выпадов в сторону зеркала. Жаль, что он не сделал это до нападения на «Крутоголовых», тогда бы он, может быть, и передумал с ними драться. Чтобы успокоиться, он расправил плечи и сделал несколько глубоких вдохов.

— Я готов, как никогда, — объявил он зеркалу.

Дверь кабинки за его спиной распахнулась.

— Прекрасно, — сказал ему вышедший оттуда человек. — Если хотите знать мое мнение, вы выглядите просто прекрасно.

— Спасибо, — робко произнес Мэт. — Простите, я думал, что здесь никого нет.

— Да все в порядке. — Человек закурил сигару. — Мне было не так скучно давить из себя дерьмо. — Человек направился к выходу.

— Подождите, — остановил его Мэт. — Вы, случайно, не гость на свадьбе Марты?

— Конечно.

— Можно мне пойти с вами?

Человек пожал плечами:

— Конечно.

— Спасибо. Спасибо.

— Да не за что.

— Видите ли, я здесь никого не знаю.

— Кроме Марты...

— О, да, конечно. — Мэт пожал ему руку. — Кстати, меня зовут Мэт Джарвис.

— А я дядя Хайми.

— Рад с вами познакомиться.

— Вы еще ничего не пропустили, — заверил его дядя Хайми. — Празднование только началось.

— Замечательно.

Они вместе пошли к двери.

— А эта женщина, на которую вы хотите произвести впечатление...

— Джози?

— Джози. Вам надо принести ей цветы.

— Цветы?

— Вот что бьет их наповал. Цветы.

— Цветы...

Мэт оглядел комнату и схватился за цветочную композицию, стоявшую в вазе ближе всего к раковине. Чтобы вытащить этот цветочный оазис из туго набитой вазы, пришлось приложить усилия. Он стряхнул воду со стеблей и, оторвав два бумажных полотенца, обернул им стебли. Единственное, чего он боялся, что Джози может использовать этот букет в качестве дубинки.

— Вот и цветы, — одобрительно произнес дядя Хайми.

— Да, цветы, — согласился Мэт.

— Пошли, поразим ее!

— Пошли, — сказал Мэт с некоторым сомнением. И оба отправились праздновать свадьбу Марты.

Павлины еле живы от холода, подумала Джози. Они трясли перьями с такой живостью, которой раньше Джози у павлинов не наблюдала, а крики их были еще ужаснее, чем обычно. Ей стало интересно, привезли ли их сюда из теплых краев или это были павлины, выращенные уже здесь. И кто, вероятно, в жестокой борьбе, все же заставил их смириться и позволить надеть на свои длинные, дрожащие шеи шелковые свадебные банты кремового цвета. Ей подумалось, не входило ли и это в обязанности одной из подружек невесты. Интересно, понимают ли подружки невесты в Англии, как на самом деле легка и беззаботна их жизнь?

Весь полк гостей разместился на террасе снаружи дома, на переднем фланге были замечены Марта и Джек с бокалами шампанского. Джози крепко обхватила пальцами свой бокал, будто надеясь получить от стекла ответное тепло, но оно было еще холоднее, чем ее зад, который и в самом деле совершенно заледенел. Как жаль, что это не горячий говяжий бульон, подумала она. Многие женщины уже сняли шляпки и грациозно дрожали при температуре ниже нуля. Несмотря на холод, снегопад прекратился, чему, конечно, следовало бы порадоваться, хотя снег и придал свадьбе новый оттенок: свадьба стала порождественски белой. Все смотрели вверх на небо, и так продолжалось уже минут десять.

Глен все время был очень внимателен. На Джози опять был его смокинг, а сам он мужественно стоял рядом в одной рубашке с коротким рукавом и защищал ее от холода, обняв за талию. Господи, как приятно чувствовать, что к тебе вновь тянет мужчину. Наверное, именно поэтому она так среагировала на Мэта Джарвиса. Неужели ей так необходим мужчина рядом, что она готова клюнуть на любого, кто проявит к ней некоторый интерес? Она ведь читала «Дневник Бриджит Джонс», неужели он ничему ее не научил?

Заметим, Мэт показался ей очень милым. Конечно, на него было нельзя положиться. Конечно, досадно, что он не пришел, когда его ждали. Но такова жизнь в наше время. В ходу все одноразовое — молочные бутылки, бритвы, салфетки. Люди.

Ей было любопытно, позвонит ли он ей еще раз. Но к тому времени у нее ведь может появиться кто-то другой. Пуганая ворона куста боится. Возвращаясь к Глену, она была благодарна ему за это ощущение тепла, касающегося ее тела. Он возвышался над ней, как сторожевая башня, и она придвинулась еще ближе, чтобы лучше чувствовать тепло его рук. Давай, Джози Флинн, вперед, к сияющим вершинам!

— Сейчас начнется, — сказал Глен.

И как по команде, над ними в зимнем небе, блекло-белом, как застиранная рубашка, появился самолетик. Он описывал круги над их гостиницей, и на подлете к ним мотор, захлебываясь от спешки, стал лопотать что-то, издавая пукающие звуки. Вдруг откуда-то из задней его части стал вырываться белый дым, и самолетик начал подпрыгивать и нырять, выполняя в воздухе сложные сальто. Толпа нервно охнула. Самолетик казался какой-то умалишенной чайкой. Потом он отрулил обратно и, набрав скорость, легко нырнул вниз к земле. Павлины громко и пронзительно завопили.

Медленно на небе стали проявляться буквы, и когда дым немного рассеялся, оказалось, что через все небо над Нью-Йорком повисла надпись: «МАРТА». Мотор самолетика тревожно зажужжал, и дым стал голубым, а рядом с именем невесты появилась вторая надпись: «ДЖЕК». Еще одна петля, еще один поворот, и дымовой хвост стал красным, и

самолет, крутясь и извиваясь, заключил оба имени в красное сердечко.

Под ободряющие крики толпы самолет взмыл вертикально вверх, вращаясь в победном штопоре, и в заключение пролетел над своим творением, развернув в воздухе транспарант, на котором было написано: «В ЛЮБВИ НАВЕЧНО!» Гости вопили от восхищения и выкрикивали свое одобрение пилоту; они аплодировали ему до тех пор, пока не покраснели ладони.

А самолетик, сделав свою работу, растворился в той широкой и высокой голубизне, откуда и появился, а толпа стала редеть, следуя за Мартой в гостиницу, где вот-вот должно начаться свадебное веселье.

Глен повернул ее к гостинице, и они пошли туда вслед за другими гостями.

— Вам понравилось?

— И да, и нет, — ответила Джози.

— В Англии тоже любят такие представления?

— Не сказала бы.

— Почему?

— Мы гораздо сдержаннее и скромнее в проявлении своих чувств.

— Эта свадьба сама по себе — высококлассное представление.

— В наши дни в Англии радуются булочке с горячей сосиской и вчерашнему бутерброду.

— Пошли, стоит посмотреть, какая там еда. Кое-кто выложил приличные денежки на угощение и выпивку. Повезло Джеку, что есть, то есть. Надеюсь, он это понимает.

— Глен, — она прочистила горло. — Вы знаете Джека лучше, чем я. Гораздо лучше. Как вы считаете, они с Мартой подходят друг другу?

— Черт, кто я такой, чтобы судить? Во всяком случае, Марта думает именно так.

— Да, правда. — Джози постучала по камням дорожки носками своих шелковых туфель, тисками сдавивших ей пальцы. — Он хороший человек?

Глен отвернулся и уставился на небо.

— Эй, посмотрите туда!

Джози проследила за его взглядом. Дым надписи расползся, его клочки разносились ветром в разные стороны. Буквы стали плохо различимыми, потеряли форму или вовсе исчезли. Глен засмеялся. Надпись «ДЖЕК» поблекла, ее буквы исказились, и вместо нее появилась надпись «ДУРАК». «МАРТА» и «ДУРАК». Мужчина, стоявший рядом с ней, хохотал от всего сердца, у него на глазах даже выступили слезы. Но Джози это почему-то совсем не показалось смешным.

— Слава богу, все позади, — Марта упала на диван, обитый мебельным ситцем. — Теперь можно и повеселиться.

Гостиница позаботилась выделить им специальную комнату для невесты и ее приближенных, в которой можно было освежить макияж, прежде чем фотограф начнет свой марафон с бесконечными снимками. Гости были заняты коктейлями, и шведский стол был завален таким количеством съестного, которого хватило бы на пять тысяч человек, случись им забрести на эту свадьбу, а выпивки было столько, что в ней спокойно мог плавать «Титаник». И все это еще до начала самого обеда, так что теперь Джози стало понятно, почему отец Марты жаловался на дороговизну свадеб в наше время.

Вошли две официантки, неся подносы с жареным картофелем, завернутым в ветчину, и самыми большими креветками, которые когда-либо приходилось видеть Джози.

— Шампанское, мэм?

Марта с готовностью подставила свой бокал.

— Ох и наклюкаюсь же я сегодня!

— Стоит ли нить так много спиртного в день свадьбы, дорогая? — спросил Джек, закрывая рукой свой стакан с апельсиновым соком.

— А ты знаешь более радостный день в жизни женщины? — Марта с усилием потянула фату, но не смогла ее снять. Похоже, Беатрис приклепала ее к Мартиному черепу методом точечной сварки. — По-моему, после всего того, что я сделала, готова эту свадьбу, я имею на это право!

— Ну, может быть, если немного, то вреда не будет.

— Даже если я напьюсь, — сказала Марта, сбрасывая туфли, — мне плохо не станет.

Фелисия выудила креветку и обмакнула ее в томатный соус.

— Отличные креветки, Марта!

Джек побрел к подносам с кулинарными изысками.

— Я же просил, чтобы среди закусок для коктейля не было ветчины!

— Расслабься, Джек, — сказал ему Глен, — это ведь твоя свадьба. Лучший день твоей жизни и все такое. Неужели так уж важно, будет на столе мясо дохлой свиньи или нет? Опусть свои колючки.

— У меня нет колючек, — ответил Джек.

— Возьми креветки, — предложила ему Марта, выбирая для него креветку с подноса, который подвинула к ней Фелисия.

— Они подъедают падаль со дна.

Марта сделала грубый жест рукой с креветкой.

— Тогда попробуй картофель, — настаивал Глен. — Может, это поможет тебе успокоиться.

— Думаю, мне лучше всего пойти куда-нибудь в тихое место и несколько раз сделать упражнение ши-гуна «радуга».

— Джек! — надулась Марта. — Нам еще надо сделать снимки у фотографа, и гости ждут.

— Сначала мне надо восстановить равновесие духа, — сказал он и покинул комнату, с силой захлопнув за собой дверь.

— Джек! — крикнула Марта.

— Оставь его в покое, — сказал Глен. — Дай ему несколько минут, а потом я схожу за ним. Он сильно нервничал из-за всего этого. Для него это важный шаг.

— И для меня тоже! — Еще немного, и верхняя губа Марты задрожит.

Глен мягко обнял ее за плечи.

— Ты же знаешь, какой он.

— Ты думаешь? — сказала Марта и обмякла у него на груди.

— Шампанское? — предложила официантка, в напряженном молчании подняв уже наполовину пустую бутылку.

— Не могли бы вы лучше принести нам чай? — спросила Джози.

— О как типично по-английски, Джо-Джо! Когда ситуация сильно накаляется, сохраняющий хладнокровие человек ставит на накалившуюся плиту чайник и готовит себе чашку превосходного чая? — Марта опять подняла свой бокал. — Я хочу еще шампанского, — настаивала она.

Глен встал и встревоженно взглянул на Джози:

— Я схожу за Джеком.

Марта безмятежно прихлебывала чай, а Джози по второму разу накладывала ей тени на веки. Не то чтобы в этом была необходимость. Для того чтобы смыть всю косметику, которую сегодня наложили ей на лицо, потребовалось бы пройти через автомобильную мойку. Наверное, до того как стать косметичкой, Беатрис работала шпукатуром. Джози решила, что, как только доберется до своей гостиницы, возьмет наждачную бумагу и соскревет со своего лица все, что положила на него Беатрис.

Фелисия и другие подружки невесты сидели на диване, уже совершенно разомлевшие. Когда фотографа видели в последний раз, он уже тогда от нетерпения постукивал по полу носком ботинка.

Двоюродная сестра Джози определенно выглядела подавленной.

— Ты в порядке? — спросила Джози, набирая тени на кисточку.

Марта кивнула.

— Правда?

Марта не ответила.

— Если это тебя успокоит, то знай: мы с Дэмиеном серьезно поссорились в день свадьбы.

— Тебе не кажется, что это дурное предзнаменование?

— Наверное, ты права, — согласилась с ней Джози. — Ведь он успел ущипнуть за зад всех подружек невесты.

— И меня в придачу.

— Ах да, — как бы вспомнила Джози.

Марта испустила продолжительный вздох и понизила голос:

— Как ты думаешь, я правильно поступила, Джози?

— Конечно, правильно!

— А у меня такое чувство, что... — Марта прикусила губу. — Так странно.

— Конечно, ты поступила правильно! Это твоя свадьба, ты — просто комочек нервов, ты промерзла до костей, а здесь почти сауна, и ты ничего не съела, если не считать половинку бейгеля и стакана той водоросли. Неудивительно, что ты такая неуравновешенная!

— А что, если я уже сейчас начинаю жалеть...

— Никогда не надо жалеть о том, что сделала, только о том, чего не сделала.

— Это еще одна из твоих книжных цитат, да?

— И что, если так? — ершисто ответила Джози.

— Я просто думала сейчас о том, что ты мне говорила прошлой ночью.

— Знаешь, не стоит обращать внимание на то, что я говорю. Если мне самой не о чем беспокоиться, я начинаю беспокоиться о других. Я просто перенесла на тебя свое чувство неуверенности и незащищенности.

— Ты не считаешь, что я поспешила с этим? Мои чувства были в таком смятении после смерти Джинни, я с трудом соображала что к чему. Может быть, мне надо было подождать?

— Что сказано, то сказано, но ты же знаешь, что сделала правильный выбор. Ведь тебе же нужен ребенок, так ведь?

— А предположим, он не может иметь детей? Ты была права. Я не подумала об этом.

— Да у тебя будет сотня детей! Достаточно, чтобы составить футбольную команду.

— Команду по соккеру^[10].

— Хорошо, по соккеру, — поправила Джози.

Вернулся Глен.

— Джек сейчас придет.

— У него все в порядке?

— Все просто великолепно.

Марта слабо улыбнулась. Глен ласково потрепал ее за подбородок.

— Ты же можешь быть сильной, — сказал он.

— Бывает, что приходится, — согласилась Марта. — Нам еще надо сфотографироваться.

В комнату вошел Джек и, упав на колени, поцеловал ей руку.

— Прости меня, золотце, — сказал он ей, — все это такой стресс для всех нас. Прости.

Марта взяла в свои пальцы его косичку и стала рассматривать ее, как будто ничего подобного никогда у Джека не видела.

— Все готовы? — спросила она. — Фотограф прождал уже достаточно.

Джек обнял ее за талию и прижал к себе. Марта смотрела через его плечо, покусывая губу, а ее глаза смотрели в глаза Глену, и, кажется, одна только Джози заметила ту искру, которая промелькнула между ними.

Когда Мэт и дядя Хайми открыли дверь в бальный зал, там всюду гремела «Хаванагила». Дядя Хайми немедленно стал прихлопывать руками и прищелкивать пальцами в такт музыке и закачал бедрами. Мэт неловко стоял со своей охапкой цветов, завернутых в бумажные полотенца, и оглядывал зал в поисках какого-нибудь знака, который бы говорил о присутствии Джози.

— Давай в круг, — предложил ему дядя Хайми и потянул Мэта к танцорам, каждый из которых — в отличие от Мэта — ясно понимал, что делает. Вряд ли он признался бы в этом, но если бы это была «Песенка птички» или «Субботняя ночь», тогда все было бы по-другому, но древняя еврейская песня оставляла его равнодушным, и ему трудно было подобрать к ней движения.

Он стоял, хлопая в ладоши поверх своего букета, вытягивая над ним шею, как журавль, когда его схватила за руку и потянула в круг какая-то очень маленькая женщина, бюст у нее, однако, был больше бюста самой Долли Партон. Цветы, которые были прижаты к мраморной колонне, смялись, и осыпавшиеся лепестки разлетелись по всему полу. Тетя Долли ободряюще улыбнулась ему и стремительно повлекла за собой. За другую руку его схватил другой родственник Марты, закруживший его так, что он оказался в самом центре круга. Здесь мужчины выполняли какие-то дергающиеся ритуальные движения, а во внешнем круге хлопали и подбадривали их. Да, отметил про себя Мэт, после определенного возраста мужчинам не стоит даже пытаться танцевать. Знаменитый ирландский чечеточник Майкл Флэтли, возможно, и справился бы с такими движениями, но для этого надо обладать его техникой. Обычным смертным надо ограничиваться боулингом или гольфом. Кто-то ткнул Мэта в спину, и он начал послушно поднимать ноги, подражая движениям остальных, бешено забил ими об пол и замахал в воздухе своим букетом. Он посмотрел вокруг, не наблюдает ли за ним Джози, и с облегчением отметил, что ее не было видно.

— Горе тебе, женщина, — процедил он сквозь сжатые зубы, — будем надеяться, что ты стоишь этого унижения.

Если бы ему только удалось проложить дорогу к свадебному торту, то у него появилась бы реальная возможность найти там подружек невесты. А точнее, подружку. Музыка заиграла медленнее, и Мэту уже не нужно было молотить ногами в диком темпе; он остановился и промокнул лоб своим вызывавшим сомнения галстуком. Танцоры опять начали издавать какие-то возгласы, и музыка снова стала быстрой. Господи боже, что это-то такое? Пляска ярых самцов? Ему-то до тридцати сантиметров далеко, Неужели им мало? Пенсионеров в Нью-Йорке изготавливают из особо прочных материалов. Перед ним возникла тетя Долли и энергично заколыхала перед ним бюстом. В его букете и так уже почти все цветы были обезглавлены.

И он принялся по-обезьяньи копировать ее движения, с благодарностью вспоминая свою начальную школу — счастье, что уроки танцев он прогуливал не всегда. Знал он, что однажды они ему понадобятся.

Все началось сначала. Он с трудом проскальзывал сквозь гирлянды соединенных рук, отбрасывавших и поворачивавших его куда угодно, но не в нужную ему сторону. Мэт бросил проходившему официанту то, что еще недавно было букетом, и отдался несшему его потоку.

И в тот момент, когда, казалось, еще немного — и ноги у людей вот-вот отнимутся,

музыка внезапно смолкла и с радостными возгласами танцоры покинули площадку так же быстро, как и начинали танцевать. Кто-то сунул в руку Мэту бокал шампанского, и он залпом проглотил его.

Он тяжело дышал и понимал, что не в такой хорошей форме, как предполагал.

— Пошли угостимся. — Тетя Долли потащила его к буфетному столу, стонавшему под тяжестью различных яств.

— Да нет, спасибо... — запротестовал Мэт.

— Да не стесняйтесь вы, — настаивала она.

Мэт в панике огляделся по сторонам.

— Ах, вы англичанин, — у тети Долли аж дыхание перехватило. — Боже ты мой! А я бывала в Стратфорде-на-Эйвоне. Вы там были?

— Да, был, — ответил Мэт. В руки ему всунули тарелку и подтолкнули к столу.

— Этот Уильям Шекспир — это что-то.

— Да, — согласился Мэт, позволив положить себе на тарелку то, что ему есть не хотелось.

— Я видела все его фильмы. Он прямо как Джозеф Финнес.

— Да, — не стал спорить Мэт.

— И вы проделали весь этот путь из Англии, чтобы попасть на свадьбу Марты?

— Ну не совсем. В общем, да. Как вам сказать...

— Вы ее давно знаете?

— Не так уж.

— А как вы познакомились?

— Э...

— А я и не знала, что Марта бывала в Европе.

— Я... э... я... Простите, пожалуйста, — сказал Мэт и, схватив свою до краев наполненную тарелку, направился к колонне, которая показалась ему достаточно большой, чтобы за ней можно было спрятаться.

Проглотив бокал номер три, насладившись холодными пузырьками его содержимого, Мэт вдруг увидел невесту. Она была высокой, светловолосой и неправдоподобно красивой. Ее платье просто кричало о своей непомерной цене. Родители Марты определенно не жалели денег на свое дитя. Она украдкой затягивалась сигаретой, которую скрывал огромный торт, горой высившийся перед ней, и шампанское она тоже пила украдкой, так, как будто это была вышедшая из моды дурная привычка. Да, свадьба была грандиозная. По обширному залу ходили сотни гостей, и было ясно, что у папочки невесты денежки водятся. В надежде он вглядывался в мелькавшие лица. Куда подевались все эти чертовы подружки невесты? Ведь должна же где-то здесь быть и Джози.

Мэт прислонился спиной к колонне и впился зубами в телячью котлету.

— Леди и джентльмены, — объявил приторно сладкий голос, — подружки невесты и сопровождающие их шаферы жениха начнут следующий танец.

«Вот оно!» — подумал Мэт и схватил с подноса проходившего официанта еще один бокал шипучей жидкости. Да, вот оно, началось!

Гости с энтузиазмом аплодировали. Оркестр ударил по струнам, и толпа расступилась, образовав проход.

Четыре женщины безмятежно выплыли на площадку. Сердце Мэта громко застучало, а во рту, несмотря на избыток шампанского, внезапно пересохло. Дамы вплыли в объятия

ожидавших их кавалеров и легко заскользили по полу, как на состязаниях по бальным танцам.

— Черт, — застонал Мэт. Он опустил глаза в свою ломящуюся от снеди тарелку, и аппетит у него внезапно пропал.

Все они были прекрасны. Сияющие, сверкающие. Они восхищенно и внимательно глядели в глаза своих партнеров. Их платья были умопомрачительны. Филигранные произведения портновского искусства из ткани тонкой, как паутина.

«Черт, черт, черт», — проговорил Мэт. И, обмякнув, опустился на пол рядом с колонной.

Подружки невесты продолжали свой танец, полностью им поглощенные. Они были такие изысканные, изящные — танцующие принцессы. Ну почему с ним всегда так? Почему всегда? С ним?

Только одно ему не нравилось в их платьях, ох как не нравилось! Они были розовыми. Как карамельки. Как платьица куклы Барби. Необыкновенно хороши и, однако, — розового цвета!

Не сиреневого.

Музыка близилась к завершению. Девушки обольстительно улыбались. Все они были достойны обожания, каждая по-своему, и он знал, что мог бы влюбиться в каждую. И также он знал, с определенностью, разбивавшей ему сердце, что он никогда — никогда — даже краем глаза их не видел.

Мэт слегка ударил головой по колонне:

— Черт!

Кто бы ни была эта Марта, она никоим образом не была связана с Джози Флинн.

— Леди и джентльмены, — сказал человек с микрофоном и с экстравагантной прической, — пожалуйста, поприветствуем невесту и жениха, мистера и миссис Джек Лабати. Похлопаем!

Под барабанную дробь в зал вошли Марта и Джек, направляясь в центр бального зала; Марта развернулась, как балерина, и из складок взметнувшегося шлейфа посыпалось непременно конфетти. Гости встали, и раздалась буря аплодисментов.

Джози нервно закусила свою кружевную перчатку, а Глен поправил свою бабочку.

— Леди и джентльмены, уважаемые гости! Главная подружка невесты, мисс Джози Флинн, прибывшая к нам из самого Лондона, из Англии, и главный шафер жениха, мистер Глен Доннелли!

Они также вышли в центр танцевальной площадки, хотя Джози считала, что лучше бы оставить первый вальс для Марты. Потом таким же образом публике представили остальных подружек невесты и шаферов, получивших свою долю фанфар и аплодисментов. На этой свадьбе было гораздо больше сентиментальной шумихи, чем на любой свадьбе в Англии, где из-за предполагаемой неспособности английских гостиниц обеспечить горячей пищей одновременно более четырех человек всем подали бы жесткие, как подошва, бифштексы и пересушенный йоркширский пудинг. Матери по-прежнему копейки лишней не потратят на наряды, а все остальные будут жаловаться на то, что священника не слышно, что они не знают этого гимна и что в баре обслуживают слишком медленно.

Глен обнял ее.

«Говорил ли я тебе, что люблю...» — зазвучала медленная мелодия свадебного вальса.

С высоты своего роста он улыбнулся Джози.

— Теперь можно расслабиться, — сказал он, — все худшее позади.

Джози опустила плечи, и напряжение спало. Он провел ладонями по ее обнаженным рукам, и она почувствовала прилив жара.

— Вы немного согрелись.

— Мне тепло. Спасибо.

— Скоро мы вас полностью разморозим.

Надеюсь, подумала она; ей вовсе не хотелось провести остаток жизни с сердцем, замороженным, как фруктовое мороженое на палочке, хотя он-то, наверное, имел в виду другое. Джози подняла глаза вверх и посмотрела на него. По его глазам было видно, что его что-то беспокоит. Они потемнели, как темнеет море перед штормом, выдавая присутствие в самой своей глубине опасных подводных течений. Вот что ей понравилось в Мэте: в его глазах читались порядочность и правдивость, которых так не хватает современным мужчинам. Его слова, казалось, проникали глубоко ей в душу. Как же можно ошибиться в человеке! Наверное, она была более пьяной, чем думала, раз поверила совершенно незнакомому мужчине.

Ладно, это уже в прошлом. Джози снова взглянула на Глена. Неудивительно, что глаза у него несчастные, подумала она. Для него это все непросто. Как бы, интересно, она себя чувствовала, если бы узнала, что Дэмиен собирается оформить брак с той штучкой? Она представила себе, как приходит на его свадьбу и желает им долгих лет счастья. Об этом и думать противно. А Глен присутствовал здесь, и ему приходилось наблюдать, как его

лучший друг женится на его бывшей любимой. Конечно же, ему тяжело.

Ей захотелось сказать ему, что она понимает, через какое испытание ему приходится проходить, что она знает о ребенке, что Марта любила его больше всех остальных. Интересно, что он сейчас чувствует к Марте? И можно ли вообще быть полностью безразличным к тому, кого когда-то любил? Ей пришлось очень тяжело, когда ее любовь к Дэмиену превратилась в ненависть из-за нескольких не вовремя сказанных недобрых слов. «Я люблю другую женщину» — и любящее сердце останавливается на полной скорости или дает задний ход.

Как же так происходит, что тот, кто был самым любимым, с кем вместе делили и радости, и печали, перестает быть частью тебя, а все необходимые переговоры ведутся через безликое посредство адвокатских, через адвокатов, услуги которых к тому же стоят двести фунтов в час? Верно, что от любви до ненависти один крошечный шаг. Такая вещь, как любовное соглашение разводящихся сторон, вообще не имеет права на существование. Если человек в состоянии любовно решать вопросы, доставляющие ему такую боль, то не проще ли уступить и не доводить дело до фатального конца?

Глен нагнулся к ней и почти прижал губы к ее уху:

— Как вам кажется, они счастливы?

Она смотрела, как Джек и Марта танцуют вдвоем, крепко прижимаясь друг к другу. Казалось, Джек очень гордится женой, а Марта, которая совсем не выглядела сгорающей от смущения невестой, излучала уверенность в себе и в своем выборе. Она знала, что просто великолепна, и старалась получить от этого максимум удовольствия. А почему бы и нет? Она это заслужила. После смерти матери ее сестре пришлось пройти через очень многое. Она заслужила это счастье.

— По-моему, да, — ответила Джози.

— И по-моему, тоже. — Но эта мысль, по-видимому, удовольствия ему не доставила.

— Может быть, посидим?

— А не сбежать ли нам на минутку-другую? — спросил Глен.

Джози кивнула на раздвижные двери в сад:

— Туда.

И они пошли в сад, по дороге взяв у попавшегося на пути официанта пару бокалов и бутылку шампанского.

— Вы такой тихий, — сказала Джози.

— Реакция на длинный день, — ответил Глен и осушил свой бокал.

Они сидели в лодочном домике, откуда был хорошо виден небольшой пруд с серой водой, испещренной точками закоченевших уток. Лодочный домик представлял собой элегантное, обшитое досками здание с окнами в георгианском стиле. Им явно пользовались нечасто; об этом свидетельствовали в изобилии свисавшие со стропил паутинные поселения пауков, которых давно никто не тревожил. Двери были открыты, и они могли видеть все озеро. Джози забралась с ногами на узкую скамейку и сидела, обняв колени, стараясь, чтобы холод не пробрался под платье. Уже в третий раз за сегодняшний день она завернулась в пиджак Глена, и тем не менее вновь испытала то приятное чувство.

— Вы тоже выглядите утомленной.

— Да, Кэмерон Диас этого бы никто не сказал, — обиделась Джози. «Эй, Кэм, да у тебя мешки под глазами и круги вокруг них!» Уж она бы точно этого не стерпела.

— Я совсем не это хотел сказать, — запротестовал Глен, — просто хотел проявить

внимание.

— Извините, — смягчилась Джози. — Неудивительно, что в моем преклонном возрасте я стала неоправданно обидчивой и подозрительной.

— Вы очень привлекательная женщина.

— В Англии это не считается комплиментом, — заметила Джози. — У нас это в основном означает, что, хотя вам не обязательно засовывать голову в бумажный пакет, чтобы спрятать лицо, все же вряд ли вас можно назвать писаной красавицей. И что за неимением лучшей партнерши вас можно угостить кружкой пива в пабе.

— А в Нью-Йорке это комплимент, — ответил Глен.

От его улыбки начинают дрожать колени, отметила про себя Джози и порадовалась, что сидит, а не стоит. Он придвинулся ближе к ней, она почувствовала слабый аромат его лосьона — одного из этих последних глупых изобретений с андрогинным запахом, запахом свежести и здоровой кожи, что говорило о том, что Глен хорошо разбирается в мужской косметике. А может, получает бесплатно от своей фирмы. Джози с ностальгической тоской подумала о давно ушедших днях, с которыми ассоциировались у нее ароматы «Джингем» и «Чарли» — духов молодых дам, потихоньку бравшихся из комодов мам, когда те были чем-то заняты. Но почему-то она не видела особой разницы между всеми этими претенциозно-новомодными эссенциями и запахом старого доброго лосьона «Олд Спайс».

— Еще шампанского?

Джози кивнула. Глен наклонился и, придерживав бокал в ее дрожащей руке (из-за чего рука задрожала еще больше), налил в него вина.

— Достаточно?

— Пока еще нет, — улыбнулась она, — но скоро будет. — Пузырьки дошли уже до носков ног, выйдя через них наружу, и ноги ее покалывало от холода.

Они по-дружески сидели рядом и молчали, наблюдая, как утки беспокойно дергают хвостами, очевидно стараясь согреться.

Чтобы снять напряжение в шее, Джози откинула голову назад.

— Мы с Мартой почти всю ночь проговорили.

— С Мартой такое случается, — меланхолично усмехнулся Глен. — Когда-то мы с ней часто сидели на заднем крыльце до самого восхода солнца и болтали ни о чем.

— Как мило.

— Это было очень давно.

— Вам, наверное, сейчас тяжело?

— Тяжело? Пить шампанское с красивой женщиной? — засмеялся Глен. — Страшно тяжело!

— Вы знаете, что я имею в виду.

Он налил себе еще немного шампанского и откинулся назад, прислонившись к грубым доскам лодочного домика.

— Это оказалось тяжелее, чем я думал.

— Почему же вы согласились быть шафером?

— Я и сам несколько раз задавал себе этот вопрос.

Джози смотрела, как две утки уютно устроились на ночлег у самой кромки воды, тесно прижавшись друг к другу, и почувствовала укол зависти. Но, может быть, и у уток самцы такие же безответственные эгоисты, которые отводят глаза в сторону, когда речь заходит о выполнении обязательств?

— А вы были бы неплохой парой.

— Наверное, в свое время я мог бы дать ей счастье, но не сумел сделать то, что было нужно.

— Она рассказала мне, — Джози изучала свой бокал, — все об этом.

— Об этом вы и проговорили с ней до утра? — поддразнил ее Глен.

— И об этом тоже.

Глеи испустил глубокий и долгий вздох:

— Я очень плохо обошелся с Мартой. И теперь мне придется жить с этим.

— Вы жалеете о случившемся?

— Это самая большая ошибка, которую я совершил в жизни, а я их сделал немало, уж поверьте.

В этот момент в дверном проеме вдруг возникла голова Марты. Щеки у нее горели, а глаза сверкали. Прическа и фата несколько съехали набок, и волны шампанского разливались поверх невестиного букета, упакованного в плотную трубку, который она сжимала в руке. Она немного покачивалась, но потом удержала себя в вертикальном положении, прислонившись к косяку, и сказала:

— И что же это за большая ошибка?

Они отшатнулись друг от друга, непонятно почему почувствовав себя виноватыми перед Мартой. Глен первым обрел душевное равновесие. Он широко улыбнулся Марте:

— То, что я не повел тебя к алтарю, хотя у меня была такая возможность.

— Правда?

— Ты прекрасно знаешь, что да.

— Мне уйти? — спросила Джози.

— Чепуха. — Марта откинула назад завитки волос, выбившиеся из-под фаты и рассыпавшиеся вокруг лица. — Мы просто шутим. Я пришла позвать тебя, потому что я собираюсь бросить свой букет невесты и хочу, чтобы ты была там. Жизнь непредсказуема, Глен, может быть, ты кончишь тем, что женишься на Джози!

Джози встала.

— Нет уж, спасибо. Я уже однажды была второй.

— Сейчас этого не случится. Я изменился, — сказал Глен, — мне пришлось измениться. Она грубо отпихнула меня; так отпихивают ногой разъяренную собаку!

— Неправда! — запротестовала Марта, качаясь и наступая себе на шелковые туфли.

Глен протянул руку, чтобы поддержать ее.

— Если мы решим пожениться, ты будешь первой, кто даст нам свое благословение.

Марта неуверенно хихикнула.

— Пошли, Джози, — поторопила она сестру капризным тоном. — Все тебя ждут. Никто не знает, куда ты пропала.

— Я вышла подышать воздухом.

— Тебе не нужно ничего мне объяснять, — поддразнивала ее сестра.

Глен погрозил ей пальцем:

— Вам цены нет, Марта Россани.

Улыбка на лице Марты на мгновение поблекла, и она показала ему палец с обручальным кольцом.

— Лабати, — поправила она его. — Миссис Марта Лабати.

— Хорошо, миссис Лабати, — сказал Глен, — давайте-ка вернемся к вашим гостям.

Заставлять ждать жениха — это плохой тон.

Марта повернулась на каблуках и, проделав этот рискованный трюк, зашагала, покачиваясь, к своим гостям.

Дневной свет постепенно тускнел, прохладный вечер превращался в холодную, ясную ночь. Глен и Джози встали и, покинув лодочный домик, побрели вслед за Мартой. Глен обнял Джози за плечи, и они молча шли за Мартой, влекомые ее турбулентным потоком. Он согнул руку в локте, но вместо чувства защищенности она испытывала напряжение, а этот локоть, касавшийся ее бока не в лад с шагами, почему-то вызвал неприятное ощущение. Ей было неудобно и неловко. Между Мартой и ее бывшим любовником определенно решено было еще не все, и она подумала, действительно ли накануне сестра рассказала ей обо всем без утайки.

Марта шла, спотыкаясь, впереди, а туго связанный букет бился о ее ноги. С каждым шагом от него отлетал дождь лепестков, устилавший дорожку. Если так и дальше пойдет, то бросать будет уже нечего.

«Хава Нагила» унагилила Мэта до полусмерти. Он перетанцевал со всеми неутомимыми родственниками Марты — с тетей Долли, с дядей Хайми, с дядей Томом Коблеем. Да, кажется, вообще со всеми гостями. Он станцевал «Танец петушка», оказавшийся американским вариантом «Песенки птички»; электрослайд, в котором требовалось исполнять гораздо более затейливые повороты, чем те, на которые он был способен; и даже что-то, отдаленно напоминавшее «Болит разбитое сердечко» с его традиционными хороводными шагами. Он исполнил и «Эй, Макарена!», но вместо того чтобы зазывно кружиться по спирали, он прошаркал этот танец уже заплетающимися ногами, — на курортном острове Ибица его никогда не разрешили бы танцевать без предварительного предупреждения об опасности для здоровья. Замечательное достижение для панически боящегося танцев обозревателя рок-музыки. Уже не в первый раз за этот вечер он спрашивал себя, ту ли профессию он выбрал.

Сейчас он танцевал с очень красивой подружкой невесты. Не с той подружкой, вынужден был он признать, но все же с очень красивой подружкой. Он использовал свое положение гостя Марты-2 — шампанское и все такое, и, несмотря на то что сердце у него было непоправимо разбито и сегодняшний вечер шел вразрез с его миссией обретения мисс Джози Флинн, находившейся где-то в этом широко раскинувшемся городе, все же он чувствовал себя довольно неплохо.

Его печень не подвергалась такому испытанию со времен университетских гулянок, и к моменту, когда его самолет приземлится в Хитроу, она, без сомнения, будет замаринована не хуже пряных консервированных огурчиков.

Мэт перестал кружиться с подружкой невесты — танец закончился. Она была приятной девушкой, тоненькой, как тростинка, с темно-русскими кудрями, как у Тресси, любимой куклы его сестры. Она тоже считала, что Уильям Шекспир снимает отличные фильмы. Она подняла на него глаза, и у него перехватило дыхание. Но никогда в своей жизни он не чувствовал такой тоски. Что он здесь делает? Он обманом втерся в эту компанию тетушек и дядюшек, двоюродных братьев и сестер, друзей и знакомых. Он не имеет к ним никакого отношения. Пришелец ниоткуда, чудной чужак, весело проводящий время. Но ведь чужак.

Он взял руки девушки в свои.

— Это было прекрасно. Спасибо вам, — сказал он. — А теперь мне надо идти.

— Так рано? — запротестовала она. — Все это будет длиться еще целую вечность.

В этом он почему-то не сомневался.

— Еще полно еды, и будет много танцев.

Мэт же чувствовал себя так, как будто уже съел полную тележку продуктов из супермаркета и протанцевал больше, чем сам Лайонел Блэйр в период расцвета его творчества.

— Но мне нужно быть в другом месте.

— Что ж, рада была провести с вами время, — сказала она.

— Спасибо. Все было замечательно... — Он даже не знал ее имени.

— Елена.

— ...Элена.

Ну почему он не встретил всех этих милых женщин до того, как его поразили чары

Джози Флинн? По крайней мере, двух женщин.

Он попрощался с тетей Долли и с дядей Хайми, и они целовали и обнимали его так, как будто он был их давно потерянным и вновь обретенным сыном, обещали навестить его, когда в следующий раз приедут в Лондон, чтобы взглянуть на Шекспира. Он попрощался и с Мартой-2, пожелал ей счастья и про себя отметил, что по возвращении в Лондон непременно пошлет ей чудовищно роскошный букет в знак благодарности.

Мэт прошел в мужскую комнату, чтобы забрать пальто. Ваза, из которой он вытащил букет для Джози, стояла пустая и заброшенная. Мэт посмотрел на лепестки, рассыпанные по полу рядом с ней, и с грустью потянул носом воздух. Итак, в своих поисках Джози Флинн он потерпел сокрушительное поражение, и именно тогда, когда думал, что ближе всего к цели. Так близко и так далеко. Поводив плечами, он надел пальто, поискал шарф и подумал, не идет ли все еще снег.

Снаружи у дверей гостиницы стоял швейцар, подзывающий такси, и Мэт встал в очередь. Куда же ему ехать? Он посмотрел на свои разбитые часы и обнаружил, что треснувшее стекло пропало, видимо, выпало во время танцев. По всему было видно, что еще только середина вечера, нет еще и девяти — слишком рано для того, чтобы найти бар и выпить в одиночестве. Реклама на Бродвее мигала, по-видимому, уже во всю свою световую мощь. Он сделал шаг вперед в своей очереди, обернув шарф вокруг шеи. Морозный воздух царапал ноздри, как маленькие бритвочки, ветер кружил по улицам, проникая под одежду, и расслабляться не стоило — в небе то и дело нависала угроза нового снегопада. Господи, каким, должно быть, заброшенным и никому не нужным чувствует себя живущий здесь человек, если он один и холод пробирает до костей. Еще хуже, чем в Озерном Краю.

Вдруг Мэт почувствовал как бы легкое прикосновение теплого пальчика к шее. Подожди-ка. Ему же есть куда пойти. Есть же человек, который будет рад его увидеть. Холли. И почему он не подумал о ней раньше? Швейцар дунул в свой свисток. Следующим в очереди на такси был Мэт. Не следует ему так обращаться с Холли: сначала давать ей надежду, а потом отбрасывать за ненадобностью, как... как подбирают и выбрасывают ненужную вещь.

И, не дав совести остановить себя, он набрал ее номер на мобильном телефоне и прижал трубку к своему замерзшему уху.

В ответ послышались гудки, а потом щелкнул пробудившийся к жизни автоответчик:

— Привет. Простите, меня нет дома. Пожалуйста, оставьте номер своего телефона, и я вам перезвоню.

Надо оставить сообщение. Сообщение. Мэт, придумай, какое должно быть сообщение!

— Я... э... Привет, Холли, это... Мэт. Мэт Джар...

Вдруг автоответчик, отключаясь, завизжал, и на другом конце провода Холли схватила трубку.

— Привет, — сказала Холли, тяжело дыша.

Подъехало такси. Мэт жестом пригласил человека, стоявшего за ним, сесть в машину.

— Это... э... Мэт.

— Я надеялась, что ты позвонишь.

— Ты так тяжело дышишь, бежала откуда-то?

— Я уже спускалась по лестнице, когда услышала звонок, и пришлось бежать вверх.

— А! О! Ладно. Не имеет значения.

— А что имеет значение?

— Я... ну... Мои планы изменились, — неловко сказал он, — и я... э...

Холли облегчила ему муки унижения:

— Тогда приезжай ко мне.

— Хорошо. — Неужели для нее это так важно? Неужели он предпочитает не называть неприятные вещи своими именами и эта его затея настолько же некрасива, насколько бессмысленно было его намерение найти тоненькую иголку по имени Джози Флинн в городе, откровенно издевающимся над такими стогометателями, как он?

— Конечно, если хочешь, — добавила она уже не так порывисто.

— Мне не хотелось бы мешать твоим планам, — сказал Мэт. — Может быть, тебе лучше их не менять?

— Я бы предпочла встретиться с тобой.

— О!

— Ты хочешь приехать?

— Хочу. — В этот момент он действительно этого хотел.

— Я записала тебе свой адрес.

— Где ты живешь?

— На Шестой авеню.

— Буду через пять минут.

В телефоне уже не было признаков жизни, а Мэт стоял, уставившись на трубку. Подъехало другое такси, и Мэт сунул чаевые в руку швейцара, который помог ему забраться на заднее сиденье. Приложив руку к фуражке, швейцар закрыл дверь машины, и Мэт погрузился в пропахшую бензином и дезодорантами жару. Он уютно устроился в уголке покрытого искусственным мехом сиденья. Да, бывает работа и похуже, чем литературная рок-поденщина.

— Куда едем, приятель?

Мэт развернул свернутую в трубочку бумажку с адресом Холли, которая лежала у него в кармане. Почему его способность быть таким внимательным ко всем малозначительным канцмелочам вдруг решила проявить себя сейчас, а не тогда, когда это действительно было необходимо? Неужели ей неизвестно, что она опоздала на три дня?

Он назвал водителю адрес, и короткими рывками и толчками они двинулись по направлению к Пятой авеню, водитель, с его непонятым чувством направления и инстинктом камикадзе, и Мэт, с его непонятно откуда взявшимся приподнятым настроением и странными предчувствиями.

Несмотря на способность всегда добиваться нужного результата, благодаря которой Дэмиен смог попасть именно на то транспортное средство, которое оптимально подходило для его цели (что облегчило его бумажник на несколько тысяч фунтов), ему все же было очень не по себе. На этом рейсе было полно директоров компаний, страдающих от лишнего веса и путешествующих за счет своих фирм. Тип в кресле рядом с Дэмиеном храпел всю дорогу до Нью-Йорка, как спаривающийся хряк, и, несмотря на все тычки, так и не проснулся. Все фильмы были романтической чепухой. А девочки, развозившие еду, все как на подбор были узкозадными лесбиянками, cedившими шампанское с такой скупостью, будто оно было из их собственного погреба. Чтобы в этих условиях сохранить выдержку и доброжелательность, ему пришлось проявить недюжинную волю и терпение. И нет ничего хуже, как вдруг появиться на свадьбе, когда все уже хорошо набрались, а ты трезв, как миссионер во время мессы. К тому же была вероятность, что его могли засунуть на задние места вместе со всеми этими плебеями. К счастью, плебеи планируют свои путешествия за несколько месяцев вперед, и поэтому в самолете не было свободных плебейских мест, куда мог по недоразумению попасть человек, не способный противиться импульсивности своей натуры.

Пришлось прождать целую вечность, пока не закончится таможенный досмотр, но вот Дэмиен уже стоит и в нетерпении барабанит носком ботинка — ждет, когда появится его багаж. Он мог бы умереть от старости за то время, пока его дорожная сумка ехала к нему на карусельном транспортере, — и проехала мимо, потому что он не смог пробиться к ней из-за давки. Он слишком много заплатил, чтобы его так толкали! И почему он не догадался послать Джози факс? Иногда он бывает таким неосмотрительным, когда дело касается его собственного блага.

Он пригладил растрепавшиеся волосы, и из-под пальцев посыпались частицы высохшего лосьона для волос, который с некоторого расстояния можно было принять за перхоть. Брезгливо бормоча что-то, он стряхнул это с плеч. Он чувствовал себя помятым и неопрятным и жалел, что нет времени на душ и бритье. Джози всегда любила, чтобы мужчина выглядел аккуратным и подтянутым, вот почему ей так нравились Джереми Айронз и Пирс Броснан, а совсем не те, кто напоминает Ивэна Мак-Грегора, отнюдь не неряшливые и не нечесанные субъекты. Ему придется предстать перед ней неумытым, но у него была слабая надежда, что в этом случае в ней проснется к нему материнское чувство. Кто знает, ведь она столько материнской любви изливала на эту гнусную, вконец испорченную скотину, их кота. Дэмиен опять сверился с часами. Нет, все в порядке, по времени он укладывается.

Мелани же, напротив, нравились грубые и похотливые самцы. Готовые заниматься с ней сексом в любое время дня и ночи — первое предпочтительнее. Несколько недель спустя после начала их тайных встреч он был уже выжат как лимон и, чтобы объяснить Джози, почему он приходит так поздно, весь красный и потный, был вынужден сказать ей, что сразу после работы ходит играть в сквош-теннис. И в этом была доля правды, потому что с Мелани он сжигал, наверное, то же количество калорий.

Он подумал, чем сейчас занята Мелани. Наверное, отрывает рукав от пиджака его костюма от Армани или хлебным ножом фирмы «Сабатье» укорачивает брюки на десять

сантиметров, а может быть, набивает в его ботинки выдержанный камамбер. Ему следовало подумать о том, чтобы взять с собой дорогие вещи. В постели она может проявлять необузданность дикой кошки, но, к сожалению, эта ее самая привлекательная черта простирается гораздо дальше стен спальни. С Мелани без драки не обойдется. Конечно, выражаясь метафорически.

В противоположность ей Джози, не будучи энергичной особой, всегда уступала, когда он нападал на нее с упреками. Как бы она ни злилась, она никогда не бросалась кастрюлями, не сгибала его клюшки для гольфа, не оставляла вмятин на кузове его БМВ, не плакала, не орала — не делала ничего сверх меры, что характерно для истеричного поведения. Она просто стояла, бледная, с сухими глазами, слушая его. Да, Джози всегда выслушивала его с молчаливым достоинством. Ему бы, наверное, хотелось, чтобы она была чуть раскованнее в проявлении своих эмоций, тогда он, может быть, почувствовал бы, что все это ей безразлично.

Однако ее мать, нападая на него, была очень изобретательна в изобличениях и оскорблениях, по сравнению с ними бледнеют даже перлы Четвертого канала.

И он надеялся, что в том, что касается неизбежности их воссоединения, его жена будет не менее уступчивой и не будет все время давать ему понять, что для ее возвращения ему надо затратить больше энергии, чем даже велосипедисту, когда тот на полной скорости начинает крутить педали назад, чтобы остановиться.

При мысли о затратах Дэмиен с гордостью обладателя похлопал себя по груди, где во внутреннем кармане пиджака лежало кольцо. Ни у кого язык не повернется сказать, что это ерунда. Такие камешки — это основа страхования от неудач в отношениях с женщиной.

Он был настолько уверен, что уже сегодня будет в постели с Джози, что даже не побеспокоился заранее заказать номер в гостинице. Посмотрим, что на это скажет теперешний ее дружок! Дэмиен еще раз взглянул на часы, уже беспокоясь, не становится ли это своего рода нервным тиком, и по его телу пробежала легкая дрожь волнения. Немного удачи, попутный ветер и череда такси у выхода из аэропорта — и через час он появится в дверях дома Марты в то время, когда свадебное торжество будет уже близиться к завершению. Вот это и называется умением распределять время! Свадьбы — это такая занудливая тягомотина, что не понятно, почему люди все еще мирятся с ними. Наконец его багаж соблаговолил опять показаться в поле зрения. Дэмиен улыбнулся самому себе, подхватив его с дребезжащего транспортера. Будем надеяться, что его появление придаст свадьбе Марты еще остроты.

— Один!

Марта стояла на сцене во главе группы незамужних девиц, с готовностью сорвавшихся со своих мест и образовавших полукруг за ее спиной. Без всяких церемоний сестра втащила Джози в первый ряд этого круга. Она чувствовала себя не на своем месте, но изображала улыбку, чтобы не огорчать Марту. С тем же успехом ей можно было бы дать в руки транспарант с надписью «Я В ОТЧАЯНИИ — У МЕНЯ НЕТ МУЖЧИНЫ!».

Она заметила, что здесь была и Фелисия, которую тоже втолкнули в круг против ее желания, и с уколom сожаления Джози подумала, что ее соратница по свадебному делу могла бы взять у Мэта номер телефона или адрес или еще что-то. Возможно, ей и не захочется больше его видеть, но было бы лучше не хотеть его видеть, все же зная, что она может это сделать, если захочет. Джози нахмурилась, недовольная собой.

Марта с маниакальным упорством сверлила ее глазами, и Джози стало неловко. Господи, как неприятно стоять здесь, как двоечница у доски, — это учительнице-то! Ее двоюродная сестра дразнила девушек, чуть поворачиваясь к ним и показывая из-за плеча желанный букет. Гости гудели и свистели.

— Два! — кричал в микрофон свадебный певец.

Марта разогревала букет, как волейбольный мяч на тренировке, подбрасывая его, со свистом размахивая им, но не выпуская из рук. Девушки толкали и отпихивали друг друга, как покупатели во время летней распродажи, готовые ворваться в вот-вот открывающийся магазин. Толпа подбадривала их со все растущим энтузиазмом. Марта, озорно улыбаясь, приподнялась на каблуках.

— Три!

Она отпустила букет, и он взлетел высоко в воздух. Он пролетел над головой Марты, осыпав дождем из лепестков, ударился о зеркальный шар, свисающий с потолка над танцплощадкой, и упал прямо в подставленные руки Джози. Она уставилась на него со смешанным чувством изумления и ужаса, желая отбросить, как будто это была горячая картофелина. Гости, совсем обезумев, кричали и свистели ей.

— Давайте поаплодируем английской подружке невесты, мисс Джози Флинн! — заорал в микрофон певец.

И толпа разразилась рукоплесканиями. Щеки Джози пылали. Сжав зубы, она выдавила улыбку и, держа букет над головой, поспешила ретироваться к стойке бара, так быстро, насколько хватило ее ног. Что же это такое? Будь это на английской свадьбе, она бы, наверное, уже лежала, упившись, где-нибудь под столом в алкогольном забытии и ничего подобного не произошло бы.

— Леди и джентльмены, — закричал свадебный певец, — давайте выясним, кому достанется эта девушка!

Одинокие мужчины гораздо неохотнее принимали участие в этом ритуале, не желая вызывать смех публики. Крепким сицилийцам в черных костюмах приходилось уговаривать их пойти на танцплощадку, и они стояли вразброд, как бы без определенной цели. Глен неловко прятался позади всех. Он бросил взгляд назад на Джози, поморщившись от неловкости, и Джози ответила ему ободряющей улыбкой. На сцене Джек присоединился к Марте и сейчас под звуки песни «Раздевающий» и под пронзительные визги толпы гостей,

сопровождаемые их плотоядными взглядами, стаскивал с ноги Марты бледно-голубую кружевную подвязку.

Джози сделала большой глоток шампанского. Интересно, подумала она, смогла бы она когда-нибудь дозреть до того, чтобы полюбить этого человека, женой которого стала ее двоюродная сестра. Его руки совершенно не смотрелись на бедрах Марты. Они были пухлыми, белыми и морщинистыми, руки, напоминающие мерзких червяков, что живут во фруктах, и они прикасались к гладкой, загорелой коже Марты. Есть люди, которых просто невозможно представить занимающимися сексом, маму с папой, например, или принца Чарльза с кем-нибудь; Марта и Джек были в этом ряду. С другой стороны, ей было легко представить себя с Мэтом Джарвисом или даже с Гленом. Можно было представить и Дэмиена с этой штучкой, тем более что для нее это было часто повторяющимся ночным кошмаром.

Справившись со своей задачей, Джек помахал подвязкой в воздухе. Толпа завопила, выражая свою поддержку. И Джек тоже прошел через свадебный обряд, хотя он проделал это с гораздо меньшей театральностью, чем Марта.

— Один! Два! Три!

Он бросил подвязку назад, за спину. Она пролетела в воздухе, помедлила над головами мужчин, тянувшихся, чтобы схватить ее, неловко крутя руками в воздухе. Глен послал вверх свое сильное тело, подпрыгнул выше всех и схватил летевший к нему кружевной пустячок. Гости дико ревели, одобряя его молодецкий поступок.

Глен великодушно поклонился публике и с триумфом понес свой трофей, держа его над головой.

— Дамы и господа, приветствуйте главного шафера мистера Глена Доннели!

Оркестр заиграл что-то победное, и барабан забил оглушительную дробь.

— Приглашаем счастливую пару на танец! — Певец разогревал себя для того, чтобы выдать что-то громкое, но романтическое.

Счастливую пару? Джози залпом допила шампанское.

Рядом с ней появилась Марта.

— Это о тебе, — хрипло прошептала она. — Иди, возьми его.

Джози состроила шутливо-недовольную мину и посмотрела на пойманный букет, высившийся горой над ее запястьем.

— Спасибо, сестричка, — радостно прошептала она в ответ и направилась в центр зала.

Там уже стоял Глен, широко раскинув руки, готовый принять ее в свои объятия. Ну что ж, наверное, все не так уж плохо, тихо улыбнулась она сама себе.

Он обнял ее, и опять раздались подбадривания гостей. Марта вновь была на сцене, спокойно хлопая им, и Джек вторил ей своими хлопками. Она выглядела бледной, и Джози со всей глубиной осознала, что силы ее сестры уже на пределе.

— «У нас торжество сейчас...» — затянул певец.

Глен закружил Джози в вальсе, выведя ее на самую середину зала, здесь к ним присоединилось еще несколько пар.

Глен склонился к ее уху.

— Я тогда говорил серьезно, — прошептал он.

Джози подняла на него глаза и заправила волосы за ухо жестом, который — как она надеялась — был соблазнительным.

— О чем?

— Марта теперь замужем, с ней у меня уже ничего не может быть. — Он задумчиво вытянул губы. — Я свободен.

— Я тоже.

— По-моему, нам ничто не мешает провести время вместе, пока вы здесь.

— Согласна.

Он опять привлек ее к себе:

— Почему бы нам не поехать сегодня в Манхэттен вместе? У меня там квартира с видом на парк.

У Джози перехватило дыхание.

— Завтра я улетаю.

— Но мы можем побыть вместе до вашего отлета, посмотреть город, пообедать. Кто знает? Вы собирались заняться чем-то другим?

— Да не то чтобы... — Абсолютно ничем она заниматься не собиралась.

Глен усмехнулся:

— Тогда решено?

— Решено.

Он крепче обнял ее и повел ее в танце по кругу площадки. К ним присоединялось все больше и больше танцующих, улыбающихся им и поздравляющих их так, как будто они только что поженились.

Джози отдалась чувству покоя, которое она испытывала в объятиях Глена. Вот тот, кто ей нужен. Может быть, зубы у него чуть белее, чем надо, а покрытые гелем волосы уложены слишком уж тщательно, но уж это она как-нибудь переживет. Никто не совершенен. Ну и что, если у Глена нет небрежного обаяния Мэта и его такой привлекательной мальчишеской взлохмаченности. Вместо этого ей придется иметь дело с манекенщиком с показа мужских мод, и почему бы операцию под названием «Продвижение по жизненной лестнице и Недопущение в жизнь неудачников» не начать прямо сейчас — момент ничуть не хуже других. Вообще-то, думала Джози, прижимаясь к Глену, все устраивается как нельзя лучше.

К ним, широко шагая, шла Марта. Ее лицо было мертвенно-бледным, а губы сжаты. Тело было напряжено, и двигалась она судорожно и неловко.

— Джози, ты разрешишь похитить у тебя Глена на несколько минут?

Джози удивилась:

— Прямо сейчас?

— Ненадолго.

— Что-то не так?

— Нет, все в порядке, — Марта бросила на нее предостерегающий взгляд. — Глен?

Глена не так легко было выбить из колеи.

— Марта, мы сначала потанцуем с этой милой дамой, а когда песня закончится, я тебя найду.

Казалось, Марта хотела возразить, но передумала.

— Прекрасно, — сказала она, — но особенно не тяни.

Марта, расталкивая танцоров, размашистым шагом удалилась.

— Что все это означает?

— Понятия не имею. — Глен выглядел озадаченным. Он продолжал кружить ее в танце, как и обещал Марте, но Джози заметила, что делал он это чуть быстрее, чем раньше.

Джози сжала губы и посмотрела вслед Марте, вуаль которой разве что не свистела по

ветру, пока та быстро и решительно поднималась вверх по лестнице в комнату отдыха для невесты, где они были раньше. Ее сестра не изменилась. Даже в детстве она не любила, когда с ее игрушками играл кто-то другой.

Мэт расплатился с шофером и посмотрел, как такси, накренившись, резко отрулило от тротуара. В нерешительности он стоял на пороге дома Холли, в том самом месте, где накануне они поцеловались на прощание. Он посмотрел на неоновое свечение на небе над городом, затем поднялся по ступеням к огромной входной двери и пробежал пальцем по списку жильцов. В одном месте прямо по освещенному плексигласу было храбро нацарапано: «ХБ». И пока Мэт раздумывал, стоял с зависшим над этой надписью пальцем, домофон с двусторонней связью вдруг пробудился от спячки.

— Привет, — произнес безликий голос Холли, высокий и надтреснутый, искаженный статическим электричеством, — открываю дверь. Входи.

Загудел зуммер, и, шелкнув, дверь открылась, отскочив от косяка на пару сантиметров. Мэт толкнул ее и вошел внутрь, стягивая с шеи шарф и засовывая его в карман. В прихожей было жарко и горел слишком яркий свет. Его блики, отражаясь от пожухло-белой стены, высвечивали пятна и мазки, где по сравнению со старой краской новая была более светлой и потрескавшейся. Пол был деревянным, темным и истертым ногами — его уже дано не покрывали лаком. Причудливая винтовая лестница вилась вокруг старинного открытого лифта с решеткой кованого железа и с резко хлопающими дверями. Мэт направился к нему.

Сверху из-за перил раздался голос Холли:

— Он не работает! Тебе придется подняться по лестнице.

— Хорошо.

Мэт начал подъем, перепрыгивая разом по две ступени. Это напомнило ему о статуе Свободы, хотя сейчас ему явно не хватало такого стимула, как попка Джози, покачивающаяся из стороны в сторону у него перед глазами. Это было единственным, что тогда позволило ему дойти до вершины, и он все время боялся, что она догадается, что за его бравадой кроется сильный страх высоты.

К третьему повороту он выдохся. Ему надо завязывать с пьянками, перестать ездить на такси и вместо этого ходить пешком, может быть, даже по приезде домой сбегать в магазин и купить горный велосипед.

— Осталось всего два этажа! — закричала Холли, подбадривая его. Свесившиеся буйные волосы закрыли ей лицо, а сама она перегнулась через перила под таким углом, что, казалось, вот-вот упадет.

Мэт остановился, опершись на резной деревянный поручень, стараясь отдышаться.

— Надеюсь, у тебя там найдется немного кислорода?

— Найдется кое-что получше. У меня есть текила.

Он продолжил свое восхождение.

— Теперь я понимаю, почему ты такая тощая.

— Ладно тебе! Давай поднимайся, доставь мне удовольствие. А то я уже заждалась. Немного осталось.

Мэт, пошатываясь, побрел дальше, к площадке, где его ждала Холли. Ему следовало снять пальто где-то на середине подъема — он уже чувствовал неприятную влагу под мышками. Заставив себя распрямиться, он глубоко вдохнул и с облегчением выдохнул:

— А вот и я!

— Очень этому рада.

Он посмотрел на Холли, смущенно ему улыбаясь.

— Вот это да! — сказал Мэт и глотнул воздух.

— Нравится? — Она покрутилась перед ним.

— Еще бы! — воскликнул Мэт. — Куда подевался весь твой хипповый шик?

— Иногда у него бывает свободный день.

— Выглядишь просто потрясающе. — Исчезли куда-то непременные джинсы, спортивные туфли и открытый пупок. Их место заняло нечто в высшей степени изящное черного цвета и высокие каблуки. Очень высокие. Чрезвычайно! Все платье, кажется, состояло из сплошных бретелек и тесемочек и было слишком провоцирующим, учитывая экстагический напор мужских половых гормонов, так и не израсходованных в некий момент его жизни. Платья как такового почти не было, и в то же время оно было великолепным.

Холли схватила его руку, прежде чем он успел обтереть ее о джинсы.

— Проходи, — сказала она и потянула его в открытую дверь своей квартиры. — Добро пожаловать в мои апартаменты.

Апартаменты оказались загроможденной вещами мансардой с огромными окнами, из которых видны были яркие огни города. Мансарда была полна початых и брошенных материалов, которыми пользуются художники, они были разбросаны по всей комнате — карандаши, краски, огрызки мелков пастели. Большие пестрые полотна, выполненные в основных цветах^[11], украшали пустые стены.

— Снимай пальто.

— Спасибо. — Мэт благодарно стащил пальто и накинул его на спинку потрепанного плетеного стула, стоявшего у двери. Но ему все же было жарко. Воротник рубашки раздражал шею, и она чесалась.

Он медленно повернулся вокруг себя, рассматривая смелую живопись. Показал на одну из картин:

— Твое?

Холли пожала плечами.

— А картины хорошие.

— Не настолько хорошие, чтобы я продолжала работать в том стиле, который выбрала.

— И поэтому ты занялась пиаром?

Она кивнула, медленным шагом направляясь на кухню.

— Пока это меня устраивает.

Холли открылась ему с новой стороны. Мэт любил беспорядок. Женщины, у которых в доме беспорядок, это женщины земные, сексуальные. Не то что его бывшая жена, с ее приверженностью к мешкам для мусора и чистящим порошкам. Он поклялся никогда больше не влюбляться в аккуратную женщину, и горячо надеялся на то, что Джози окажется неряхой.

В углу комнаты валялась груда брошенной одежды — острая смесь купленного в благотворительном магазине и высококлассных авторских вещей. На вершине этой горы лежали шортики из лайкры и кроссовки. В книжном шкафу стояли серьезные книги по эзотерике, которые, похоже, были куплены в букинистическом магазине или позаимствованы в библиотеке, куда уже не вернулись. Он вынул одну и провел пальцем по пыльному изношенному корешку; мысль о том, как мало он знал о Холли, царапнула его душу. Вокруг зеркала расположилось разномастное и кривое собрание фотографий, на которых Холли была снята вместе с друзьями и родственниками, а также и с целым рядом

известных и не таких известных поп-звезд, в том числе и с «Крутоголовыми».

Мэт проследовал за Холли в кухню.

В этом помещении также наличествовали признаки обитания Холли, но здесь хаос имел некоторые следы организации. Размещение кухонной утвари и сковородок наводило на смутную мысль о порядке. Здесь покоились бутылка высококачественного бальзамического уксуса и жестянка с мясистыми маслинами, а различные поваренные книги носили следы постоянного перелистывания, что со всей определенностью свидетельствовало о том, что при желании Холли может приготовить вполне сносный обед. В виде некоторой компенсации, однако, на столе рядом с тостером высился многодневный холмик крошек, а в мойке — гора немытой посуды.

Холли открыла холодильник и, выхватив оттуда бутылку текилы, помахала ею у Мэта перед носом:

— Большую или маленькую?

— Продолжу так же, как и начал, — сказал Мэт. — Большую.

Ничего не случится, если программа детоксикации организма из двенадцати шагов начнется с понедельника.

Холли налила в стакан смертельную дозу спиртного и дала его Мэту. Она подняла свой собственный стакан и ударила им о стакан Мэта:

— За встречу!

Мэт покатал языком жидкость во рту, наслаждаясь ощущением сильного жжения.

— Ты, кажется, очень удивлен?

— Это не совсем то, чего я ожидал. — Мэт откинулся назад, прислонившись спиной к буфету, и закинул ногу на ногу. — В тебе есть нечто, что видишь не сразу, Холли Бринкмен.

— За это стоит выпить. — Она выдержала пристальный взгляд Мэта и залпом выпила свою текилу. — Может быть, если в этот раз ты останешься, то обнаружишь что-то еще.

— Так я и собираюсь поступить.

— Давай устроимся поудобнее, — предложила Холли и потянула его на огромный потертый диван с кремовой обивкой, бывший главным предметом в этой комнате, заставив сесть рядом с собой. Диван этот украшали причудливые пятна красок, которые соскребались явно неумелыми руками.

Мэт откинулся на диванную подушку. Ноги у него болели, и он понял, что это такое — «шишки» на ногах, хотя тетю Долли они не останавливали, когда та носилась по залу, как обезумевшая нимфа.

Холли, как показалось Мэту, нарочито соблазнительно перегнулась назад и щелкнула выключателем проигрывателя компакт-дисков. По комнате поплыли мягкие звуки психоделического джаза. Ударив поочередно ногой о ногу, она эффектно скинула туфли и подогнула ноги под себя, откинувшись на спинку дивана, и, запустив пальцы в свою густую гриву из светлых кудрей, закинула руку за голову.

— Итак, теперь, когда ты полностью в моей власти, расскажи-ка мне историю своей жизни. Или, может быть, лучше мне рассказать свою?

Мэт втянул в себя остатки текилы и сидел, внимательно изучая дно стакана.

— История моей жизни дает безграничный простор для полета воображения — неудачи на работе, невезение в любви, мечта о жизни на Багамах, где можно написать бестселлер, которая никогда так и не будет претворена в жизнь. А что у тебя?

Холли скривила рот:

— То же самое, абсолютно то же. Работаю с утра до ночи, чтобы оплатить жилье, серьезные отношения не для меня — слишком сдвинутая, понятия не имею, что такое настоящая любовь, а надежда достичь высот в артистической жизни Манхэттена и стать их самой яркой звездой, вероятно, никогда не осуществится.

— А ведь предпосылки для этого есть.

Она резко отбросила волосы:

— Вы, англичане, всегда так прямолинейны!

Они оба выпили; про себя Мэт отметил, что его стакан опорожняется слишком быстро. То же было и с Холли — она опять подлила себе. Она придвинулась к нему, и ее рот оказался в нескольких миллиметрах от его рта.

— Ну вот, теперь мы знаем друг о друге все, что нужно знать.

— Вероятно.

— А, говорят, слова ничего не стоят.

— Нам они не стоили ни пенни.

Она придвинулась еще сантиметра на два ближе к нему, положила руку ему на бедро и взглянула на него из-под ресниц. Что за ерунда такая, почему он растрачивает жизнь на погоню за женщиной, убегающей быстрее, чем он может ее догнать, когда все, что ему надо, это откинуться на спинку дивана и отдаться потоку ощущений? А следует отметить, что поток ощущений у Холли несся с огромной быстротой. Ее пальцы карабкались вверх по его рубашке, играя с тканью, проникая под нее, дразня кожу. Он слышал, как стучит ее сердце, а у него самого грудь мелко дрожала, как будто по ней бежали тысячи крохотных муравьев. Милых мурашек. Она нашла его рот своим; мягким и теплым, на вкус напоминавшим киви. Языком она провела по его верхней губе, и он задохнулся, а ведь столько времени прошло с тех пор, как у него в последний раз перехватывало дыхание. Если, конечно, не считать того раза, когда он на прошлой неделе бежал за автобусом по набережной. И когда взбирался на статую Свободы.

Мэт пришел в ужас. Джози, не смей мне все портить! У меня никогда раньше не было женщины, так сильно желающей моего тела! Уходи, оставь меня в покое! Я не смог найти тебя, старался, но не смог, ну и бог с тобой, все кончено!

Он закрыл глаза и стал думать о том, что команда «Тоттенхем Хотспер» выиграла кубок, и о других вещах, которые могли бы отвлечь его от мысли о Джози и полностью отдаться поцелую Холли.

Так же внезапно, как и начала, Холли мягко отстранилась от него:

— Может быть, ты хочешь есть?

— Нет. Не останавливайся.

— У меня дома маловато еды, — призналась она ему, — несколько разнокалиберных упаковок со сладким и немного суши.

— Проживу и без сладкого, — ответил ей Мэт. — Ну что ты остановилась, давай дальше! И без сырой рыбы.

— Можно пойти в кафе на углу, — предложила Холли. — Они прекрасно готовят подкисленную телятину.

— Сегодня я уже съел столько, что мне хватит до конца недели. — В качестве доказательства Мэт погладил свой вспухший живот.

— Так что у тебя там произошло? — Она убрала волосы за ухо. — Твое свидание не состоялось?

С чувством вины Мэт подумал о Джози, одиноко сидевшей в мексиканском ресторане два дня назад в ожидании его персоны.

— Нет, — нерешительно ответил он, — у меня не было свидания. Свидания как такового.

— Да ладно, — успокоила его Холли, — меня это не волнует.

— Нет, в самом деле, у меня не было свидания.

— Так что же ты делал весь день, не все же время ел?

— Э...

— Осматривал достопримечательности?

— На самом деле я танцевал «Хава Нагила», хороводные танцы, электрослайд, «Танец петушка», «Эй, Макарена!»... — Мэт запел, положив руки на бедра, и стал прихлопывать по ним. Без особого воодушевления, надо отметить.

— Не понимаю.

Мэт расслабленно откинул голову назад и закрыл глаза.

— Я был на свадьбе.

— Не может быть!

— Может. На свадьбе американских евреев, поющих и пляшущих свои этнические танцы.

— Не знала, что ты должен был пойти на свадьбу.

— И я не знал. Хотя не то чтобы совсем не знал.

— Ты знаешь невесту или жениха?

— Да нет, в общем, не знаю. — Мэт сделал большой глоток текилы. — Это длинная история.

— Какое совпадение.

— Да? Ты что, тоже их не знаешь?

На лице Холли появилось довольно странное выражение.

Какая-то холодная струйка проползла в мозгу Мэта. Прямо как в фильме ужасов, когда скрипит дверь, гаснут лампы, а музыка выдает тревожное тра-та-та-там и хочется схватить подушку и закусить ее уголок, потому что вот-вот произойдет что-то страшное.

И тут он наконец заметил свадебный подарок, красиво завернутый, стоящий рядом с незаконченной картиной, где было изображено что-то вроде половины вазы для фруктов. Бумага была с серебряным тиснением, и на ней было причудливым почерком написано «Желаю счастья!», а наверху красовались цветы из ленточек, концы которых спиральками свисали по бокам коробки. Он оглянулся на Холли и с трудом удержался, чтобы не открыть рот. Не может быть!

— Когда ты позвонил, я как раз выходила, чтобы поехать на свадьбу.

У Мэта встали уши на макушке. На него нахлынуло ощущение «сумеречной зоны».

— Это туда ты меня приглашала, а я не пошел?

Холли тряхнула головой:

— Я же не знала, что ты уже приглашен на другую свадьбу. Тебе надо было сказать.

Сколько раз за свою жизнь он слышал эту фразу? «Тебе надо было сказать». Тебе надо было сказать, что ты хочешь гулять с моей лучшей подругой, тебе нужно было сказать, что ты хочешь повышения по работе и не хочешь, чтобы редактором стал этот высокомерный тип, Симпсон, тебе надо было сказать, что ты сильнее, чем я думала, тогда я, может быть, не ушла бы от тебя и т. д., и т. п. Сколько же разнообразных поворотов могло произойти в его

жизненном курсе, если бы он сказал хотя бы половину тех вещей, которые ему надо было сказать? Ему надо было сказать, что из всех свадеб, имеющих место быть в Нью-Йорке сегодня вечером, ему надо было попасть только на одну-единственную, найти одну-единственную женщину, одну-единственную невесту, одну-единственную подружку невесты. Ему надо было сказать. Что за идиотская фраза!

Холли снова придвинулась, и, ничего не сказав, он дал ей закрыть свой рот поцелуем. Дал ее языку найти свой, дал попробовать его на вкус, пощекотать его, дал ему пройтись по своим зубам.

Все может быть. Хотя это уж за пределами. Нет, такого быть не может. Или может?

Он ласкал языком губы Холли, но глаза у него были открыты, а в мозгу вихрем проносились мысли.

Ее пальцы так умело расстегивали пуговицы у него на рубашке, что это даже немного беспокоило. Ее руки проникли уже под рубашку, и своей лихорадочно разгоряченной кожей он чувствовал их прохладу, напоминавшую свежую прохладу огуречной кожицы. Глаза Мэта округлились. Она стала стонать! Стала издавать чудесные, провоцирующие звуки, которые все же не в силах были заглушить биение в его мозгу одного и того же вопроса. Нет, он не в состоянии был и дальше ласкать ее, ему надо было задать этот вопрос. Ему необходимо было знать. Мэт остановил ее руку, путешествовавшую под его рубашкой, направляясь вверх, к шее.

— Подожди минутку! — сказал он, чуть отстранившись от нее. — Расскажи мне поподробнее об этой свадьбе.

Холли, казалось, была озадачена, но ведь в этой ситуации такой вопрос был оправдан.

— Это важно.

Она выпрямилась, возможно, более раздраженная, чем можно было сказать по ее виду, и развела руками, как бы говоря: с чего мне начать?

— Выходит замуж одна моя старая подруга. Когда я училась в школе искусств, она помогала мне продавать мои работы в галерее в Сохо. Она много всего продала своим денежным друзьям. Фактически она кормила меня в то время. Я ей обязана.

Жестом Мэт показал, что он ждет продолжения.

Холли сделала ответный жест.

— Я устроила так, что сегодня «Крутоголовые» исполняют несколько своих вещей для ее гостей. На самом деле это просто большая попойка. Я предпочла провести этот вечер с тобой.

Руками Холли показала, что вот это уже все. Окончательно и бесповоротно.

Мэт промокнул холодный пот, выступивший на верхней губе.

— А твоя подруга не рассердится, что ты не пришла?

Холли рассмеялась:

— Без меня там скучать не будут.

Он постарался не выдать волнения, но голос не слушался, все время норовил скакнуть то вверх, то вниз. Такое всегда случалось с ним, когда он нервничал, по этой причине его даже выгнали из школьного хора.

— Может быть, нам лучше пойти туда?

— Две свадьбы за день! Хорошенького понемножку, Мэт!

Мэт проглотил комок волнения, застрявший в горле.

— В глубине души я очень сентиментален.

Холли устроилась поудобнее рядом с ним и стала поглаживать его по внутренней поверхности бедра, навалившись на него всем телом.

— И я тоже... — При этих словах Мэт тяжело задышал. — ...Но мы можем заняться и кое-чем другим.

— Ха-ха. Конечно, можем, — сказал Мэт. — Сколько сейчас времени?

Он предпринял неудачную попытку высвободить руку, намертво прижатую телом Холли к его боку.

— Уже поздно.

— Но мы же можем успеть туда до того, как все закончится?

Холли опять выпрямилась. Ее лоб перечеркнула морщина.

— Ты и в самом деле хочешь пойти туда?

Хотя сердце Мэта бешено скакало в неровном ритме танго, он нашел в себе силы равнодушно пожать плечами:

— Для меня это будет неплохой возможностью еще раз послушать «Крутоголовых».

— Да ты их терпеть не можешь!

— Может быть, я поспешил с выводами.

Холли улыбнулась:

— Ты это делаешь ради меня, правда?

Мэт улыбнулся ей в ответ. «Чи-и-з». Он шутливо поднял брови:

— Ты меня поймала!

— Я позвоню и извинюсь, когда она вернется после медового месяца. Они три недели проведут на Амазонке. — На Холли это производило впечатление.

— Отлично, — сказал Мэт.

— Да не переживай. — Холли послала ему взгляд, полный признательности. — Мы останемся здесь и прекрасно проведем время. — Она потянулась и налила в их стаканы еще текилы. — Марта не обидится.

Мэт почувствовал, как весь сжимается до размера мышонка, но внутри него зреет крик великана. Он схватил Холли за руку.

— Надевай пальто, — заревел он, пытаясь быстрее застегнуть пуговицы рубашки.

— Ты что? Мэт!

Он сгреб ее и поставил на ноги. Она пролила спиртное на свое черное платье и рукой в спешке смахивала его, пока он тащил ее к двери.

— Что с тобой такое? — повторила она.

— Пальто! — рявкнул он. Свое он уже набрасывал на плечи. — Торопись! Нам надо успеть на свадьбу!

— Ты с ума сошел! — сказала Холли, прыгая на одной ноге, пытаясь поскорее надеть туфлю.

— Давай, давай!

Уже выходя из двери, Мэт остановился и обернулся к Холли:

— А где эта свадьба?

— На Лонг-Айленде.

— На Лонг-Айленде! Где на Лонг-Айленде?

— В загородном Дворце свадеб «Яблоневый сад».

— «Яблоневый сад»! — повторил Мэт, чуть не падая в обморок.

Джози крутила в руках свадебный букет и чувствовала себя очень глупо. Глена и Марты не было уже довольно долго. Очень долго. По виду Джека было ясно, что и он чувствовал себя потерянным и не в своей тарелке, развлекая гостей в одиночестве. Сейчас он танцевал с одной из сицилийских тетушек преклонного возраста, крашенные волосы которой отливали синевой, и вел он себя с ней очень доброжелательно.

Джози захотелось разбить что-то. Очень захотелось.

И куда только подевалась эта поганка Марта? И более того, куда она подевалась вместе с ее, Джози, партнером? Чтобы получить его, ей пришлось честно пройти через все это унижение с бросанием букета. Где они могут быть? И что такое важное произошло, что надо было его уводить и именно тогда, когда им было так хорошо вдвоем? Да, Марта, конечно, шикарная, красивая и умная женщина, но она — самый ненадежный человек на свете. Джози обвела взглядом толпу в надежде увидеть развевающуюся фату или крупный торс главного шафера, но напрасно. Какими бы они ни были и что бы они ни делали, выбрали они для этого не самое подходящее время.

— И куда подевалась эта моя чертовка? — поравнявшись с Джози, гаркнул Джо, танцевавший с женой своего старшего брата.

— Она выскочила на минутку, дядя Джо. Глотнуть воздуха.

— Воздуха ей захотелось! Господи, эта девка на собственные похороны и то опоздает! — Тут до него дошло, что он сказал, и он поморщился.

Неприятная ситуация. Джози стояла, одинокая и покинутая, на самой кромке танцплощадки. Вдруг рядом с ней появился дядя Нунцио.

— Потанцуем, леди?

— Почему бы и нет?

Своими высохшими к старости руками он деликатно обхватил ее за талию. Эти руки, казалось, много работали в поле, вспахивая землю и убирая урожай винограда, но Джози знала от Марты, что дядя Нунцио был мультимиллионером и возглавлял что-то вроде экспортной империи. Чем бы он там ни занимался, он был отличным танцором и умело вел ее, обходя других танцующих и двигаясь так же легко, как знаменитый Фред Астер. Даже полный внутреннего напряжения голос Селин Дион, певшей «Мое сердце будет биться так же», не смог помочь Джози сбросить свою озабоченность, и поверх плеча дяди Нунцио она рыскала глазами по залу в поисках своей заблудшей сестренки.

— Ослабься, — инструктировал ее дядя Нунцио. — Тебе надо потрахаться, чтобы ослабиться.

— Ради всего святого, не начинайте сначала. Я делаю все, что могу, — сказала она. — Правда. Позавчера я встретила мужчину, с которым прыгнула бы в постель, мигни он только глазом. Для меня это совершенно необычно. Но он растворился в небесной синеве. Сегодня я весь день охотилась за главным шафером, и вот, пожалуйста, его тоже нет. У меня скоро комплекс разовьется на этой почве, поэтому хоть вы-то меня пожалейте.

Дядя Нунцио широко улыбнулся, показав все зубы, и она в ответ тоже засмеялась:

— Вы не поняли, о чем я говорила, так ведь?

— О яйцах, — ответил он.

— Не совсем, — улыбнулась ему Джози. — Вы ничем не отличаетесь от всех других

мужчин, с которыми меня сводила жизнь.

Рядом с ними появился Джек, любезно беседовавший со своей партнершей по танцу, той самой синеволосой старушкой, крохотной, как детская игрушка.

— Джози, вы видели Марту? — спросил он.

— Нет, давно не видела. А что такое?

— Они собираются подавать следующее блюдо. А я не хочу, чтобы они начинали без нее. — Лоб у него был наморщен; во всяком случае, он показался Джози еще более морщинистым, чем обычно. — Пойду поищу ее.

— Нет, нет, — запротестовала Джози, сама не понимая, почему так боится этого. — Я сама схожу.

— Может быть, Глен знает, где она... — Он безуспешно искал глазами своего шафера. — Что-то я и Глена не вижу.

— Он где-то здесь, — постаралась успокоить его Джози.

— Как вы думаете, с ней все в порядке?

— Я совершенно уверена, что у нее все хорошо.

— Мне кажется, ее нет уже давно.

— Может быть, у нее разболелась голова, — Джози постаралась, чтобы ее слова прозвучали убедительно. — У нее ведь был тяжелый день.

Может, у Марты и в самом деле просто голова болит, подумала Джози. Кто знает?

— Я поищу ее, Джек. А вы оставайтесь с гостями.

— Спасибо, Джози. — Он улыбнулся, и она вдруг с удивлением обнаружила, что от него исходит мягкое доброе тепло. Он повернулся, чтобы уйти.

— Джек, — сжала Джози его руку, — мои поздравления. Это такая замечательная свадьба.

— Спасибо, — сказал он с трогательной искренностью, — я рад, что вы смогли приехать к нам.

— И я очень рада, — сказала Джози.

Откуда ни возьмись, появился фотограф и защелкал аппаратом. Джози и Джек синхронно замигали от вспышек.

— Пойманы на месте преступления, — пошутил Джек и, смеясь, завальсировал дальше.

Джози повернулась к своему партнеру.

— Дядя Нунцио, мне надо идти, — прокричала она ему, как будто он был глухой.

Дядя Нунцио, улыбаясь, продолжил танец.

— Мне надо идти, — повторила она, указав на дверь, — мне надо убить свою двоюродную сестру.

— Си, си, — сказал он, с готовностью кивнув, — си.

— Си, — повторила она за ним, освобождаясь от его объятий. — Я найду вас попозже.

— Мои яички пылают в ожидании тебя.

— Я не знаю других мужчин, которые с такой убедительностью смогли бы изложить то, что их волнует.

— У тебя отличная задница, — сказал он.

— Спасибо, — признательно улыбнулась Джози, — а у вас ужасная манера выражаться.

И оставив своего партнера, чтобы не поддаться искушению и хорошенько, с мылом, не промыть ему рот, она направилась к лестнице. Возможно, Марта пошла в комнату для невесты, чтобы прилечь. Или — что хуже — они с Гленом укрылись где-нибудь от

посторонних глаз, чтобы возобновить свой роман в момент, менее всего для этого подходящий. Она их убьет, если увидит, что они сидят и разговаривают о «добрых старых временах»; они ждали так долго, могли бы подождать еще немного.

Джек занял свое место во главе свадебного стола. Видно было, что он взволнован и одинок. Мимо тянулся ручеек поздравляющих, записывающих в книгу для гостей свои каламбуры и мудрые сентенции, которые, когда свадьба завершится, уже никто и никогда не будет читать; как никто и никогда не будет смотреть на свадебные фотографии. И никто из них не заметил, насколько ему не по себе.

Джози ускорила шаги. Где бы Марта ни находилась, ей надо поторопиться.

— Дамы и господа, — опробовал певец микрофон, — а теперь «Свадебные Красавцы»! Мы будем развлекать вас в течение всего обеда, а потом уступим место... — он сверился с записями, — новым молодым талантам, появившимся на нью-йоркской танцевальной сцене, группе «Крутоголовые»!

Джози остановилась. «Крутоголовые»?

Появились официантки, разносившие дымящиеся подносы с кусочками нежного филе.

«Крутоголовые»? Где же, черт возьми, она слышала это название?

Шел снег, и они не могли поймать такси. Нигде. Холли, стараясь не замерзнуть, прыгала на каблуках, которые явно не были предназначены для длительной ходьбы. Мэт попытался пройти за угол, чтобы холодный ветер и колючий снег не хлестали их лица.

— Чрезвычайно неприятная погода, — пожаловался Мэт, таща Холли за собой по улице.

— Нам необязательно туда ходить, — заметила на это Холли.

— Обязательно, — таково было все объяснение Мэта. — Не спрашивай почему. Нам просто надо быть там.

— В Англии что, так принято? — Холли пригладила свои мокрые кудри, отведя их ото рта. Волосы у нее прилипли к макушке и съжились, повиснув разрезанными прядями по бокам, как волосы Кристал Типпс в фильме «Кристал Типпс и Элистер».

Бог свидетель, сейчас она была очень милостивой и с каждой минутой становилась все привлекательнее и привлекательнее. В другое время он побежал бы поскорее обратно в ее неприбранную квартиру, полную художественного беспорядка, и набросился бы там на нее. Но не сейчас. Сейчас он был полон решимости прожить полную драматизма сцену из «Зебра на Айс Стейшн», бредя по улице в поисках женщины в платье из сиреневого шифона, даже не подозревающей о том, что перевернула его чувства.

— Это что, плохая примета — не появиться на свадьбе?

— Просто ужасная, — вздохнул Мэт.

Холли резко остановилась. Она воздела руки к небу.

— Рискну, пожалуй, — сказала она. — Бросаю вызов. Что может случиться? Меня разорвет на клочки?

— Пошли. Не помню я, но произойдет что-то кошмарное. О чем и подумать страшно.

— У меня разовьется аллергия на алкоголь? Это самое страшное, что я могу себе представить.

— Еще пять минут, — стал упрашивать ее Мэт, — еще пять малепусеньких минуточек, и если такси не появится, то я буду считать, что сделал все, что от меня зависело.

— Я буду ужасно выглядеть: я вся промокла, и волосы, как пружины.

— Ты очень красивая сейчас, — ободряюще сказал Мэт.

— Ты и правда так думаешь? — Холли потеревила свои волосы, наматывая их на палец.

Он взглянул на нее. На ее влажный, блестящий нос. На ее мокрые вьющиеся волосы. На размокшие туфли, одетые не по погоде. И чистосердечно признался:

— Да. Я так думаю.

— Пойдем обратно ко мне, Мэт, — сказала она.

Он остановился. Снег падал ему на нос, на пальто, налипал на волосы, и те прилипали к голове. Он слышал шумное дыхание своего полузаложенного носа, перекрывавшее даже уличный шум. Вокруг них вспыхивал неон, который, расплываясь по краям, отсвечивал белым.

Прямо рядом с ними остановилось уже не нужное такси. Мэт уставился на него, раскрыв рот. Нет, это судьба. Та самая, незванно-нежданная рука судьбы!

— Садись, — распорядился Мэт. Он открыл дверь, и они оба забрались внутрь.

По мере того как Джози поднималась по лестнице к комнате для невесты, где они все освежались перед церемонией, буйные звуки свадебного торжества у нее за спиной постепенно замирали. Ковер был шикарным, с длинным ворсом, цвета яркого гемоглобина, и ее гудящие ноги мягко утопали в нем. В пальцах ног, заточенных в тугие сиреневые туфли, сильно пульсировала кровь.

Джози остановилась, всем весом опершись на перила красного дерева, бесконечно уходящие вверх. При изготовлении перил дерево хорошо отполировали, и каждый, кто прикасался к его девственной, зеркально-блестящей поверхности, оставлял на ней отпечаток своих пальцев. Наверное, поддержание зеркального блеска на такой поверхности — это труд, равноценный покраске Четвертого автодорожного моста. Оказалось, что, остановившись, уже очень сложно заставить себя начать двигаться дальше. Она была совершенно вымотана. Колени молили ее о том, чтобы она села, и она сползла вниз, приземлившись на ступеньку.

Стоит ли все это таких усилий? Организационные хлопоты, стресс от волнения, все эти затраты? Для чего? Кто в конечном счете выигрывает от такого экстравагантного ритуала? Ее собственная свадьба была замечательной, и все же спустя пять лет (с точностью до одного дня) все было кончено, окончательно и бесповоротно, как будто никто и не произносил клятв верности. Когда она выходила замуж, на ней не было розовых очков, она прекрасно понимала, что любая супружеская пара проходит через трудности, но она никак не ожидала, что в ее жизни возникнет такое непреодолимое препятствие, как эта цепкая шлюшка, занимавшаяся отчетностью в компании Дэмиена. Оказалось, хотя, возможно, это не было для нее такой уж неожиданностью, что либидо Дэмиена было гораздо выше его коэффициента интеллекта.

Они были так счастливы, по крайней мере, она так думала. У них были и взлеты, и падения — мужчина, не способный повесить пару полок без того, чтобы не известить полтонны состава для замазывания трещин и чтобы потом не пришлось вызывать электрика и водопроводчика, а то и пожарную команду, всегда будет постоянным раздражителем в семейном быту, но им было весело и интересно вместе. Любопытно узнать, после мгновений любви устраивают ли Дэмиен с Мелани представления театра теней с помощью пальцев ног, как это делали они, направляя тени на стену из неокрашенной древесины магнолии, которую все собирались покрасить, да так и не успели? Настаивает ли он, чтобы его «олень» всенепременно был победителем? Смеются ли до слез, сидя в кухне на полу и рассматривая фигурки из сыра, которые должны были быть их портретами, но оказались больше похожими на карикатурных персонажей мультяшки? Скорее всего нет. Джози чувствовала, что Мелани не стала бы лепить фигурки из сыра.

Наверное, ей следовало отреагировать по-другому. Измены сейчас обычное дело, они уже не приводят к разрыву семейных отношений, как это было раньше. Может быть, стоит повзрослеть и стать выше простой супружеской неверности? Неужели это так серьезно в установившейся теперь системе ценностей? В то время она воспринимала все именно так; но теперь она уже не была в этом уверена. Дэмиен упорствовал. Самовлюбленный эгоист, уверенный в том, что будь она ему лучшей женой, то ничего бы не произошло. Она же почти не упоминала, что из него-то муж никакой. Нет, не сама измена все разрушила — хуже всего

была потеря доверия и уважения. После того как их не стало, не стало и всего остального.

Что теперь будет делать Дэмиен? Теперь, когда он по горло сыт игрой в семейную жизнь с этой Мелани и с ее потомством? Он уже предпринимал попытки подкатить к Джози, но все это шло не от чистого сердца: куча телефонных звонков, обычно в пьяном виде и в час ночи, несколько букетов, составленных из цветов, которые она не любила, какое-то эротичное белье, слишком откровенное, чтобы свидетельствовать о серьезных намерениях. Но Дэмиена, когда он обхаживал женщину, остановить было невозможно. Кто станет следующей его жертвой? — подумала она. В отличие от других вампиров, Дэмиен высасывал из идущей на заклание овечки не кровь, а ее чувство собственного достоинства и ее уважение к себе.

Жить одной было трудно; ей не хватало уютного тепла и живой души, того, что давал ей, как мог, лишь Кот-Ранее-Известный-Как-Принц. Случалось, обычно часа в три ночи, когда все рациональное уходило и она тосковала по Дэмиену так сильно, что почти ощущала его присутствие рядом с собой и даже протягивала руку и притворялась, что гладит его, хотя ни нога Дэмиена, ни какая-либо другая часть его анатомии не соприкасалась с этой, уже другой, постелью, бывало, в такие минуты ей приходилось брать бутылку с теплой водой, но к утру обычно это отпускало. Однако в целом, пришла она к заключению, жить одной гораздо интереснее, чем с Дэмиеном.

Джози взглянула на уходившую вверх лестницу. Будем надеяться, что Марте повезет больше, чем ей. Снизу из зала до нее долетел приглушенный смех. Как ни жаль, но надо двигаться дальше, или бедному Джеку придется весь вечер просидеть в одиночестве. Усилим воли Джози заставила себя встать и снова начать подъем по лестнице.

Здесь наверху было так тихо и спокойно. На цыпочках Джози прошла по залу, и следы ее шагов исчезали в высоком, но упругом ворсе замечательного ковра — одно из достоинств ковров «эксминстер». В нем можно потонуть, и никто даже не заметит.

Она свернула в переднюю перед комнатой невесты, которая, по сути, была лишь коротким коридором. С позолоченного крючка на стене, прикрытого прозрачной пленкой, свисал костюм, в котором Марта должна будет уезжать. Брючный костюм, белый, с едва заметным оттенком голубого. Тут же терпеливо ее ожидали темно-синие сапоги. Джози постояла, любуясь ими. Марта будет замечательно выглядеть во всем этом. Правда, она во всем была хороша.

Теперь она стояла перед комнатой невесты, и из-за двери донеслось неясное бормотание. Должно быть, это Марта. Наверное, она пришла сюда, чтобы позвонить кому-нибудь, сделать какие-то последние распоряжения.

Джози тихо постучала по массивному дереву косточками пальцев:

— Марта, ты здесь?

Ответа не последовало, но она знала, что кто-то там есть. Бормотание стало слышнее, голоса слышались яснее и становились все более знакомыми. Она напряглась, чтобы расслышать, о чем они говорят, но дверь была слишком массивной.

Джози постучала громче:

— Марта!

Она повернула ручку, и дверь, бесшумно скользя на хорошо смазанных петлях, открылась.

— Божетымой! — вырвалось у Джози. Тут же ее рука взлетела, чтобы прикрыть рот, но было уже слишком поздно. Слишком поздно. Нижняя челюсть у нее отвалилась и упала на

шикарный мягкий ковер.

Шел снег, и Мэт смотрел в окно такси, слушая, как дворники на стекле выстукивают: шлеп-шлеп-шлеп. Движение по всей дороге остановилось. А все оттого, что ньюйоркцы, как и лондонцы, как только дорога покрывается корочкой льда, такой же гладкой, как глазурь на торте, внезапно забывают о том, как надо водить машину. Не то чтобы сам Мэт был опытным водителем. Его машина ушла вместе с гравюрами Густава Климта, с тостером «Бревиль», спасавшим его от голодной смерти в студенческие годы, и с половиной супружеской постели.

— Тише едешь... — сказал он с жалкой потугой на улыбку.

Холли прижалась к нему:

— Мне холодно.

— Сейчас. — Он снял с себя шарф и обмотал вокруг шеи Холли, осторожно пропустив под волосами.

— Спасибо, — сказала она и прижалась еще теснее.

На их водителе была кожаная шапка с меховыми ушами, и он явно экономил на тепле в салоне. Будучи в Нью-Йорке, все время можно потратить лишь на жалобы по поводу температуры: всюду было либо слишком холодно, либо слишком жарко. Мэт медленно выпустил изо рта неловкую длинную струю воздуха и наблюдал, как она вилась в холодном воздухе. Что же он делает? Почему скачет жеребцом (ха, шутка!) по всему Манхэттену, не отпуская при этом от себя эту привлекательную девушку — даже принимая во внимание ее стремление получить лишь его тело, все же нельзя не признать, что она и в самом деле просто прекрасна, — только для того, чтобы хоть глазком взглянуть на подружку невесты из Англии, которая, возможно, самым недвусмысленным образом даст понять, что ему надо держаться от нее подальше? И это — действия здравомыслящего человека? Не лучше ли ему просто забыть об этой Флинн и получать удовольствие, которое еще можно получить в этой ситуации?

С высоты своего роста он посмотрел на Холли. Веки у нее отяжелели, и казалось, она дремлет, убаюканная ездой.

— Как ты думаешь, не закончится ли там все, пока мы доберемся?

— Возможно, — сонно ответила Холли, подавляя зевок.

— И «Крутоголовые» отпоят?

— Наверное.

— Ты ведь не так хотела провести сегодняшний вечер?

Холли подняла бровь, и на губах у нее появилась ленивая улыбка. Ну что ж, она, по крайней мере, еще улыбается, подумал Мэт.

— Не так, — сказала она, не глядя на него.

— Так или иначе, но на этом закончится та кутерьма, которую я устроил сегодня, — вздохнул Мэт.

Холли, изящно изогнувшись, прильнула к нему и засунула руку ему за воротник. Было холодно, и ее ледяные пальцы заставили его вздрогнуть.

— А она еще не закончилась? — спросила она.

— Нет.

Ее глаза вновь закрылись, но рот, будто предлагая себя для поцелуя, каким-то

тайнственным образом оказался в опасной близости от его рта. Надо было сделать лишь легкое движение головой, и стыковка состоялась бы. Он мучительно колебался, а сердце у него забилось так же неровно и невпопад, как барабаны у «Крутоголовых». Мэт взглянул вверх и в зеркале заднего вида поймал взгляд таксиста, наблюдавшего за ними.

Глядя ему в глаза, Мэт пожал плечами, дав понять, что он не знает, как поступить. Таксист в ответ тоже пожал плечами. Этого было вполне достаточно. Мэт откинулся на холодном пластиковом сиденье и втянул в себя горячее, дурманящее тепло Холли.

Уже давно они никуда не ехали. Дэмиен прикрыл свои часы рукой. Больше он ни за что не посмотрит на эти дурацкие часы, а то это может превратиться в опасную привычку. В начальной школе у них был мальчик, Джозеф Миллер, который смешил всех, притворяясь заикой, но делал он это так часто, что потом уже не мог остановиться. Два года назад Дэмиен наткнулся на него на конференции по компьютерам в гостинице в Хэрроугейте, и он все еще заикался. Тогда-то Дэмиен и понял, что ни в коем случае нельзя приуменьшать ни опасность неврозов, ни желания быть популярным. Поэтому сейчас он заставил себя расслабиться, откинувшись на спинку прохладного, жесткого сиденья такси.

В жизни основное — правильное распределение времени. Это знают актеры, знают фермеры, маклеры на бирже, победители в лотерею. Почему же шоферы такси об этом даже не догадываются? Его водитель сидел в своем кресле, покрытом ковриком из бусин, расслабленно откинувшись назад, и, хотя он и не отпускал сирены, было совершенно ясно, что происходящее его совершенно не волнует. Даже если бы Дэмиен рассказал ему, что такое правильное распределение времени, все равно не помогло бы: этот человек был из породы людей, которых не тронет то обстоятельство, что пассажир основательно растряс свою кредитную карту на поездку сюда и что он таскает при себе лакомый кусочек от сокровищ Южной Африки, чтобы попытаться спасти свою семейную жизнь.

Нет, так дело не пойдет. Если они и дальше будут торчать здесь, то ему придется ловить Джози по пути домой.

Снег валил так, как он валит только в голливудских фильмах — безо всякого чувства меры, как в той сцене из «Праздничной гостиницы», где Бинг Кросби поет «Я мечтаю о белом Рождестве...», а его самого с трудом можно увидеть из-за сугробов, на которые ушла тонна чего-то белого, ибо какой-то полоумный помощник в немереном количестве сыпал его из киношной снегоделательной машины. Дэмиен старался оставаться спокойным, но спокойствие не было ему свойственно. Им отличалась Джози. У нее это хорошо получалось, а он быстро закипал, а затем косил всех вокруг из восьмимиллиметрового автомата. Сейчас кипение быстро приближалось к точке автоматной очереди, и этому не могло помешать даже то, что Трайни Лопес или еще кто-то там блеял «Ла Бамбу» так громко, что фонили колонки и дрожали дверные панели.

Дэмиен нагнулся вперед:

— Постарайся связаться с диспетчером или еще с кем-нибудь, чтобы узнать, что случилось!

— Английски не говорю, — ответил шофер.

— Неужели нет радиостанции, сообщающей об обстановке на дорогах? Мы же в самом технологически развитом городе мира!

— Абло эспаньоль ^[12], — сказал шофер.

Дэмиен тяжело опустил на свое место.

— Муа осси ^[13], — пробормотал он, — дос сервезас, пор фавор ^[14].

— Ха-ха, — ответствовал водила, — сервезас!

Машина рядом с ними сдвинулась на несколько сантиметров вперед, и Дэмиен резко нагнулся вперед. Почему же та машина двигается, а они стоят? Вот всегда с ним так: в какую бы очередь он ни встал, будь то в банке, в жилтовариществе или в супермаркете, другая очередь всегда — всегда! — двигалась быстрее. Намного быстрее. Дэмиен выглянул в окно, и водитель в соседнем ряду опять чуть сдвинулся с места.

— Так, — сказал Дэмиен, приготовившись действовать. Конечно, до Лонг-Айленда пешком он не дойдет, но не может же он так вот сидеть и даже не пытаться узнать, в чем там все-таки дело.

— Останься здесь! — закричал он шоферу своего такси, зажатому со всех сторон «бьюиками», «линкольнами», «континенталями» и желтыми такси, который и так совершенно не собирался никуда торопиться.

Дэмиен выпрыгнул из такси и едва не упал, подскользнувшись на обледеневшей дороге. И чтобы шофер понял, насколько намерения Дэмиена Флинна серьезны, он с шумом захлопнул за собой дверь. Хотя он и поднял отвороты куртки и закрыл ими уши, густой мокрый снег сразу же недвусмысленно дал Дэмиену понять, как больно он может хлестать человека по лицу, мести ему прямо в переносицу. Несмотря на это предупреждение, Дэмиен запихнул руки поглубже в карманы и, сгорбившись, все же пошел прямо ему навстречу, с яростью шагая вдоль замерших на дороге машин, фары которых издали игриво ему подмигивали. «Посмотрим, как англичанин заставит сдвинуться с мертвой точки это чертово представление на дороге».

Конечно же, все из-за того, что водитель их такси смотрел, как Мэт и Холли целуются-милуются у него на заднем сиденье. Никаких сомнений. И вот теперь он сидел с виноватым видом. Но не такой он дурак, чтобы пропустить такое.

— С тобой все в порядке? — спросил Мэт, убирая с пальто Холли остатки давно почившего гамбургера.

— Думаю, что да.

Она рукой зачесала волосы назад, убрав их с лица, на котором застыло удивленно-глуповатое выражение. Но разве она виновата? Они только что сидели, наслаждаясь нежным, долгим поцелуем, а в следующее мгновение — хлоп! — резко сползли со своего заднего сиденья на пол. «Хлоп» — это не метафора и не слово для выражения взрыва любовного восторга, душевного (или плотского) подъема. Совсем нет. Причина была гораздо более прозаичная. Это «хлоп» — довольно сильный удар — означает, что их такси ударилось о заднюю часть машины, шедшей впереди. За чем немедленно последовал еще один удар, поскольку шедшая сзади машина врезалась в их такси. И надо отметить, что никто из водителей в этот момент не выказал признаков радости.

Вертикальная струя пара или дыма или еще чего-то, чего быть явно не должно, сочилась из-под вдавленного капота и рассеивалась в воздухе. Багажник передней машины прогнулся посередине, и его открывшаяся крышка задралась кверху, являя взору сбившиеся в кучу домкраты, веревки, шины и коробки с инструментами. Некоторые из них могли бы оказаться сейчас очень полезными, если бы водитель этой машины мог сохранять хотя бы подобие хладнокровия. Однако он был явно далек от этого. Он шел к их такси и громко кричал. Просто орал.

Мэт поднял Холли с пола. Попытался изобразить смех.

— Спорю, ты начинаешь думать, что я не стою тех несчастий, которые приношу.

— Именно, — сказала она.

— О!

Она сидела и ощупывала шею, пытаясь выяснить, нет ли повреждений. Похоже, шею она не сломала, чего нельзя было сказать о каблуке, разлетевшемся пополам во время этого инцидента.

— Черт, — сказала Холли и тяжело вздохнула. Слезы были готовы вот-вот брызнуть у нее из глаз. — С тобой не соскучишься, Мэт Джарвис!

— Что верно, то верно.

Водитель их такси вышел и яростно заспорил с водителем такси, шедшего впереди них. Мужчины громко ругались и угрожающе махали руками. Господи, только бы драки не было. Он ведь не силен в драке, что доказала его достойная сожаления битва с «Крутоголовыми».

— Я выскочу и посмотрю, что происходит, — Мэт пробрался, карабкаясь, мимо Холли и открыл дверцу.

— Вряд ли мы сегодня доберемся до Марты, — сказала она. — Теперь мне придется сидеть и ждать, пока здесь не соберутся все шоферы и не случится что-нибудь ужасное.

— Я уверен, что ужасное случается только тогда, когда ты не делаешь ничего, чтобы дело шло так, как тебе нужно. А если делать все, что от тебя зависит, даже если все летит в тартарары на каждом новом витке, тогда, я думаю, вселенная отступится от тебя. — Ему хотелось верить, что его слова прозвучали обнадеживающе, и он молился о том, чтобы это хотя бы немного соответствовало истине.

— Неужели сегодня еще говорят «летит в тартарары»? — спросила Холли, присоединившись к Мэту на заснеженной мостовой.

Он повернулся к ней и проверил, достаточно ли хорошо защищает ее от холода его шарф.

— Говорят. Рок-журналисты.

— Вот как, — протянула она.

Да, веселая компания собралась на этом гудронированном шоссе, хотя вообще-то никто из собравшихся особенно не веселился. К двум первым таксистам присоединились водитель третьего такси и его разгневанный пассажир в шикарном деловом костюме, кричавший с английским акцентом.

Мэт и Холли, засыпаемые снегом, стояли, дрожа, недалеко от этой жаркой дискуссии, вдруг шофер их такси повернулся к ним и, махнув рукой, указал на них большим пальцем, выказав, по мнению Мэта, не соответствующую ситуации злобу. Не то чтобы он был трусом, но он и в самом деле искренне надеялся, что этот маленький инцидент обойдется без кровопролития. Его царапины после прошлого раза только-только начали затягиваться.

— Это те два, — разразился тирадой водитель. — Они там занимались этим в моем такси. Меня отвлекало. Это из-за них я вбил в твой зад.

— Мы не «занимались этим», — запротестовал Мэт. — Мы просто немного понежничали. И вообще, это вы меня подтолкнули. Я не знал, что мне делать, пока вы не пожалы вот так плечами. Поэтому я и стал ее целовать.

— Ах, вот как? — хмуро сказала Холли.

Шофер развел руками, показывая, что он, здесь ни при чем.

— Ничего такое не делать, леди.

— Я все объясню, — торопливо проговорил Мэт.

— Объясни, — согласилась Холли.

— Это не объясняет, почему ты въехал в него, — вопил человек в деловом костюме, обращаясь к своему водителю. — Я уйду на пять минут, на пять минут, чтобы узнать, что там происходит и почему мы застряли в этой идиотской пробке, а когда я возвращаюсь, вся машина уже перекорежена! — Человек закрыл лицо руками, невероятным усилием пытаясь сдержать себя. — Ты что, тоже смотрел, как они там занимались этим?

— Мы не занимались этим, — в один голос сказали Мэт и Холли.

— Вся моя жизнь висит на волоске, а мы стоим здесь и обсуждаем помятые бока. — Человек готов был рвать на себе волосы. — Я страшно спешу, спешу; никто никогда не употреблял этого слова с большим правом. Спешу! Я пролетел три с половиной тысячи километров, я пересек Атлантический океан за то время, которое уже потратил, чтобы добраться из аэропорта имени Кеннеди до этого места. Пожалуйста, — сказал он ослабевшим голосом, — давайте рассуем наши задницы по машинам и поедим наконец.

Все стояли не двигаясь.

— Пожалуйста.

Снова никакой реакции.

Человек выдавил из себя приятную улыбку и легким жестом пригласил всех поторопиться.

Машины вокруг них уже беспрепятственно двигались, со всех сторон им сигналили сирены, а они, заметаемые снегом, стояли на самой середине покрывающегося льдом скоростного шоссе. Мэт вжал голову в плечи, молча ругая себя. В четыреста двадцать седьмой раз, Мэтью Джарвис, ты сделал совсем не то, что нужно. Надо было остаться вместе с Холли у нее в квартире, поесть сырой рыбы, упиться текилой до полусмерти и, если повезет, залечь в постель.

Шофер поврежденного такси впереди них пошел вразвалку к своему багажнику и попробовал захлопнуть крышку. Она отскочила, и все затаили дыхание. Он попытался еще раз, действуя твердо и решительно, но крышка все же его не послушалась. Он сумрачно поглядел по сторонам и дал ей хорошего пинка, по коей причине крышка сочла за лучшее на этот раз остаться на месте.

Последовал общий вздох облегчения.

Сердитый мистер в своем голубом костюме прошагал к своему такси, на ходу зло бросив Мэту:

— Скажите спасибо, что я вам не накостылял! — Он шипел сквозь сжатые зубы, как злодей в пантомиме.

— Мне? — сказал Мэт.

— Вам! — Человек ткнул в него пальцем, с упрямым видом продолжая свой путь.

— Почему мне? — закричал ему вслед Мэт, когда расстояние между ними стало слишком большим, чтобы человек повернул обратно.

Водитель этого злодея покорно брел следом за ним. Они сели в машину, и та с громким металлическим скрежетом и густыми облаками выхлопов сдвинулась с места и исчезла в дорожном потоке.

Чтобы согреть руки, Мэт похлопал в ладоши.

— Наверное, он имел в виду нас с вами, — сказал он весело своему шоферу.

— Залезайте, — приказал шофер.

Холли молча скользнула внутрь, и Мэт последовал за ней, стряхивая снег с волос.

— Скажи спасибо, что и я тебе не наkostenяла, — сказала она, сложив руки на груди и забившись в угол.

Мэт сидел, оскорбленный беспочвенным обвинением. Машины пронеслись мимо. Свет их фар сквозь стекла их машины с налипшим на них снегом казался тусклым и размытым. Таксист удобно устроился на сиденье из бусин и опять надел свой шлем с ушами. Машина впереди них отъехала, увозя за собой их передний бампер, чиркая им по асфальту и издавая звуки, которые, наверное, издавал бы попугай, мучимый искусным палачом.

Таксист с открытым ртом оглянулся назад.

— Поезжайте, — холодно приказал Мэт.

Он приедет на свадьбу Марты сегодня, даже если это будет последнее, что он сделает в этой жизни.

Шофер включил передачу, отпустил ручной тормоз и бросил взгляд в зеркало заднего вида, наверное, для того, чтобы удостовериться, что на заднем сиденье никто не совершает больше никаких безнравственных поступков. Мэт отважился искоса посмотреть на Холли, свернувшуюся калачиком в углу, и увидел сердитую складку на ее маленьком мокром лице. Ну, это особой опасности не представляет.

Таксист повернул ключ зажигания. Щелк. Ничего. Он попытался во второй раз. Щелк. Ничего. Опять ничего. Щелк. Ничего. Щелк. Щелк. Щелк. Ничего. Он обернулся и вопросительно посмотрел на Мэта. Что он мог ответить? Кроме того, что уже видел машины с мертвыми моторами.

Юбка Марты задралась выше талии, и конец ее красивого шлейфа складками спадал в томатный соус, который подавали к креветкам, в непосредственной близости от которых располагался ее зад. У Глена брюки были спущены до лодыжек. И оба они производили звуки, которые, кроме как в порнофильмах шестидесятых годов, уже нигде не услышишь. Несмотря на их бурное барахтание, фата у Марты все еще находилась на том месте, где ей полагалось быть. Беатрис свое дело знала.

Окаменев, Джози смотрела на них. Она представила, как выглядит со стороны: рот открыт и язык вывалился наружу, а глаза выскочили из орбит и болтаются на стебельках, как в какой-нибудь идиотской мультяшке. Они были так поглощены друг другом, что не заметили, как она вошла. А предположим, на ее месте был бы Джек? Если бы это Джек вошел и стоял сейчас, наблюдая, как они наявивают на полную катушку? Как бы, интересно, Марта тогда выкручивалась? Ну что ж, выкручиваться она умеет: Джози как раз и наблюдала за тем, как она это делает!

Смотреть на бешеное совокупление, стоя здесь незванным свидетелем, было очень необычно. Неужели мнение Дэмиена всегда будет тяготеть над ней? Ее собственные страсть и наслаждение никогда не поднимались до таких умопомрачительных высот, когда весь остальной мир перестает существовать, и, конечно же, такое не могло произойти в ситуации, столь двусмысленной и опасной. Во всяком случае, она не помнила, чтобы с ней это случалось. И нельзя сказать, чтобы это было хорошим признаком.

В комнате — а ведь она уже бывала здесь — ничего не изменилось, было так же жарко и душно, а к настоящему моменту, понятно, стало еще жарче. Ветчина, появлением которой был так недоволен Джек, уже давно остыла и, холодная, покрытая застывшим белым жиром, лежала на деревянном блюде; косметичка Марты, полуоткрытая, находилась на туалетном столике; все так же были примяты подушки на кушетке, на которые клала ноги Фелисия, прилегшая на пять минут, чтобы остановить пульсацию в пальцах. Почему бы и им было не прилечь на кушетку? Наверняка было бы удобнее лежать, а не сидеть на блюде с креветками, перепачкавшись томатным соусом!

Марта была близка к оргазму, что придавало совершенно новый смысл гимну «Вот идет невеста». Судорожные вздохи становились все громче и, на вкус Джози, гораздо театральнее. Всхлипы Марты звучали так же, как у Мэг Райан в сцене в ресторане из фильма «Когда Гарри встретил Салли» — наигранно и неубедительно. Дэмиен всегда жаловался, что она недостаточно громко проявляет себя. Если бы было громче, было бы лучше. Почти как в стереоустановке в машине. И почему никто не может по достоинству оценить сдержанное и умеренное проявление экстаза? Глаза Марты были закрыты, она вся прильнула к Глену, притянув его за отвороты смокинга, и Джози пришло в голову, насколько же нелепо он выглядит в рубашке, застегнутой на все пуговицы, со спущенными штанами, но в смокинге. Видно было, что они слишком спешили, чтобы толком раздеться. Как-то так получается, что женщина, оказавшись без какой-либо части своего туалета, все же выглядит соблазнительно, а полураздетый мужчина, наоборот, весьма малопривлекателен. Глен в этом отношении исключением не был.

Теперь голос Марты звучал так, как будто она выполняла какую-то тяжелую работу. Она всхлипывала и кричала, ее голова дергалась из стороны в сторону, как у одержимой. Потом

ее глаза открылись и посмотрели прямо на Джози; и следующий ее крик явно не был криком удовольствия, в этом у Джози сомнений не было. Но Глен, казалось, совершенно этого не заметил, и Джози услышала его ответные крики. Смотреть на это было невыносимо. Еще чуть-чуть, и они превратятся в совершенных скотов. Как-то Дэмиен привез ее в Брайтон на романтический уикенд. Мужчина и женщина в соседнем номере занималась этим всю ночь напролет, как кролики, из-за чего вся романтика их поездки пошла насмарку. Изголовье той кровати с монотонной регулярностью билось об их стену, и к тому же они до двенадцати часов ночи крякали, как утки, до часу кричали, как ослы, до двух блеяли, как овцы, до трех хрюкали, как свиньи, и, наконец, в четыре часа утра доходили до полного оргазма, круглого и основательного, как биг-мак в «Макдоналдсе», и только после этого затихали. Джози, проворочавшись в кровати всю ночь, присоединилась к их крикам, издав победный клич петуха. Дэмиен пришел в ярость. Он обвинил ее в том, что она испортила их романтический уикенд. Она? Он сказал, что она просто завидует, что она ханжа — ну что ж, это и в самом деле так — и что она не понимает, что такое страсть. Он сказал, что ведь им придется встретиться с этими людьми после завтрака, который они, видимо, пропустили. В столовой было несколько женщин, которые могли бы издавать такие звуки по ночам, но ни про одного из присутствовавших там мужчин нельзя было и подумать, что он сможет продержаться так долго. Ей, наверное, следовало бы испытывать благоговение перед такими способностями, но она чувствовала себя неуживчивой и капризной, нелюбимой и ненужной, и они с Дэмиеном не разговаривали весь день. Вот и вся романтика. Может быть, он и в самом деле был бы счастливее, если бы она всю ночь хрюкала, как поросенок Бейб в кино. Еще тогда ей пришло в голову вот что: если уж они с Дэмиеном слышали так много, то как все это выглядело бы, окажись они в той же комнате? Теперь она знала как.

Марта все еще смотрела на нее в полном ошеломлении, и ее лицо было искажено от смешанного чувства ужаса, беспокойства и наслаждения. Во всем этом было что-то извращенное. Джози решила, что пора уйти.

Захлопнув за собой дверь, Джози тяжело прислонилась к ней. Ей было плохо. Плохо с сердцем и плохо с животом. Тянуло еще раз приоткрыть дверь и еще раз взглянуть на них, как в какой-нибудь мелодраме, как бы для того, чтобы убедиться, что они действительно занимаются чем-то отвратительным. Но ведь это и в самом деле отвратительно. Она и так это знала, незачем подсматривать. К тому же, если уж честно, то последнее, что ей хотелось бы увидеть, было то, как Марту обрабатывает главный шафер ее жениха.

В горле у Джози пересохло, а язык стал как ковролин. Лиловый шифон внезапно сел и стал нещадно сдавливать ей ребра, не давая расправиться грудной клетке, затрудняя дыхание. На верхней губе проступили отвратительные капельки пота, а ладони стали горячими и липкими, как будто она пробежала несколько километров. Плохо все это. Очень плохо. Всего несколько часов назад Марта клялась любить своего мужа, уважать его, заботиться о нем и все в том же роде. И голос ее звучал убежденно и искренне. Что же произошло? Может быть, это просто случайность, подумала Джози, лихорадочно пытаюсь сообразить, как это все развивалось, отвергая одну возможность за другой. Некоторое помрачение рассудка, небольшое заблуждение... небольшое! Когда во время свадебной церемонии молодая жена украдкой пробирается в уединенную комнату, чтобы там наставить рога своему мужу с его же шафером, это уже отнюдь не небольшое заблуждение, напомнила она себе. Конечно, жизнь с Дэмиеном значительно расширила границы ее моральной терпимости. Может быть, это... э... э... Джози закрыла глаза, включив функцию поиска в

своих мозговых файлах. Это ведь... э... Ничего. Как ни старалась, она не смогла найти оправдания поведению Марты.

Вздохи и охи по ту сторону двери прекратились, на смену им пришли шуршание шлейфа и звук застегивающейся молнии. И Джози метнулась в дамскую комнату, пытаясь избежать встречи с растрепанной Мартой и выиграть время, чтобы подумать, как ей сказать двоюродной сестре, что она об этом думает, и избежать слова «сука».

Джози подставила руки под холодную воду, перебирая пальцами в потоке воды, пока кончики их не занемели. Она взглянула в зеркало: в резком свете ее лицо было блее стеной побелки. Сиреневый не ее цвет. Во всяком случае, не сегодня.

Дверь неуверенно отворилась, и Марта проскользнула внутрь. Фата все еще крепко сидела на ее голове, но губная помада была размазана вокруг рта, а конец шлейфа был насыщенно розового цвета из-за напитавшего его соуса.

Джози взглянула на нее в зеркало.

— Ты не сняла перчатки, — показала Марта рукой на воду.

— Я знаю, что делаю, — резко отпарировала Джози, убирая руки с намокшими митенками из-под крана.

Марта прислонилась спиной к стене и вздохнула:

— И я тоже.

Джози взвилась:

— Ты?

Видно было, что Марте неловко, что она чувствует себя жалкой и раздавленной, и все же в ее обычно мягких зеленых глазах явно была жесткая искорка, становившаяся все заметнее, по цвету напоминая уже начинку мятных лепешечек.

— И пяти минут не прошло, как ты стояла, мечтательно смотрела вокруг и говорила: «Навсегда». Это ты помнишь? Обещала забыть всех ради Джека, хранить себя только для него и прочая, и прочая. Ты, когда говорила все это, и в самом деле собиралась так поступать?

— В тот момент собиралась.

— В тот момент! — взорвалась Джози. — Это было не год назад. И не полгода. Даже не неделю назад, Марта. Прошло всего... — Джози подсчитала, загибая пальцы, — прошло всего около шести часов!

— Знаю. — Марта говорила тихо и решительно. — Ситуация изменилась.

— Она не могла измениться так быстро!

— Могла.

— Нет, не могла.

— Сколько времени потребовалось Дэмиену, чтобы бросить тебя?

— Марта, это удар ниже пояса! Это две совершенно разные ситуации. Мы прожили с ним пять лет, не пять минут. А ты еще даже не разрешила свадебный торт!

— Ну что же, можно будет получить деньги обратно, — мрачно пошутила Марта.

— Ведь ты должна сохранить кусок этого торта до первых крестин.

— У тебя довольно много оптимизма, учитывая случившееся.

— Думаю, уместно будет заметить, что так поступают только самовлюбленные самодурки, стремящиеся самоутвердиться за счет других.

В углу комнаты, как раз под автоматом, выдававшим прокладки «тампакс», и сушилкой

для рук, было бархатное сиденье, и Марта тяжело опустилась на него, резким движением прикрыв колени шлейфом.

— Он мне не подходит.

— Кто, Джек?

Марта посмотрела на нее долгим взглядом:

— Нет, Брэд Питт.

— А не Глен? — спросила Джози. — Марта, давай говорить разумно.

— Конечно, Джек. Я считаю, что он мне не подходит.

— Не очень удачное время ты выбрала, чтобы сказать это, Марта. Если бы ты хотя бы вчера пришла к такому заключению!

— Ты же сама говорила, что он как шарпей.

— Ну да.

— И ведь это ты говорила, что он слишком стар для меня.

— И это правда.

— Так в чем же дело?

— А ты говорила мне, что любишь его. Ты сказала ему, что любишь его. Ты стояла в церкви, где собралась половина Сицилии, и говорила, что любишь его!

— Ну и что? — не сдавалась Марта.

Джози захотелось опять засунуть руки под холодную воду — или засунуть под нее голову Марты. Что-нибудь из двух.

— Но сейчас уже слишком поздно.

— Нет.

— Марта. — Джози старалась, чтобы ее голос звучал как можно убедительнее. Эти интонации она применяла, когда убеждала в чем-то своих самых трудных учеников. — Джек может выглядеть как нечто, выращенное в лаборатории. И может быть таким же старым, как само время. Он может быть самым подлым негодяем. Он может быть всем этим и даже больше того. Наверное, он — не тот человек, которого я хотела бы видеть рядом с тобой. Но это ты его выбрала, и он этого не заслужил. Кем бы и чем бы он ни был, что бы он ни сделал — он этого не заслужил.

— Ничего он не сделал. Дело во мне.

— Ему от этого не легче.

— Ничем не могу помочь, — сказала Марта с вызовом.

— Можешь, Марта. Ты единственная, кто может все это прекратить, прекратить прямо сейчас.

Лицо Марты печально вытянулось.

— Твой муж сейчас внизу, он ждет тебя. Ждал, пока вы с его шафером резвились здесь. Он танцевал с крохотной старушкой с Сицилии, у которой голубые волосы и лицо сморщенное, как смятый бумажный пакет, а он был сверхвнимателен и любезен с ней.

— Не могу же я оставаться с ним только поэтому.

— Он ничего не сделал, что могло тебя обидеть. Ты сама говорила, что он тебя обожает, что он очень заботлив. Это ведь что-то да значит?

— Ты ничего не сделала, что могло обидеть Дэмиена, а он все-таки ушел от тебя.

Голос разума был разбит полным отсутствием логики. Все это и мистера Спока привело бы к умопомешательству, и самое главное, Джози это ничего не дало.

— А как в этот мелодраматический шик вписывается Глен?

— Я люблю его.

— Он чувствует то же, что и ты?

— Да. Он всегда меня любил.

— Ты слишком доверяешь этому парню, который сбежал от тебя потому, что был не в состоянии справиться с ответственностью за свой поступок, сбежал именно тогда, когда он больше всего был тебе нужен.

Было заметно, как Марта вздрогнула.

— Это было много лет назад.

— И ты его не видела все эти годы, — напомнила ей Джози, приходя в ярость. — Почему ты думаешь, что, когда оркестр закончит играть и потушат свет, его опять не потянет куда-то за моря и долы? Он что, останется здесь с тобой и будет помогать расхлебывать всю эту кашу? Ты уверена, что в этот раз он останется с тобой?

— Надеюсь, он останется.

— «Надеюсь» и «уверена» — разные вещи.

— Я уверена, что в этот раз он останется со мной.

— А тебя не удивляет, что еще час тому назад он просил меня провести с ним эти выходные?

— Он считал, что я для него потеряна.

— Да, как главный шафер на этой свадьбе он должен был думать именно так.

— Мы не можем жить друг без друга.

— До сего дня могли.

— А сейчас уже не можем.

— Марта, разреши задать тебе вопрос. Тебя сегодня, случайно, никто не бил по голове чем-нибудь тяжелым?

Марта поднялась, с трудом оторвав свое тело от бархатного сиденья, и казалось, у нее ослабели даже кости.

— Мы возвращаемся к началу разговора, Джо. Я знаю, что делаю.

— И можно спросить, какой смысл ты в это вкладываешь?

— Мы с Гленом уезжаем вместе.

— Сейчас?!

— Сейчас.

— У тебя есть психиатр? Ведь у всех американцев есть психиатры.

— Да, если хочешь, у меня есть психиатр.

— Тогда позвони ему. Прямо сейчас. Узнай, что он скажет о том, что ты хочешь сбежать со своей свадьбы.

— Он скажет, что мне следует делать то, что мне подсказывает сердце.

— Тогда он дерьмо, а не психиатр! Слушай лучше, что я тебе говорю.

— Мое сердце говорит мне, что пора уезжать.

— Ты не можешь поступить так, Марта.

— Мне надо поступить именно так.

— Нет, не надо. Продолжай вести себя так, как будто ничего не случилось, танцуй с Джеком, улыбайся гостям, пей шампанское — а лучше как следует напейся — и разрежь этот чертов торт. И дай себе полгода, чтобы как следует все обдумать, не менее полгода. Вы все это время не встречались, так разве еще несколько месяцев будут иметь какое-то значение?

— Не могу я ждать так долго.

— Тогда подожди несколько недель.

Марта стояла, не двигаясь.

— Ну подожди хотя бы до завтра...

Марта взмахнула своим шлейфом и, кажется, в первый раз увидела, что на нем было гораздо больше томатного соуса, чем следовало бы.

— Ради всего святого, Марта! Пожалуйста, ну пожалуйста, не оставляй Джека одного с гостями, с неразрезанным тортом, не заставляй его одного всем все объяснять.

— Сегодня я хочу быть с Гленом. — Марта схватила ее за руку, и Джози почувствовала, что ее перчатки все еще мокрые. — Я прошу тебя помочь мне.

Джози отпрянула от нее:

— Нет. О, нет. Нет, нет, нет.

— Я хочу, чтобы ты все рассказала Джеку.

— Нет. Нет. И еще раз нет.

— Ты же моя сестра. Ты должна сделать это ради меня. Ну пожалуйста.

— Это условие не включено в мой контракт на работу в должности подружки невесты.

Ни за что.

— Ты не прочитала примечание.

— Нет!

— Я не могу с ним встречаться.

— Тебе придется, Марта. Уж это-то ты должна сделать.

Марта в сердцах дернула себя за фату, пытаясь стянуть ее вместе с диадемой, но не смогла сдвинуть ее и на миллиметр.

— Как бы мне отделаться от этого, — хныкнула она. — Это меня убивает.

— Хуже всего то, что это убьет Джека.

— Мне совсем не хочется, чтобы ты сейчас был рядом, — пробормотала Холли, пиная ногой сугробы, нараставшие по обочинам дороги. Волосы у нее прилипли к голове, как будто их намазали кремом «брилкрим», и она дрожала в своем пальтишке. Трясущимися пальцами она поднесла сигарету ко рту, и, чтобы затянуться, она еще больше сжала и так уже напряженные губы, а затем выпустила дым в падающий снег. Рукой она отстранила Мэта.

— У меня такое чувство, будто ты захватываешь мою территорию.

— Я пытаюсь сохранить твоё тепло и отдать его тебе обратно, — сказал Мэт.

— Мне это не нужно.

— Нужно. Вот возьми мое пальто, — предложил он, расстегивая пуговицы.

— Получишь переохлаждение, — отказалась она. — Оставь, пусть мне будет плохо. Я просто хочу, чтобы ты знал, что мне плохо с тобой.

— Мы оба получим переохлаждение, — заметил Мэт. — Давай-ка сядем в машину.

— И Гитлер не заставил бы меня сесть в это такси. — Она ткнула сигаретой в воздух.

Они стояли на самом краю узкого тротуара, наблюдая, как мимо ползут машины, и ждали такси на замену, которое какое-то время назад запросил их водитель, стоявший, опершись на багажник и с удовольствием попыхивавший сигаретой, не глядя на них. Но на нем-то была шапка с ушами и дубленка.

— Неужели ты не можешь без сигареты?

— Не могу, Мэт, — презрительно бросила Холли. — В настоящий момент я могу обойтись без очень многих вещей, включая и тебя, но единственное, без чего я обойтись не могу, это сигарета. Она помогает натянутым остаткам моих нервов хоть как-то соответствовать тому, что заложено в коде моей ДНК.

Мэт посчитал возможным тоже ударить носком по сугробу.

— Прости меня за сегодняшнее. За всю эту чехарду и неприятности.

Холли презрительно фыркнула.

— Я постараюсь все исправить, — пообещал Мэт.

— Когда? — Холли вытянула из несчастной сигареты добрую порцию ее жизненной энергии. — Завтра ты уезжаешь домой.

— Я приеду снова.

Она пристально взглянула на него.

— Как-нибудь, обязательно, — сказал он. — Очень скоро. Я все устрою так, чтобы приехать.

Холли фыркнула еще презрительнее.

— И тогда буду делать все, как ты хочешь. Свожу тебя в какое-нибудь приятное место. Знаешь, проводить со мной время бывает всегда интересно.

Холли выдала самый презрительный звук в мире, так что таксист обернулся и посмотрел в их сторону. Мэт взглядом извинился за нее, и шофер переключил внимание на свою собственную никотиновую зависимость.

— На свадьбе Марты ты взбодрись. — У него было искушение направить мысли Холли в нужное ему русло, но потом он все же решил, что все это ему следует оставить при себе. — Мы сможем там выпить, потанцевать, послушать «Крутоголовых».

Для убедительности он повилял перед ней бедрами. Из носа его подружки выплыла

лишь струйка дыма. Ее тушь потекла по щекам, и сейчас она стала выглядеть, как наименее привлекательное создание из группы «Кисс». Но вряд ли ее можно за это винить, так ведь? Вся эта чертовщина, которая с ними приключилась, произошла только из-за него.

— Меньше всего я хочу сейчас ехать на свадьбу Марты, — медленно сказала она. — А хочу я забраться в горячую ванну, а потом просто броситься в постель.

Глаза у Мэта засияли. Наверное, именно это и надо им сделать. Надо бросать эту погоню за Джози Флинн, которая уже начинала сильно смахивать на поиски Святого Грааля комиком Монти Питоном в фарсе о короле Артуре, и отдаться пузырькам в ванне и сексу без обязательств.

— Одна, — добавила она, бросила сигарету у двери такси и тщательно затушила ее ногой в снегу.

Черт бы побрал, подумал Мэт. Или не побрал в данном случае. И почему он не мог просто выбросить всю эту чушь из головы насчет Джози Флинн? Чушь? Да на теперешней стадии это даже не чушь. Как-то в книге он прочитал о человеке, который был болезненно влюблен в кого-то, кого даже не знал. Это называется синдромом де Клерамболя и означает, что во всем, что вас окружает, в форме кустов, облаков, овечьих орешков, вы видите знаки, говорящие вам о любви, которые вам будто бы передаются предметом вашей любви телепатически или еще бог весть каким способом. Была одна женщина, уверенная в том, что все свои песни Джон Леннон писал для нее. Это не то, как бывает, когда вы пребываете в депрессии или унынии и, слушая «Радио-1», вдруг понимаете — вот это песня как раз для меня! Нет, на самом деле, положи руку на сердце: Джон написал это только для меня. Кошмар. Интересно, что она подумала, когда он написал «Желтую подводную лодку»? Или это Пол виноват, что эта песня отличается от других?

Мэт поднял глаза на облака. Единственное послание от его возлюбленной, которое он смог по ним прочитать, было сообщение о том, что снег будет идти еще долго. Ему надо найти ее. Бог знает почему, но надо. Возможно, не потому, что это синдром или психологическая зависимость, а потому, что он самым старомодным образом томится от любви к ней. Глубоко внутри у него было чувство, говорившее, что Джози слишком хороша, чтобы ее терять, — судя по нервным спазмам напряженного живота, это чувство располагалось где-то за второй петлей толстой кишки. Он чувствовал, что она как бы наматывает его на катушку, привязывая его к себе невидимыми нитями. Знать, что она где-то здесь рядом, в этом адском городе, фатально ускользающая от него каждый раз, когда он приближается к ней, испытывая танталовы муки от того, что она где-то здесь, возможно, за следующим поворотом или за следующей переносной оградой, или за этим разбитым такси, — знать это было просто адской пыткой.

Будто в ответ на его размышления к ним подъехало такси замены. Еще до того как Мэт сдвинулся с места, чтобы открыть Холли дверь, она уже была внутри.

— Я хочу домой, — сказала она ему, когда он тоже сел в машину и нерешительно устроился рядом с ней, благодарный судьбе за обволакивавшее его тепло салона.

— Скажи, а ты очень обидишься, если я поеду на свадьбу Марты без тебя? — спросил он. От тепла нос у него потек, а все тело заломило.

Холли резко повернулась к нему:

— Ты хочешь поехать на свадьбу моей подруги без меня?

— Э... да, — ответил Мэт. — Если ты не имеешь ничего против.

Нет, это не боль, понял Мэт, тело заломило от наслаждения. Волнение и наслаждение

покалывали все тело изнутри, проникая даже в вены, и он испытывал сладкую муку, как от колючего, но теплого свитера.

— Я чего-то не понимаю, Мэт. — Глаза Холли смотрели на него изучающе.

— Думаю, что мы оба чего-то не понимаем. — И он пришел в замешательство, поняв, насколько мелодраматично это прозвучало.

— Джози, — сказал Глен, когда они с Мартой вернулись в комнату для одевания. Он выглядел как человек, которому нужна сигарета или крепкое спиртное, а может быть, и транспортный космический корабль, словом, что-то, что позволило бы ему взять и перенестись куда-нибудь в другой мир, безболезненно, избежав неприятной ситуации.

Марта бессильно опустилась на туалетный столик, как раз посередине; сейчас она, наверное, была самой мрачной невестой, которую когда-либо приходилось видеть Джози. И Джози одарила Глена одним из самых испепеляющих взглядов, позаимствованных ею у матери, тем, которым та пользовалась при общении с инспекторами дорожного движения, разносчиками товаров и чиновниками из муниципалитета. Взглядом, от которого они сразу же валились на колени. И Глен заметно сник. Хорошо, что сейчас он был одет. А то было бы не очень приятно видеть, как взрослый здоровый мужчина, на котором нет ничего, кроме трусов, съезживается и усыхает под ее взглядом. Марта права: зад у Глена действительно великолепный, но было бы лучше, если бы Джози довелось увидеть его в другой ситуации.

— Я знаю, что вы думаете обо всем этом, — сказал Глен.

— Нет, Глен, не знаете.

— Вы наверняка думаете, что я негодяй.

— Из всех слов я скорее всего выбрала бы «подлый» и «сволочь».

— Мы совсем не собирались этого делать...

— Зачем же сделали? — спросила Джози. — Никто вас не заставлял.

— Я люблю ее.

— Мне кажется, что больше всех вы любите самого себя, иначе бы никогда не смогли так поступить. Если бы вы и в самом деле ее любили, то держались бы подальше. Это же ее свадьба! А вы главный шафер ее мужа! Как вы могли так поступить?

— Думаю, что оправдываться бессмысленно.

— Оправдываться надо не передо мной, оправдываться вам придется перед Джеком.

— Говорить так некорректно...

— Разве? А корректно убежать с его женой, а корректно просить меня сделать за вас всю черную работу, вы, захребетник...

— Джози, — резко прервала ее Марта, — мне надо как-то снять это платье.

Джози подошла к сестре и потянула за молнию.

— У нас нет времени на это, — быстро проговорил Глен, — нам надо скорее отсюда уезжать.

— Я не могу уехать в этом, — запротестовала Марта.

— Придется.

— Мне надо хотя бы это снять, — дернула она себя за фату.

Джози попыталась помочь ей, путаясь в километрах тончайшего кружева.

— Господи, да на тебе, наверно, не меньше трехсот заколок и шпилек. Она приделана накрепко, даже не шевелится. — Джози попыталась поставить себя на место Беатрис, если бы та узнала, что свадебная прическа, которую она создала, оказалась более долговечной, чем сам брак.

— Оставь это, Марта. Завтра мы купим тебе все, что нужно. Джек ведь может зайти сюда в любую минуту.

— Я не хочу его видеть, — чуть не плача, проговорила Марта.

— Не могу снять, — сказала Джози, — Беатрис, наверное, ее шурупами прикрутила.

Поэтому-то у тебя с головкой что-то и не в порядке.

— Что же мне делать?

— Он прав, Марта, — Джози оставила все попытки расшатать свадебный головной убор и бессильно опустила руки. — Если уж ты решила, то уезжай. Уноси отсюда ноги, и поскорее. Разлила молоко и убегай, а чистоту пусть наводят другие [\[15\]](#).

— Мне брать костюм, в котором я должна была уехать?

— Нет, — вздохнула Джози, — оставь его. Чем меньше у тебя будет вещей, напоминающих о сегодняшнем, тем лучше.

Глен обнял Марту и помог ей подняться. Сейчас она уже не скрывала слез.

— Джози, ты ведь скажешь Джеку, ладно?

— Хорошо.

— Скажи, что я не хотела делать ему больно.

— Тебе не кажется, что это немного странно, Марта? Что ты так поступаешь с человеком, не желая делать ему больно?

— Ты ведь все равно меня любишь, Джо-Джо?

— В настоящий момент, Марта, я не могу сказать даже, что испытываю к тебе хотя бы слабую симпатию.

По лицу Марты покатались слезы.

— Ты же сказала, что мне надо слушаться своего сердца. Что бы ты ни думала, но сказала ты именно это.

— Тебе не надо было меня слушать. Я всегда копаюсь в своих собственных проблемах.

А теперь я советую поскорее уносить ноги, пока тебя не хватились.

— Спасибо, Джози, — сказала Марта и обняла ее. И, вопреки своей решимости быть строгой с Мартой, Джози тоже расплакалась.

— Будь счастлива, сестричка.

— Буду.

Они плакали, прижавшись друг к другу, а Глен беспокойно ерзал на месте у них за спиной.

— Поехали, — поторопил он.

Марта неохотно отстранилась от своей двоюродной сестры.

— Позвони мне и дай знать, где ты, — сказала Джози.

Марта кивнула, вытирая слезы кружевным рукавом своего свадебного платья, добавляя к прочим неопрятным пятнам еще и размазанную тушь.

Они открыли дверь и выглянули в коридор, чтобы убедиться, что путь свободен, — прямо как в каком-нибудь низкопробном фильме.

— До свидания, Джози.

— Позвони мне.

— Ты это уже говорила.

— Я не знаю, что еще сказать.

— Ничего не надо говорить.

Джози пожала плечами:

— Тогда до свидания.

— До свидания, Джо. — Марта снова поцеловала ее и скользнула в дверь, крепко

вцепившись в руку Глена. Этот мелодраматизм был излишен, поскольку коридор был совершенно пуст, и Джози вдруг почувствовала, что вымотана так, как никто и никогда не выматывался.

— Марта, — крикнула она им вслед, — ты говорила, что хочешь, чтобы все запомнили твою свадьбу.

Марта оглянулась и грустно посмотрела на нее сквозь слезы.

— Они не смогут ее забыть, даже если захотят, — добавила Джози себе под нос.

Джози вытерла слезы тыльной стороной голой руки и подавленно побрела вниз по мягко-бархатистому ворсу ковра, видя, как впереди Марта и Глен крадучись спускаются по лестнице и скрываются в ночи. Их шаги стали быстрее, и они принялись глупо хихикать, как бывает с молодоженами, которые вот-вот отправятся в свадебное путешествие.

— Господи, — сказала Джози, растирая лицо руками во влажных перчатках.

Спустившись по лестнице, она наткнулась на официанта, несшего поднос с бокалами, до краев наполненных шампанским. Джози схватила один и тут же осушила.

— Я еще не настолько пьяна, чтобы говорить обо всем этом, — пробормотала она. Схватив и второй бокал, с той же поспешностью последовавший за первым, и сдержав отрывку, она неохотно проследовала в бальный зал.

Она остановилась в дверях и оглядела присутствующих. Веселье было в полном разгаре: свадьба удалась на славу. И эмоции, вызванные неожиданным поворотом событий, навалились на нее всей своей огромной тяжестью, сравнимой разве что с весом полузащитника-регбиста Джона Лому. Играла какая-то рок-группа: четверо разбитных юнцов, вихлявших бедрами и выдававших нечто с претензией на нежность, что-то напоминающее рэп-обработку старой песни «Битлз», под которую вся Сицилия, собравшаяся на этой свадьбе, дергалась что было сил, даже знаменитый Чабби Чеккер остался бы доволен. «Все тебя ревнуют ко мне, потому что я завоевал твою любовь...»

Это же «Крутоголовые»! Теперь Джози вспомнила, где она слышала это название, но сердце ее не успело екнуть при этой мысли, потому что к ней подошел Джек и приветствовал ее легким поцелуем в щеку. На лице его сияла широчайшая улыбка — шире просто не бывает.

— Ты нашла Марту? — спросил он, потянув Джози за руку в зал.

Никогда бы она не поверила, что можно услышать такой вопрос в реальной жизни, в сериале о жизни богачей — да, но не в жизни.

— Джек, — понизила она голос, — нам надо поговорить.

— У меня для нее сюрприз.

Она положила свою ладонь на его руку:

— Боюсь, и у нее для тебя тоже.

— Это фейерверк. — Его улыбка все же стала еще шире. — Она же их любит. Я все устроил так, чтобы она не знала. Она даже не догадывается. Они вот-вот начнут.

— Знаю, — мягко сказала Джози, — но то, что я скажу, ждать не может.

Брови у него озабоченно поднялись:

— С Мартой все в порядке?

— Это зависит от того, что ты подразумеваешь под порядком. — Джози взяла его за руку. Гости выходили из зала, в ожидании начала фейерверка заполняя террасу.

— Бог с ними, нам надо поговорить без свидетелей.

— Случилось что-то плохое? Да, Джози?

— Да.

Сияние ушло с его лица, а вместе с ним ушла и вся решимость Джози.

— Пошли, — сказала она и, лавируя между столами, повела Джека наружу, в лодочный домик, стараясь не думать о том, как посмеялась над ней судьба, когда она была там в первый раз. Холодало, а в этот раз ее уже не будет защищать тепло смокинга Глена. Раньше она ни за что не поверила бы, что такое возможно. Нет, это просто плохой сон, очень плохой, один из тех, от которых в три часа ночи просыпаешься в холодном поту, и ей хотелось думать, что она все еще в постели и скоро проснется и что ей не придется проходить через все это. Наверное, через минуту зазвонит будильник и она вернется к великим трудам на ниве информационных технологий в старой доброй развалюхе, кэмденском колледже. Она просто не представляет, как это все сказать. Глен Доннели. Подонок! Просто малодушный, изворотливый, хитрозадый мешок с дерьмом! Они с Мэтом Джарвисом — наиболее вероятные кандидаты на звание «Негодяй года».

Она отважилась искоса бросить взгляд на Джека. Уголки рта у него опустились, опустились и усы, а выражение лица говорило о сильнейшем беспокойстве — и для этого были основания. Выходя из гостиницы, она прихватила с собой полупустую бутылку шипучего шампанского, выловив ее из густой толпы бутылок на столе, и два бокала, более или менее чистых.

— Я же не пью, — напомнил он ей.

— Сегодня ты выпьешь, — пообещала она. — Уж ты мне поверь. Выпьешь.

У Дворца свадеб «Яблоневого сада», проскрежетав колесами и выпустив легкий запах горелой резины, затормозило желтое такси — Дэмиен в конце концов сумел довести до сознания водителя, что означает глагол «спешить». Он подумал, смог ли бы Рет Батлер из «Унесенных ветром» проявить такие же способности к убеждению водителей, если бы в те времена ему пришлось ловить такси?

Дэмиен расплатился с водителем, намеренно не дав ему на чай. С какой стати давать на чай шоферам, попадающим в аварии, разглядывал, как кто-то там «занимается этим». Как бы то ни было, он наконец здесь, в самый последний из всех моментов, а это единственное, что сейчас имело значение.

Дэмиен вышел из такси, отметив про себя, что снегопад прекратился. Небо было чистым, а морозный воздух хрустким, покалывающим ледяными иголочками. Он потер руки, чтобы не дать им замерзнуть, что, однако, было также и признаком волнения. Он с трудом сдерживался (что бы ни включало в себя понятие сдержанности). Интересно, другие сдержанные мужчины перелетели бы через океан, несмотря на всю суматоху, с этим связанную, потратили ли бы такие деньги, и все для того, чтобы продемонстрировать свою любовь? Он очень в этом сомневался.

Дэмиен взял из машины чемодан и захлопнул за собой дверь.

— Эй, друг, — прокричал ему какой-то мужчина, — попридержи это такси для нас.

Дэмиен склонился к окошку водителя.

— Подожди, приятель, — сказал он, — тут для тебя есть еще работенка.

Потом он поднял голову. И увидел Марту. Она была явно сильно пьяна и помята, гораздо сильнее, чем обычно бывает невеста.

— Марта!

Тут и Марта заметила Дэмиена. Глаза у нее округлились, и она уставилась на него. Но эти глаза были красными и замутненными, готовыми вот-вот закатиться в обмороке. Эта девица, вероятно, вылакала бочку шампанского, подумал он. Но, впрочем, эта ее склонность была известна всем и каждому. В этом Марта не уступала самым крепким мужикам — просто львица среди толпы травоядных гостей.

Но глаза быстро вернулись в нормальное состояние и сфокусировались на нем.

— Дэмиен!

— Выглядишь просто сказочно! — сказал он.

— Что ты здесь делаешь?

— Я не мог не принести свои поздравления моей самой любимой свояченице! — Он поставил чемодан на мостовую и обнял Марту. — Поздравляю! — Он крепко поцеловал ее в губы. — Поздравляю!

Следует отметить, что реакция Марты была далека от энтузиазма. Слава богу, что он проделал весь этот путь не для того только, чтобы поздравить ее! А иначе это было бы просто ведром холодной воды на его голову!

— А мы вот уезжаем, — сказала она.

— Только не говори мне, что я, проделав весь этот путь, так и не погуляю на твоей свадьбе!

— Да нет, это мы... мы просто... — И Марта погрузилась в молчание.

— А где же восторженная толпа провожающих?

Марта с беспокойством оглянулась по сторонам.

— Нет никого, — сказала она.

— А, хотите сбежать потихоньку? Понятно. Не хотите всех этих подпихиваний и подмигиваний.

— Да. Да, конечно.

— И каковы же ваши планы? — подмигнул Дэмиен.

Казалось, Марта оцепенела:

— Не знаю.

— Большой секрет? Надеюсь, что вы проведете свой медовый месяц на каком-нибудь экзотическом острове в Карибском море.

— Ах вот ты о чем...

Мужчина, попросивший Дэмиена задержать такси, подошел к ним; он явно сильно волновался.

— Марта, нам лучше уехать.

— А это, должно быть, твой муж? — спросил Дэмиен, схватив мужчину за руку и сильно тряс ее. Рука эта безвольно повисла в руке Дэмиена, а человек попытался выдавить из себя улыбку. Черт, эта свадьба, должно быть, сбоила и барахлила, если даже жених и невеста такие жалкие. — Поздравляю, старик! — Дэмиен ободряюще похлопал его по плечу и почувствовал, что хлопает по пустой оболочке. — Тебе очень повезло!

— Я знаю.

Марта смотрела в землю.

— Чем же ты ее взял, а? Я ее знаю, уж она-то ни за что бы не пошла под венец без борьбы.

— Марта, — торопил невесту мужчина, показывая глазами на такси.

Марта стояла, наматывая фату на палец.

— Долго рассказывать, Дэмиен, а у меня, правда, совсем нет времени, чтобы посвящать тебя во все волнующие подробности этого события.

— О, — сказал Дэмиен, почувствовав, что его ставят на место.

— Нам надо ехать.

— Желаю вам замечательно провести медовый месяц, — произнес Дэмиен. — И не делайте ничего, чего не сделал бы я.

Молодожены взглянули друг на друга.

— Еще увидимся, приятель, — сказал ему этот здоровяк, запихивая Марту в такси.

Дэмиен постучал по крыше машины:

— Никогда вам горя не знать!

Марта выглянула из окна.

— А Джози еще там, — сказала она ему. — Вам с ней надо поговорить.

Именно ради этого он и проделал весь этот славный путь.

— Сожалею насчет развода и все такое, — добавила Марта, а такси, наклонившись на сторону, отъехало и исчезло в темноте, оставив Дэмиена одиноко стоять на тротуаре. Как ни старался, он все же не мог отделаться от ощущения, что Марта испортила его эффектное появление на этой свадьбе.

— Осторожнее, Марта, — сказал он и для пущей уверенности похлопал себя по карману пиджака. — Осторожнее!

Разрывы фейерверка вспыхивали в ночном небе, сопровождаемые восторженными криками гостей. Играли свадебный марш. И казалось, что прошла целая вечность с того момента, как под эту же музыку Джек и Марта шли вдвоем к алтарю и, полные надежд, обещали друг другу новую, счастливую жизнь. И новая жизнь началась уже вечером. Марта если уж обещает что-то, то никогда не обманывает.

Укрытые в лодочном домике, Джек и Джози смотрели, как в тихой, спокойной воде озера отражаются взрывы ракет фейерверка. Вот по всей поверхности воды рассыпался искрами дождь розовых, зеленых и желтых огоньков и померк в чернильной темноте. Мимо проплыли утки, на них это великолепие впечатления не производило.

— Я люблю ее, Джози. — Джек закрыл лицо руками.

Джози закуталась в одеяло, перепачканное паутиной, которое она нашла заткнутым за край скамейки, и старалась не думать, где могут быть хозяева этой паутины и насколько они крупные. Она налила Джеку бокал шампанского.

— Вот, выпей.

— Нет. — Он отвел ее руку с бокалом и, взяв у нее вместо него бутылку, опрокинул половину содержимого себе в горло, вытерев мокрый рот тыльной стороной руки.

— Вкусно, — сказал он и посмотрел на этикетку.

— Ты в порядке? — спросила Джози.

— Нет.

— Не могу поверить, что она так поступила с тобой.

Джек засмеялся, но его смех был горьким и опустошенным и отдавался эхом от деревянных стен лодочного домика.

— Она такая красивая, такая необычная, такая любящая. — Он повернулся к Джози. — Я с трудом поверил, когда она согласилась выйти за меня замуж.

— Ну... — протянула Джози.

— Тебе тоже не верилось, что это правда?

— Мне... Как тебе сказать...

— Ты хорошая актриса. — Он опять рассмеялся, и на этот раз смех его был мягче.

Пш-ш-ш. Бам. О-о-о-о! Они смотрели, как на воду безмятежно падают тихие снежинки.

— Марта никак не могла прийти в себя после смерти Джинни. Для всех нас это было ударом. Я не знаю, чего она хочет. Она не знает, чего хочет. — Джози покачала головой. — Моя мать сказала бы, что она хочет получить в ухо.

— Я бы так о ней заботился, Джози! Я был бы ей хорошим мужем. Я обожаю ее.

— Тогда ей же хуже. Я совсем не уверена, что Тлен ее тоже обожает.

— Я и не подозревал, что он и она все это время...

— Да нет. До сегодняшнего дня ничего не было. — Сумели они выбрать день!

— Не знаю, лучше мне от этого или хуже. — Он еще раз приложился к бутылке, но закашлялся.

— Ах, Джек. — Джози положила голову ему на плечо. — Мне очень жаль, что все так вышло.

Джек одной рукой обнял ее за плечи:

— Не переживай так. Ты же все равно ничего не могла сделать.

— Мне, наверное, надо было постараться убедить ее прислушаться к тому, что я ей говорила. Я ведь пыталась отговорить ее. Правда.

— Она очень упрямая. Еще одна «крутоголовая», — ответил он. Джози слегка вздрогнула при незваном воспоминании о группе, ради которой Мэт прилетел сюда. — Если уж она вобьет себе что-то в голову, то уж не отступит. И это как раз привлекало меня в ней.

— Она моя двоюродная сестра, и я люблю ее, но сейчас я ее убила бы!

— Ненаправленный гнев очень вреден, — заметил Джек.

— Он не ненаправленный, — не согласилась Джози. — Я прекрасно знаю, на кого направить его.

— Самое главное сейчас — решить, как мне все это распутать. — Джек опять поднял бутылку ко рту, но она оказалась пустой. — Что я скажу всем этим людям? Это так их обидит. Как быть с отцом Марты? Он знает?

— Да, ужасное положение! — сказала Джози. — Бедный дядя Джо. Я совсем забыла про него.

— Ему тоже надо сказать.

— Представляю, какой это будет фейерверк! Надо придумать, как это сделать получше, Джек. Как только ты скажешь ему об этом, он угодит в больницу, и ему останется только уйти на покой.

— А что делать с подарками?

— Их можно отослать обратно, — ответила она. — Несколько банных полотенец — это не повод для беспокойства.

Джек закусил губу.

— Как погано, Джози! Я сейчас заплачу.

Джози притянула его голову к себе на грудь и, крепко удерживая его, стала покачивать, баюкая, пока он всхлипывал.

Пш-ш-ш. Бам. О-о-о-о! Вспышки золотого мерцания по краям красных перьев. Красиво.

— Не надо так, Джек, не переживай, — сказала она. — Я что-нибудь придумаю.

По небу пророкотали заключительные залпы, и воздух наполнился шипением и треском петард и запахом бездымного пороха. Послышались крики и восхищенные аплодисменты. Ну

хотя бы фейерверк закончился. Это экстравагантное, красивое и бессмысленное представление, закончившееся, едва успев начаться.

Джози откинула голову назад, опершись ею о стену, и задумчиво крутила в руке бокал. Так, она сказала Джеку, что что-нибудь придумает. Интересно, что же она сможет придумать в этой ситуации?

Когда Дэмиен с небрежным видом вошел в зал приемов, там никого не было; все были на улице, откуда раздавались аплодисменты, судя по всему, в благодарность за эффектный фейерверк, расцветивший ночное небо над Лонг-Айлендом. Чрезвычайно впечатляющее зрелище. Но не идет ни в какое сравнение с искорками от той вещицы, которая покоится в кармане его пиджака.

У одного из официантов, без дела слонявшихся по залу в ожидании возобновления празднества, он взял бокал шампанского и побрел к двери. Сбоку на сцене сидели четыре парня в бейсболках, музыканты из выступавшей группы, временно без дела, украдкой курившие косячки. Зал напоминал нечто среднее между декорациями «Марии Селесты» и пейзажем после сражения с бросанием едой в колледже Оксфорда или Кембриджа. Видно было, что люди погуляли на славу.

Дэмиен уселся на край буфетного стола и потянулся взять маленький бутерброд-канапе из стопки на серебряном подносе, которые стояли по его углам. Он внимательно осмотрел миниатюрное произведение кулинарного искусства, пытаясь определить, с чем оно. Да, это не было похоже на то явление Дэмиена на свадьбу, которое он рисовал в своем воображении. Он-то представлял себе, как войдет в зал, когда свадьба будет в полном разгаре, как его расцелуют, как ему будут рады невеста и жених, которые примут его как дорогого родственника, потерянного и вновь обретенного, как благодарная Джози, вся в слезах, кинется в его объятия и как затем он, стоя на коленях, объявит потрясенной и зачарованной толпе о том, что их брак возобновлен. Вот как он видел свое появление на этом торжестве. Тут Дэмиен выплюнул в салфетку икру, которую он все же нечаянно съел — если и было что-то из съестного, чего он терпеть не мог, так это рыбы яйца, — и несчастными глазами посмотрел на выбившихся из сил полупьяных гостей. Взяв другое канапе, которое, как он надеялся, будет лучше предыдущего, целиком запихнул его себе в рот, размышляя над тем, каковы могут быть последствия потребления подряд двух хлебобулочных изделий с разной начинкой.

Гости, закончив хлопать, стали не спеша возвращаться в зал, оживленно разговаривая. Все, надо брать быка за рога! Дэмиен отпил еще шампанского. Ему лучше пойти и посмотреть, где же здесь та женщина, которую он намеревался оставить подле себя в качестве миссис Флинн.

Холли хандрила. Но все же не так, как чуть раньше, и ее хандра несколько сникла, уступая место подобию улыбки. А ее бедро как-то само собой оказалось на сиденье рядом с ним, и это движение знаток языка жестов назвал бы безусловно поощряющим.

Мэт наклонился к ней и улыбнулся.

— Делай что хочешь, — сказал он, — только не улыбайся мне.

Губы у нее начали подрагивать, она крепко их сжала.

Мэт улыбнулся шире.

— Не улыбайся, — предупредил он ее.

Уголки рта у нее поднялись, и показались зубы.

— Не улыбайся!

Холли рассмеялась и забарабанила кулаками по его руке:

— Мэт Джарвис, у меня с души от тебя воротит!

— Никто прежде мне такого не говорил.

— Да неужели! — Холли откинулась на спинку сиденья. — Не представляю, как тебе удастся уговаривать меня делать, что тебе нужно.

Он и сам этого не понимал. Пять минут назад она стояла и топала ногой, говоря «нет». И вот они уже едут в новом такси по направлению в Лонг-Айленд. Они уже на расстоянии броска камнем до Дворца свадеб «Яблоневый сад», и Мэт ерзал от нетерпения. Не камнем даже, а маленькой галькой. И весь путь до Лонг-Айленда они проехали без единого препятствия; ничего не произошло — ни автомобильной аварии, ни падения метеорита, их даже никто не похитил, и вот они уже подъезжают к месту назначения.

У Мэта в горле пересохло, но он был спокоен. Инстинктивно он знал, что это именно та свадьба именно той Марты и что на ней не будет ни тех подружек невесты в платьях лимонного или зеленого цвета. Это будет та Марта, подружки которой будут одеты в сиреневый шифон, и среди них окажется Джози Флинн. Сердцем он это чувствовал, чувствовал всеми своими телесными соками, своим костным мозгом.

— Мне уже не хочется на эту свадьбу, — пожаловалась ему Холли.

— Пошли, пошли, — поторопил Мэт. — Нам там будет хорошо. Обещаю.

Ему было совсем не по себе, когда он говорил это Холли. Он ведь притащил ее сюда, гоняясь за другой женщиной. Он пытался сам себя убедить, что сделал это для ее же блага, что без него она просто пропустила бы свадьбу подруги, но куски этой умственной мозаики не складывались в целостную картину.

И что он будет делать, когда они придут туда? Он что, выбросит Холли в мусорный бак, бросившись за обманчивым призраком Джози? Или поставит ее перед собой, как щит, если Джози вдруг набросится на него с кулаками? Оставит ее с этой далеко не прекрасной четверкой придурков, а сам будет ночь напролет танцевать с нафантазированной им женщиной? Так ведут себя эти плейбои Уоррен Битти или Мэт ле Бланк или даже Джонни Дэпп, — те, кого журналы вроде «Хэлло!» выставляют искателями приключений и плохими парнями, заставляя и вас думать так же. Он же приключений никогда не искал. У него, наоборот, ботинки всегда были надеты не на ту ногу: это его всегда бросали женщины, которых он боготворил. Так было всегда, с тех самых пор, когда в четвертом классе Джулия Малвилл разбила ему сердце, уйдя к Кейту Керкби только потому, что у того было больше пластинок компании «Джэм». Да, это Джулия Малвилл подала пример всем остальным, и в дальнейшем это ему разбивали сердце, а он — никогда.

Такси проплыло через ворота с причудливой решеткой из кованого железа и проследовало по широкому подъезду к гостинице, проходившему сквозь шпалеры заиндевевших от холода дубов, возвышавшихся над ним. Небо озарялось радужными фонтанами фейерверка. Это возбудило в нем журналистский инстинкт: ведь только взглянув на место, он уже знал, что гостиница окажется шикарнейшей и элегантною, и пожалел, что на нем его любимое старое пальто и экзотически разрисованный галстук, а не что-то более цивильное.

Несмотря на свой потрепанный ненастьем вид, Холли выглядела превосходно. Она взяла его под руку.

— Пообещай, что мы не останемся здесь надолго, Мэт, — попросила она. На ее лице, смотревшем на него снизу вверх, было мягкое и нежное выражение, может быть, чуть чувственное. — Сегодня мне бы хотелось заняться еще кое-чем.

— Конечно, — пообещал Мэт. И именно тогда, когда все стало складываться так удачно, ему вдруг подумалось, а что будет, если все вдруг пойдет вкривь и вкось.

— Как ты чувствуешь себя, дорогая? — стиснул Глен руку Марты.

— Немного странно. — На самом деле она чувствовала себя опустошенной, выжатой, как лимон, попавшей в ловушку и в то же время получившей свободу, несчастной, но испытывающей экстаз, а еще ее немного мутило от дорожной тряски.

Такси везло их в гостиницу, и она вспомнила о номере для молодоженов в «Уолдорф Астория», пустом, напрасно ждущем ее и Джека. Постель там так и останется аккуратно заправленной, несмятой, никто не воспользуется ванной с пузырьками, никто не откроет бутылку с шампанским (последнее, возможно, не так уж и плохо, поскольку сегодня она выпила уже достаточно).

Глен ослабил галстук и подавил зевету.

— Ну и денек выдался, да, Марта? — сказал он. — Никогда бы не подумал, что он так закончится.

— И я бы не подумала. — Марта не отрывала взгляда от окна, за которым неслась куда-то темнота ночи.

— Можно было бы поехать ко мне. — Глен придвинулся к ней, и она оказалась вплотную зажатой между ним и дверью автомобиля. — Мне кажется, тебе бы там понравилось.

— Глен, я сделала все это с бухты-барухты, мне надо привыкнуть, — сказала она ему. — Лучше будет, если мы остановимся на нейтральной территории. Мне нужно перестроиться.

— Понимаю, дорогая. Конечно, это очень серьезный шаг с твоей стороны.

Марта невесело улыбнулась:

— Такой же серьезный, как замужество.

— Ты уверена, что поступила правильно?

Марта кивнула и удержала слезы:

— Уверена, что и Джек с этим согласится. Со временем.

— Нам потребуется квартира больше, чем моя, — сказал Глен, откинувшись на спинку сиденья. — Надо будет присмотреть что-то другое. Может быть, в том же доме. Там такой фантастический вид прямо на парк. Очень не хочется оттуда уезжать.

— Может быть, нам поискать дом где-то в пригороде? — предложила Марта. — Нью-Йорк — это не то место, где можно растить детей.

— Конечно, — согласился Глен. Марте послышались нотки сомнения в его голосе.

Машина остановилась у будки оплаты проезда, и Глен молча протянул деньги водителю.

— Но мне все-таки надо сохранить квартиру в городе, где можно было бы жить в течение недели, — сказал он, когда они повернули обратно в сторону Манхэттена. — Я же приглашаю клиентов домой. Не могу же я потом ехать на поезде куда-нибудь в Саннивилл.

— Наверное, пока рано говорить о таких вещах. Нам надо заново узнать друг друга.

— Ты совершенно права, — сказал он. — Идите ко мне, миссис Лабати, поцелуйте меня.

— Не называй меня так, Глен. Это нехорошо. Я и так чувствую себя виноватой.

— В той комнате для одевания тебя это не особенно беспокоило. — Глен игриво дернул бровью.

— Там было не настоящее, — сказала она. — Настоящее начинается сейчас.

— А для меня и то было настоящим. — Он притянул ее к себе, обхватив руками. — Все будет хорошо, — пообещал он, целуя ее в макушку, туда, где все еще крепко держалась ее фата. У Марты от нее уже начинала болеть голова, и казалось, чтобы ее снять, придется обратиться за помощью к хирургу. — Мы не пожалеем об этом.

Она-то знала, что пожалеет. Она знала, как все будет. По ночам она будет беспокойно переворачиваться с боку на бок и просыпаться от мысли о том, как же она могла так поступить с добрым и любящим человеком, виноватым только в том, что полюбил ее.

А что бы Джинни сказала обо всем этом? — подумала она. Да то же, что и Джози: брось это, не принимай решения, когда голова кружится от шампанского, а чувства беспорядочно толкутся внутри, как маленькие серебристые шарики в автоматическом бильярде. Будь там Джинни, возможность сбежать ей, скорее всего, не представилась бы вообще. А вероятнее всего, мать не дала бы довести дело до свадьбы.

А что скажет отец? Как ни печально, но его она в расчет вообще не приняла. Даже не подумала, чтобы сказать ему обо всем. Может быть, потому, что знала: он тоже не позволит ей сбежать. Теперь, когда уже не было матери, которая вставала бы между ними и приостанавливала бы их схватки, ее отношения с отцом ухудшились, а для сицилийцев нет ничего более святого, чем долг по отношению к семье. И он бы уж сделал все от него зависящее, чтобы она осталась там и выполнила свой долг до конца. Как-то так случилось, что верность традициям перескочила через поколение. Она знала, что все это будет огромным разочарованием для него, что он будет унижен перед всеми своими друзьями и именно в тот день, когда должно было произойти одно из самых значительных событий в жизни его дочери.

Надо сказать ему обо всем как можно скорее. Она позвонит ему из гостиницы, скажет, что с ней все в порядке, конечно, предварительно удостоверившись, что он не сможет ее выследить. Иначе он просто приедет с дядей Нунцио и с кем-то из ее дюжих двоюродных братьев и силой отвезет обратно. Нет, здраво поразмыслив, она пришла к выводу, что, улизнув и ничего никому не сказав, поступила как нельзя лучше.

Она уютно устроилась в объятиях Глена; здесь ей было тепло, особенно по сравнению с ее платьем, не по погоде легким, совершенно не защищавшим от холода. Сколько же денег потрачено зря. Сколько людей больше никогда не будут с ней разговаривать. Такие ошибки не делают принародно, люди нелегко их прощают. А уж она сама себе тем более.

Гостиница была шикарной и щегольски-чванливой, обитель поп- и кинозвезд, королей, королев, глав государств, богатых туристов, победителей лотерей и, как оказалось, молодоженов. Она как-то была здесь раньше, на презентации выставки одного радикального африканского художника, проводившейся какой-то галереей, — сейчас она уже не помнила ни названия галереи, ни имени художника. Ее мозг сейчас не может работать на всю свою мощность.

Марта чувствовала себя неловко в своем изодранном свадебном платье и переминалась с ноги на ногу, пока Глен заказывал им номер.

— Позвольте поздравить вас, мэм, — сказал регистратор, пока Глен заполнял бланки. — Мы соответственно случаю приготовим для вас номер и доставим подарки от администрации.

— Мы не... — начала было Марта.

— Мы уедем в свадебное путешествие завтра утром, — прервал ее Глен, сияя широкой улыбкой.

— Да, — сказала Марта и решительно дернула себя за фату, — завтра.

— У вас есть багаж?

— Э... нет. — Настал черед Глена смутиться.

— Если вам что-то понадобится, сэр, обслуживающий номера персонал будет рад вам помочь.

— Спасибо.

На лице регистратора, когда он выдавал Глену электронную карточку-ключ от двери, была все та же неколебимая улыбка.

— Надеюсь, вам понравится у нас, несмотря на ваше короткое пребывание здесь.

И Марта подумала, что же он на самом деле подумал о том, почему они не заказали номер заранее, почему внешний вид невесты далек от нетронутой чистоты, почему ее лицо все в потеках от слез и почему у них с собой нет даже зубной щетки. Он уже тактично отвернулся к компьютеру и стал вводить в него их данные.

— Почему ты притворился, что мы молодожены? — спросила она Глена, пока он вел ее к лифту.

— В основном потому, дорогая, что на тебе подвенечное платье. — Он напряженно улыбнулся лифтеру. — Я сделал что-то не то?

— Да нет, — ответила она. — Нет, наверное. Мне просто немного не по себе.

— Для меня все это тоже очень необычно, Марта, — заметил он ей. — Нам обоим придется принаравливаться к ситуации.

— Знаю, — ответила она, — прости.

Глен обнял ее, и они вошли в лифт; двери за ними закрылись.

— Нам всю жизнь придется на это положить, милая.

Лифт дернулся и пошел вверх, а в животе Марты екнуло и стало тянуть. Всю жизнь. Как часто слышит она эти слова в последнее время.

Джози держала в ладонях лицо Джека и смотрела на него. Он уже не плакал, но был бледен и обессилен, он был мужчиной, которого жена бросила в самый день свадьбы.

— Тебе лучше?

Джек кивнул.

— Мне, наверное, надо еще посидеть здесь.

— Ну-ка, выше нос! — сказала Джози и поцеловала его. — Я побуду здесь с тобой, сколько будет необходимо. Если, конечно, хочешь.

Джек слабо улыбнулся:

— Было бы неплохо.

— О, какая трогательная картина! — послышался чей-то голос, говоривший из-за двери лодочного домика. — Как вы уютно здесь устроились!

Джози всмотрелась в темноту и увидела силуэт в дверях. Человек стоял, опершись спиной о косяк, с таким знакомым ей заносчивым видом. Не может быть. Подвинувшись, он оказался в небольшом пятне света от одной из ламп, освещавших озеро.

— Дэмиен!

— Ах, так ты еще помнишь меня! — сказал он.

— Господи, что ты здесь делаешь?

— Стою и чувствую себя хреном собачьим, лишним — на этой свадьбе, в этом доме, в этот момент. — Он ткнул большим пальцем в сторону Джека, который выглядел смущенным. — Я не думал, что увижу его здесь.

— Джека? — Джози и Джек недоуменно уставились друг на друга. — Почему же нет?

— Если бы твоя мать сказала мне, что он будет здесь с тобой, я бы не поехал за тобой сюда.

— При чем здесь мама?

— Она так надеется на то, что мы опять сойдемся.

— Мы с тобой? — Джози рассмеялась. — Да она скорее предпочла бы, чтобы я вышла за какого-нибудь ничем не примечательного зануду вроде деревенского почтальона!

— И что ты нашла в нем? — Лицо Дэмиена, когда он бросил взгляд в сторону Джека, потемнело. — Он же так стар, что годится тебе в... в... старшие братья.

— Что я нашла в нем? — Джек и Джози вновь взглянули друг на друга. Джози наморщила нос. — Дэмиен, ты взял ложный след.

Дэмиен цинично хмыкнул.

— Джози, наверное, будет лучше, если я все улажу, — предложил Джек. Он сделал движение, чтобы встать.

Дэмиен толкнул его в грудь, и Джек с удивленным «ох!» сел обратно на скамью.

— Ты уже уладил все, что можно, приятель. Ты прекрасно знаешь, что она все еще замужняя женщина. Или она не сказала тебе об этом?

— Я прекрасно осведомлен о семейном положении Джози. — Джек рывком встал, и его поза подозрительно напомнила Джози позицию кунг-фу, что-то вроде «через-минуту-ты-у-меня-будешь-валяться-на-полу». — Однако я не уверен, что вы так же представляете, каков мой семейный статус.

— А мне наплевать на твой статус, приятель, — наскокивал на него Дэмиен. — Хотя

нет, не наплевать. Если это имеет отношение к моей жене.

— Это совсем не имеет отношения к вашей жене. — Джек начал забавно помахивать кистями рук, так что казалось, что он старается в буквальном смысле взять себя в руки.

— А я говорю, что имеет. — Дэмиен опять ткнул Джека в грудь.

Джек опять сделал непонятное движение. Что-то похожее на выжимание сока из чего-то, чего не существует в реальности.

— Думаю, нам всем надо успокоиться и перегруппироваться.

— Можешь думать, что тебе заблагорассудится, парень, — сказал Дэмиен, прежде чем отодвинуться назад и нацелиться кулаком Джеку в нос.

Джози стояла пораженная. Она моргнула и пропустила удар. Все было кончено в какую-то секунду. Только что Дэмиен замахнулся, чтобы нанести удар — и вот он уже лежит на деревянном настиле лицом вниз.

— А-а-а, — только и мог он выговорить.

Плечо Дэмиена было припечатано к полу ногой Джека, рука была вывернута за спину, а его пальцы Джек крепко зажал в своем кулаке. Лицо Джека при этом представляло собой образчик безмятежного спокойствия. На его месте Джози, наверное, вышибла бы мозги своему обидчику и была бы страшно рада этому.

Дэмиен пытался сопротивляться, но безуспешно. Джози сложила руки на груди и стояла над его бешено извивающимся телом.

— Наверное, надо наконец представить вас друг другу. Джек, это Дэмиен, мой бывший муж.

— Рад с вами познакомиться, Дэмиен, — наклонил голову Джек, но это прошло мимо Дэмиена, елозившего лицом по полу.

— Дэмиен, это Джек. Он мастер боевых искусств. — Это добавление было излишним. — Муж Марты.

Мэт медленно вошел в вестибюль Дворца свадеб, стараясь остаться насколько возможно спокойным и небрежным, что было особенно трудно, поскольку у него в голове звучал шум, похожий на концовку песни «Я морж», когда музыка превращается в какофонию из скрипов, писков и бульканья. Из всего того замечательного, что написали Леннон и Маккартни, эта композиция, по мнению Мэта, была наименее удачной, она ему не нравилась. И меньше всего ему нравилось то, что сейчас она билась в его мозгу, его сердце, его животе.

Рядом с ним шла Холли, босая. Она сняла свои туфли со сломанным каблуком и сначала несла в руке, а потом отделалась от них, положив в огромную емкость с цветами, попавшуюся им на пути. Он снял свое промокшее от снега пальто, взял пальто у выскользнувшей из него Холли и передал их гардеробщице. Он напряженно улыбнулся Холли, и она ответила ему легким смешком прощения; они оба испытали облегчение от того, что наконец попали сюда.

Сердце колотилось у него под рубашкой — сильные, тяжелые удары, которые человек более зрелого возраста принял бы, вероятно, за признаки надвигающегося приступа коронароторомбоза. Вот он наступил, момент истины. Ему даже не верилось, что после всех этих преследований, погонь, невзгод, тягот и фальстартов, он наконец достиг желанной цели. Он нервно провел рукой по рту, и его пальцы ощутили пробивающуюся щетину. Она затеняла его щеки, как вечерние сумерки. Черт, ему надо было сначала побриться. Как-то так случилось, что в суматохе этих хлопот он совсем забыл, что выглядит как последний бродяга. Обратит ли на это внимание Джози? Конечно, обратит. У женщин тоже есть глаза.

Ему только и остается, что ослепить ее своим искрометным остроумием и находчивостью. Это привело его к раздумьям о двойственности своего положения. Что же, в самом деле, он ей скажет? Как сможет донести до нее, что чувствует, и так, чтобы это не было глупо или надрывно-мелодраматично? Как объяснит ей все так, чтобы не произвести впечатления одного из тех, за кем ухаживают социальные работники, чтобы она поверила, что с того самого момента, как увидел ее, он стремится к ней всеми силами, объятый тоской и желанием. Да, все непросто.

Холли взяла его под руку. Без огромных каблуков она казалась крохотной, и он из-за того, что так некрасиво использовал ее, почувствовал себя большим серым волком. Но как раз в этот момент мимо прошла подружка невесты. Не та подружка невесты, но все же. Подружка невесты в сиреновом. Платье было с открытой спиной, без рукавов, парящим и летящим отсутствием платья, именно таким, каким его описывала Джози. Мэт закрыл глаза, подавив дикое желание закричать от радости.

Когда они вошли в зал, там как раз выступали «Крутоголовые», и Холли приветливо махнула им рукой.

Мэт удивленно заметил:

— Они же играют «Возьму тебя в свою жизнь»!

— Да, — вздохнула Холли. — Но они не знают, что это написали «Битлз». Они думают, что это вещь «Оазиса». Не говори им ничего, пожалуйста!

— Надо же, а неплохо у них получается. — Мэт был приятно поражен, заметив, что притоптывает ногой в такт музыке.

— Хочешь потанцевать? — спросила Холли.

— Нам, наверное, сначала надо найти Марту?

— Может быть, — согласилась Холли. — Но это не так уж трудно. Наверное, здесь не так много женщин в длинных белых платьях. Хочешь походить поискать?

— Я предоставлю это тебе, — сказал Мэт. — Мне лучше зайти в комнатку для мальчиков. Знаешь, после всех этих волнений...

— Ладно, — ответила она. — Ты скоро вернешься?

— Конечно. Много времени это не займет, — кивнул Мэт.

И Холли исчезла в толчее танца, помахав на прощание ручкой и покрутив при ходьбе попкой.

Мэт потерял руки, как это обычно делают злодеи, вынашивающие подлые планы. Теперь он приступит к поиску Джози.

Сделав три круга по залу, он впал в угнетенное состояние духа. Он обыскал каждый закоулок, каждый закуток, но неуловимая Джози ускользала от него, и даже тени ее нигде не было заметно. Мэт почесал затылок, как это обычно делают злодеи, когда их дьявольские планы проваливаются. Она же должна быть где-то здесь. Это было то место, то время и та Марта. Теперь требовался Тот, кто устроит так, что появится Та Джози.

Марта сидела на краю кровати, окруженная четырьмя сотнями двадцатью шестью шпильками и заколками, которыми Беатрис намертво прикрепила к ее голове фату, наконец-то удаленную, похоже, вместе со скальпом. Марта испытала громадное облегчение, и кровь толчками устремилась к корням волос, возмещая пережитый ими недостаток питания; Марта даже застонала от наслаждения.

Глен повернулся к ней и улыбнулся. Его смокинг висел, переброшенный через спинку стула, в компании галстука-бабочки. Ворот рубашки он расстегнул, манжеты завернул до локтей. Волосы у него уже не казались только что уложенными с помощью геля.

— Я уж думала, что никогда не смогу снять эту чертову штуковину, — сказала Марта. — Я боялась, что всю жизнь проведу в ней, буду ходить по магазинам со свадебной фатой на голове.

— Тогда на тебя оглядывалось бы гораздо больше мужчин, чем обычно, — сказал он.

— Вполне возможно, — ответила она. Употребив одно из выражений Джози, она почувствовала внезапный прилив тоски по сестре. Марта жалела, что ее нет рядом, что Джози не может ей помочь. Было трудно вытаскивать самой все эти заколки, к тому же теперь она не знала, что ей делать дальше. Джози бы сказала ей, как поступить. Но когда Джози говорила ей, как поступить, разве она послушалась? Марта боролась с сомнениями. Может быть, все-таки стоило послушаться.

— Заказать шампанское? — спросил Глен.

— Шампанское?

— Чтобы отметить.

— Отметить? — Что здесь было отмечать? То, что она сбежала со свадьбы и в тот же день бросилась в объятия другого мужчины? Нет, это не те события, за которые можно выпить шампанского.

— Я думал, тебе захочется как-то отметить это событие.

— Я сегодня выпила уже много шампанского, — сказала Марта со вздохом. Что бы на ее месте сделала Джози? Без сомнения, выпила бы чашку чая. — Мне будет плохо, если я выпью еще. — Марта попыталась стянуть платье, тело под которым уже начинало чесаться. — Мне надо вылезти из этого.

— Тебе помочь? — спросил он, и его улыбка приобрела хитроватый оттенок, который больше подходил для дневного сериала для домохозяек. Он подошел и сел рядом с ней. Отведя волосы с ее лица, он стал покрывать его легкими поцелуями по линии волос. Рот у него был холодным и мокрым, хотя раньше его губы были теплыми и волнующе влажными. Он слегка провел пальцами по ее шее, дразня, запустил их под вырез свадебного платья, и это заставило ее вздрогнуть.

Нет, она не хочет, чтобы он помог ей снять платье. Нет, она не хочет шампанского. И не знает, что, собственно, она хочет!

Наползла усталость, обволокла ее своими волнами, у нее заломило суставы, а руки и ноги едва слушались, как будто она долго выполняла какую-то тяжелую физическую работу.

— Знаешь, Глен, мне надо немного побыть одной, — сказала она, растирая себе плечи. — Мне надо многое обдумать. Может быть, я приму ванну.

Глен прижал ее к себе:

— Хочешь, залезем в ванну вместе?

— Наверное, сейчас будет лучше, если я приму ванну одна. — Она немного отстранилась от него. — Глен, для меня все это так странно.

— И для меня, дорогая. Именно поэтому я и стараюсь изо всех сил, чтобы тебе было хорошо. — Глен поцеловал ее в нос. — А у меня ничего не получается.

Марта поцеловала его в ответ, но неловкость между ними только росла.

— Прости меня.

— Да что ты, не за что. По-моему, нам обоим как-то не по себе. Прошло столько времени. — Он обнял ее за талию. — Все будет хорошо, Марта, я все для этого сделаю, обещаю. Просто подожди немного и увидишь.

Марта почувствовала, как немного отпустило напряжение, которое было у нее в шее.

— Почему бы тебе не позвонить в сервисную службу? Закажи что-нибудь, пока я отмокаю.

Глен поднялся и погладил живот.

— Я уже не в состоянии ничего съесть. Слишком много съел на твоей шикарной свадьбе. Твоему отцу придет чек на чудовищную сумму.

— Страшно неприятно, но этот чек — единственное, что у него останется от этой свадьбы.

Глен упал на колени перед ней и пристально посмотрел ей в глаза.

— Ты все сделала правильно, — сказал он. — Может быть, сейчас тебе так не кажется, но ты не смогла бы жить со всем этим. А люди скоро привыкнут.

Она подумала о том, насколько быстро к этому привыкнет Джек. И ее отец. И что если бы мать была жива, то она, скорее, убила бы ее, чем стала бы к этому привыкать.

— Мне надо позвонить папе, — сказала Марта. — Надо сообщить ему, что со мной все в порядке, что меня не увезли куда-то насильно. Он смотрит по телевизору слишком много ночных программ и, может быть, решил, что ты какой-то злоумышленник.

— Смотри, как бы он не прислал за тобой своих сицилийцев, — предупредил ее Глен.

— Да они, скорее всего, все слишком пьяные, чтобы садиться за руль, — рассмеялась Марта. — Но на всякий случай я включу блокировку номера.

— А я вот что сделаю, — сказал Глен. — Я спущусь в бар в вестибюль пропустить стаканчик на ночь и оставлю тебя на некоторое время. Как тебе это предложение?

— Просто замечательно.

Глен встал и потянулся. Он выглядел усталым, на щеках проступила зеленоватая бледность, а тени вокруг глаз стали глубже. Для него этот день, должно быть, тоже был тяжелым.

— Мне не хочется оставлять тебя одну, — сказал он. — Ты уверена, что ты в порядке?

— В порядке.

Он постарался поймать ее взгляд.

— Правда, — сказала она.

Глен взял со стула свой смокинг и набросил его на одно плечо.

— Я ненадолго.

— Тебе совсем не нужно торопиться, — сказала Марта.

Он поцеловал ее горячим поцелуем и подмигнул.

— Я уже скучаю по тебе, — сказал он и вышел из двери спальни.

Горячая вода тугой струей хлестала из крана, наполняя ванную комнату клубящимся паром. Марта осторожно вылила в воду крышечку пены, бесплатно предоставляемой гостиницей своим постояльцам, и вдохнула ее сладкий искусственный запах, распространившийся вокруг. Помедлила немного и вылила в ванну всю бутылку, — если уж принимать ванну с пенными пузырьками, так уж пусть это будет настоящая пена. Может быть, она втайне надеялась, что эти слегка массирующие тело пузырьки сотрут с нее все ее теперешние заботы? Возможно.

Повернувшись к запотевшему зеркалу, она протерла его ладонью, чтобы было все хорошо видно, и пристально посмотрела в него на свое лицо, обрамленное капельками конденсата. Глаза были усталыми, вокруг них залегли темные тени, и черные круги обвели их без помощи туши. Помада размазалась, а румяна стерлись. Как ужасно она выглядит, какое впечатление произвела бы она такая на Джека?

Марта подняла руки и попыталась снять платье. Опять ей нужна помощь Джози. Сзади была, наверное, тысяча маленьких, отливавших перламутром пуговичек, не выпускавших ее из этой ловушки; каждая была любовно пришита вручную, каждая плотно сидела в не растянутых еще петлях. У нее возникло искушение порвать их, но она понимала, что на это у нее не хватит сил, и ей пришлось смириться со своим поражением.

Она сидела на краю ванны, подставив под рвущуюся из крана горячую воду ладонь, что немного ее успокоило. Глен, вероятно, скоро придет, было видно, как ему не терпится оказаться с ней в постели. А с чего бы ему не хотеть этого? И ей следовало бы к этому стремиться всей душой и телом. Но единственное, чего ей на самом деле хотелось, это упасть на кровать и заснуть, заснуть глубоким, долгим сном, который сотрет из ее памяти все события этого дня.

Пора позвонить отцу. Марта поплелась обратно в комнату, нервно покусывая свои ногти с великолепным маникюром. Сев за стол перед телефоном, она подняла трубку и набрала номер выхода на внешнюю линию. Что же она скажет? Она положила трубку на место и опять покусала ногти. На какой номер звонить: на домашний или на сотовый? По какому телефону он будет меньше на нее кричать? Слава богу, что обошлось без инфаркта; или, может быть, не обошлось и она просто не знает об этом?

Марта глубоко вздохнула и поднесла трубку к уху. Еще один глубокий вздох, и трубка вновь на своем месте. Кошмар какой-то. Хватит вздыхать, а то можно получить гипервентиляцию легких. И как только она могла оставить Джека одного расхлебывать всю эту кашу? Милый, добрый Джек. Джози права во всем. Он не сделал ничего, что могло бы оправдать ее поступок. Он этого не заслужил. Она надеялась, что ее двоюродная сестра позаботилась о нем и что они вдвоем не сделали куклу Марты из марципана, который выковыряли из свадебного торта, и не втыкают в нее булавки.

Снаружи завывали сирены, и их жалобно-заунывный плач отдавался в пустоте внутри нее. Сколько же ей еще вот так страдать? Как она могла надеяться, что будет просто вот так взять и убежать с Гленом? Конечно, она не предполагала, что будет так переживать, оставив Джека, даже не попрощавшись с ним. Она взглянула на постель. На постель, которую они с Гленом вскоре разделят. Совсем не так представляла она себе свою первую брачную ночь. И в роскошно обставленной, мягко-вкрадчивой комнате раздался громкий смех Марты. Они пообещали друг другу, Марта и Джек, что в эту ночь дадут начало новой жизни, их будущему ребенку. С этого ребенка, зачатого в ночь их свадьбы, начнется их семейное счастье, им будет скреплен их союз. Захочет ли этого Глен? Сейчас он был ей чужим. Чужим, с которым

у нее была близость. Интересно, будет ли ребенок включен в список его первоочередных нужд?

Марта отказалась от мысли позвонить отцу и подошла к окну. Раздвинув шторы, она разрушила уютный покой этой комнаты, впустив в нее потоки ночной черноты, открыв ее для ноктюрна Пятой авеню. Она прижалась лицом к холодному стеклу, наслаждаясь его прохладой, смягчавшей жар ее горящих щек. Снег прекратился, исчезла его упрямая белизна, от нее не осталось ничего, кроме блестящих луж на проезжей части — временного зеркала, в котором отражались уличные фонари и красные фары машин. Две струйки, неспешно извиваясь, проползли по обратной стороне стекла, два маленьких, упорных ручейка, как одинокие слезы по лицу окна, и Марта пальцем повторила их причудливый маршрут и вдруг обнаружила, что и она тоже плачет.

Она поступила неправильно. Теперь она это знала. И почему она не послушала Джози? Как она могла давать все эти обещания, произносить клятвы, а потом свернуть с прямого пути на кривой боковой, поддавшись первому же искушению? Что вдруг сделало Глена таким привлекательным в ее глазах, что она наплевала на всех, прежде всего на Джека? И ради чего?

Сколько пройдет времени, прежде чем бремя вины раздавит, разрушит ее новую связь? Сколько времени пройдет, прежде чем все эти «а что было бы, если бы» в ее голове превратятся в несмолкаемый шум? Как долго им придется собирать по кускам свои жизни, чтобы наконец начать жить так, как будто ничего не произошло?

Марта посмотрела на телефон. Есть только один способ, с помощью которого можно все исправить. Это ей и нужно сделать. Она провела пальцами по оконной раме, и на нее накатили уныние и тоска. Она приняла решение. Так будет лучше для всех.

Бар первого класса для постояльцев гостиницы был напыщенно роскошным, звуки в нем были тихими, приглушенными. Глен явно без всякого энтузиазма поднес к губам третий стакан бренди. Немногочисленные посетители тихо переговаривались друг с другом, а две девицы в коротких юбках, говорившие громко, по-видимому, испытывали профессиональный интерес к группе японских бизнесменов, смеявшихся над их рискованной шуткой. В дальнем углу пианист в белом смокинге брэнчал на рояле что-то мягко-джазовое, но в этом зале с высоким потолком, с красными бархатными диванами и стульями с жесткими золочеными спинками ему никак не удавалось создать интимную атмосферу, к чему он, вероятно, стремился. Глену это напомнило его собственные неудачные попытки в отношениях с Мартой.

В последней надежде он повернулся к бармену, который притворялся, что занят, полируя стаканы, он старался избегать прямых взглядов, не желая идти на контакт. Глен подумал, не вернуться ли ему к Марте. Ему не хотелось приходить ни слишком рано, ни слишком поздно. Их отношения, как и атмосфера в этом баре, были сейчас натянутыми и неестественными, а он хотел сделать все, что сможет, чтобы улучшить их.

— Сообщение на пейджере для мистера Глена Доннелли. — Коридорный в ярко-красной форме с золотыми эполетами медленно шел через зал с плотно сжатым ртом, полностью сосредоточившись на своей миссии. — Сообщение на пейджере для мистера Глена Доннелли.

— Эй, — Глен поднял стакан в направлении коридорного. Молодой человек подошел к нему.

— Вы мистер Доннелли?

— Именно.

— У меня для вас сообщение, сэр.

— Черт возьми!

Коридорный понизил голос:

— Возникла непредвиденная ситуация, имеющая отношение к вашему номеру, сэр.

У Глена бренди примерзло к языку.

— Что за ситуация?

Бармен впервые за вечер взглянул на него с интересом, и полотенце застыло на самой середине процесса полирования.

— Я точно не знаю, сэр. Дежурный администратор идет в вашу комнату с электронным ключом, но нам бы хотелось, чтобы вы там тоже, присутствовали. Не смогли бы вы пройти со мной?

Глен проглотил остатки напитка, даже не почувствовав вкуса, и соскочил с табурета, последовав за коридорным, который ускорил шаги. К лифту они подошли уже почти бегом и молча встали у кнопки; оба неловко переминались с ноги на ногу, ожидая, пока придет лифт, который, скрежеща и клацая, прокладывал путь к их этажу.

Пока они неслись по коридору, дежурный администратор уже неловко крутил карточку-ключ, стараясь открыть замок. Спеша открыть дверь, он неправильно вставлял карточку, спутав все операции, и на замке мигали одновременно и зеленый, и красный огоньки. Он остановился и посмотрел на Глена, дав возможность успокоиться и замку, и его пришедшему хозяину.

— Что случилось?

— Из комнаты под вами нам сообщили, что у них по потолку течет вода.

Глен едва сдержал вздох облегчения.

— Вода?

— Возможно, это вода из ванны в вашем номере, сэр.

— И это все? — сказал Глен. — И вы притащили меня сюда из-за того, что у вас ванна течет?

Коридорный и дежурный администратор обменялись встревоженными взглядами.

— Где ваша жена, сэр?

— Моя жена? — нахмурился Глен. — А, понятно. Вероятно, моя... э... жена принимает ванну. Там, наверное, вентиль течет.

— Мы пытались дозвониться до нее, сэр, но никто не отвечал.

Кровь в жилах Глена превратилась в лед.

— Дайте мне это. — Он выхватил карточку из рук администратора, который с облегчением отдал ее, освободившись от ответственности за выполнение этой трудной задачи.

Они ворвались в комнату, хлопнув открывшейся дверью по стене так, что ее ручка содрала кусок обоев. В комнате не было признаков жизни.

— Марта! — заорал Глен, идя к ванной комнате. Он настежь распахнул ее дверь и тут же исчез в клубках пара с запахом ванили. — Марта!

Гора пены для ванны переползла через край ванны и с жизнерадостным шипением продолжила свой путь по кафельному полу. Под ней плескался поток воды не меньше двух сантиметров глубиной. Глен прошлепал по воде и закрыл краны.

Где бы Марта ни была, в ванне ее не было.

Он повернулся к дежурному администратору, все еще нахмуренному, хотя на его лице и появилась краска.

— Простите, — сказал Глен, — не знаю, как это случилось.

— Я пришлю кого-нибудь убраться у вас, сэр, — вежливо сказал администратор.

— Спасибо. — Глен пошел обратно в спальню, запустив пальцы в свою шевелюру и дергая себя за волосы. — Я заплачу за нанесенный ущерб, — сказал он отсутствующим тоном, направляясь к окну.

— Я сделаю у себя пометку, сэр, — сказал администратор. — Надеюсь, что это небольшое неприятное происшествие не испортит вам настроение в ночь вашей свадьбы. Может быть, вы хотите перейти в другой номер?

Глен стоял у окна. Шторы были раздвинуты, стекла затуманены паром. Он стоял, неподвижно замерев.

— Не думаю, чтобы в этом была необходимость, спасибо, — наконец ответил он. — Будет лучше, если вы подготовите для меня счет. Я скоро уеду.

— Хорошо, сэр, — сказал дежурный администратор и без дальнейших вопросов удалился из комнаты, уводя с собой и озадаченного коридорного.

Глен опять повернулся к окну и уставился на него невидящим взглядом. На стекле Марта написала: «Я думала, что люблю тебя, но я не могу так. Прости».

У Глена вдруг перехватило горло, и он прокашлялся, прочистив его. Он задвинул шторы, отгородившись от ночного города и от прощальной надписи, оставленной Мартой. Затем он сел на кровать, закрыл лицо руками и заплакал, потому что сам позволил Марте ускользнуть от него.

— Откуда я мог знать, что это муж Марты? — возмущался Дэмиен.

— Тебе надо научиться пользоваться сначала мозгами, а уж потом мышцами. Прежде чем лезть на человека с кулаками, надо поговорить с ним, — наставляла его Джози. — Бывает, что помогает.

— Это несправедливо. Что я должен был думать? Я видел, как она уехала в такси с тем заросшим волосами шкафом.

— С Гленом, — пояснила Джози, — с его шафером.

— Надо же... — сказал Дэмиен.

— Вряд ли надо.

— Что?

Джози покачала головой:

— Не имеет значения.

Они прогуливались по берегу озера, оставив Джека в лодочном домике размышлять над тем, что ему сказать оставшимся гостям, когда он сможет собраться с силами и вернется к ним. На Джози все еще было пропаутиненное одеяло, которое она накинула как шаль, защищавшее ее от усиливавшегося холода ночи. Несколько уток храбрыми поплавками покачивались в черневшем мраке на поверхности озера, но и они, казалось, замерзли до полусмерти.

— Интересно, можно ли их внести в Книгу рекордов Гиннеса как пару, пробывшую в браке самое короткое время?

— Думаю, что сейчас это меньше всего их беспокоит.

Они шли бок о бок, почти прижавшись друг к другу. Обнаженной рукой она чувствовала, как трется о кожу ткань костюма Дэмиена, и ей хотелось думать, что мурашки на ее коже вызваны не этими прикосновениями. Прошло столько времени с тех пор, как они были одни, вот так, как сейчас, и при других обстоятельствах это могло бы быть даже романтично. Взошла луна, ее лик был свеж и светился надеждой. Она искоса взглянула на мужа. Он был очень красив — жесткой красотой, и при взгляде на него не возникало и тени сомнения в том, что этот человек уверен в себе и верит в себя. Вот поэтому женщины и сходили по нему с ума. Джози смотрела на него с грустной улыбкой. Если бы в нем было хоть немного мягкости, немного терпимости. Если бы он мог прослезиться над фильмом «Звуки музыки», или его трогал бы Винни-Пух, или он не считал бы песню «Леди в красном» «дымящейся кучей дерьма» (кавычки закрываются). Джози опомнилась и вернулась к реальности.

— Ты так и не сказал, что здесь делаешь, — спросила она; ее туфли шуршали по гравию дорожки.

— По-моему, это и так ясно.

— Никогда не думала, что ты так привязан к Марте, — заметила Джози, — во всяком случае, ты об этом никогда не говорил.

— Черта с два, я привязан к Марте, — резко прервал ее Дэмиен. — К этой чертовой безмозглой сумасбродке!

— Неправда! — оборвала его в свою очередь Джози. Но события этого дня и правда не выдерживали никакой критики. — Она просто запуталась, — задумчиво добавила она.

— Запутывает следы, как ошалелый мартовский заяц, — поставил точку Дэмиен. —

Кроме того, я ведь сказал, зачем приехал сюда.

Джози удивленно посмотрела на него.

— Как сказали бы в какой-нибудь мелодраме, наш РАЗВОД вот-вот вступит в силу. —

Дэмиен тяжело вздохнул и развел руками. — А я этого не хочу.

Джози расхохоталась:

— Ты можешь говорить серьезно, Дэмиен?

— Что здесь смешного? — У Дэмиена был смертельно обиженный вид. — Я говорю совершенно серьезно.

Какое-то время Джози еще продолжала смеяться:

— В самом деле, серьезно?

— Конечно, серьезно, черт возьми!

— И ты перелетел через океан, чтобы сказать мне об этом?

— Конечно, черт побери!

Джози замолчала и повернула к нему лицо:

— Но почему?

Дэмиен выглядел озадаченным.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно это. Почему?

Дэмиен все топтался на месте.

— Что почему?

— Почему?

Вот заело!

— Что почему?

— Хорошо, зачем?

— Зачем ты все усложняешь?

— Ничего я не усложняю. Просто хочу знать, почему ты это сделал.

— Я ради тебя оставил Мелани, — ответил он.

— Что ты сделал?

— Ушел от нее, — Дэмиен понуро опустил голову, — вчера ночью.

— Просто так ушел, и все?

— А что мне оставалось? Я тебя люблю, — гнул свое Дэмиен.

— И как же эта штучка среагировала на твой поспешный уход?

— Мелани... эта штучка отнюдь не тихоня, — сказал Дэмиен, — она бросалась тарелками.

Джози фыркнула:

— Тогда тебе еще повезло, что тебя не оскопили, как того Джона Боббита [\[16\]](#), и ты, можно сказать, вышел сухим из воды.

— Да, ты права.

Они повернули обратно и еще прошлись вдоль берега. Медленные звуки скрипок плыли к ним из бального зала, и было ясно, что Джек туда еще не приходил и не просил гостей забрать свои подарки и уехать.

— Все идет не совсем так, как я планировал, — поджал губы Дэмиен. Джози показалось, что он хотел взять ее за руку, но передумал. — Я хотел приехать на свадьбу Марты, схватить тебя в объятия и попросить вновь выйти за меня замуж.

Джози резко остановилась и открыла от изумления рот.

— Я даже купил кольцо, — с надеждой произнес Дэмиен.

— Итак, ты собирался приехать сюда, топнуть ногой в ботинке одиннадцатого размера, ожидая, что все бросятся выполнять твои желания, и сделать из глубоко личного целое представление для достопочтенной публики?

— Э... да.

— И испортить Марте свадьбу?

— Подожди, подожди... — не согласился Дэмиен, — знаешь, она и сама прекрасно с этим справилась.

— Ты просто бесчувственный болван, Дэмиен Флинн.

Дэмиен нахмурился:

— Я что, делаю что-то плохое?

— Вот именно. Конечно. Ты уже достаточно манипулировал мной. Теперь я живу своей собственной жизнью, и для тебя в ней место не предусмотрено.

— По-моему, Джози, здесь ты несколько поторопилась.

— Поторопился-то как раз ты. Помнишь?

Из верхнего кармана пиджака Дэмиен достал красную бархатную коробочку.

— Это очень дорогое кольцо, — сказал он, поднимая крышечку.

У Джози перехватило дыхание. Дэмиен позволил своим губам медленно растянуться в широкой улыбке.

— Господи, Дэмиен, какая красота!

— Я знал, что тебе понравится.

— Я не знаю женщины, которой бы оно не понравилось.

Дэмиен с недовольством осмотрел гравий дорожки, но все же встал на одно колено.

— Я люблю тебя, Джози. — Он вынул кольцо из коробочки и протянул его ей. Джози взяла кольцо и стала его разглядывать.

— Никогда не видела ничего подобного. — В бриллианте мерцала луна, освещая его изнутри мириадами огоньков самых разных оттенков. Они искрились и плясали, они жили своей собственной жизнью.

— Пусть это будет нашей помолвкой, Джози, — сказал Дэмиен. — Давай отменим решение о разводе и начнем все сначала.

— Мы не сможем.

— Сможем.

— Нет, Дэмиен, не сможем.

— Мы сможем. Все, что сейчас надо сделать, это просто приостановить прохождение бумаг по инстанциям.

Джози посмотрела на кольцо и вздохнула:

— Все не так просто.

Дэмиен поерзал на своем колене:

— Почему?

Руки Джози безвольно упали и болтались вдоль тела, закрывшего кольцо от лунного света.

— Потому что я больше тебя не люблю.

Дэмиен с трудом поднялся на ноги и, захлопнув крышку пустой коробочки, засунул ее обратно в карман.

— Не верю! — Он ходил по дорожке взад и вперед, впечатывая шаги в гравий, и в состоянии крайнего раздражения дергал себя за волосы. — Скажи, это из-за него?

— Из-за кого?

Дэмиен указал куда-то в пространство:

— Ну, из-за того.

— Кого того?

— Того кого, — передразнил ее Дэмиен. — Из-за того твоего нового мужчины. Того, с кем ты так приятно проводишь время в ресторанах. Видимо, он для тебя важен. Это, должно быть, серьезно, раз ты не сказала о нем матери, а ты говоришь своей чертовой матери абсолютно обо всем!

Джози опять рассмеялась.

— Вот оно в чем дело, Дэмиен! — сказала она. — Не в том, что ты хочешь, чтобы я вернулась к тебе, а в том, что ты не хочешь, чтобы я была счастлива с кем-то еще. Ты просто хочешь доказать, что ты лучше его.

— Он покупает тебе бриллианты?

— Нет, не покупает. — Она помедлила, но, собравшись с духом, ринулась вперед: — Это не те отношения. — Она подняла руку с кольцом. — По сути, это кольцо — просто пустой и бессмысленный жест. Мне же нужны твои раскаяние, поддержка и опора, уверенность в будущем, любовь. Вот что мне нужно, Дэмиен, а не блестящий камень размером с футбольный мяч.

Лицо Дэмиена стало черным, как ночное небо над его головой.

— Это кольцо обошлось мне в двадцать тысяч наличными, да будет тебе известно. За такие деньги я мог бы купить целую ферму в Оркни.

— Лучше бы ты купил ферму, Дэмиен, — сказала Джози. — И переехал бы туда. Хотя овцам пришлось бы все время быть настороже.

— Как его зовут?

— Его? — Джози подтянула спадавшее с плеч одеяло. — Э... Мэт.

— А дальше?

— Мэт Джарвис.

— Ты его любишь?

— Да, — уверенно ответила она. А потом тихо добавила: — Да, люблю.

— Кто он? Какой-нибудь пыхтящий трубкой учитель химии, с которым ты познакомилась в своей учительской? Который голосует за либералов и носит свитер с капюшоном?

— Рада, что ты такого высокого мнения о моем вкусе, Дэмиен. В конце концов, благодаря ему я когда-то выбрала тебя.

Дэмиен злорадно посмотрел на нее:

— А, вот я и попал в точку!

Джози уперла руки в боки:

— Он рок-... рок-музыкант! — сказала она.

— Рок-музыкант! И что же вы делаете с этим рок-музыкантом?

— Приятно проводим время, — ответила она.

Дэмиен показал на кольцо:

— Вот знак моей преданности тебе, но когда ты так говоришь, это все равно как если бы ты бросила его мне в лицо. Как оно могло не растрогать тебя? Что тебе еще нужно? Новая

машина? Новая посудомоечная машина? Хочешь, будем ходить по шикарным ресторанам или поедем в дорогой тур! Будем делать все, что доставит тебе удовольствие.

— Ты так ничего и не понял, Дэмиен. Это все не то, чего я жду от отношений с мужчиной. Ты не сможешь купить меня за все свои деньги.

— Ты очень неблагодарная женщина, Джози Флинн!

— А ты безнадежно запутавшийся, самовлюбленный бывший муж, — ответила она. — И это кольцо в лицо тебе я не брошу... — Джози подняла руку с кольцом. — Я брошу его в озеро!

Кольцо со всплеском упало в воду, удивив селезня, по злополучному стечению обстоятельств проплывавшего мимо. Издав жизнерадостный крик, селезень мокнул клюв в воду и проглотил кольцо.

Джози и Дэмиен наблюдали за всем этим с широко открытыми ртами. И планета успела сделать несколько оборотов, прежде чем Джози опять заговорила.

— Я ухожу, — сказала она. — Хватит с меня мужчин. Особенно тебя, Дэмиен Флинн. И этой чертовой свадьбы хватит! — Она повернулась на каблуках и решительно зашагала, скрывшись в ночи.

Дэмиен смотрел на круги, расходящиеся по воде пруда, ошеломленно окаменев, не в состоянии двинуться, остановить Джози, уходившую из его жизни, и в то же время неотрывно глядя на селезня, проглотившего его кольцо с бриллиантом. Даже в состоянии сильного потрясения он понимал, что надо что-то делать — войти в воду и вброд пойти за уткой, бросить камень или хотя бы крепко ее выругать, — но онемевшие конечности вдруг перестали его слушаться. Полузадушенный бриллиантом селезень издал горлом непонятный звук, затрепыхал крыльями, а потом безмятежно поплыл от Дэмиена. Не будь Дэмиен разумно мыслящим человеком, он бы мог поклясться, что зловредный селезень при этом улыбался.

И как она могла выйти замуж за этого... этого... хитрозадого подонка! В Джози медленно закипала ярость. Сейчас она стояла в вестибюле у окошка регистрации и ждала, когда приедет желтое нью-йоркское такси, постукивая ногой по полу, заламывая руки и производя все прочие манипуляции, свидетельствующие о еде сдерживаемом бешенстве: еще немного, и она начнет рвать на себе волосы и кричать срывающимся голосом. Щеки у нее горели, и впервые за сегодняшний день ей было жарко, но она все же продолжала растирать себе плечи и руки.

Как только Дэмиен мог подумать, что, увидев эту... побрякушку, которой он размахивал у нее перед носом, она придет в дикий восторг и бросится ему в объятия? Это так типично для него, ни о чем не задумывающегося глубоко и не желающего понимать истинное положение вещей. В Лондоне, после того как они расстались, ей пришлось туго, она тогда еле сводила концы с концами. Как же он смеет сейчас хвалиться перед ней своим богатством! Даже Кота Ранее Известного Как Принц пришлось перевести на убогие ломти мясного «Вискаса», лишив его всяких дорогих излишеств в маленьких баночках, разных там деликатесных креветок и хвостов омаров в икорном соусе, пескарей и солнышков в желе с ароматом трюфелей, маленьких кусочков кальмаров в муссе из крабов. Теперь они перепали ему разве что по большим праздникам. И он все еще переживает эту обиду. А Дэмиен вытаскивает подарок, по стоимости равный ее годовой зарплате! Может быть, появившись он на собрании жилтоварищества и заплати за нее полугодовой взнос по ипотеке, это впечатлило бы ее гораздо сильнее. Хотя, вынуждена была она признать, если верить предрассудкам, такой поступок никто не расценил бы как проявление романтических чувств.

Хотя, если говорить о Дэмиене, то такого просто не могло быть. Это кольцо он, наверное, обнаружил в елочной хлопушке как подарок от фирмы-изготовителя, или получил, собрав нужное количество оберток от жевательной резинки, или еще что-то в том же роде, и эта красивая дешевка просто смотрелась как кольцо с бриллиантом. Он ни за что не расстанется с такой суммой наличных денег, если только и в самом деле не окажется в отчаянном положении. А в отчаянном положении Дэмиен еще никогда не оказывался. Люб ее перечеркнула морщина. Может, и не стоило бросать это кольцо уткам на съедение.

Джози взглянула через открытые двери в зал, где, несмотря на уже ставшее заметным отсутствие невесты, свадебное веселье все еще было в полном разгаре. Там были пары, которые выглядели счастливыми. Ну, по крайней мере, они не выглядели несчастными. А это все, что ей нужно. Неужели это так много? Наверное, ей надо дать в местной газете объявление в колонку «одиноких сердец»: «Приятного мужчину ищет разочарованная разведенная женщина. Курильщик, жадных, неудачников, страдающих ожирением, сильно пьющих, лысых, лиц с нестандартной ориентацией, агентов по продаже недвижимости, шоферов-дальнобойщиков, футбольных фанатов, читателей «Спортивного обозрения» и склонных к противоправным действиям душевнобольных просят не беспокоиться». Заметим, что такое описание сильно сужает круг претендентов. Кто же остается? Что же случилось с мужчинами в наши дни? Почему она не может найти никого, кто смог хотя бы частично осилить энциклопедический словарь, дойдя до глав «Половое сношение» и «Похоть» и не споткнувшись на главах «Преданность» и «Привязанность»?

К дверям подъехало такси, и она выбежала ему навстречу в холодную, морозную февральскую ночь. Запрыгивая в машину, она подумала, не выскочит ли из кустов Дэмиен. Меньше всего она хотела сейчас еще раз столкнуться с ним; сегодня было уже столько сюрпризов, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Все, что она хочет, это добраться до своей гостиницы, скинуть эти прекрасные сиреневые туфли, уже сделавшие ее почти калеккой, залезть в ванну, всю исходящую горячим паром, и потом выпить чего-нибудь крепкого из мини-бара в ее номере.

Мэт и Холли танцевали под еще одну песню «Битлз» в аранжировке «Крутоголовых»: «Я счастлив просто танцевать с тобой». Танцплощадка была вся забита людьми, и Мэта со всех сторон теснили и толкали острыми локтями. И как только удавалось танцующим спокойно скользить по залу во времена, когда в моде были вальс, квикстеп и фокстрот? Наверное, в те дни залы для танцев были гораздо больше. А здесь едва хватало места для того, чтобы просто стоять, выпрямившись, и при этом не наступать на носки своих собственных туфель, не говоря уже о туфлях партнерши. Холли, казалось, совершенно не замечала, что он испытывает определенное неудобство.

— Ты уже видела Марту? — наверное, уже в сороковой раз небрежно спросил Мэт.

— Нет. — Холли поморщила нос. — Просто не знаю, куда она запропастилась. Один из гостей сказал мне, что она еще не уезжала, поэтому она должна быть где-то здесь.

Они еще немного подергались на месте, но ноги Мэта уже отказывались выполнять то, что он от них хотел, а руки начали передвигаться по своей собственной траектории, отличной от заданной, и совершенно не попадая в ритм.

— У них что, все песни — переделки «Битлз»?

— Все не все, но многие, — призналась Холли. — Во всяком случае, те, что со словами.

— И никто не счел нужным им об этом сказать?

— Ну, это было бы не совсем тактично.

— Не понимаю почему. Тебе надо было меня предупредить об этом до того, как я схватил их за горло вчера вечером. Это избавило бы нас от многих неприятностей.

— Думаю, они не держат на тебя обиду.

— А я на них держу!

— Мэт... — Она взглянула на него с жалостью.

— Должен тебе заметить, что шрамы от обид бывают глубже, чем царапины на коже.

— Тебе еще что-то не нравится? Ты такой колючий, вряд ли это из-за нескольких песен «Битлз».

Мэт резко остановился.

— Холли, мне совершенно не хочется танцевать. — Ноги у него как налитые свинцом, и переставлять их не было никакой возможности. Вот что сотворила с ним та «Хава Нагила». Выжала все соки. — Ты не будешь возражать, если я отлучусь на минутку и оставлю тебя здесь?

— Не буду, — ответила она. — Я покручусь здесь с ребятами. Они должны скоро закончить.

— Я ненадолго, — сказал он и, отвернувшись от танцующих, направился к выходу, надеясь обрести покой и Джози. Когда Мэт, не спеша, вошел в спокойную прохладу вестибюля, снаружи перед входом захлопнулась дверь желтого такси, и машина, завизжав, скрылась во тьме. Из-за его спины из зала доносились приглушенные низкочастотные звуки ударных — это «Крутоголовые» безжалостно разделявали очередную композицию «Битлз»

«Ты собираешься прятать любовь». Слава богу, его при этом не было. Но других гостей это, казалось, ничуть не беспокоило. Хотя ведь, напившись, люди готовы танцевать под любую музыку, что доказывает музыка «Бони М».

Теперь, когда он нашел спокойный уголок, оказалось, что ему нечего здесь делать. Мэт пожалел, что не курит или еще что-нибудь в этом роде. Напряжение, скопившееся в нем за это время, вот-вот обернется пляской святого Вита, а ему было нечем занять руки. Наверное, ему надо заняться чем-то объективно оправданным, например, начать ковырять в носу, кусать ногти или считать частички перхоти на плечах. Этот день был одним из тех, которые можно сравнить с Днем сурка из одноименного фильма, когда хочется перевести стрелки часов назад и начать все сначала. И сделать все правильно. Джози должна быть где-то здесь. Не может же она просто исчезнуть на его глазах. Не со свадьбы же своей сестры.

Дэмиен снял свои туфли. Высококласные туфли за двести пятьдесят фунтов, купленные в престижном магазине «Патрик Коке», стоили того, чтобы не шлепать в них по болотной грязи. Он снял и носки и аккуратно засунул их внутрь ботинок. Холодная трава, росшая по краю озера, морозила его босые ноги, и, если вся операция по поимке утки займет более пяти минут, ему, наверное, ампутируют ступни. И так, не более пяти минут. Сейчас он, закатывая штанины, старался не упустить из виду проглотившую бриллиант утку и в то же время не упасть.

— Давай ко мне, ты, чертова уродина, — произнес Дэмиен с усмешкой Джека Николсона. — Плыви сюда к папочке.

«Кря», — ответила утка и не двинулась с места.

Дэмиен подошел к кромке воды.

— Это будет очень неприятно, — процедил он сквозь сжатые зубы. В качестве подсобного средства он взял одеяло, оставленное упорхнувшей во Дворец свадеб Джози. — Иди сюда, маленькая уточка, — нежно ворковал Дэмиен, — так мне будет гораздо проще.

«Кря», — ответила утка и отплыла еще дальше к середине озера.

— Подожди, — закричал Дэмиен. — Я только и хочу, что засунуть пальцы в твою чертову глотку и вынуть свой бриллиант. Я что, слишком много хочу?

«Кря», — сказала утка.

Дэмиен посмотрел на воду, черную, как чернильно-черное красящее вещество осьминога, которым в ультрадорогих стильных ресторанах поливают итальянскую пасту. Было холодно, и, без сомнения, становилось все холоднее и холоднее. Дэмиен сделал микроскопический шаг вперед, и вода лизнула ему пальцы ног. От ее ледяного холода у Дэмиена перехватило дыхание, и он громко глотнул воздух, как бывало в тех исключительных случаях, когда красотка Мелани снисходила до того, чтобы пососать их.

«Кря, кря», — произнесла утка.

— Если ты хоть немного пошевелишься, — пригрозил Дэмиен, — другую руку я засуну тебе в задницу просто так, ради удовольствия!

Утка опустила хвост и зашлепала крыльями по воде. Потом приподнялась, развернулась и заскользила по водной глади, увеличив расстояние еще на несколько футов, затем опять остановилась.

— Не смей! — зашипел на нее Дэмиен. — С меня более чем достаточно и одной неуклюжей птицы!

Дэмиен стоял в воде. Пальцы ног все глубже погружались в топкую жидкую грязь. Ниже

Лодыжек ноги уже ничего не чувствовали.

— Черт-черт-черт-черт, — бормотал он себе под нос, шлепая по грязи дальше в озеро.

Джози благодарно бросилась на постель гостиничного номера, одним движением сбросив обе туфли со своих затекших ног, почувствовавших, как прекрасна внезапно обретенная свобода. Большие пальцы ломило от наслаждения, а теплое стеганое одеяло звало в свои объятия ее застывшее от холода тело. Городские огни, которым аккомпанировал вой полицейских сирен, прорывались сквозь шторы, и ей подумалось: где может быть сейчас Марта? Конечно же, она не сидела, как надлежало, в своем свадебном брючном костюме в «Уолдорф Астория» с мужем Джеком. Это ясно.

Она молила Бога, чтобы у Марты с Гленом все было хорошо, чтобы все сложилось, как надо, но все же где-то на обочине сознания у нее оставались незначительные, просто крохотные поводы для беспокойства. Можно ли в достаточной степени на него положиться, сможет ли он в этот раз позаботиться о ней? Хотелось надеяться. И все же брови у нее озабоченно сошлись на переносице: на ее месте мать сразу же обратила бы внимание на признаки, со всей очевидностью свидетельствовавшие о возможности совершения Гленом гнусного преступления. По мнению Лавинии, ни в коем случае нельзя доверять волосатым мужчинам. Убедившись в том, что ее собственные критерии оценки мужчин не работают, в будущем она, возможно, станет прислушиваться к тому, что говорит мать.

Джози вытянулась на постели и, положив руки под голову, наслаждалась ощущением тепла, распространявшимся по телу, отогревавшему промерзшие кости, и отдалась постепенно наползавшей на нее сонливости. Как было бы хорошо свернуться калачиком в чьих-то объятиях и унести далеко на крыльях сна. Пришедшая на ум мысль о Мэте вызвала у нее раздражение. Где он там, в этом плюющемся, шипящем, грохочущем городе? Может быть, он уже уехал? Или еще сидит в своем номере? Один или с кем-то? Может, подцепил еще какую-нибудь легковушку бабенку и именно сейчас разбивает сердце и ей? Или, наоборот, лежит, одинокий, как она, и тоже смотрит в потолок? Нет, Джози Флинн, таким настроениям не должно быть места в твоей душе! Ему же хуже, что пропустил свидание века. На сегодня с нее достаточно обреченности, тоски, глубокой угнетенности. Пришло время подбодриться, а время надо ценить.

Водка. Ванна. В постель. И с этими жизнеутверждающими мыслями Джози собрала последние атомы своих сил и села на кровати. Все по порядку.

Не вдаваясь в детали процесса расстегивания и развязывания, Джози просто стянула через голову наряд подружки невесты и без всякого сожаления бросила его в корзину для бумаг. Наконец-то она отделалась от всего этого! Никогда — больше никогда в жизни — она не наденет ничего сиреневого, этот цвет приносит ей несчастье.

Надев предоставленный гостиницей халат размера Демиса Руссоса, Джози занялась наиболее неотложным из намеченных дел. Она открыла мини-бар и просмотрела его содержимое, отобрав для немедленного потребления две миниатюрные бутылочки водки и самую тоненькую бутылочку тоника из тех, что там были. Шипение пузырьков, когда она плеснула чуточку тоника в горящий нетерпением стакан, принесло ей успокоение, и она с облегчением вздохнула. А теперь в ванну.

На полке в ванной комнате ее поджидала коллекция очаровательных пузырьков с душистым содержимым. Можно было вообразить, что плывешь в чистой, прозрачной воде, и забыть о последних двух днях как о кошмарном сне. В предвкушении этого удовольствия

Джози погладила пузырьки пальцами. Ландыш, жасмин, нарцисс, гвоздика, роза. Небесно-прекрасные ароматы, которые легко перенесут ее в английский деревенский сад. И все, что для этого надо сделать, это взять один из них и вылить в ванну. Но когда она отвернула краны, чтобы напустить воды, зазвонил телефон. Ой, это, наверное, Марта! С тоской посмотрев на соблазнительные куски мыла в форме раковин, она завернула краны и поспешила обратно в комнату.

— Это твоя мать, — отрекомендовался безошибочно узнаваемый голос на другом конце провода.

Джози опустилась на кровать. Как жаль, что между пунктами «ванна» и «в постель» она забыла вставить еще и «в уши затычки». Зато водка оказалась весьма кстати. Она выпила ее одним глотком.

— Здравствуй, мамочка.

— Ну как?

— Прекрасно, спасибо.

— Я имела в виду свадьбу Марты.

— М-м-м... — протянула она, прикидывая, дотянется ли телефонный провод до минибара.

— Как понимать это «mmm»? — забеспокоилась Лавиния. — Я так и знала, мне надо было тоже быть там.

— Не думаю, что это что-то изменило бы.

— Что «что-то»? И почему ты так рано вернулась в гостиницу?

— Зачем же ты звонишь, если думала, что еще слишком рано?

Последовал пауза: Лавиния обдумывала услышанное.

— На всякий случай, — наконец ответила мать. — Кроме того, твой мобильный телефон не работает на таком расстоянии. Миссис Смит сказала, что он цифровой, а не аналоговый.

— Цифровой, а не аналоговый, — поправила Джози.

— Так почему ты не хочешь говорить о свадьбе? Почему не реवेशь от радости и не говоришь, что она была прекрасной?

— Долго рассказывать, мам. Вот приеду и все расскажу. — Провод оказался сантиметров на тридцать короче, чем нужно. Черт возьми! С матерью придется разговаривать на сухую. Сердце у Джози обреченно упало.

— Она сказала свое «да», так ведь?

— В каком-то роде...

— В каком это «в каком-то»?

— Мне нужно идти, кто-то пришел, надо открыть дверь.

— Не открывай. Что, если это грабитель, который притворяется служащим гостиницы?

— Мне придется рискнуть.

— Подожди! Джозефин! У меня плохие новости...

Нет! На сегодня хватит. Применяем правила Последовательного Завершения Разговора.

— Плохие новости?

— Дэмиен все еще любит тебя!

— Знаю, — улыбнулась Джози себе под нос. — Ужасно, да?

— Я страшно переживаю за тебя. Что ты об этом думаешь?

— Он приехал сюда.

— На свадьбу Марты! Но его же не приглашали!

— Такие соображения Дэмиена обычно не останавливают.

— Какой наглец!

— Именно это я ему и сказала. «Дэмиен, ты наглец!» — Джози прилегла на кровать. Лежать на ней было мягко и тепло, а подушка приняла ее шею в свои убаюкивающие объятия.

— Ладно, я понимаю, что вы, молодые девушки, сейчас используете гораздо более крепкие выражения, но все они в конце концов значат то же самое, — обиженно изложила ей свое мнение мать. — Но, дорогая, голос у него был такой, как будто он и в самом деле очень хочет, чтобы ты вернулась. Я очень надеюсь, что ты сможешь устоять против его обаяния.

— Я всегда могла устоять против обаяния кого угодно.

Джози показалось, что мать фыркнула, но это могла быть помеха от статического электричества. По правде говоря, не так часто ей выпадал случай, когда надо было противиться чьему-то обаянию.

— Обещай мне, дорогая.

— Обещаю, — пообещала Джози. — Дэмиен скорее вые... влюбится в утку, чем опять в меня, и захочет, чтобы я снова вышла за него.

— Ты не представляешь, как ты меня обнадежила.

А ты, мамочка, не знаешь, как все это близко к действительности.

— Пока нас не разъединили, я, пожалуй, расскажу тебе о вросшем ногте миссис Ботомли.

Джози закрыла глаза. Ароматы ландыша, жасмина, нарцисса, гвоздики и розы улетали вдаль, медленно, но верно.

— Этот разговор влетит тебе в копеечку, мам.

— Да это и минуты не займет.

Обычно это занимало не менее шестидесяти минут.

— Я тебе не говорила, что она ходила к доктору Пилкингтону и он ей его вскрыл?

— Нет.

— Он сказал, что ей повезло, она могла его потерять.

— Правда?

— И у миссис Голдинг дела не лучше. Ты помнишь миссис Голдинг?

— Нет.

— Да помнишь. У нее сестра, которая преподает музыку у вас в начальной школе. Нехорошо говорить о людях плохо, но это из-за нее ты лишилась проигрывателя. Мы же тогда три месяца слушали «Зеленые рукава» во время завтрака, обеда и чая, а потом проигрыватель оказался непонятным образом сломанным.

По прошествии нескольких недель безрезультатных поисков Джози обнаружила его в комодe матери, разбитым на три болтающиеся на ниточках части и засунутым в ящик с бельем.

— Ты помнишь ее.

— Да. — Нет!

— У нее рак кишечника. По всем подсчетам, ей осталось недолго, — радостно сообщила ее мать. — Все эти годы нерегулярного стула наконец дали о себе знать. Вот почему я такое внимание уделяю слабительным...

— М-м-м...

— Джозефин, ты меня слушаешь?

— Да, мама. — Джози зевнула, перевернулась и уютно свернулась на боку.

Там, снаружи, в этом вибрирующем, волнующем городе, люди развлекались и веселились. Люди ели обильные обеды в дорогих ресторанах. Пили в компании с кем-то экзотические коктейли в изысканных барах. Влюблялись. Другие люди, счастливики, делили с кем-то свою постель.

И Мэт Джарвис вполне мог быть одним из них.

Только подумать, что вместо этой, давно ожидаемой, поездки в Нью-Йорк она могла провести каникулы в Иль-де-Франс вместе с тридцатью двумя подростками с нестабильным поведением, вызванным гормональной перестройкой, путешествуя в составе школьной образовательной группы в компании нескольких других учителей, бородатых курильщиков трубок! Вот она, женская доля.

Джози поддалась сну, и монолог Лавинии, посвященный недомоганиям ее знакомых, соседей, молочника и разных других людей, в подробности состояния здоровья которых она была посвящена, стал далеким-далеким. Да, для нее, Джози Флинн, это было чудесное завершение чудесного дня.

— Да иди же сюда, свинья ты поганая! — Дэмиен уже стоял по колено в черной мутной воде и грязи.

«Кря-кря», — прокрякала «поганая свинья» и поспешно увильнула еще дальше от Дэмиена, решив, что этот человек, без сомнения, просто идиот.

Дэмиен зловеще поднял руки над головой и застыл в позе Питера Кушинга из старого фильма ужасов, готовый наброситься на бедного селезня.

— Я поймаю тебя, чего бы мне это ни стоило. — Дэмиен весь кипел от ярости.

К происходящему стали проявлять интерес и другие утки, принявшиеся плавать у ног Дэмиена.

— Эй вы, чертовы твари, — предупредил их Дэмиен. — Вы мне не нужны. Мне нужен вот тот Дональд. — Он поплескал водой, чтобы их отогнать. — Нет такой вещи в этом мире, как утиная солидарность. Убирайтесь, и пусть он сам защищается.

Плеск воды заставил и нужного Дональда тоже отплыть подальше.

— Господи, — воздел Дэмиен руки к небу, где сияла ясная, безмятежная луна. — Так я всю ночь провожусь.

Дональд принялся крякать, воинственно, откровенно и провоцирующе.

— Ах, вот ты как! — Дэмиен снял с себя пиджак и ослабил галстук.

Примерившись, он покрутил пиджаком над головой и, изо всех сил размахнувшись, бросил его на маленький декоративный мол. Пиджак опустился в воду, не долетев до цели сантиметров десяти.

— Четр возьми! — сказал Дэмиен, уже в тысячный раз проклиная свою несчастную судьбу, и, содрогнувшись от отвращения, нырнул в воду головой вперед.

Дэмиен в горячке погони — а скорее, в ее холоде — все же увидел, как Дональд метнулся от него.

— Предупреждаю, — Дэмиен судорожно глотнул воздух горлом, сведенным от ледяной воды, — что еще в пятилетнем возрасте я получил значок, подтверждающий, что я проплыл дистанцию в пятьдесят метров! Думаешь, многие могут этим похвастаться?

Дональд поплыл быстрее, и Дэмиен тоже.

— В тринадцать лет я был чемпионом по брассу в Риджент Грэммер Скул, и не только потому, что набрасывался на девочек в велосипедном сарае! Если и это не наводит на тебя ужас, то уж и не знаю, что тебе сказать.

Дональд уже достиг противоположного берега. Он вразвалку прошлепал по грязи берега и, присоединившись к остальным уткам, столпившимся там, стоял, элегантно расправляя перья. Не отстававший от него Дэмиен неуверенной походкой вышел из воды на прибрежную грязь; пошатываясь, он сделал несколько шагов и со страдальческим стоном упал на колени. Этот шум испугал Дональда, пустившегося от него наутек, но не тут-то было: Дэмиен послал свое тело вперед и в прыжке обеими руками обхватил трепетавшего от ужаса селезня.

— Поймал! — победно заорал Дэмиен, с трудом, но удерживаясь от искушения ударить кулаком по воздуху, как это делают забившие гол футболисты, поскольку боялся выпустить птицу.

Дональд крякал от неподдельного ужаса.

Зловещие черные тучи медленно наполнили на луну, поднялся холодный ветер, от которого у Дэмиена пошли мурашки по шее, а у Дональда взъерошились перья на хвосте. Промокший до нитки Дэмиен сел в грязь, держа утку с бриллиантом в животе вниз головой. Если он и испытал определенное облегчение от того, что его собственность в целостности и сохранности находится в этой птице, то оно сразу же было омрачено мыслью о том, каким образом эту собственность из птицы достать.

Дэмиен, крепко держа Дональда, осторожно пропустил пальцы в горло утки, в тайне надеясь, что засунутый перст заставит птицу отрыгнуть перстень. Но Дональд только защелкнул свой клюв, больно, как клещами, зажав Дэмиенов палец, и громко при этом крякнув:

«Кря!»

Дэмиен завопил, вытаскивая палец:

— Ах ты, гад такой!

Вытаращив глаза, Дэмиен и Дональд с отвращением уставились друг на друга. Здесь будет уместно упомянуть, что Дэмиен в своей жизни совершал кое-какие некрасивые поступки, делал то, о чем впоследствии жалел, но никогда — до сего дня — он не становился хладнокровным убийцей другого живого существа. Он попытался принять достаточно угрожающий вид. Но утка, почуввав перемену в его настроении, стала крякать как можно жалобнее.

— Черт! — сказал Дэмиен, поскольку более утонченные выражения его словарного запаса в этот момент вдруг бесследно улетучились.

Ему надо было лишь один раз резко потянуть и выкрутить утиную шею, и все было бы кончено. Он неуверенно взял утку за шею и потянул. Селезень в панике захлопал крыльями.

— Не надо так, — взмолился Дэмиен, — тебе совсем не будет больно.

Перепуганный Дональд крякал и крякал, изо всех сил стараясь освободиться и улететь, а Дэмиен пытался заставить себя пережить ему горло.

— Обещаю, ты ничего не почувствуешь. Мне будет гораздо неприятнее, чем тебе.

Дональд неистово крутился и молотил крыльями, тем самым ясно показывая, что не согласен с такой постановкой вопроса. Дэмиен отвернулся в сторону и потянул чуть сильнее. Селезень крякнул так, как будто вся его жизнь сейчас висела на волоске. Что, собственно, соответствовало действительности.

В конце концов, когда его колени оказались сплошь покрытыми утиным пометом, а утка так и не была умерщвлена, Дэмиен сдался. Поверженный, он опустился на землю, то есть сел в грязь. Он, конечно, не ангел, но и прирожденным убийцей он не был.

— Ладно, — сказал он, запихивая утку под мышку и с трудом поднимаясь из чавкающей жижи. — Нам с тобой придется придумать какой-то более гуманный способ...

И Дэмиен, в своем дико дорогом костюме от Поля Смита, заляпанный грязью до неузнаваемости, низко опустив голову, побрел обратно, на свадьбу Марты.

Мэт стоял в вестибюле, не зная, что ему теперь делать. Но что с того? Несколько последних раз он твердо знал, что будет делать, он планировал свои действия, если уж не с точностью до десятых долей, то, по крайней мере, придавая им определенную логическую форму. К чему все это привело? Он влип в эту дурацкую ситуацию и занимается какими-то пустяками.

Он не заметил, как к нему присоединился какой-то маленький смуглый человек, по

виду сицилиец, который недостаток роста и стати восполнял тем, что напускал на себя важность. Он чем-то напомнил Мэту Марлона Брандо в «Крестном отце», только этот был ниже ростом, тощий и уродливый. Почему-то такое сравнение вызвало у Мэта тревогу.

Человек рассматривал Мэта с интересом, потом по-родственному кивнул ему. Мэт с вежливой улыбкой кивнул ему в ответ.

— У подружек невесты потрясные сиськи, — заметил дядя Нунцио.

— В самом деле? — задумчиво ответил Мэт. — Я еще не имел удовольствия это проверить. Хотя и очень надеюсь на такую возможность.

Дядя Нунцио обнажил в ухмылке свой беззубый рот, но прежде чем он смог пролить дальнейший свет на анатомические особенности женской половины присутствовавших на свадьбе гостей, их внимание было отвлечено от этой темы появлением чрезвычайно грязного мужчины, протопавшего из зала в вестибюль, неся дергавшийся портплед, из которого раздавалось приглушенное кряканье.

Человек направлялся к главному выходу из гостиницы, решительно подняв подбородок, не отрывая взгляда от своей цели. Мэт и дядя Нунцио посмотрели друг на друга и недоуменно пожали плечами.

Увидев это, Дэмиен свернул с пути и направился к ним; лицо у него потемнело и стало угрожающим.

— Что уставились? Какие проблемы? — выпалил он.

Мэт оглянулся, чтобы удостовериться, что эти слова относились к ним. В поле зрения никого другого не наблюдалось.

— У нас никаких, приятель. А вот у тебя, похоже, проблемы есть, — сказал он.

— Боже, — сказал Дэмиен, уронив сумку с Дональдом на пол. — Это ты!

— Боже, — эхом откликнулся Мэт, — это ты!

— Ты тот тип из такси!

— И ты тоже! — вскричал Мэт. — Я тебя сначала не узнал из-за этой грязи.

Дэмиен пристально и сердито посмотрел на него:

— Ты что здесь делаешь?

— Похоже, дел у меня здесь гораздо меньше, чем у тебя, — ответил Мэт, бросив выразительный взгляд на крякающий портплед, пытающийся удрать, перекатываясь по полу.

— Ты что, друг Марты?

— Не совсем... — ответил Мэт.

— Он трахает подружку невесты, — с улыбкой пояснил всегда готовый помочь дядя Нунцио.

— Неправда! — запротестовал Мэт.

— А какую из них? — Лицо Дэмиена стало потихоньку чернеть.

— Никакую, — упорствовал Мэт. — Ну хорошо, Джози. — Он обернулся и посмотрел на дядю Нунцио. — Благодарю тебя, ты, старое, морщинистое сицилийское дерьмо.

— Джози? — Дэмиен, казалось, вот-вот пустит слюну, как охотничья собака при виде кролика.

— Ну, — стал рассудительно объяснять ему Мэт, — строго говоря, я ее не трахал. — Выждав паузу, он опять уставился на дядю Нунцио испепеляющим взглядом. — Строго говоря, я не делал ничего такого, но я не возражал бы против этого. — И Мэт по-свойски, по-мужски, подмигнул Дэмиену.

— В самом деле?

— У нее классные сиськи, — вставил дядя Нунцио.

Мэт улыбнулся:

— Кто же спорит?

— Я! — произнес Дэмиен угрожающе тихим голосом. — Я! Потому что Джози — моя жена.

— Жена, — сказал Мэт, почувствовав, что во рту у него пересохло.

— Жена, — повторил Дэмиен, цедя слова сквозь зубы, стиснутые почти как у ротвейлера. Ротвейлера, который только что узнал, что кусать почтальона запрещается.

— Она говорила, что разведена, я просто уверен...

— А я кто в таком случае? Шотландский призрак?

Слова отказывались приходиться Мэту на ум — именно тогда, когда он больше всего в них нуждался. Однако он был абсолютно убежден в том, что естество этого, судя по всему, очень разозленного человека, стоявшего перед ним, было гораздо более плотным и внушающим страх, чем клубы испарений в северо-западных нагорьях Шотландии.

— Могу тебя заверить, приятель, что она замужняя женщина.

— Как ни смешно, она почему-то даже не упомянула об этом, — сказал Мэт с некоторым оттенком бравады, хотя на самом деле его язык, казалось, присох к своду неба.

— Смешно? Я что, по-твоему, шучу? — спросил Дэмиен.

Следует сказать, что он не производил впечатления человека, способного спорить по мелочам. Скорее наоборот, подумал Мэт, он способен на такую мелочь, как походя выбить ему зубы или разбить губу.

— Она отлично трахается. — Дядя Нунцио, без сомнения, наслаждался происходящим.

— Ради всего святого! — взмолился Мэт. — И где вы набрались таких выражений? На учебном канале телевидения?

— Подожди-ка... — Глаза Дэмиена сузились настолько, что превратились в щелки. — Ты, случайно, не тот типчик, не Мэт?

— Э... — Мэт немедленно сообразил, что не стоит это отрицать. В конце концов, по Нью-Йорку разгуливают тысячи Мэтов, многие из которых могут заявить, что знают какую-нибудь Джози. Наверное, даже не тысячи — миллионы.

— Мэт Джарвис, — произнес Дэмиен, медленно вытягивая это имя из самых глубин своей памяти.

— Э... — произнес в ответ Мэт.

— Рок-музыкант, — презрительно бросил Дэмиен.

— Э... — опять сказал Мэт. Рок-музыкант? Звучит соблазнительно, так зачем же это отрицать?

— Тот самый, в кого влюблена моя жена, Джози, подружка невесты, которая так хорошо трахается?

— Вот как? — Лицо Мэта заметно просветлело.

— Не представляю, что такого приятного ты в этом нашел. Я сейчас тебе все зубы в глотку загоню.

— Где Джози? — спросил Мэт.

— Тебя это не касается!

— Я просто поинтересовался...

— Не интересуйся!

— Она здесь?

— Нет, — заверил его Дэмиен, — ее здесь нет.

— Так где же она тогда?

— Я думал, это ты мне скажешь, — сказал Дэмиен.

— Не знаю, — ответил Мэт, чрезвычайно озадаченный.

— Послушай, — сказал ему Дэмиен с усталым вздохом, — из-за тебя я зря потратил много тысяч фунтов, которые заработал тяжким трудом, чтобы прилететь сюда, а в результате оказался в глубокой дыре. Из-за тебя один кот остался без папочки. Из-за тебя моя жена меня бросила. Это из-за тебя огромный и умопомрачительно дорогой бриллиант оказался в желудке этой утки. Из-за тебя мой костюм от Поля Смита весь в отвратительной, вонючей грязи, а любимые кожаные туфли от Патрика Кокса пришли в состояние полной негодности. Благодаря тебе я теперь знаю, каково на вкус утиное дерьмо. Из-за тебя у меня теперь будет воспаление суставов. И вот теперь я точно знаю, что мне надо было последовать своему первоначальному побуждению, еще тогда, когда мы встретились в первый раз, тогда, когда столкнулись наши машины, и вот теперь я это сделаю: я вгоню тебе зубы в глотку, — сказал Дэмиен и поднял кулак к лицу Мэта.

Мэт показал в сторону портплекда:

— Эй, приятель, посмотри, твоя утка убегает!

Дэмиен бросил взгляд на свой мешок, который и в самом деле, медленно переваливаясь, неуверенно кувыркался на полу.

Мэт немедленно воспользовался этой возможностью и повернулся, чтобы убежать, но лицом к лицу столкнулся с Холли, стоявшей подбоченясь, надувшись, со сжатыми губами.

— Тебя и на пять минут нельзя оставить без того, чтобы ты не впутался в историю, — проворчала она. — Что здесь происходит?

— Я сейчас все объясню, — сказал Мэт за долю секунды до того, как кулак Дэмиена с силой пушечного ядра ударил его в лицо, выбив из его глаз фейерверк из тысячи искр, совсем как тот, что немного ранее озарял небо над Манхэттеном, сделав дальнейшие объяснения уже невозможными.

Мэт почувствовал, что падает на пол, успев почувствовать даже боль от падения. И в прямом, и в переносном смысле. И почему только Джози не предупредила его, что замужем? Даже сквозь туман, вызванный непомерным потреблением алкоголя, с чем он однажды уже решил покончить, он помнил, как она сказала ему, что разведена. Но даже если это и так, ее муж, похоже, об этом даже не подозревает. Если они разведены, то не могли же они не говорить друг другу или адвокатам, сколько боевых шрамов получил каждый из них на поле супружеской брани? Наверняка бы они сравнивали, сколько каждому пришлось потратить на этих адвокатов? Так почему же ее муж ничего не знает? Неужели Джози лишь водила его за нос?

Видно, все свое время в Нью-Йорке он растратил на погоню лишь за прекрасным призраком в сиреневой дымке, а теперь вот к тому же оказалось, что этот призрак — чья-то собственность. Как жесток этот мир! Никогда, ни за что, после всего того, что случилось с ним, он не допустит никаких отношений с замужними женщинами! Это ведь всегда было против его моральных правил. Правил этих у него было не так много, но уж тех, что были, он держался с той же цепкостью, с какой белая кошачья шерстинка липнет к черным брюкам.

Затем его подхватил водоворот, вконец все смешавший в мозгу и отключивший его мыслительные способности. Однако и сквозь крутившийся перед глазами туман он все же подумал, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда. И он свернулся в шар и поплыл в

потоке сна без сновидений, сохранив лишь одну мысль, приклеившуюся к его сознанию с прочностью суперклея: пусть Джози и не упомянула о наличии ревнивого мужа, по какой-то причине сделав из этого тайну, но все же она сказала этому самому мужу, что влюблена в него, в Мэта-рок-музыканта.

И теперь более, чем когда-либо, ему надо было поговорить с ней, задать несколько вопросов. И пока его накрывала медленно наползавшая дымка, он уже в третий раз за эти дни понял, что единственное, что ему необходимо сделать, это найти ее.

По сути, Мэт ошибался, думая, что поиски Джози — это его единственная проблема. Он не учел, что, придя в себя, он столкнется с необходимостью давать какие-то объяснения Холли. И он столкнулся с этой необходимостью.

У Холли также были вопросы, на которые она хотела получить ответы, и Мэт даже не представлял, что ему говорить. Хорошо бы, если бы его голова не была забита всей этой ватой, заглушающей мысли, или если бы он был в состоянии придумать какую-нибудь более или менее убедительную ложь. У мисс Мораль сегодня явно был выходной. Итак, перед ним стояла Холли, нетерпеливо притоптывая по полу босой ногой. Волосы у нее были еще более растрепанные, чем обычно, наверное, из-за того, что она в ярости дергала за них, а горевшее от злости и алкоголя лицо по цвету приближалось к томатному кетчупу. Она и в самом деле была очень раздражена, но при этом очень привлекательна. Если бы губы Мэта не болели так сильно, он, наверное, рискнул бы и улыбнулся.

— Даже не думай улыбаться, — приказала Холли.

— Я и не шобиравша... — пробормотал Мэт, еле ворочая губами-сардельками.

— Надо приложить мясо, — сказала Холли, со свирепым видом указывая на то место, где у глаза вот-вот расплывется синяк.

— А я думав, вто мяшо приквадывают товько на карикатурах.

— Не знаю, Мэт, — выпалила она. — Я тебе не чертова нянька, хотя, похоже, становлюсь ею.

Мэт повесил голову, болевшую и тут, и там. Оказалось, что его прислонили к столу администратора, и он полулежал-полусидел, из-за чего у него разболелась спина. Тугой пальмовый усик коснулся его волос. Но рассчитывать на то, что Мэт сможет встать, было еще преждевременно.

— Прощи, — прошепелявил он, — иж-жа меня у тебя шговько неприятноштей...

— Что есть, то есть. — Руки Холли были все еще сложены на груди, но голос несколько смягчился. — Давай-ка отвезем тебя домой. Все уже ушли.

Как бы в ответ на ее слова из танцевального зала, не торопясь, вышли четверо жизнерадостных «Крутоголовых».

— Пока, Холли, — сказали они в один голос. — Завтра увидимся?

— Конечно, — устало ответила она. — Отлично отыграли. Ублажили всех старушек.

Мэт присел еще ниже, не узнавая, кто из них кто, как и они не узнали его, хотя он мог поклясться, что тот, кому он врезал вчера по зубам — то ли Барри, то ли Ларри, то ли Гарри, — усмехался сильнее, чем позволяла ситуация. Помахав Холли, они исчезли, а с ними исчезли и их необъятно широкие брюки, их взбитые разлетающиеся прически и их бушующие гормоны.

Мэт потер лицо рукой.

— А как тот утиный Дракула?

— Ушел, — ответила Холли. — Вместе с уткой. Он не хотел пропустить самолет.

— Не будет особым грехом пожелать, чтобы самолет не пропустил его и заехал бы ему прямо в затылок?

— Наверное, не будет, — согласилась Холли.

— А что насчет Марты?

— Уехала.

— А подружки невесты?

— Тоже уехали.

— Все?

— Угу.

Мэт вопросительно взглянул на нее.

— Понятия не имею, что там произошло, — пожалала плечами Холли. — Может быть, у них у всех разболелись головы. Это самая странная свадьба из всех, на которых мне приходилось бывать.

— Итак, — Мэт попытался выпрямиться, но это ему не удалось, — остались только мы двое.

Холли ковыряла носком в полу.

— Очень на то похоже.

— Я должен тебе сказать, что...

В этот момент появился дядя Нунцио, едва заметный из-за спины горы-громилы в черном пальто, тащившего за уши двух подростков так, будто несет два футляра со скрипками. Он встал, возвышаясь над Мэтом, широко расставил ноги для лучшей устойчивости, загородил собой свет от утопленных в потолке светильников вестибюля, и Мэт погрузился во тьму.

— Дядя Нунцио хочет перед вами извиниться, — сказал громила голосом, который мог развиваться только от злоупотребления стероидными таблетками по сотне за раз ежедневно.

— Я очень звиняю, — добавил сам дядя Нунцио, прижав руку к сердцу.

— Он чувствует, что это его вина...

— Нет, нет... — запротестовал Мэт.

Дядя Нунцио кивнул:

— Да, моя вина.

— Да нет же. Нет. — Мэт великодушно махнул рукой. Помолчал и добавил: — Вообще-то да.

— Дядя Нунцио не очень хорошо говорит по-английски. И это привело к проблемам. — Громила крутанул назад извивавшихся мальчишек и отпустил, даже не посмотрев в их сторону. — Дядя Нунцио хочет все исправить.

— Именно, — торжественным эхом подтвердил дядя Нунцио.

— Мы на Сицилии очень заботимся о своей чести.

— Да, я слышал, — скривившись, сказал Мэт.

— Правило нашей семьи: око за око, зуб за зуб. Возмездие без жалости.

— Да-а-а... — Голос Мэта прозвучал не очень уверенно.

— Куда поехал человек с уткой? — обратился громила к Холли.

— В аэропорт Кеннеди.

— В аэропорт Кеннеди, — повторил за ней громила.

Дядя Нунцио чуть заметно кивнул.

— Не волнуйся, приятель. — Огромный человек Склонился над Мэтом и взял его за руку, почти сломав ему пальцы в пожатии, напоминавшем зажим струбцины. — Мы восстановим твою честь.

— Честь, — сказал дядя Нунцио с легким поклоном.

И они уехали, запихнув двух мальчишек в машину с затемненными стеклами, в которую

можно было бы запихнуть население многоэтажного дома, а может, и больше.

В пустом вестибюле воцарилась мрачноватая тишина. Мэт и Холли уставились друг на друга. Он подумал, что восстановление его поруганной чести, возможно, потребует от сицилийцев, отбивших на поиски его обидчика, больше усилий, чем они предполагали. Он скорчился от боли:

— Как ты думаешь, мы правильно сделали, что сказали им, куда он поехал?

— Послушай, мы с тобой в Америке в двадцать первом веке, а не на Сицилии в четырнадцатом. Что они ему сделают? Украдут у него утку и съедят?

— Не знаю, — ответил Мэт. — Но не хотел бы я задолжать им деньги, а потом вдруг столкнуться нос к носу где-нибудь в темной аллее с одной пятеркой в кармане.

Холли почесала подбородок.

— Кажется, Марта как-то говорила мне, что ее семья связана с мафией...

У Мэта отвисла челюсть:

— Только не это!

Холли рассмеялась.

— Да, вам смешно, мисс Бринкмен, — кисло вымолвил Мэт, — вам приятно добивать лежачего.

Холли перестала хихикать.

— Видел бы ты свое лицо! — сказала она осуждающе. — Ты смотришь слишком много фильмов о гангстерах.

— Конечно, мне же нравится грубый секс и насилие.

— И мне тоже, — сказала Холли. — По крайней мере, секс.

Мэт покраснел.

— Что же касается грубого насилия, то тебе досталась двойная порция, — Холли нагнулась к нему и поправила ему рубашку. — Давай-ка попробуем уйти отсюда.

Мэт со стоном приподнялся с пола. Она обвила его рукой и выпрямила, собрав все силы, на которые было способно ее далеко не сильное, килограммов в сорок пять, тело.

— Спасибо. — Мэт поморщился от боли. Он взглянул на нее сверху вниз и попытался пошевелить мышцами лица так, чтобы оно приняло выражение благодарности. Наверное, уже в миллионный раз он подумал, зачем он гоняется за эфемерной бабочкой, все время упархивающей от него. К тому же, как оказалось, бабочкой замужней. Тогда как судьба прямо на тарелочке преподносит ему совершенно замечательную девушку, ни с кем не связанную обязательствами. Но ведь Холли не дура и не захочет иметь с ним ничего общего после всех этих увиливаний и отговорок, которыми он пичкал ее. У Мэта становилось тяжело на душе, когда он думал, что, несмотря на самые что ни на есть праведные намерения, в его жизни бывали моменты, когда он не мог совладать со своей мужской сущностью.

— Самой не верится, что говорю это, — Холли закатила глаза к потолку, — и наверное, сказав, я буду потом всю жизнь об этом жалеть. — Она посмотрела на него и вздохнула. — Хочешь, поедем ко мне и выпьем по стаканчику?

Если бы губы у Мэта не были разбиты, он, вероятно, усмехнулся бы.

Все уехали, и Джек остался один. Он сидел в полутемном зале, примостившись на кромке сцены эстрады, на которой выселись шикарные кресла жениха и невесты, теперь опустевшие и ненужные. Вокруг него валялось несколько гостей, забывшихся пьяным сном, и лежали подарки. Над его головой медленно вращался зеркальный шар, такой, как в старые добрые шестидесятые, беспорядочно и жалко разбрасывавший по комнате алмазные искры света.

Уехал даже мистер Россани, а заставить его уехать было очень непросто. Джек так и не собрался с духом, чтобы сказать отцу невесты, что его дочь сбежала со своей собственной свадьбы и исчезла в ночи в компании главного шафера. Да и как можно было принести ему эту весть о грехопадении его дочери, без риска того, что и он тут же упадет от разрыва сердца? Джек уверил его, что Марта наверху, что у нее болит голова, и после мягких уговоров отец уехал домой, оставив дочь справляться с головной болью самостоятельно.

И завтра еще не поздно сказать ему правду. До завтрашнего дня у него будет время протрезветь, и он, вероятнее всего, не погонится за Гленом с обрезом, прихватив нескольких сицилийских кузенов покрепче.

Джек оглядел столы, на которых в беспорядке громоздились тарелки с недоеденными бутербродами-канапе и толпились полупустые бокалы с шампанским. У него было ощущение, что внутри он, как это перестоявшее шампанское, такой же безжизненный, такой же лишенный брызжущих пузырьков и такой же холодный, как эта непригодившаяся еда. Он просто не в состоянии был рассказать кому-нибудь о происшедшем. О том, что случилось на самом деле, знали только он и Джози, конечно, кроме Марты и Глена. Без тени злобы он хмыкнул себе под нос. Все вокруг считали, что это результат чрезмерных переживаний трудного дня, что в какой-то степени соответствовало действительности. Подперев руками голову, Джек сидел, закусив губу и стараясь сдержать слезы, грозившие вот-вот опять покатиться по щекам. Он сможет с этим справиться, ведь это затрагивает всего лишь его чувства! Какой вздор он иногда нес. Но сейчас не время для исследования своего внутреннего мира. Сейчас время для того, чтобы напиться, напиться до потери чувств. Джек налил себе еще один бокал отстоявшегося шампанского и проглотил половину, даже не почувствовав вкуса. Как он мог надеяться, что такая женщина, как Марта, предпочтет его другим мужчинам? Ей больше подходит кто-то вроде Глена, кто-то более богатый, молодой и красивый. Глен даст Марте все, что ей нужно, и преподнесет все это в более красивой упаковке, чем смог бы сделать он, Джек. Но он и луну с неба достал бы для нее и преподнес бы на тарелочке, будь это в его силах.

Он уедет, начнет все сначала. Он просто не сможет перенести все эти пересуды в таком небольшом городке, как Катона. Здесь, может быть, и раньше показывали на него пальцем, понимая, что его отношения с Мартой обречены. И он не хотел, чтобы они видели, что были правы. Возможно, если бы он не старался быть с Мартой таким совершенным человеком, если бы он держал себя все время в руках... Если бы она только знала, как нужна ему, что только она может сделать его жизнь светлой, заполнить собой пустоту в его душе, то, может быть, тогда она не убежала бы.

Щелкнула открывающаяся дверь, и в полутьме к нему стала приближаться какая-то фигура. Уже поздно. Наверное, обслуживающие свадьбу уборщики хотят поскорее все

вычистить и отправиться домой. К себе домой, в свою жизнь, к своим дорогим и любимым. Решили убрать все эти горы мусора. Джек подумал, сможет ли он когда-нибудь это сделать.

Он поднял глаза.

— Привет, — сказала Марта, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

Искорки-огоньки от шара плыли по ее лицу, освещая бледную кожу. Она выглядела усталой и измотанной, и он подумал, что и он выглядит не лучше. Фаты не было, но на ней все еще было свадебное платье, и она была все такой же красивой.

— Привет, — ответил Джек.

Марта испустила тяжелый вздох вконец измученного человека.

Джек похлопал по эстраде рядом с собой, и Марта тяжело опустилась на нее. Он взял с подноса, стоявшего рядом с ним, единственный нетронутый бокал.

— Выпьешь со мной шампанского?

— Ты же не пьешь, — сказала Марта.

— Пью. Сейчас.

Он налил ей вина, механически отметив про себя отсутствие в нем пузырьков, и протянул ей. Ее рука дрожала, и ему хотелось взять ее в свою, чтобы остановить эту дрожь. Но вместо этого он чокнулся с ней.

— За что мы пьем? — спросила Марта.

— По-моему, Марта, спрашивать об этом надо не меня.

Она вздохнула и поднесла бокал к губам, смакуя его содержимое, которое, несмотря на то что потеряло живость и игру, на вкус все еще было отличным. Глаза ее обежали зал.

— Какой кавардак и грязь, — сказала она.

— Они быстро все вычистят.

— Я не об этом. — Она подняла обрывок цветного серпантина и обернула вокруг пальца.

Джек заметил, что обручальное кольцо и кольцо невесты, которое он надел ей на палец при помолвке, все еще были на своих местах. — Я о нас с тобой.

— Понимаю.

Руки Марты были до того напряжены, что побелели костяшки. Она так сильно сжала свой бокал, что Джек боялся, как бы он не треснул.

— А что сказал папа?

— Ничего. — Джек откинулся назад и посмотрел на потолок. — Я ему не сказал. И никому не сказал, — признался он.

— Никому?

— Ни единому человеку. Знает только Джози.

— Почему?

— Просто не знал, как сказать, чтобы это не прозвучало некрасиво. Я испортил бы им праздник. Я сказал, что у тебя болит голова.

Марта невесело усмехнулась:

— Опять старался меня выгородить.

— Ты не виновата.

Марта обернулась к нему:

— Виновата, Джек, виновата! Я сбежала от тебя с твоим лучшим другом. Прямо со свадьбы.

— У тебя, вероятно, были на это причины.

— Да, хотя и не думаю, чтобы они меня оправдывали. — Она еще раз тяжело вздохнула.

— Тебе будет легче, если ты поделишься со мной?

Марта улыбнулась:

— Не знаю, будет ли мне легче, но, по-моему, это самое малое, что я должна сделать по отношению к тебе.

— Речь не о том, что ты что-то мне должна, Марта. Мы просто стараемся разобраться, где произошел сбой.

— Нигде он не происходил, — сказала она. — Нет, наоборот, все шло не так, как надо. — Она шмыгнула носом. — Джек, я запаниковала. Внезапно жизнь показалась мне такой... такой, как она есть. А я привыкла думать только о себе. О себе как об одном человеке, о единственной. Я всегда получала все, что хотела, и получала сразу, не прилагая усилий. И когда я увидела Глена с Джози, я не смогла это стерпеть. Но я же уже была не одна, нас с тобой было двое. И мне еще надо учиться все время, всю оставшуюся жизнь, считаться с тем, что я и кто-то другой — это единое целое, и не думать о себе одной, думать о нас двоих. — Марта подняла на него глаза. — Считаться с тем, что нас двое... или больше. — Она потерла лицо. — На меня нахлынули мысли обо всех наших планах, и я не знала, готова ли я к этому, и было уже слишком поздно... Нет, не то, — продолжала она, — я стараюсь оправдать себя, а мне просто нет оправдания. — Она резко поднялась и скинула туфли. — Пытка была носить их весь день, — пожаловалась она.

Нетвердой походкой, прихрамывая, она направилась к тому месту, где во всей своей вычурной красе возвышался их свадебный торт.

— Мы даже торт не разрезали, — сказала она, слегка проведя усталым пальцем по причудливым цветам из сахара, окрашенным в светло-сиреневый, голубой и бирюзовый оттенки, из-за чего на торте, казалось, расплываются синяки.

— У нас как-то не было случая это сделать, — напомнил ей Джек.

— Хочешь, сделаем это сейчас? — спросила Марта, подняв нож, до той поры терпеливо ожидавший своего часа, лежа сбоку от девственно-нетронутого торта. — Я умираю от голода.

— Не стоит.

— Не могу же я резать его одна, Джек. Это плохая примета.

— Ты думаешь, сейчас это еще имеет какое-то значение? Знаешь, совсем не так я представлял себе начало своей семейной жизни.

В полумраке Марта взглянула на него.

— Я так тебя обидела, причинила такую боль, — безжизненно проговорила она. — Но я не хотела. Просто не знаю, что еще сказать.

Джек налил себе еще шампанского.

— Иди сюда, Джек, разрежем торт, — настаивала она. — Ну пожалуйста.

Он встал и пошел к Марте, шагая так, как будто к его ногам были привязаны гири. Его жена — странно называть ее так — выглядела как ребенок, который с трудом сдерживает волнение, ему вдруг пришло в голову, что даже такой красавице, как Марта, нужно еще расти и расти. Может быть, этот рост начнется сегодня.

Марта держала над тортом занесенный нож, кончик его проткнул ломкую белую глазурь.

— Давай, — сказала она, — положи свою руку на мою.

Джек сделал, как она просила. Ее рука уже была твердой, дрожание прекратилось, но

она была холодной, как мрамор.

— Ты замерзла, — сказал он, накрывая своей ладонью ее пальцы.

— С тобой мне тепло, — сказала Марта и посмотрела ему в глаза. — Готов?

— Готов. — Джек нажал на ее руку, и лезвие свободно прорезало глазурь. Марта повернула нож, и они вдвоем отрезали тонкий пласт торта.

Марта вынула нож.

— Операция прошла успешно, не так ли?

— Пожалуй.

Не выпуская кусок торта, она протянула его Джеку, чтобы он откусил от него.

— Мне не хочется торта, — сказал он.

— Ешь, — настаивала Марта.

Он наклонился и откусил кусочек.

— Вкусно, — сказал он, одобрительно кивнув. — Неплохой торт. Гостям бы понравился.

Марта положила кусок торта и склонилась над столом.

В полной тишине мерцал сверкающий шар, и Джек видел, как пульс бился на шее Марты. Ее рука поднялась к этому месту, и пальцы провели по шее; Джеку показалось, что она проглотила комок.

— Я сделала ужасную, просто ужасную ошибку, — сказала она, и ее глаза наполнились слезами. — Не знаю, как мне ее исправить, Джек.

Он стоял и смотрел, как сверкают огоньки, отражающиеся в его новых, неудобных, слишком глянцевого тифлях.

— Ты сможешь меня простить?

— Я люблю тебя, Марта, — сказал он, посмотрев на свою растрепанную невесту. — Ничто не может этого изменить. И я дал тебе торжественную клятву.

— Я тоже дала ее тебе, но все разрушила. Расколотила на мелкие кусочки прямо у тебя перед носом.

Марта расплакалась.

— Ладно, ладно, — сказал Джек. — Не плачь. Не надо плакать на своей свадьбе. Все будет хорошо.

— Как мне все исправить?

Джек поднял ее лицо и взял его в свои ладони.

— Почему ты вернулась, Марта?

Марта всхлипнула:

— Потому, что не могла быть вдали от тебя.

— Мне этого достаточно, — сказал он.

Марта хлюпнула носом.

Он привлек ее к себе:

— Давай опять станем парой, Марта. Мужем и женой. Забудем все и просто будем жить, как будто ничего не случилось.

— Мы сможем?

— От каждого из нас потребуется немного усилий и много любви.

— Я же была тебе неверна, Джек.

— Неверность — это не всегда самое страшное, что может случиться в браке.

— В день нашей свадьбы!

— Да, время ты выбрала не самое подходящее.

— А что скажут люди?

— Никто ни о чем не знает. И не узнает никогда, — заверил ее Джек.

Марта как будто колебалась. Джек взял ее руки в свои.

— Если ты скажешь, что Глен был ошибкой, то с этим я смогу смириться. С чем я смириться не смогу, так это если мы не сможем исправить эту ошибку. — Уголки рта его жены все еще были опущены, а нижняя губа опасно подергивалась.

— Джек, как же ты можешь быть таким всепрощающим?

— Марта, — вздохнул он, — я ждал так долго, так долго, пытаюсь найти ту, с кем смог бы провести остаток жизни, что не собираюсь легко с этим расстаться.

— Даже несмотря на то, что я смогла, — всхлипнула Марта.

— Ты помнишь нашу клятву? «И в богатстве, и в бедности, и в горе, и в радости». — Джек смахнул слезу со щеки жены. — Наверное, с нами произошло то, что подразумевается под горем.

— «Оставив прежнюю жизнь, — продолжила Марта, — и соединившись с тобой на все дни жизни моей». Вот тебе моя торжественная клятва.

— «Любить и уважать друг друга...»

— Люби меня, Джек!

И он обнял прильнувшую к нему Марту.

— Кажется, в этом месте полагается поцеловать невесту...

Джек почувствовал вкус губ Марты на своих губах; они были сладкими и солеными от слез.

— Я люблю вас, миссис Лабати, — сказал он, — и буду любить всегда.

— И я люблю тебя, Джек, — сказала ему в ответ Марта.

Джек повлек ее на площадку для танцев.

— Не согласится ли моя жена разделить со мной наш танец, который мы впервые протанцуем в качестве супругов?

И они услышали, как зазвучала тихая музыка, музыка для них двоих: «Говорил ли я тебе, что люблю?...»

— По-твоему, мы сможем все это оставить позади?

— Надеюсь, что в двадцать пятую годовщину нашей свадьбы мы оглянемся назад и улыбнемся тому, какими молодыми и глупыми мы были, — ответил он.

— Какой молодой и глупой была я, — поправила его Марта, положив голову ему на плечо.

Дональд боролся за свою свободу, как будто в него вселился дьявол. Портплед Дэмиена подпрыгивал и крутился вокруг колен, и, чтобы утихомирить стремящегося на волю Дональда, ему пришлось приложить невероятные усилия и крепко зажать мешок между ног, но все же не настолько крепко, чтобы свет дня померк в утиных очах. Затем возникла новая причина для беспокойства.

Администратор за столом регистрации в аэропорту подозрительно осмотрела Дэмиена.

— У вас есть ручной багаж, сэр?

— Только вот это. — Дэмиен бросил взгляд на свои колени.

Замороженная регистраторша проследила за его взглядом, и все, что она смогла сделать, когда заметила неистовые рывки багажа и грязную одежду Дэмиена, так это засунуть жевательную резинку языком за другую щеку.

— Я попал в аварию, — объяснил ей Дэмиен. — По пути сюда. У меня с собой сменная одежда. Здесь, — он ласково похлопал по портпледу.

Дональд крикнул.

— Вы сами паковали свой багаж, сэр?

— Да.

Глаза занервничавшего Дэмиена стали быстро бегать по другим столам регистрации. К тому же над его верхней губой стал проступать пот, и он не мог придумать, как прекратить это предательское потение и как избавиться от уже появившейся влаги, не пользуясь при этом рукавом.

— Вы оставляли свой багаж без присмотра?

— Нет. — Как он мог это сделать, если в багаже имелась утка, а в утке — перстень; у самой же утки, судя по этим бешеным рывкам, было неосознанное желание покончить с собой.

— Не предлагал ли вам кто-то поднести ваш багаж?

— Нет.

Глаза Дэмиена перебежали на ближайший регистрационный стол и вдруг остановились, прикованные к тому, что они увидели позади этого стола. Там стояли трое: очень массивные, очень мрачные, они неотрывно следили за ним.

— Вы везете с собой наркотики, взрывчатые вещества или боевое оружие?

Дэмиен повернулся обратно к регистраторше и облокотился на ее стол:

— И то, и другое, и третье.

У регистраторши поднялись брови.

— Шутка, — объяснил ей Дэмиен.

Она даже не улыбнулась.

— Нет, я не везу с собой ни наркотики, ни бомбы, ни пистолеты.

— Вы везете с собой животных?

— Э... нет.

Регистраторша оперлась на свою сторону стола.

— Позвольте спросить вас, сэр, почему ваш багаж двигается явно без вашей помощи?

— Это игрушка, — доверительно сообщил ей Дэмиен. — Производства компании «Фёрби». Они только что начали выпускать такие. Она плавает, крикает и гадит

апельсиновым соусом.

Она с каменным видом посмотрела на него.

— Это утка-робот, — сказал Дэмиен. — Это для дочери... для племянницы... племянницы друга... для друга племянницы... — Фу ты!

— Вам придется пропустить ее через рентгеновскую установку службы безопасности. Обычная процедура, сэр.

— Отлично. — Господи ты боже мой!

Дэмиену показалось, что в глазах регистраторши блеснула насмешливая улыбка, однако в остальном лицо ее осталось таким же непроницаемым.

— Вот ваш посадочный талон, сэр. Сведения о времени посадки можно получить на справочных мониторах. — Без сомнения, ее глаза улыбались. Презрительно. — Желаю вам приятно провести время.

— Пошла ты в задницу, — пробурчал Дэмиен себе под нос и повернулся, чтобы уйти.

— И вам того же, сэр, — сказала регистраторша, даже не взглянув на него.

В аэровокзале Дэмиен вошел в ближайший бар и пододвинул табурет к стойке. Он бросил портплед с Дональдом у своих ног, и селезень протестующе крякнул. За свою жизнь Дэмиен повидал множество аэровокзалов, и все они, как на подбор, внутри были унылыми местами, в которых человек чувствует себя покинутым и никому не нужным. А все из-за Джози. Теперь ему надо как-то убить несколько часов, оставшихся до отлета. Теперь он будет сидеть несколько часов и думать, как же это его угораздило вляпаться в эту историю. И почему он не может быть доволен тем, что имеет, ну пусть не Джози, так хоть Мелани, и что это ему приспичило носиться в поисках зеленой травы там, где она желтела, как только на нее ступала его нога? А если трава и оставалась сочной и зеленой, то только тогда, когда ее нещадно мочил непрекращающийся дождь.

С Джози все кончено, теперь он это знал. На самом деле он и раньше это знал. Она была слишком приземленной и благоразумной для него. Ему потребовалось много времени, чтобы понять: в нем живет неукротимый дух свободы, он — частица светового потока вселенной, кипучей, животворной энергии, ему нужна женщина, которая не будет мешать ему свободно парить в облаках, не будет привязывать его к сточной канаве, называемой семейным очагом. Ему нужна женщина, которая, освободившись от пут одежды, будет носиться с ним по полям и лесам, вкушая все запретные удовольствия, и не будет настаивать на том, чтобы он носил свитер с капюшоном и шерстяную шапочку даже в летнюю жару. Смог бы он на самом деле связать свою судьбу с одной только Джози, скажи она «да» во второй раз? Не понадобилась бы ему еще и Мелани или какая-то другая женщина на стороне? Наверное, ему всегда будут нужны две женщины: одна как основа прочного семейного дома, которая бы любила его, готовила бы для него, гладила бы ему рубашки, и вторая, на заднем плане его жизни, скрытая от посторонних глаз, с которой бы он делил все радости незаконной связи, включая и мягкий садомазохизм. А почему бы и нет? Другим же мужчинам это удается, и поп-звездам, и политикам, и даже священникам. Это уже стало таким же общепринятым, как синие носки. С чувством тоски он бросил взгляд вниз на свои собственные носки, перепачканные грязью и приведенные в полную негодность.

И пока он думал о незаконных радостях внебрачной связи, на фоне его сознания маячила мысль: где же сейчас может быть Мелани? Это вызвало у него острый прилив нежности к женщине, которая, как он думал еще вчера, могла без всякой нежности всадить

ему нож в спину. Она не так уж плоха, ну несколько резковата, но со стержнем внутри, стержнем из чистой стали, и к тому же с железной волей. Она примет его обратно. Немного флирта — а на это он был мастер, — и он в мгновение ока окажется в ее постели. Тут он улыбнулся, как он полагал, с добродушной веселостью и стал думать о времени, которое они провели вместе с Мелани, причем его воспоминания в основном касались эпизодов, проведенных в лежачем положении.

Возможно, он не чувствовал бы себя так спокойно и не был бы так доволен собой, если бы мог видеть, что Мелани делала после его отъезда. Очень скоро он узнает, что все утро она провела в магазине «Дэбенхемз», поддельвая подпись Дэмиена на многочисленных квитанциях на стильные драгоценности, одежду фирмы «Джэспер Конран» и небольшие, но совершенно необходимые в быту электротовары, которые оплачивались по его кредитной карте. Затем она вернулась домой и, полная сил, несмотря на утомительное хождение по магазину, напечатала на его персональном компьютере письменное уведомление об уходе, не постеснявшись назвать в нем его начальника спившимся алкоголиком — каковым он и был, — и, в который уже раз, поставила внизу претенциозную закорючку подписи Дэмиена. Потом она упаковала этот самый компьютер вместе со струйным принтером, сканером, цифровой камерой и пригоршней дисков с компьютерными играми, от которых кровь стыла в жилах. Все это она отправила своей подруге Вэлери, занимавшейся с детьми в игровой группе, и у той появилась отличная возможность полностью исказить восприятие жизни у местных четырехлетних детей. После этого она позвонила с его рабочего телефона на линию предварительных вопросов передачи «Кто хочет стать миллионером?» и не повесила трубку, рассчитывая, что при плате за разговор, равной пятидесяти пенсам в минуту, уж кто-кто, но Дэмиен миллионером не станет. И в завершение всех дел, перед тем как залечь в постель с бутылкой любимого красного вина Дэмиена со Стивенном, специалистом по организации свободного времени их престижного оздоровительного клуба и с минимальным количеством угрызений совести, Мелани аккуратно засунула маленькую, незаметную атлантическую креветку в разъем для компакт-дисков в ноутбуке Дэмиена, которым он так дорожил.

Вернувшись к действительности, а именно в аэропорт имени Кеннеди, Дэмиен испустил тяжкий вздох, самый тяжкий, какой только возможен. Надо было, чтобы Дональд прокакался, но время бежало, его оставалось все меньше и меньше, а Дональд даже ни разу не пукнул. Может быть, от переживаний у уток бывает запор? Что же ему делать, чтобы вылезти из всей этой путаницы? Что делать, чтобы кольцо, наконец, вылезло из этой утки? Предмет для размышления был настолько сложен, что было совершенно невозможно найти нужное решение, не прибегнув к помощи крепкого спиртного.

— Чем могу служить, сэр? — ответил на его мысли бармен. Этот человек за долгие годы работы явно стал хорошим профессионалом, раз он, казалось, даже не заметил, насколько Дэмиен забрызган и заляпан грязью.

— Дайте мне бренди, — сказал Дэмиен. — Двойную порцию.

— Уже наливаю.

— Нет, две двойные порции, — добавил он, — и пиво.

Не торопясь, но и без промедления, бармен поставил перед Дэмиеном заказанные напитки, и тот принялся потягивать по очереди то бренди, то пиво. Когда он пошел по второму кругу, Дональд в сумке забеспокоился. И несмотря на то что Дэмиен уже не очень уверенно сидел на своем табурете, он ясно видел, что утка намеревается тайком скрыться с его глаз.

Дэмиен осушил оставшиеся два стакана, заплатил по счету и соскочил с табурета.

— Пошли, парень, — сказал он. — Мне надо придумать, что с тобой делать.

Поднимая сумку, он опять заметил тех крепких мужиков. Они сбились в тесную кучку у одного из стоячих столов рядом с прилавком кафетерия сразу же за баром. Дэмиен посмотрел через плечо. Все они мигом допили свои чашки кофе и запихнули в рот круассаны, смахнув случайные крошки с одинаковых темных пальто. Дэмиен слегка отодвинулся, прижимая Дональда к груди. Кто это такие? Агенты ФБР? Чиновники таможенной службы? А может быть, та регистраторша, явно не покупавшая в последнее время уток-роботов, дала им приватную информацию, предупредив о контрабанде? Да, плохой он сыщик, никогда бы он не смог выиграть в детективной телеигре.

Могут его арестовать за контрабандный провоз утки? А за контрабандный провоз бриллианта в утке? Наверное, из-за его неряшливого вида они решили, что он террорист, и им не приходит в голову, что он просто несчастный романтик, которому не повезло в любви.

Дэмиен торопливо пошел вперед по главному вестибюлю аэровокзала. Он двигался настолько быстро, насколько позволяла давка в помещении, заполненном толпящимися пенсионерами и пенсионерками с подсиненными волосами и в соломенных шляпах, явно собиравшимися лететь в теплые края, и, как только скорость его шага превышала определенный предел, Дональд начинал оскорбленно кричать. Мужчины, на которых он обратил внимание, неотступно следовали за ним.

Увернувшись от них, он заскочил в один из магазинчиков, торгующих товарами, о которых, когда уезжаешь в отпуск, вспоминаешь в последнюю минуту перед отлетом, в спешке забыв взять их из дома. Мужчины остановились и стали оглядывать головы в толпе путешественников. Сомнений не оставалось: они искали именно его. Во рту у него пересохло, а сердце часто забилося; утка же подпрыгивала и елозила в своей холщовой тюрьме. Чтобы унять накотившую на него панику, Дэмиен заставил себя размеренно пройти по проходу, но глаза его беспорядочно перескакивали с косметики на презервативы, а с них на жевательную резинку. Он постарался сконцентрироваться и решить, каким должен быть его следующий шаг, но мозг его работал слишком быстро, лихорадочно ловя лишь обрывки мыслей, сумбурно переплетавшихся друг с другом и беспорядочно проносившихся мимо, как циркачи в «Сирк де Солей». Думай, Дэмиен! Черта ради, думай!

Те люди все еще были снаружи. Один из них даже сделал движение в его сторону. И вдруг Дэмиен остановился и уставился на полку над своей головой. Ноги его приросли к полу, а все, что его окружало, расплылось и превратилось в фон. Глаза же его с высокой степенью разрешения сфокусировались на найденной цели. Он так обрадовался, что чуть не заплакал от облегчения! И почему только он не подумал об этом раньше?

— Дерьмо ты паршивое, — сказал Дэмиен, нашаривая в кармане несколько долларов когда-то полученной сдачи. И, не спуская глаз с идущего в его сторону молодца, он протянул деньги и схватил то, что Бог послал ему в ответ на его молитвы.

— От этого тебя прошибет, как из пушки, приятель! — сказал он с жесткой усмешкой, сжимая в руке упаковку слабительно «Легкий выход», самую большую из тех, что продавались здесь.

Такси выбросило из своего нутра Мэта и Холли, и они стояли рядом с ее домом, дрожа от холода в непригодной для минусовой температуры одежде, продуваемые до костей ледяным ветром, а Холли все никак не могла найти куда-то запропастившийся ключ и шарила в сумочке не слушавшимися от холода пальцами. На лице Мэта вокруг глаза наливался новый здоровенный синячище, а старый, вокруг другого глаза, полученный еще в битве с «Крутоголовыми», явно вознегодовал, что его так скоро стал затмевать какой-то новичок, и выказал свое сочувствие хозяину, проявившись еще сильнее. Мэта мучила стереоболь. Изысканное ощущение. Первое, что ему придется сделать завтра, это пойти и купить себе солнечные очки в стиле «Братьев Блюз», которые скроют за своими темными стеклами лиловые потеки и его унижение. Он уж и не знал, имеет ли это отношение к Джози, но он все больше становился рок-музыкантом — алкоголь, скандалы, шумные потасовки и бог знает что еще. Он стал даже подумывать, не достать ли ему по приезду домой свою старую гитару и усилитель.

Поняв, что вот-вот примерзнет к асфальту, и устав от бесплодных попыток Холли найти ключ, Мэт сгреб ее в охапку и понес по ступенькам наверх. Она была легкой, как пушинка, и, как пушинки, ее волосы щекотали ему нос.

Холли звонко шлепнула его сумочкой:

— Пусти меня, ты, ненормальный!

И хотя она брыкалась, Мэт прижал ее к себе еще сильнее.

— Я подумал, что у тебя, наверное, замерзли ноги, — сказал он, бросив взгляд на голые пальцы ее ног.

— Конечно замерзли, — сказала она, безуспешно стараясь заставить себя не стучать зубами. — Я еще приплю тебе счет за новые туфли.

Он было хотел заметить, что сломанный каблук на ее туфле стал результатом дорожного инцидента, что он здесь ни при чем, но, с другой стороны, если хорошенько во всем разобраться, то весь вечер был безнадежно испорчен только из-за него.

— Только имей в виду, — сказал он, — что на моей кредитной карте всего три тысячи фунтов.

— Ха-ха, — ответила Холли и, как фокусник, вывернув руку, показала ему своевольный ключ, не желавший до той минуты обнаруживать свое присутствие. Мэт немного приспустил ее, чтобы она смогла отпереть замок, потом толкнул дверь ногой, и полный благодарности, внес Холли внутрь.

— Ладно, здесь можешь отпустить меня, — сказала Холли, когда они пересекли прихожую, — сама как-нибудь дойду.

— Ты можешь наступить на что-то острое. Я не хочу отвечать за то, что ты в довершение всего получишь еще и смертельную рану, — пропыхтел Мэт, взбираясь вверх по лестнице. — До твоей квартиры еще идти и идти!

— Да уж, — согласилась Холли с лукавством во взгляде. Она обхватила руками Мэта за шею, и от удовольствия брови ее стали домиком.

Мэт скорчил гримасу и поднажал.

— Это вам зачтется в качестве достаточного наказания за все выходки в течение последних нескольких дней, — вынесла Холли свой вердикт.

— Благодарю вас, — еле выдохнул Мэт.

— Не разговаривать! — приказала Холли, крепко прижав палец к его губам. — Нам не нужно, чтобы весь пар вышел из вас еще до того, как мы доберемся до места.

— Как вы добры! — сказал Мэт.

— Это была ваша идея, — Холли рассматривала свои ногти и болтала ногами.

Мэт, пошатываясь, тащился вверх, и с каждым шагом вес пушинки Холли становился все ощутимее и уже приближался к весу свинца. Они были недалеко от цели, но силы в его ногах было не больше, чем в полужастывшем желе.

— Тебе надо сбросить вес, — задыхаясь, едва прошептал Мэт.

— Тебе надо больше тренироваться, — безмятежно прошептала Холли.

— Благодарение Богу, на горизонте показалась дверь!

— Вот сюда, — показала ему Холли, хотя в этом не было необходимости, и помахала ключами у него перед носом.

У Мэта перед глазами мелькали и крутились психоделические видения, что он отнес за счет нехватки кислорода. Это был не день, а какой-то нескончаемый марафон, а его организм не привык к таким длинным дистанциям. К тому же отплясывание «Хавы Нагилы» с тетей Долли нанесло ему значительный урон.

— Опустить! — приказала Холли покачивавшемуся перед ее дверью Мэту.

Он послушно и очень осторожно опустил ее до уровня замочной скважины. Колени и руки у него горели от перенапряжения, а спина совсем онемела.

— Так, посмотрим, — протянула Холли, рассматривая ключи один за другим.

— Скорее, женщина! — Мэт встряхнул ее, подбросив и почти дав упасть, чем вызвал ее смех. Когда Холли наконец отперла дверь, они ввалились внутрь, хохоча, как пятилетние дети.

Мэт, шатаясь, прошел через всю комнату и бесцеремонно свалил свой груз на кушетку. При этом колени у него подкосились, и он рухнул сверху на Холли. Она лежала под ним, давась от смеха, пока он ловил воздух со всей элегантностью загнанной лошади.

Внезапно смех прекратился, и они задыхались тяжело, сосредоточенно. В комнате стало тихо, слышались только их прерывистое дыхание и такой же прерывистый вой неумных полицейских сирен, долетавший до них снизу, с пустынных городских улиц. Мэт чувствовал ее тело, мягкое и маленькое, вытянувшееся вдоль его собственного. Непослушные волосы — не волосы, а грива дикой лошади — обрамляли ее лицо, придавая ей вид одновременно и распутный, и ранимый. Держа ее за запястья, он закинул ей руки и крепко прижал их к подушке над головой, из-за чего все ее тело выгнулось и прижалось к его телу. Ее губы были розовыми и влажными, она облизнула их дрожащим языком. Мэт увидел, как по горлу у нее пробежал небольшой клубочек глотка. По шее и верхней части груди расплзся легкий румянец, и от неровного дыхания поднимались и поднимались ее груди, а вставшие соски царапали его рубашку, и он чувствовал их жар у себя на груди. В темноте Мэт заглянул Холли в глаза. Боже, как все просто! А искушение так сильно...

— Мисс Бринкмен, — сказал он, — в вашем теперешнем положении вы полностью в моей власти.

— Мистер Джарвис, — в тон ему ответила Холли, — я уверена, что, будучи англичанином и джентльменом, вы не оскорбите моего целомудрия.

— Мисс Бринкмен, вы слишком высокого мнения о моей нравственности. — Мэт оперся на локти.

— Но у вас, как вам хорошо известно, было несколько возможностей сокрушить мне кости в своих объятиях, — заметила на это Холли, — и тем не менее вы стойко сопротивлялись моим неодолимым чарам.

— Боюсь, что положение может измениться. Еще миг, и я стану вести себя как невежа и совершенный наглец.

— Наглец, мистер Джарвис? — Эти слова, казалось, озадачили Холли. — Я американка, сэр. Вероятно, я не знаю, как ведут себя наглецы.

Мэт убрал волосы с глаз Холли.

— Тогда я буду иметь удовольствие показать вам это, мисс Бринкмен, — сказал он, впившись губами в рот Холли.

Те устрашающего вида люди все еще ждали Дэмиена, который с еле сдерживаемым ликованием, сжимая в руке слабительное, собирался украдкой выскользнуть из магазина. Сгрудившись, они склонили головы к зажигалке, старательно раскуривая сигареты, дав Дэмиену возможность незаметно выбраться из магазина.

Крадучись идя по коридору и делая крутые виражи, он заскочил в ближайший мужской туалет. Все это просто смехотворно! Прямо как в каком-нибудь идиотском фильме с Харрисоном Фордом, только без его звездного статуса и без соответствующих этому статусу девицы и толстой чековой книжки.

Он прислонился к стене, тяжело дыша и делая безуспешные попытки успокоиться. Дэмиен поставил портплед на пристенный столик. Судя по звукам, издаваемым Дональдом, его вынужденный спутник также находился в состоянии стресса.

Дэмиен осмотрелся. Заведение было чисто утилитарным, с выложенными белым кафелем стенами, а все функциональные части были из хромированного металла. Из динамиков лилась песня «Это было самое прекрасное время в моей жизни», придававшая сюрреалистический оттенок тем действиям, которые свершались в этом месте.

Похоже, в кабинках никого не было. Но Дэмиен все же тщательно осмотрел их все, опуская голову до полу и заглядывая под двери в поисках ног. Никого. Если только на унитазах не пристроился какой-нибудь лилипут.

Дэмиен медленно и со всеми возможными предосторожностями открыл молнию портпледа. По своему горькому опыту он знал, что этот паразит кусается. Только одно движение, и вся эта свистопляска завершится потоком слез. Из-под складок холщовой ткани высунулась голова Дональда, и из глубин мешка в нос Дэмиену ударила утиная вонь. Дэмиен все же отодвинул застежку еще немного.

Получив даже такую ничтожную возможность, Дональд захлопал крыльями и предпринял отчаянную попытку улизнуть. Он взмыл под потолок, в открытое пространство мужского туалета, возвещая об обретенной свободе.

Но Дэмиен схватил его в полете.

— Поймал, — закричал он. Подмигнул утке. — Извини, друг, но не так это все просто.

Дональд немного потрепыхался, а затем обмяк в руках Дэмиена.

— Я просто дам тебе таблеточку. — Дэмиен уже разворачивал слабительное. — Такую маленькую, малепусенькую таблеточку. Или две. — Он поднял лекарство, показывая Дональду. — Вот видишь, тебе совсем не будет больно. Она гораздо меньше, чем кольцо с бриллиантом, ведь правда же? «Легкий выход», — он повторил название по буквам. — Само за себя говорит, так ведь? Проскользнет, и не заметишь. Она вкусенькая! — Дэмиен ободряюще улыбнулся Дональду: — Ням-ням-ням!

Но утку это как будто не убедило.

— Откроем ротик! — Дэмиен широко развел клюв Дональда, стараясь держать пальцы на безопасном расстоянии от его кромки.

Дональд так шумел, что и мертвого мог разбудить.

— Я же тебя не убиваю! — настаивал Дэмиен. — Пока еще.

Даже засунуть таблетку от глистов в пасть Коту-Ранее-Известному-Как-Принц было легче, чем то, что он делал сейчас, а он буквально превращался в героя Брэда Питта из

«Бойцовского клуба», как только слышал слова «ветеринар», «таблетки для кошек» и «пудра от блох».

Чтобы крикнуть еще сильнее, чем прежде, селезень широко раскрыл клюв, и в этот самый момент Дэмиен высыпал в его беззащитную глотку всю упаковку слабительного, захлопнул ему клюв и крепко его сжал. Затем зловеще ухмыльнулся:

— А теперь нам остается только ждать.

Ждали они долго. Дэмиен сверился с часами. Всего-то пятнадцать минут, а уже заболела рука. Он поменял руку и в мучительном ожидании закрыл глаза. Он стоял, полуприсев, в тесном пространстве кабинки туалета, сжатый ее стенами, и его колени уже давали о себе знать. Удерживать Дональда, прижав его к сиденью унитаза, было далеко не самым приятным делом из тех, что ему приходилось делать в жизни. Хотя, например, два года назад ему удалили вросший ноготь; но то были просто несколько минут наслаждения по сравнению с этим.

— Давай-давай-давай! — подбадривал его Дэмиен. — Надо только пукнуть. Пукнешь, и все наши мучения закончатся, и мы оба пойдем по домам.

Дональд выглядел как-то подозрительно; кажется, он собирался заснуть.

— Не спи! Хватит дремать! — Дэмиен ткнул утку. — Нам с тобой дело надо делать.

Но глаза Дональда сонно закатились.

— Послушай, спеть тебе, что ли? — спросил Дэмиен Дональда. Он шарил в своей голове в поисках подходящего мотивчика, который бы простимулировал процесс утиной дефекации. Дональд остался совершенно безучастен к этой перспективе.

И тут внутри у Дэмиена ярко вспыхнула маленькая лампочка, озарившая его мозг.

— Нашел! — Он прочистил горло. Обычно ему требовалось довольно много янтарного настоя, чтобы подготовиться к пению. Его голос гулял без руля и без ветрил из тональности в тональность, то падая в басы Бэрри Уайта, то взлетая до фальцета «Би Джиз», совершенно не обращая внимания на тот курс, который ему задавал Дэмиен. Он опять прокашлялся: — «Наш Мак-Дональд жил на ферме, и-ай, и-ай, о-о-о. И на ферме жила УТКА, и-ай, и-ай, о-о-о. И куда ни шла бы, говорила «кря-кря». Тут «кря-кря-кря», и там «кря-кря-кря». «Кря-кря», всюду «кря-кря»^[17]. Наш Мак-Дональд жил на ферме, и-ай, и-ай, о-о-о!»

Дэмиен прислонился спиной к стене кабинки.

— Ну что, сделал что-нибудь? — спросил он с надеждой.

«Кря», — ответил Дональд.

— Давай быстро, — приказал Дэмиен.

«Кря».

Дэмиен шумно вздохнул и опять ободряюще улыбнулся. Его репертуар утиных песен был непростительно ограничен. А эта детская песенка к тому же напомнила ему о том жутком уикенде, который он пропел с Джози, поехав, как предполагалось, в романтическую поездку. Она тогда всю ночь изображала животных со скотного двора, передразнивая звуки, доносившиеся до них из соседнего номера, где другая пара занималась гораздо более неистовым и раскованным сексом, чем они. А в настоящем положении совсем не о том он хотел думать. Дэмиен призвал на помощь все свое самообладание.

— «Наш Мак-Дональд жил на ферме, и-ай, и-ай, о-о-о. И на ферме жила УТКА, и-ай, и-ай, о-о-о. И куда ни шла бы, говорила...»

«Кря», — вступил Дональд.

— Тут «кря-кря...».

«Кря».

— Там «кря-кря...».

«Кря».

— Всюду «кря-кря-кря...».

«Кря».

— Что ты тут раскрякался, тоже мне, певец! — заорал на него Дэмиен. — Гадь скорее, ты, остолоп утиный!

«Кря».

Дэмиен сильно хлопнул дверью, признав свое поражение.

— Значит, не подействовало?

Очередное «кря», произнесенное Дональдом, с большой долей определенности можно было расценить как «нет».

Дэмиен вздохнул в изнеможении и посадил Дональда на пристенный столик.

— Значит, так, мой маленький пернатый дружок, с одной стороны, я прекрасно осознаю, в каком неприятном положении ты сейчас находишься. Ты, вероятно, считаешь себя просто посторонним слушателем всей той белиберды, что мы там с Джози наговорили друг другу. Конечно, ты вовсе не обязан был знать, что тот соблазнительный кусочек, что шлепнулся в воду перед твоим носом, вовсе не был огрызком песочного печенья или крекера, да? Ты смял его в один миг, тебе и в голову не пришло, что ты делаешь что-то нехорошее. Так поступают все утки, и ты был в полном неведении о том, что проглотил предмет, с помощью которого быстрее всего завоевывается женское сердце, — Дэмиен говорил с ним серьезно, как мужчина с... селезнем. — Но, с другой стороны, ты все сильно усложнил. Я сделал все, что мог, чтобы убедить тебя, но наше время неумолимо истекает. Поэтому, дружище, если ты в течение пяти секунд не прокакаешься, то мы скажем друг другу последнее «прости»!

Одной рукой Дэмиен сдавил Дональду шею, а другой открыл краны, наполняя раковину теплой водой. И прежде, чем успел подумать о том, насколько разумны будут его попытки утопить в воде водоплавающую птицу, схватил свою жертву и погрузил ее голову под воду. Дональд боролся за свою жизнь с силой двадцати уток, как сумасшедший хлопая крыльями и измочив Дэмиена с ног до головы.

— Подыхай, ты, мразь утиная! — орал Дэмиен, прилагая все силы, чтобы удержать Дональда под водой. — Подыхай же!

В этот момент дверь резко распахнулась, и три крупные мужские фигуры заслонили дневной свет.

— Я все объясню, — сказал Дэмиен, разжав руки. Утка села и стала издавать захлебывающиеся звуки.

Мужчины приближались. Дональд кашлял. Дэмиен отступал.

Он поднес руки к лицу, чтобы защитить его.

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — взмолился он.

Мэт открыл глаза и заморгал, чтобы отогнать сон. Было еще темно. Шторы были не задернуты, но в окне проглядывал только сероватый намек на свет близкого рассвета. Спальня Холли выглядела так, как будто в ней остался на ночь не одинокий рок-журналист, а целая группа «тяжелых металлистов». По полу была разбросана одежда, всюду валялись бутылки, да и другие сомнительные предметы. Он лежал на спине, закинув руки за голову, совершенно опустошенный. Возможно, его тело не было готово к марафонским дистанциям последних дней, однако когда обстоятельства того потребовали, оно показало, что способно безупречно справляться с поставленной задачей, и, оценивая его про себя, Холли не могла не дать ему десять очков из десяти — если уж не за артистизм исполнения, то хотя бы за приложенные усилия.

Они занимались любовью на диване, поперек дивана, на коврике перед камином, в душе, на полу в ванной комнате, на полу в спальне и — в заключение — на кровати. Ах да, еще и на кухне, под навесными шкафами, по дороге в спальню. Хорошо еще, подумал Мэт, что Холли живет не в особняке, если уж начистоту, то комнат у нее было маловато. Зато было много презервативов, и Мэт старался не думать о том, что их у нее (причем самых разнообразных) было больше, чем в крупном розничном магазине с широким выбором товаров такого сорта. Если бы она вкладывала в продвижение «Крутоголовых» столько же энергии, сколько расходовала на своих сексуальных турнирах, то «Крутоголовые», без сомнения, завоевали бы Америку, несмотря даже на то, что самое большее, на что они могут претендовать, — это детская шоколадка, да и ту им никто не даст.

Мэт не любил случайный секс. Ну, если и любил, то не очень. Такие отношения в целом — просто минное поле. Не так все просто даже с той, кого хорошо знаешь и любишь, а с незнакомым человеком всегда возникают ситуации, в которых чувствуешь себя совершенно не в своей тарелке, что сильно бьет по нервам. Во-первых, всегда думаешь о физической стороне дела: достаточно ли ты большой, не слишком ли большой (что уже из области грез), достаточно ли быстро ты это делаешь, достаточно ли медленно, не слишком ли быстро кончаешь, сможешь ли кончить вообще и пр. А если прибавить к этому эмоциональное напряжение от того, что ты голый в постели с женщиной, которую совсем не знаешь, то просто непонятно, зачем люди вообще идут на такое. Но идут ведь, потому что ситуации, как та, что была у него прошлой ночью, имеют обыкновение возникать с завидным постоянством, и если такое случается и не очень часто, так, раз в год по обещанию, то тем сложнее бывает побороть искушение. Случаются в жизни ночи флирта и ухаживаний, ночи, когда слишком много пьешь, слишком много ждешь, слишком многое позволено и когда в результате возникает лишь чувство ненужности и одиночества, чего-то призрачного, нелепого, губительно-случайного и хаотичного, что по привычке называют психологической несовместимостью.

Но даже если с этим все в порядке, удовольствие от такой связи длится недолго, потому что потом долгие недели вспоминаешь, что, возможно, оказался не на высоте. Даже если она оставляет нацарапанный на бумажке номер телефона или в утренней спешке бросает торопливое обещание позвонить, все равно душу будет точить червь сомнения. Ничего нет приятного в том, что твои достоинства, выказанные под одеялом, станут предметом обсуждения в местном пабе за бокалом коктейля «Бакарди Бризерс». Его внутреннее «я»

было слишком ранимым, а он слишком хорошо знал, как преувеличивают женщины все, что связано с мужчинами, выпив стакан-другой. Холли, по крайней мере, живет на другом континенте, и то, что будет рассказывать она, не достигнет ушей посетителей их паба «Шлаки и злаки».

А сейчас есть и кое-что еще. Он перестал быть верным Джози. Он ей изменил, и при этой мысли у него на желудок ложился ком, как от холодной и застывшей овсяной каши. Хотя и непонятно, как это возможно технически: изменить женщине, ни сном, ни духом не ведающей о твоей глубокой и неизменной ей преданности. Женщине, «случайно» забывшей даже упомянуть, что она все же немного замужем. И тем не менее раскаяние переполняло его сердце, что было несправедливо по отношению к Холли, поскольку ночью — и это послужит ему оправданием — отсутствием энтузиазма он не страдал.

Но то было ночью, а сейчас было сейчас, и через час-другой наступит холодный прозрачный рассвет. И пока Мэт размышлял над тем, как ему надлежит поступить, он почувствовал некое движение в постели рядом с собой. И некоторое натяжение простыни на бедрах.

Он не выносил такие моменты. Он ненавидел их больше всего на свете. Больше даже, чем запах чужого тела, больше «Пышных лимонных бисквитов», больше, чем водителей в центре города, больше даже, чем свое непонимание американского футбола. Уместно упомянуть, что за всю его жизнь ему не случилось лечь в постель с уродливыми женщинами, но, к сожалению, при пробуждении ему часто приходилось видеть таковых рядом с собой. А что, если с первыми солнечными лучами Холли вдруг превратится в улыбающуюся мартышку из фильма «Планета обезьян»? Весьма обаятельную мартышку, вне всякого сомнения, но ведь мартышку. Такое случалось. Он мог вспомнить не один случай, когда он ложился в постель с красавицей, почти что с Лиз Херли, а просыпался с кем-то вроде Леса Доусона.

Мэт повернулся и с неловкостью улыбнулся силуэту Холли на фоне предрассветной серости и с облегчением увидел, что она все еще вполне привлекательна. Она сидела в постели, буйные ее волосы рассыпались по плечам, а в руке была сигарета с марихуаной, и она мечтательно наблюдала, как выпущенные ею колечки дыма поднимались к потолку, закручивались там и растворялись в воздушном небытии. Она улыбнулась ему в ответ, и зубы у нее были белыми даже в этом сюрреалистическом свете:

— Привет.

— Привет, — откликнулся Мэт.

Холли выпустила еще одно колечко дыма.

— Все в порядке? — спросил он.

Она кивнула, но в том, как она это сделала, сквозила холодноватая напряженность; к тому же она вся завернулась в простыню, и эта неожиданная скромность казалась несколько не к месту, если вспомнить события прошедшей ночи.

— Я не думала, что разбужу тебя, — сказала Холли между двумя затяжками.

— А я не думал, что отвернусь от тебя и засну, — кротко ответил Мэт. — Это просто безобразие...

— Да ладно. Не самое страшное. — Она загасила бодрящую сигарету в пепельнице в виде ракушки, поседевшей от частого использования.

— Ненавижу этот момент, — сказал Мэт. — Никогда не знаешь, что сказать, как поступить. — Он приподнялся, опершись на локоть. — Не хочется говорить избитые слова,

что-нибудь вроде «Тебе было хорошо со мной?» или «Мир перевернулся этой ночью».

— Если бы ты все-таки сказал это, — возразила Холли, — то я бы ответила, что мне было хорошо, и что, если сегодня ночью мир и не перевернулся, то все же он довольно сильно раскачивался.

— Правда?

— Правда. — Мышцы рта у Холли стали не такими напряженными. — А поступить тебе надо так: просто обними меня.

И, поскольку возражений не последовало, Холли нежно прижалась к нему. Теперь уже Мэт почувствовал неловкость. И как это его угораздило влипнуть во все это? Началось все со сломанного каблука и с погони за некоей подружкой невесты, а закончилось тем, что они оказались в постели, где не без приятности и прокувыркались всю ночь, внося свой существенный вклад в горы мировых отходов использованной резины.

— А тебе было хорошо со мной? — спросила Холли.

— Да. Хорошо. Просто отлично. Великолепно. Фантастично. Превосходно. — На этом Мэт исчерпал свой довольно ограниченный запас наречий для выражения высшей степени похвалы. — Чудесно.

— Чудесно? — подхватила Холли, и ее пальцы заскользили по его груди вниз к животу. — Настолько чудесно, что хочется повторить еще раз?

— Сейчас?

— Почему бы нет?

— Почему? — Причин было много, но ни об одной из них он не мог сказать Холли. И не самой последней в их ряду было то, что он понятия не имел, откуда взять на это силы.

— Нет другого времени, кроме настоящего, — добавила Холли.

Мэт остановил ее руку.

— А сколько сейчас времени? Боже мой! — Он вперил взгляд в часы над плечом Холли. Она тоже обернулась и посмотрела на них:

— Еще только шесть часов.

— Уже шесть. Уже!

Холли резко отодвинулась от него:

— Только не говори, что тебе уже пора.

— Мне надо успеть на самолет.

— Он же улетает только после обеда.

— Мне нужно собрать вещи.

— Ты хочешь убежать от этой ситуации, так ведь?

— Да.

— Почему?

— Прости, я негодяй, но после такой ночи я эмоционально истощен, и ждать от меня проявлений чувств бесполезно.

Но убедить в этом Холли было нелегко.

— К тому же я английский негодяй, а это еще хуже, англичане этим славятся.

— Я сделала что-то не так?

— Да все в порядке, — сказал Мэт. — Все в порядке. Правда.

— Тогда почему ты так торопишься убежать?

— Я не тороплюсь. — Мэт беспокойно заерзал на постели. Ему отчаянно хотелось в туалет, но он не представлял, как в этой ситуации он, голый, вылезет из постели и

заковыляет в уборную: жалкое зрелище! — Хотя нет. Ты права, тороплюсь. Но это совершенно не связано с тобой. — Он снял руку Холли со своей груди и сжал ее. — Мы отлично провели время, развлеклись...

— Провели время? — воскликнула Холли. — Развлеклись?

Мэт не понял, что такого обидного он сказал.

— Так вот что это для тебя! — Даже при таком тусклом освещении было видно, как потемнело лицо Холли. — Ты просто провел со мной время!

— Ну да... — сказал Мэт. — Я думал, ты этого хочешь.

— Ты думал, я хочу поразвлечься?

— Да...

— Я отношусь к тебе серьезно, Мэт. И хочу, чтобы ты это знал. Если ты считаешь, что я прыгаю в постель с каждым встретившимся мне мужчиной, то ошибаешься. За кого ты меня принимаешь?

— Ну... за свободную, раскованную, активную женщину, — отважился дать ей определение Мэт. — За настоящую американку из Нью-Йорка.

— Я из Орегона.

— Правда? Никогда там не был...

— Итак, я свободная, раскованная, активная женщина, от которой можно просто так уйти утром, потому что тебе так удобнее?

— Холли, мне и в самом деле надо успеть на самолет. Ты же с самого начала знала, что все это временно. — Мэт развел руками в поисках слов поубедительнее. — Я знал, что, что бы я ни сделал, ты все равно обидишься.

— И все же я не понимаю, в чем здесь сложность. — Холли сложила руки на груди. — Мы могли бы опять заняться любовью, потом позавтракали бы вместе. Я бы сделала фруктовый салат. Пожарила бы яичницу. Может быть, даже испекла бы блины. И мы разошлись бы с хорошим чувством. Не понимаю, почему ты вдруг так изменился!

— Я бы поел блинов...

— Засунь их знаешь куда?!

Мэт убрал локоть и тяжело опустился на постель.

— Все дело во мне, Холли. Ты здесь ни при чем.

— Когда так говорят, имеют в виду, что дело во мне, а не в тебе. Понятно излагаю?

— Причиной тут то самое чувство вины. Устаревшее и вышедшее из моды. Я не могу заниматься с тобой любовью, потому что чувствую себя кругом виноватым.

— Виноватым? — выпрямилась Холли. — Перед кем?

— Да перед всеми. А больше всего перед одним человеком.

— Каким человеком? Мы же с тобой свободны, разве не так?

— В общем да... Просто утром все воспринимается по-другому, ты же знаешь.

— Не знаю. Это по-твоему так. Но я, ложась вчера спать, была свободна, и... — Холли показала свой средний палец, — сегодня утром я все еще свободна. Таким образом, у тебя есть возможность...

— М-м-м-м...

— Ты что, не свободен?

— Все зависит от того, что ты вкладываешь в это понятие.

— В это понятие я вкладываю жену, двоих детей и загородный дом.

— В таком случае, я свободен. Официальных обязательств у меня ни перед кем нет.

— Но у тебя кто-то есть?

— Э... — Как бы было хорошо очутиться сейчас на улице уже одетым, а не лежать голым в постели под неотрывным взглядом Холли, прожигающим его насквозь, как лазерный луч!

— Я все время чувствовала, что ты чего-то недоговариваешь. — Произнеся это, она презрительно вздернула кверху нос.

Женщины нюхом чувствуют обман, как кошки за километр чувствуют запах жареной курицы. Вся сложность в том, что, как понял Мэт, они часто предпочитают его не замечать. Кошки находят ни в чем не повинную курицу и, повинаясь инстинкту, нимало не сомневаясь, немедленно отгрызают ножку. А женщины, пока это в их интересах, старательно не замечают даже самый сильный и навязчивый дух лжи. Успокаивая себя разными доводами, они годами ждут своего часа, чтобы отгрызть ножку, причинив наибольшую боль.

Нос у Холли задрался еще выше:

— Это как-то связано со свадьбой Марты?

— Да.

— И с твоим интересом к подружке невесты?

— Да.

— Так, значит, у тебя есть женщина?

— Да.

— Поэтому тот парень и ударил тебя?

— Да.

— И ты ее любишь?

— Да.

— А она тебя любит?

— Не имею ни малейшего представления.

— Что же ты делаешь в моей постели?

— Порчу то, что могло бы стать хорошей дружбой.

Холли скользнула вниз в постель и натянула простыню до самого подбородка.

— Тебе лучше уйти, Мэт.

— Верно, — согласился Мэт и подумал, как бы ему все-таки дотянуться из постели до своей одежды, а затем добраться до двери и при этом не выглядеть последним подонком.

Справа и слева от Дэмиена было по одному громиле. Подхватив под локти так, что ноги у него еле касались земли, они лихо протащили его через все здание аэровокзала. Еще один тащил Дональда, теперь уже надежно упрятанного в портплед.

Толпа пенсионеров, голубевшая своими выглядывающими из-под панам волосами, расступалась при их приближении, и Дэмиен подумал, замечают ли эти старички ужас на его лице, а если замечают, то почему ничего не делают. На минуту пришла в голову мысль, не закричать ли ему, но и в этом своем обездвиженном состоянии он предпочел сохранить видимость достоинства.

— Вы откуда, ребята? — спросил он, пока его выносили за пределы здания и тащили через дорогу, с риском для жизни и конечностей лавируя среди визгливо тормозивших такси. В ответ они только сильнее сжали его локти. — Из ФБР? — решился высказать свои предположения Дэмиен. — Из таможни?

— Хватит болтать, — просипел тот, что сжимал его правый локоть. — У нас тут есть кто-то, кто хочет повидаться с тобой.

— Повидаться со мной? — повторил Дэмиен, а они проворно проволокли его на парковочную площадку к ожидавшему их черному лимузину с затемненными стеклами, всем своим видом говорившему об опасности. — Вы, наверное, не того взяли.

Его собеседник рванул на себя дверцу машины и затолкал Дэмиена внутрь. Дэмиен больно ударился головой о дверную раму.

— Ох, — жалобно воскликнул Дэмиен, ощупывая свой череп. Громила втиснулся в машину, прижав Дэмиена к дяде Нунцио.

Дэмиена омыла волна облегчения:

— Господи боже правый! Это вы! Человек со свадьбы Марты! — Дэмиен драматично расправил грудь. — А я-то испугался.

— Дядя Нунцио здесь для того, чтобы восстановить честь, — торжественно известил его человек рядом с ним. Дэмиен заметил, что Дональд мирно сидел у него на коленях, радостно высунув голову из сумки.

— Честь, — кивнул головой дядя Нунцио.

— Честь? — переспросил Дэмиен. — Чью честь?

— Тогда, на свадьбе, ты нанес оскорбление нашему другу, и теперь тебе надо подумать, как загладить свою вину перед ним.

— Вашему другу? — Неясная догадка забрезжила на горизонте его сознания. — Неужели вы говорите об этом ничтожестве, Мэте Джарвисе? Быть того не может!

— Ты должен исправить то, что испортил, — настаивал громила.

— Исправить! Да этот... он походя, одной рукой, разбил мою семью. Да самое малое, что я должен был сделать, это отмолотить его как следует!

— Мы решили, — не обращая внимания на возражения Дэмиена, продолжал его собеседник, — в качестве компенсации взять у тебя твою утку.

— Утку? — в ярости воскликнул Дэмиен. — Да ни за какие коврижки!

— Коврижки? — заинтересовался дядя Нунцио.

— Ни за что на свете, Джованни, — разъяснил ему Дэмиен. — Этот селезень живет у нас многие годы. Он мне как брат. А мою семью лучше не трогать. — Дэмиен постарался,

чтобы его голос прозвучал угрожающе или хотя бы не испуганно.

— Нам нужна утка, — повторил громила.

— Этому слизняку я своего селезня не отдам! — Дэмиен вложил в эту фразу весь пыл души.

С каменными лицами они уставились друг на друга, а затем громила принялся разминать кисти рук, щелкая костяшками пальцев так, что Дэмиену слышались выстрелы.

— Пойдите, пойдите! — Дэмиен вытянул вперед руку, как бы защищаясь. — Это что, из-за того, что до вас дошел слух о кольце с бриллиантом, да?

Никто не проронил ни звука.

— Так, что ли? — повторил свой вопрос Дэмиен. — Вы думаете, что это кольцо внутри утки? Правильно?

Дядя Нунцио и громила уставились друг на друга.

— Что ж, вас обманули. Как бы я тогда, по-вашему, провез эту утку через таможенную? Неужели вы думаете, что они ее пропустили бы через рентгеновскую установку? Поверить не могу, что вы купились на эту ложь! — Дэмиен исполнил выразительную пантомиму, хлопая себя по коленям и выражая высшую степень удивления.

Дядя Нунцио и громила смотрели друг на друга уже не так уверенно.

— Эту утку называют Бриллиантовой, — пояснил Дэмиен, всем видом выражая свое неодобрение. — Это название модели... то есть типа... вида, породы...

Громила взглянул на дядю Нунцио, который оставался совершенно невозмутимым.

— Ты сильно усложняешь и наше, и свое положение, дружище, — произнес громила. — Либо ты теряешь лицо, либо мы.

— Послушайте, — вздохнул Дэмиен. — Как мне все надоело! И я хочу, чтобы мое лицо оставалось таким, как оно есть. Я уже устал от всего этого. Вконец измотан. Мне надо успеть на самолет. В самом деле надо, потому что я хочу поскорее добраться домой. Ладно, берите утку. — Он оттолкнул сумку с Дональдом от себя. — Бог с вами, берите. Берите. Берите. Теперь я могу выйти?

Громила, казалось, был озадачен. Дядя Нунцио пожал плечами. Громила вышел из машины, и Дэмиен смог расправить плечи.

— Не могу сказать, что рад был встрече с вами, — обратился Дэмиен к дяде Нунцио. — У Марты, оказывается, чрезвычайно своеобразные связи. Желаю удачи вам и моему селезню.

Громила встал у двери машины. Дэмиен вылез из нее, выпрямляясь и стараясь сохранить все достоинство, на которое был способен в этот момент, что было непросто, учитывая, что ноги у него дрожали, как та мягкая игрушечная спираль, которой занимают праздные руки.

— Заботьтесь о нем, — Дэмиен протянул руку и потрепал селезня по голове. — Его зовут Дональд.

Дональд жалобно крикнул. Громила, казалось, был растроган до слез. Дэмиен закусил трясущуюся губу. Наклонился к портпледу:

— Прощай, сынок...

И с быстротой, которой мог бы гордиться и сам знаменитый бейсболист Уилл Карлинг, Дэмиен выхватил сумку из сжимавшей ее руки ошеломленного громилы и бросился наутек, лавируя между автомобилями, истошно вопившими своими сиренами. Им в ответ завопил и Дональд. Дэмиен бросил взгляд назад и засмеялся, увидев, что люди дяди Нунцио, бросившиеся в погоню за ним, по счастью, были отрезаны от него непрерывным потоком

желтых такси, двигавшихся друг за другом вплотную. И кто это сказал, что, когда помощь нужнее всего, ничто вам не поможет!

Все, что ему нужно было теперь сделать, это продумать, как пронести Дональда через таможню, а сейчас это представлялось делом непростым.

Джози уже вспомнила мать, отца, сестру, брата, дядю, тетю, да и вообще всех тех, кого вспоминают, страдая от похмелья. Она провалялась в постели целых полчаса, стараясь придать комнате неподвижность и мобилизуя все свое мужество, чтобы наконец найти силы и встать.

И вот теперь она стояла под душем, закрыв глаза и чуть покачиваясь, давая потоку омыть свое брэнное тело и воплощая собой то, что так ярко живописуют агенты по продаже противополохмельных препаратов, стараясь всучить свой товар.

Но и по мере того как она трезвела, кошмар вчерашних событий вовсе не становился слабее. Она подумала, где сейчас может быть Марта и сколько времени потребуется ее отцу, чтобы найти и убить ее. Ей вдруг до боли захотелось позвонить Лавинии — настолько сильно ранило ее душу то, что произошло вчера. Джози вдруг показалось, что в этом большом городе успокоить ее не сможет ничто, кроме материнской любви. Но вспомнив, что минут пятнадцать придется выслушивать околomedicalские поучения матери по поводу ее теперешнего состояния, она сочла за лучшее остаться с этим состоянием наедине.

Закрыв краны, она завернулась в теплое пушистое полотенце, стерла пар с зеркала и посмотрела в него долгим, придирчивым взглядом. Никогда не видела она таких красных, налитых кровью глаз, разве что у Тома Круза в фильме «Интервью с вампиром». Ужаснувшись, Джози прошлепала обратно в комнату. В этом помещении в безнадежной битве за первенство сцепились кондиционер и радиатор центрального отопления, и результатом этого противостояния был воздух почти уличной температуры, обильно насыщенный пылью. Дышать этим удушающим, бескислородным составом было почти невозможно, но, как и всюду в Нью-Йорке, окна спальни были плотно закрыты на замки и наглухо забиты гвоздями.

Внизу шевелился город, и это движение, еще сонное в утро выходного дня, не тормозило, как обычно, обитателей Большого Яблока, а скорее лишь слегка подталкивало, заставляя просыпаться и приступать к своим воскресным делам. Где-то внизу начинается свой новый день и Мэт Джарвис. Она отодвинула шторы и посмотрела в окно. Может быть, стоит его поискать? Если она поднапряжется, может быть, ей удастся вспомнить, где его гостиница? За два квартала от нее или за десять? Бог его знает. Вероятно, эта информация выпала из ее сознания, посчитавшего такие сведения несущественными в сравнении с тем, что пришлось переработать серому веществу за последние сорок восемь часов. Да стоит ли вообще Мэт такого внимания с ее стороны? Может быть, он уже закончил свои интервью и вернулся в Лондон. Об этом она никогда не узнает.

Солнце предприняло отважную попытку согреть своими нежными розоватыми лучами бетонную серость холодного рассвета. Бессмысленно сидеть здесь в свой последний день пребывания в США и кукситься из-за неудач. Завтра — уже так скоро! — она вернется в свою кэмденскую глушь и вновь примется разжевывать учащимся захватывающе-завлекательную тягомотину информационных технологий. Нет, ей надо выбраться в город, глотнуть хотя бы относительно свежего воздуха и постараться получить максимум удовольствия от оставшегося времени.

Джози взяла номер «Что и где в Нью-Йорке» и пробежала глазами до отказа забитые информацией страницы с перечнем всевозможных развлечений. «Воскресная евангельская

служба в Гарлеме» — слишком много пения, шума и оживления. «Завтраки и обеды у Лолы» — еда, газы и колики, обещание больше не есть никогда в жизни. «Подъем на Вершину Мира» — тащиться на верхушку небоскреба! Ноги ей еще пригодятся. Так, так, так. Вот, нашла. Ее глаза, красные, будто песком засыпанные, сделали попытку загореться от радости. «Велосипеды напрокат», — говорилось в этом объявлении. Джози сама себе улыбнулась, и кожа на лице от этого заболела. Где, как не в Центральном парке, зеленом и полном жизни, в этих легких города, можно выветрить похмелье из своих собственных, особенно если нагруть ноги вращением педалей.

Холли кидалась в него фруктами, целясь в голову. А ведь Мэт сделал все, что мог, чтобы уйти от нее по-хорошему, шутил и старался поднять ей настроение, успокоить, утешить, вселить жизнерадостность, льстил ей, всячески давал понять, что она ему не чужая. Фактически, пока он одевался, ему пришлось пережить всю гамму эмоций, связанных с «неприятным положением», но ничто не смогло выудить Холли из-под туго натянутой простыни и одеяла, под которыми она молча скрылась от его глаз. Против чего он, в сущности, и не возражал, потому что в противном случае ему не удалось бы сохранить достоинство, надевая носки.

Но когда он уже был на улице, ситуация вдруг изменилась. Холли настежь распахнула окно комнаты и обрушила на него град абрикосов, киви, апельсинов и даже маленьких сладких бананчиков, таких вкусных и таких мягких, что даже при желании вернуть их было уже невозможно. Это фруктометание сопровождалось полным набором эпитетов из серии «ублюдок дерьмовый». Когда Холли предложила сделать на завтрак фруктовый салат, Мэт и не предполагал, что фруктам может быть найдено такое вот применение. И, уворачиваясь от обстрела снарядами, начиненными витамином С, он вдруг подумал, что ведь никто из соседей не проявил к происходившему ни малейшего интереса. Возможно, обитатели этой улицы уже привыкли к тому, что Холли в запальчивости имеет обыкновение забрасывать уходящих от нее мужчин тропическими плодами. А возможно, в Нью-Йорке с этого начинается каждое воскресное утро. Наконец он вышел из зоны досягаемости, и Холли громко захлопнула окно, бросив ему вслед прощальное: «Пошел в задницу!» — из чего следовало, что ранний уход Мэта вовсе не входил в ее планы.

Что же теперь?

Мэт позавтракал в чадной закуской — свои блины он съел в гордом одиночестве — и стоял в переулке, размышляя, как лучше заполнить зияющую пустоту последнего своего дня в Большом Яблоке. Можно пройтись до гостиницы окружным путем, заплатить по счету, а там уже решать, что делать дальше. Тело у него болело от пережитых столкновений и стычек, и больше всего ему хотелось лечь в постель и поспать. Желательно одному.

Легкий ветерок взъерошил ему волосы, от чего под ними заболела кожа, и Мэту вдруг пришло в голову, что выглядит он, наверное, хуже некуда — во всяком случае, чувствовал он себя именно так. Проведя рукой по подбородку, он ощупал вполне ощутимую щетину, которая, без сомнения, уже темнела на бледной сухой коже его одутловатого после перенесенных излишеств лица. Хорош, нечего сказать! Неудивительно, что Холли предпочла не высовываться из-под одеяла.

Прогулка пойдет ему на пользу. На свежем воздухе из его изможденного мозга выветрятся остатки шампанского и текилы. К тому же ему нужно подумать о Холли, о том, почему он сумел так все испортить. Ему нужно подумать и о Джози, о том, почему он все

испортил и с ней.

С Холли положение можно хоть как-то поправить. Когда он вернется в Англию, он пошлет ей цветы, коробку конфет, может быть, новые туфли от Джимми Чу взамен тех, со сломанным по его вине каблуком, и, может быть, даже фрукты — взамен израсходованных на его обстрел. Возможно, это покажется ей забавным и она простит его, а он напишет хвалебную статью, в которой сравнит восходящих к высотам звездной славы «Крутоголовых» с покойным Джоном Ленноном, хотя его душа всеми своими фибрами противится такому сравнению с гениальным музыкантом. Он скорее предпочел бы застрять в лифте часов на пять с каким-нибудь дуболомом вроде Деса О'Коннора, чем еще хоть раз взглянуть на это коллективное убожество, на этих отщепенцев от музыки — Джастина, Тайрона, Бобби и Стига, то бишь на «Крутоголовых». И будь у него Джози, он никогда бы не пошел на это.

Мэт поднял глаза к безбрежным небесным далям над головой. Неяркое зимнее солнце все же сумело прогнать утреннюю серость, и небо сияло ясной лазурью. Джози ведь тоже где-то под этим небом, и он обязательно найдет ее. Так или иначе, но найдет. Даже если это станет последним, что он делает в жизни.

А утро становилось все прекраснее. Мороз обрызгал белым блестящим инеем концы ветвей, черные скелеты деревьев заискрились на солнце, и от этого, казалось, на хрустящем от холода воздухе стало еще сильнее щипать уши и нос. Мэт плотнее запахнул пальто и зашагал с видом человека, прекрасно знающего, куда он идет, хотя на самом деле он не имел об этом ни малейшего представления.

Положение Дэмиена было отнюдь не завидным. Трое дюжих молодцов позади него, размахивая руками, с грацией прима-балерин (не вполне ими освоенной) проскользили меж остановившихся машин и теперь, изворачиваясь и подскакивая, неслись через весь зал аэровокзала, не спуская глаз со своей заветной цели — с него, Дэмиена Льюиса Флинна. А впереди были таможенники, на вид ничуть не менее зловещие и также крепко сложенные. Ну, эти хоть не гнались за ним, а безучастно стояли, опершись на свои столы.

Дональд в сумке трепыхался, и Дэмиен уже не в первый раз пожалел, что в нужный момент у него не хватило духа придушить это милое создание. Но сейчас на это уже не было времени. Пожалуй, ему лучше попытаться счастья с таможенниками; по крайней мере, он не будет плавать вместе с рыбами в угрюмых глубинах нью-йоркской гавани и не станет несущим элементом железобетонного основания очередного небоскреба. Бросив взгляд назад, Дэмиен прошел через паспортный контроль и проследовал в зал таможни. Его преследователи резко остановились, превратившись в монолитную стену из черных пальто — трауре по сорванным планам подло разлучить его с пернатым другом. Дэмиен даже рискнул насмешливо им улыбнуться. Все как будто шло хорошо, и на какое-то мгновение он почувствовал облегчение.

Затем он приблизился к таможенникам, и Дональд закричал, видимо, в знак приветствия. Но таможенники не обратили на это никакого внимания.

— Пожалуйста, поставьте свой багаж на транспортер, сэр, — сказал Дэмиену самый высокий и плотный из них.

Дэмиен нервно сглотнул. Что ему делать? Рассказать все, как есть? Ладони у него вспотели, и он чувствовал себя так, как будто у него в сумке было двадцать два килограмма отборного героина класса «А», а вовсе не селезень, всеми своими утиными силенками стремящийся к свободе. Покончить с ним никак не удавалось, и он, как заколдованный, возникал все снова и снова в самый неподходящий момент. Не совершает ли он, Дэмиен, преступления, пытаясь вывезти птицу из страны? Вполне возможно. Или, может быть, обнаружив бриллиантовое кольцо, они решат, что он вор международного класса, специализирующийся на драгоценностях, и что Дональд — это прикрытие его подвигов на поприще контрабанды ювелирных изделий. Боже, попадись ему Джози сейчас, он убил бы ее, ведь именно из-за нее он попал в эту переделку!

— Ваш багаж, сэр, — повторил таможенник. За Дэмиеном уже выстроилась очередь, и на него начинали поглядывать.

Он бережно поставил кричащую сумку на транспортер и проследил, как черная металлическая труба рентгеновской установки поглотила ее.

— Сэр, — кивком подозвал Дэмиена один из таможенников, выглянув из-за створок ворот безопасности.

И когда Дэмиен проходил сквозь них, зазвенел сигнал тревоги, что чуть не вызвало у него сердечный приступ, потому что сердце и без того билось бешено. Может быть, и для Дональда это станет чрезмерным испытанием и у него случится разрыв сердца прямо в рентгеновском тоннеле, и тогда все титанические усилия Дэмиена пойдут насмарку? Охранник провел по нему металлоискателем.

— Ключи, — сказал он.

Губы Дэмиена приросли одна к другой.

— Что?

— У вас в кармане ключи, сэр.

— Ах да, верно, — выдавил Дэмиен. Он бросил ключи на поднос, и они громко звякнули. Затем уже без осложнений он прошел через ворота безопасности и направился к концу транспортера, где теперь уже трое таможенников сгрудились за спиной оператора.

— Сэр, вы знаете, что в своем багаже вы провозите птицу?

— Э... да.

— А вы знаете, что это является прямым нарушением правил провоза багажа, установленных Федеральной службой по борьбе с наркотиками?

— В самом деле? Даже не предполагал.

— Будьте добры, пройдемте с нами, сэр, — в один голос проговорили все три таможенника, и уже второй раз за этот день Дэмиена подхватили под локти и понесли куда-то, болтающегося, как лягушка.

— Боюсь, нам придется наложить арест на провозимую вами птицу, — веско сказал тот таможенник, что прижимал к своему боку сумку с Дональдом, крепко обхватив ее обеими руками. Из сумки высовывалась голова селезня, с интересом наблюдавшего за происходившим вокруг.

— Попытка контрабандного вывоза животных с территории Соединенных Штатов Америки является нарушением положений федерального законодательства.

Теперь Дэмиен сидел в комнатухе устрашающе больничного вида, практически без мебели и до того маленькой, что могла вызвать приступ клаустрофобии. Здесь было жарко, а он весь в грязи и подванивал, и из-за этого с каждой минутой раздражался все больше и больше. Он потянул за ворот рубашки, ослабив и без того болтающийся галстук. Он сидел, а таможенники стояли, угрожающе возвышаясь над ним. Дэмиен уронил голову на руки.

— Я уже говорил вам, — устало и невыразительно протянул он, чувствуя себя так, как будто изъясняется на чужом языке, — что имеется серьезная причина, по которой я хотел взять эту утку с собой в Англию. Я вовсе не пытался провезти ее контрабандой.

Последний раз такие лица он видел вырубленными в скале — эти были такими же непроницаемыми и напрочь лишенными эмоций.

— Мы с женой приехали сюда на свадьбу ее двоюродной сестры Марты. И, к сожалению, не по моей вине у нас с ней произошла небольшая размолвка.

— У вас с вашей женой?

— Да, — подтвердил Дэмиен, — такое, знаете, маленькое недоразумение, ну как бывает у влюбленных. Вы же понимаете, когда женат уже несколько лет... — Если они и понимали, то, во всяком случае, не выказали ни малейшего сочувствия. — И, — продолжил он, — к несчастью, жена бросила кольцо, которое я подарил ей в знак примирения, в озеро, где его и проглотила вот эта утка... эта птица — будь она неладна!

— И где же сейчас это кольцо?

Дэмиен жестом указал на Дональда:

— Внутри утки.

Трое таможенников переглянулись, не меняя каменного выражения лиц.

— С уткой можете делать, что хотите, — великодушно разрешил Дэмиен, — но я хочу получить свое кольцо. Жена очень расстроится, если решит, что оно потеряно.

— А где сейчас ваша жена, сэр?

Отвечать на этот вопрос надо было с осторожностью.

— Она уедет позже. Ей хочется провести еще один день в Нью-Йорке, походить по магазинам.

Таможенники опять посмотрели друг на друга.

— Звучит не очень убедительно? — Дэмиен неловко усмехнулся.

— Мы были бы рады поверить вашему рассказу про утку, сэр, — сказал один из таможенников. — Но все это и в самом деле напоминает скорее газетную утку, чем правду. — Остальные хмыкнули в знак согласия. — Однако, — он сделал эффектную паузу, — в вашей утке наша рентгеновская установка не выявила ни следа какого бы то ни было кольца, с бриллиантом или без.

Та кровь, что еще оставалась в лице Дэмиена, мгновенно отхлынула.

— Но оно должно быть там.

— Сожалею, сэр. Но если в вашей утке и есть что-то, то только... утиное дерьмо.

— Оно должно быть там! — Дэмиен резко поднялся, выхватил Дональда из портплекда и принялся неистово его трясти.

— Где же мое кольцо? — орал он.

Дональд громко закричал от боли.

— Можно еще раз пропустить его через рентген? — спросил Дэмиен. — Может быть, в вашем оборудовании что-то не сработало.

Это предложение не вызвало особого энтузиазма ни у одного из троих.

— Я имею в виду вашу рентгеновскую установку, — уточнил Дэмиен.

— Пройдемте сюда, сэр.

Дэмиен послушно проследовал в указанном ему направлении, и весь путь к рентгеновской трубе крепко держал Дональда под мышкой.

— Может быть, ему лучше просто сесть на транспортер, а не ехать в сумке? — предложил Дэмиен. — Возможно, картинка будет четче.

И, не дожидаясь разрешения, он плюхнул селезенья на ленту транспортера. Все четверо сгрудились у экрана сканера. И увидели все, что можно увидеть внутри утки. Они увидели утиные ребра, утиное сердце, утиные легкие и утиный желудок с самыми разнообразными кусочками и огрызками, но, как и сказали таможенники, в нем не было ничего, что хоть отдаленно напоминало бы кольцо с бриллиантом.

— Она у вас, наверное, неисправна. — Дэмиен грохнул кулаком по установке.

— Сэр, своими действиями вы можете нанести ущерб техническому оснащению таможенной службы, — схватил его за руку один из таможенников.

Дональд, отряхивая перья и переваливаясь, вышел из тоннеля. Дэмиену хотелось завывать от боли; вместо этого он упал на колени на пол аэровокзала.

— Этого не может быть, — произнес он, протирая глаза, — этого не может быть. Наверное, это не та утка. Наверное, я в темноте схватил не ту утку!

Таможенники опять переглянулись и пожали плечами.

— Сэр, — начал было один из них.

— Возьмите его! — сказал Дэмиен. — Он мне больше не нужен. Пристрелите его, отравите его газом, съешьте. Мне все равно. Я хотел сделать, как лучше, а вот как все обернулось. — Дэмиен прикрыл глаза. — Заберите его от меня.

Один из таможенников бережно унес Дональда.

Дэмиен посмотрел с пола вверх.

— Теперь мне можно идти?

— Не сейчас. Пожалуйста, пройдемте с нами, сэр. Остались еще кое-какие необходимые формальности.

Совершенно опустошенный, Дэмиен поплелся за ними обратно в крохотную комнатку и уселся на бескомпромиссно жесткий стул.

— Подождите здесь, пожалуйста, сэр.

— Мне можно позвонить?

— Все ваши права будут вам зачитаны через минуту-другую, сэр, — ответил ему один из таможенников, закрывая за собой дверь.

Как бы не так, подумал Дэмиен. Он позвонит Мелани. Должно же быть хоть что-то, за что ему можно было бы уцепиться во всей этой неразберихе, и этим «чем-то» будет она. Чуть-чуть везения, чуть-чуть его вкрадчивого флинновского обаяния — и она встретит его в аэропорту Хитроу с распростертыми объятиями. Дэмиен вытащил из кармана мобильный телефон, и из него пролился поток вонючей воды.

— Черт, — только и сказал Дэмиен, бросая его на стол.

В туалете таможенники, не спеша, курили свои вполне заслуженные сигареты. Дональд неотрывно следил за ними.

— Что нам с ним делать?

Сделав по последней затяжке, они затушили сигареты в пепельнице.

— Отпустим. Пускай ищет свое счастье под небом Нью-Йорка. Задерживать его нет необходимости.

Все трое рассмеялись:

— Кольцо с бриллиантом!

Один из таможенников подошел к запасному выходу и отодвинул защелку.

— Ладно, дружок, — сказал он, взяв Дональда и направляясь с ним к двери, — ты свободен и можешь лететь, куда хочешь. Поосторожнее только. Пока.

Быстро оглядевшись вокруг, Дональд прощально крикнул и послушно заковылял через дверь наружу на полоску газона, окружавшего аэровокзал.

— А теперь пошли-ка разберемся с тем парнем.

— Его надо как следует потрясти.

— За ним определенно что-то есть. Такие, как он, всегда что-то скрывают. Хотелось бы знать что.

— Кто проведет полный досмотр, ты или я?

Самый здоровенный, самый мускулистый, самый злобный и на вид самый несговорчивый из всех троих улыбнулся и потер руки. Его напарник пододвинул ему коробку с хирургическими перчатками с пометкой «Сверхбольшие», и он, выбрав себе пару, принялся натягивать на свои толстые пальцы кремовую резину, издавая смачные шлепки.

— Это удовольствие я приберегу для себя, — ответил он.

Уже с час Мэт бесцельно бродил по улицам, и ноги у него ныли, а телу требовалось вливание в виде чашки кофе или шоколада. Мимо него прошла группа суетливых японских туристов, оживленно переговаривавшихся и кивками извинявшихся перед ним за то, что нарушили его покой. Их миниатюрная девушка-гид, закутанная по случаю мороза в пуховик, громко лопотала что-то на своем языке и сильно размахивала зажатым в руке зонтиком, безуспешно стараясь собрать в кучку своих разбредавшихся по сторонам подопечных. Мэт взглянул вверх, чтобы узнать, что же заставило их с таким энтузиазмом щелкать фотоаппаратами. Он находился в конце Западной Семьдесят второй улицы, как раз напротив здания «Дакота» — в том месте, где Джон Леннон был грубо вырван из жизни выстрелом какого-то ненормального, называвшего себя его фанатом.

— О, Йоко Оно, — сказала гид и указала на здание.

— О, Йоко Оно, — эхом отозвались ее подопечные, широко улыбаясь и кивая головами.

Мэт улыбнулся своим мыслям. Говорят, она до сих пор живет здесь, и это явно волновало японцев, еще какое-то время щелкавших кнопками затворов.

Мэт поглубже засунул руки в карманы. И после смерти Джона жизнь продолжается. Умер один из величайших поп-идолов нашего времени, а жизнь идет своим чередом, дерьмовые группы играют свои дерьмовые кавер-версии, а разочарованные в жизни и в людях журналисты из мало кому известных изданий кропают вымученные статьи о том, какое воздействие он оказал на жизнь и творчество других людей, — в остальном же все, как и прежде. Одни песни стремительно вылетают из списков самых популярных хитов, другие, такие же лишённые всякой мелодии, приходят им на смену. Страницами со статьями выстилают мусорные ведра, а люди, хорошо знавшие творчество Джона Леннона и по-настоящему любившие его, продолжают жить, кто как может.

Он перешел улицу, неторопливо лавируя между машинами, ехавшими вдоль западной части Центрального парка. Жизнь после потери Джози тоже будет идти своим чередом. Будут в ней блондинки и брюнетки, с хорошим характером и с плохим. Может быть, кто-то даже не захочет его отпускать. И возможно, он уже не будет так беспечен и постарается не потерять эту женщину. Может быть, они не будут так уж идеально ему подходить, но в его жизни будут и другие женщины, и со временем, прочитав несколько популярных книжек по психологии, написанных с целью возвращения запутавшихся вконец олухов на путь истинный, он уже не сотворит такой хренотени, как теперь с Холли.

Он забрел в Центральный парк, расстилавшийся перед ним как прекрасный зеленый ковер, каким-то чудом оказавшийся в магазине подержанных вещей. Воскресное утро в парке. Хозяева, прогуливающие своих собак, велосипедисты, взрослые и дети на роликовых коньках — всех их притягивал к себе этот небольшой островок зелени, где еще можно вдохнуть воздух полной грудью без риска задохнуться от угарного газа. Мороз все еще был довольно ощутимым, и, шагая, Мэт мог видеть свое дыхание. Теперь он был на Земляничных полях — в небольшом садике на склоне холма, разбитом в память о Джоне Ленноне. Мирный уединенный уголок, такие уголки трудно найти в городе, где подобная роскошь практически отсутствует и потому ценится особенно высоко. Тут Мэт остановился, чтобы навести порядок в своих мыслях.

Он видел парочки с покрасневшими носами, закутанные до ушей, держащиеся за руки и

смеющиеся, не замечая ничего вокруг себя. Ему вдруг стало тоскливо-больно: почему все кругом воркуют, как голубки, счастливые от того, что рядом с ними любимый человек, а он страдает в одиночестве? Почему одним легко обрести любимую, а другим так трудно? Как это некоторым удается безболезненно и плавно переходить от одной любовной связи к другой, мягко входя в чужую жизнь, как они умудряются не задевать за острые кромки и углы, избегая выяснения отношений? Как это одни так выстраивают свои отношения с партнером, что совпадают с ним как части мозаики, четко соединяясь пазами и выступами, а другие (то есть такие, как он) беспорядочно крутятся вокруг друг друга, как ячейки кубика Рубика, пока не иссякнет интерес или не опустятся руки и они не останутся ни с чем, поверженные и опустошенные, растратив силы впустую. И почему они, поняв, что встретили ту, с которой может сложиться их жизненная мозаика, оказываются такими идиотами, что теряют адрес ресторана, где должно состояться свидание? Размышлять об этом было слишком больно, и Мэт направился к ближайшей свободной скамейке, на которую и сел, один, стараясь ни о чем не думать.

Джози довольно легко нашла пункт проката велосипедов, где ей вручили типично американский параноидальный список того, что она делать может, а чего не может, и, взяв там дохленький велосипед и обязательный шлем, нужный ей как собаке пятая нога, направилась в сторону Центрального парка. Ветер играл ее волосами, и она старалась не думать о том, сколько же времени прошло с тех пор, когда она в последний раз садилась на велосипед.

С риском для жизни и для конечностей она пересекла Коламбес Серкл и въехала в парк, вихляя колесами — и из-за отсутствия практики и от слабости скованных алкоголем мышц.

Попав в парк, она ощутила себя в другом мире. Шум несущихся автомобилей стих, уступив место звукам детского смеха, глухим ударам кожаного мяча по бейсбольной бите и свисту воздуха, рассекаемого любителями роликовых коньков. Здания, теснившиеся за пределами парка, завистливо заглядывали в него поверх верхушек обнаженных деревьев, густо посаженных по периметру, что позволяло лучше видеть нежный прямоугольник такой драгоценной зелени. Прохладный воздух, пронесившийся мимо ее головы, выдувал остатки паутины, окутывавшей мозг, и прояснял мысли. Господи, то, что произошло вчера, просто ужасно. Сначала исчезают Марта и Глен, потом ниоткуда появляется Дэмиен — это больше походит на съезд Союза магов, чем на свадьбу.

Подумав о Дэмиене, теперь, когда прошло достаточно времени после вчерашних неприятностей, она почувствовала себя просто ужасно. А что, если он — конечно, по-своему, в своей показной манере — попытался быть искренним с ней? Что, если это кольцо с бриллиантом — баснословно дорогой знак его любви к ней, а не какая-то дешевая побрякушка? Наверное, ей не следовало так вести себя с ним. Может быть, Дэмиен и лгун, и обманщик, и развратная свинья, но и в нем может быть что-то хорошее.

Ноги ее обрели давно позабытый ритм, и она быстро въехала в парк, полная решимости возродить к жизни свой потрепанный организм, хотя чувствовала она себя просто трупом, да к тому же трупом остывающим. Она пронеслась мимо ленивых туристов в ярко расписанных повозках, влекомых лошадьми, утомленными однообразием маршрута по парку, по которому они проходили уже тысячи раз. Каток был заполнен семейными парами, закутанными в шерстяные шарфы и в перчатках, и их детьми, с трудом удерживающими равновесие и уверенными, что с ними ничего не случится, поскольку рядом родители, настолько же

нетвердо стоящие на коньках, которые за ручку провезут их по скользкой поверхности. У Джози вдруг от одиночества сжалось сердце. Конечно, хорошо и достойно жить одной и быть самодостаточной, но ведь такие вот маленькие радости и есть самое большое счастье в жизни. Так или иначе, но ей надо снести возведенные ею вокруг себя оборонительные сооружения, иначе никто так и не сможет проникнуть внутрь ее скорлупы и не найдет спрятавшуюся там настоящую Джози. Разве не лучше любить открыто и свободно, даже с риском того, что тебе сделают больно, чем отказаться от возможности испытать это чувство, не давая себе воли? Она посмотрела на деревья вокруг. На смену резкой обнаженности зимы уже шла свежесть весны, лопающиеся почки, цветение и обновление. Таков порядок вещей в природе, и вам остается только принять его. Но сказать легко, сделать-то гораздо труднее!

Отгнав от себя эти мысли, Джози поднажала на педали и поехала по парку. Благодаря физической нагрузке кровь быстрее побежала по жилам, согревая ее, и она порадовалась, что приехала сюда. Возможно, Центральный парк — это и в самом деле островок относительного спокойствия в этом беспокойном городе, однако ньюйоркцы не могут просто так ничего не делать, и на каждом квадратном сантиметре гранитного основания парка и его газонов с низкорослой травой кто-то чем-то занимался. Она проехала по главной аллее, прямой дороге, обсаженной американскими вязами, вдоль которой располагались скульптурные изображения выдающихся борцов за освобождение страны, а затем повернула налево и поехала по краю Овечьей лужайки — участка, где запрещено все более шумное, чем скромный пикник.

Теперь лицо ее горело румянцем, в венах звенела пульсирующая энергия, а легкие горели от непривычного усилия. Обычно воскресное утро она проводила лежа в постели с тостом и чаем, «Воскресным обзрением» и Котом-Ранее-Известным-Как-Принц. Теперь каждое воскресенье она будет рано вставать и совершать такие прогулки на велосипеде. Нет, наверное, все же не каждое.

Джози замедлила движение, дав немного отдохнуть ногам. Перед ней был небольшой сад, разбитый на склоне холма, и она остановилась у низкой ограды, собираясь немного передохнуть, прежде чем исследовать этот парк дальше. Она соскочила с велосипеда и, расстегнув заклепку, тряхнула волосами, и они упали ей на плечи. Она прислонила велосипед к ограде и направилась вверх по пологому склону, надеясь, что, когда она вернется, взятое ею напрокат транспортное средство будет ждать ее на том же месте.

Зимние деревья казались редкими и тянули к ней свои ветви с побеленными инеем пальцами. Ветер пошевелил их, и они заискрились, придав всей картине очарование сказки. Осмелевшее солнце стало согревать ей щеки. Джози испустила вздох и почувствовала, как из тела ушла часть сковывавшего его напряжения. Здесь было хорошо. И жить тоже было хорошо. Хорошо быть молодой, бодрой и здоровой. И чтобы лучше это прочувствовать, временами надо подвергать свое тело таким вот физическим испытаниям.

На вершине холма в земле была большая серо-белая доска в виде звезды, в середине которой было написано «Представь себе». В атмосфере этого места был разлит мир и покой, и теперь она поняла, почему это так. Джози обхватила себя руками и огляделась. Вокруг не было никого, за исключением взлохмаченного, небритого мужчины, одиноко сидящего напротив нее. Голова его свесилась, почти лежала на груди, и весь его вид говорил о том, что он глубоко погружен в свои мысли. Она сделала движение к доске, и мужчина поднял голову.

— Джози? — спросил он.

Джози внимательно вглядывалась в него, но не могла поверить глазам.

— Мэт?

Встав, он неуверенно двинулся к ней.

— Джози.

От холода она давно хлюпала носом, теперь же еще и глаза защипало, и из них полились горячие слезы, а в горле защекотало от радостного смеха.

— Мэт!

Он стоял перед ней, совершенно ошеломленный.

— Поверить не могу, неужели это ты?

Они стояли друг напротив друга не двигаясь.

Мэт потрянул головой:

— Я ведь обыскал весь этот Богом обласканный город, пытаюсь найти тебя!

— Правда?

— Я уже думал, что потерял тебя.

Джози шмыгнула носом, втянув обратно и слезы, готовые вот-вот пролиться из глаз.

— Ты просто не поверишь, через что я прошел, пока искал тебя. — Он рассмеялся, все еще не совсем веря глазам. — Я побывал на двух свадьбах. Меня, как боксерскую грушу, измолотили невообразимо мерзкие молокососы из одной рок-группы, да и твой муж...

— Бывший муж, — поправила она.

Мэт с облегчением засмеялся:

— Ты не представляешь, как я рад это слышать.

— И ты прошел через все это, ища меня? — спросила его Джози.

— Да, и через многое другое, ты просто не поверишь, через что... — Он осекся. — И вот ты здесь.

— Да, — отозвалась Джози.

Он подошел, обнял ее и, оторвав от земли, поднял на воздух и закружил.

— А я решила, что не нужна тебе, — выдохнула Джози.

Осторожно поставив ее на землю, он взял ее лицо в свои руки.

— О чем ты говоришь! Чтобы все исправить, мне пришлось спуститься в ад и вернуться обратно, сюда, на Лонг-Айленд.

Мэт притянул Джози к себе, прижал к груди, и она потерялась в складках его измятого пальто, пальто не особенно удачливого рок-журналиста.

— Я ни за что тебя больше не упущу. Никогда. — Он закусил губу. — Поверить не могу, что говорю такие слова, — пробормотал он. — Тебе, наверное, хочется накричать на меня, садануть по голени или в пах... — Он глубоко вздохнул. — Я люблю тебя!

Джози не знала, смеяться ей или плакать.

— Я тоже тебя люблю.

Они крепко сжали друг друга в объятиях, давая молчаливое обещание любить и уважать друг друга во все дни жизни своей. В горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии.

И, поглощенные своим счастьем, они не замечали, как позади них по Земляничным полям вразвалочку безмятежно шествовал небольшой, ничем не примечательный селезень. И вот, с некоторым напряжением, он наконец сумел освободить свой кишечник от какого-то предмета, беспокоившего его уже несколько часов, и испытал чувство огромного облегчения. Радостно крикнув, Дональд отправился на поиски подходящего водоема, оставив

после себя кучку испражнений и лежащее в ней кольцо с бриллиантом, довольно большим и... довольно грязным.

Мэт немного отодвинул от себя Джози и, посмотрев на нее влажными от слез глазами, сказал:

— Представь только, я встретил тебя здесь!

Джози рассмеялась сквозь слезы и легко провела пальцами по щеке Мэта.

— Представляю, — сказала она.

А где-то в небесах над Центральным парком неслышно запел Джон Леннон...

Меганелмс

Кэрол Мэттьюс

В радости и в горе

— А моя жена на следующей неделе снова выходит замуж. Причем церемония состоится в той же самой церкви!

Лица обоих приобрели унылое выражение.

— Можно было бы и подольше поносить траур по нашему браку, — пробормотал он. — Но она не умеет ждать.

— Некоторым нравится постоянно повторять слова брачной клятвы, твердить «навсегда, навсегда».

— Тут причина более серьезная: она беременна.

Джози скривила лицо.

— Близнецами.

— Однако.

Оба выпили по глотку.

— Ну что ж, на ней хотя бы будет другое платье.

ISBN 5-353-01595-9

9 785353 015956

ОНА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Джон Леннон был убит 8 декабря. *(Здесь и далее прим. ред.)*

Бьорк — эксцентричная исландская певица.

Auf wiedersehen (*нем.*) — до свидания.

Adieu (*фр.*) — до встречи.

Расхожая характеристика Нью-Йорка.

Pronto (*исп.*) — прямо здесь.

Arriba (*исп.*) — приехали.

Богарт, Хамфри — звезда американского кино 30—50-х годов, один из самых знаменитых фильмов с его участием — «Касабланка».

Фильм Виктора Флеминга, США, 1939 год. Герои этого фильма в России известны по книге А. Волкова «Волшебник Изумрудного города».

Американцы футбол называют «соккер».

Основные цвета: красный, желтый, синий.

Hablo español (*исп.*) — Говорю по-испански.

Moi aussi (*фр.*) — И я тоже.

Dos cervezas, por favor (*исп.*) — Двойная оплата, пожалуйста.

Есть английская пословица: «Нет смысла горевать о пролитом молоке», т. е. не стоит сожалеть о непоправимом.

Прогрепевший на всю Америку случай, когда жена оскопила своего мужа.

Песенка из мюзикла «Звуки музыки». *(Прим. перев.)*